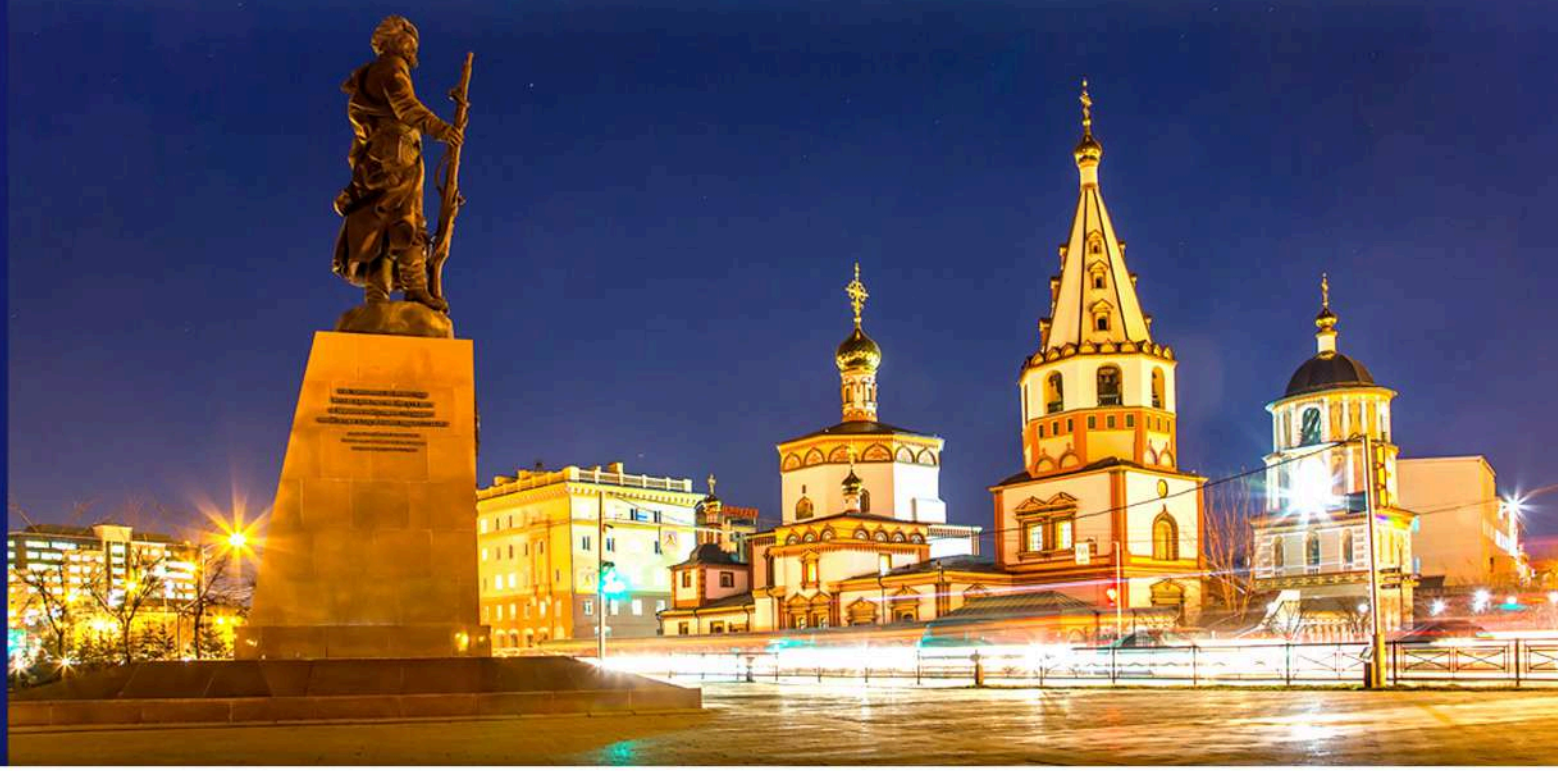
ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

CC BY

№1 (112)

2025

Иркутск

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 1 (112) 2025

Учредитель: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.
Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 38836
Издается с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
Адрес типографии: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
Тел./факс (3952) 410-215
e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru
www.vestnikesiirk.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:
О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:
А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доц., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Ответственный секретарь:
Р. Р. Мухина, главный редактор научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:
А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., исполняющий обязанности ректора Байкальского государственного университета
Ю. В. Гаврилин, д-р юрид. наук, проф., зам. начальника управления научных исследований – начальник отдела организации научных исследований ЭКЦ МВД России
Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России
А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области
В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета
И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета
И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета
В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия
С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета
Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета
Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета
З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД РК имени Баримбека Бейсенова
Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)
В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета
А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.
Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.
Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29 марта 2025 г. Дата выхода в свет 31 марта 2025 г.
Цена свободная
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 38,0.
Тираж 1000 экз.
Первый завод 45 экз. Заказ № 10
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK
OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 1 (112) 2025

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)
PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016
The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
Since June 1997
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, 110 Lermontov St.
Tel./fax (3952) 410-215,
e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru
www.vestnikesiirk.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2025

Editors

Chief Editor
***O. A. Avdeeva*,** Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor
A. N. Shalamova, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Executive Secretary:
R. R. Mukhina, Editor-in-Chief of the Research and Editorial and Publishing Department of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board
***A. V. Vardanyan*,** Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor,
Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation
***O. P. Gribunov*,** Doctor of Law, Professor, Acting Rector of Baikal State University
Yu. V. Gavrilin, Doctor of Law, Professor Deputy Head of the Scientific Research Department - Head of the Scientific Research Organisation Department of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
***B. Y. Gavrilov*,** Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation
***A. Yu. Golovin*,** Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region
***V. S. Ishigeev*,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University
***I. V. Minnikes*,** Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University
I. A. Minnikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University
***V. V. Nikolyuk*,** Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice
S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the centerof the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
***S. V. Parkhomenko*,** Doctor of Law, Professor, ead of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
***A. L. Repetskaya*,** Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University
***E. V. Rogova*,** Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
***I. V. Smolkova*,** Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University
***D. A. Stepanenko*,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University
***Z. S. Tokubaev*,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov
***N. N. Tsukanov*,** Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
***V. V. Chuksina*,** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University
***A. V. Shakhmatov*,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.
Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.
The republication is allowed after the Editorial board permission only.
Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 29 th March 2024. Publication date 31 th March 2025.
Price: free
Format 60 × 84/8
Conventional printed sheets 38,0. Issue 1000 copies Fist issue 45 copies. Order No. 10
Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Авдеева О. А., Авдеев В. А. Суверенитет государства и правовые меры обеспечения мира и безопасности в национальном праве (ретроспективный анализ) 9
Егоров А. А. Соотношение морали и права в контексте естественно-позитивной теории права В.М. Шафирова: альтернативное прочтение 26
Дашко Л. В., Пеньков В. В., Синюк В. Д., Шеков А. А. Создание и развитие пожарно-технической экспертизы в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России 35
Карпухина А. Д. Культурные аспекты формирования авторских прав во Франции: влияние философии просвещения и революционных процессов 54
Сысоев А. А. Лихоимство как проявление должностной преступности на территории восточной Сибири в конце XVII-начале XVIII столетий 66
Черных В. В. Противоречивая обусловленность зарождения и развития системы пожарной безопасности на Руси 80
Чернигова В. В. Теоретико-исторические основы в исследовании понятия «юридическая техника» 91

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Власова Е. Л., Фидель П. М. Зарубежный опыт административно-правового регулирования профилактики насилия в семье и возможности его использования в Российской Федерации 100
Миннигулова Д. Б. Правовое регулирование оценки эффективности исполнения государственных контрактов (на примере системы МВД России): постановка проблемы 114
Новичкова Е. Е., Иванова С. И. Унификация процедур освидетельствования на состояние опьянения при производстве по делам об административных правонарушениях 129
Фомичев А. А. Об общих принципах защиты нравственности в Конституции России и конституциях зарубежных государств 139
Шестак В. С., Введенская В. В. Механизм административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства 153

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Вытовтов А. Е. Проблемы при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности по выявлению налоговых преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации 164
Деменченок О. Г., Баранов С. А. Выбор интервала наблюдения для криминологического интервального прогнозирования 176
Завьялов А. Н., Юрковский А. В. Роль и значение служб собственной (внутренней) безопасности в противодействии коррупции в правоохранительных органах 187
Ивушкина О. В. Детерминанты преступности несовершеннолетних как делинквентного поведения их личности 197
Кобец П. Н. Анализ взаимодействия зарубежных правоохранительных структур и населения по обеспечению общественной безопасности и профилактике преступности 208
Лисаускайте В. В. «Командная ответственность» и военные преступления: вопросы юридической оценки 222
Михайлова Т. Н. Ретроспективный анализ становления и развития ювенального уголовного судопроизводства России 230
Оганесян Г. В. Необходимость выделения понятия организованной преступности и ее определение 242
Панкратьев А. Н. Классификация налоговых преступлений 255
Семенчук В. В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности антимонопольными органами для противодействия картельным соглашениям 262
Усачева Е. А., Усачев С. И. Теоретические и практические вопросы назначения и производства судебной фоноскопической экспертизы 276
Фомина И.А. Виктимизация: процесс и результат 285

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 299

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Avdeeva O. A., Avdeev V. A. State sovereignty and legal measures to ensure peace and security in national law (retrospective analysis) 9
Egorov. A. A. Correlation of morality and law in the context of V.M. Shafirov's natural-positive theory of law: an alternative reading..... 26
Dashko L. V., Penkov V. V., Sinyuk V. D., Shekov A. A. Creation and development of fire-technical expertise in forensic science units of the ministry of internal affairs of Russia..... 35
Karpuhina A. D. Cultural aspects of copyright formation in France: the influence of the philosophy of the enlightenment and revolutionary processes 54
Sysoev A. A. Extortion as a manifestation of official crime on the territory of Eastern Siberia in the late XVII-early XVIII centuries 66
Chernykh V. V. The contradictory conditionality of the origin and development of the fire safety system in Russia 80
Chernegova V. V. Theoretical and historical foundations in the research of the concept «legal technique » 91

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)

Vlasova E. L., Fidel P. M. Unification of procedures for examining the state of induction in proceedings on cases of administrative offenses..... 100
Minnigulova D. B. Legal framework for assessing the success of government contracts (illustrated by the Russian ministry of internal affairs system): problem statement 114
Novichkova E. E., Ivanova S. I. Unification of procedures for examining the state of induction in proceedings on cases of administrative offenses..... 129
Fomichev A. A. The general principles of the protection of morality in the constitution of Russian Federation and the constitutions of foreign states..... 139
Shestak V. S., Vvedenskaya V. V. The mechanism of administrative and legal support for the implementation of the cultural function of the state..... 153

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Vitovtov A. E. Problems in carrying out the tasks of operational investigative activities to identify tax crimes by operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation..... 164

Demenchenok O. G., Baranov S. A. Selection of the observation interval for criminological interval forecasting 176
Zavyalov A. N., Yurkovsky A. V. The role and importance of internal security services in the fight against corruption in law Enforcement agencies 187
Ivushkina O. V. Determinants of juvenile delinquency as delinquent behavior of their personality 197
Kobets P. N. Analysis of interaction between foreign law enforcement structures and the population in ensuring public safety and crime prevention 208
Lisauskaite V. V. «Command responsibility» and military crimes: legal assessment issues 222
Mikhailova T. N. Retrospective analysis of the formation and development of criminal juvenile proceedings in Russia 230
Oganesyan G. V. Need to apply the concept of organized criminal activity when defining the concept of organized crime 242
Pankratev A. N. Classification of tax crimes 255
Semenchuk V. V. Prospects for using the results of operative and investigative activity by antimonopoly bodies to counteract the cartel agreements 262
Usacheva E. A., Usachev S. I. Theoretical and practical issues of appointing and conducting forensic phonoscopic examination 276
Fomina I. A. Victimization: process and outcome 285

INFORMATION FOR AUTHORS 299

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 9–25.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no. 1 (112). Pp. 9–25.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.1

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

Авдеева Ольга Анатольевна [1], Авдеев Вадим Авдеевич[2]
[1]Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
[2]Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
[1]Avdeeva_O_A@mail.ru
[2]vadim.avdeevich@mail.ru

Введение. В статье исследованы теоретико-методологические подходы к пониманию суверенитета как неотъемлемого признака государства, определяемого как суверенитет воли народа, выступающего источником государственной власти, суверенитет государственного аппарата власти как носителя публичной власти, суверенитет территориальной организации публичной власти, обеспечивающей единство и целостность государства. Проведен анализ правовой политики, проводимой Россией по обеспечению суверенитета и национальной безопасности. Определены причины и этапы законодательной регламентации в национальном праве ответственности за преступления против мира и безопасности человечества.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы, которые позволили раскрыть теоретико-методологические основы понимания суверенитета государства, осуществить анализ проводимой Россией правовой политики по обеспечению национальной безопасности, определить причины и этапы законодательной регламентации в национальном праве ответственности за преступления против мира и безопасности человечества.

Результаты исследования. Раскрыто многообразие подходов к пониманию суверенитета как признака государства. Рассмотрено понятие суверенитета воли народа и государственного аппарата власти как источника и носителя государственной власти. Определены принципы обеспечения суверенитета государства как территориальной организации публичной власти, обеспечивающей его единство и целостность. Обозначены причины и выделены этапы правовой политики, проводимой Россией по обеспечению суверенитета и национальной безопасности в контексте обеспечения мира и безопасности человечества.

Выводы и заключения. На современном этапе правового регулирования существенное значение отводится дальнейшему совершенствованию законотворческого процесса и развитию средств юридической техники, позволяющих на законодательном уровне своевременно реагировать на новые вызовы, обусловленные качественно новым этапом в развитии международных и межгосударственных отношений, сопряженным с обновлением мирового устройства и создающим существенные угрозы в сфере сохранения и поддержания суверенитета государства. Происходящая трансформация международных отношений, повлекшая изменение как

© Авдеева О. А., Авдеев В. А., 2025

архитектоники мироустройства, так и структуры мирового порядка, спровоцировала наращивание локальных конфликтов и угроз, способствующих снижению уровня системы глобальной и национальной безопасности. Декларируемые рядом иностранных государств военно-политические концепции подтверждают их стремление к увеличению очагов геополитической конфликтности. Одной из мер стратегического планирования является последовательная правовая политика государства по формированию и своевременной модификации правовых средств обеспечения суверенитета государства, мира и безопасности как отдельных народов и государств, так и человечества в целом. Ключевыми направлениями, способствующими решению современных проблем в сфере обеспечения мира и безопасности человечества, следует признать противодействие негативным тенденциям, связанным с развитием неонацизма, реабилитацией неофашизма, пропагандой геноцида, экстремистской идеологии, христианофобии, исламофобии, антисемитизма.

Ключевые слова: государство, суверенитет государства, национальная безопасность, правовая политика, безопасность мира и человечества

Для цитирования: Авдеева О. А., Авдеев В. А. Суверенитет государства и правовые меры обеспечения мира и безопасности в национальном праве (ретроспективный анализ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 9–25.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

STATE SOVEREIGNTY AND LEGAL MEASURES TO ENSURE PEACE AND SECURITY IN NATIONAL LAW (RETROSPECTIVE ANALYSIS)

Olga A. Avdeeva [1], Vadim A. Avdeev [2]
[1]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation
[2]Yugra State University Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansiysk, Russian Federation
[1]Avdeeva_O_A@mail.ru, [2]vadim.avdeevich@mail.ru

Introduction: The article examines theoretical and methodological approaches to understanding sovereignty as an integral feature of the state, defined as: sovereignty of the will of the people, acting as the source of state power; sovereignty of the state apparatus of power as the bearer of public power; sovereignty of the territorial organization of public power, ensuring the unity and integrity of the state. The analysis of the legal policy pursued by Russia to ensure sovereignty and national security is carried out. The reasons and stages of legislative regulation in national law of responsibility for crimes of peace and security of mankind are defined.

Materials and Methods. In the course of the study were used general scientific and private-scientific methods, which allowed to reveal the theoretical and methodological foundations of understanding the sovereignty of the state, to analyse Russia's legal policy to ensure national security, to determine the causes and stages of legislative regulation in national law of responsibility for crimes against peace and security of mankind.

The Results of the Study. The diversity of approaches to the understanding of sovereignty as a feature of the state is revealed. The concept of sovereignty of the will of the people and the state apparatus of power as a source and carrier of state power is considered. The principles of ensuring the sovereignty

of the state as a territorial organisation of public power that ensures its unity and integrity are defined. The reasons are outlined and the stages of the legal policy pursued by Russia to ensure sovereignty and national security in the context of ensuring peace and security of mankind are highlighted.

Findings and Conclusions. At the current stage of legal regulation, a significant importance is assigned to further improvement of the lawmaking process and development of legal techniques that allow at the legislative level to respond in a timely manner to new challenges caused by a qualitatively new stage in the development of international and interstate relations, associated with the renewal of the world order and posing significant threats to the preservation and maintenance of state sovereignty. The ongoing transformation of international relations, which has led to changes in both the architectonics of the world order and the structure of the world order, has provoked an increase in local conflicts and threats that contribute to the reduction of the level of global and national security. Military-political concepts declared by a number of foreign states confirm their desire to increase the hotbeds of geopolitical conflict. One of the measures of strategic planning is a consistent legal policy of the state on the formation and timely modification of legal means to ensure the sovereignty of the state, peace and security of both individual peoples and states, and humanity as a whole. Countering negative trends associated with the development of neo-Nazism, the rehabilitation of neo-fascism, the propaganda of genocide, extremist ideology, Christianophobia, Islamophobia and anti-Semitism should be recognised as key areas contributing to the solution of contemporary problems in the sphere of ensuring peace and security of mankind.

Keywords: state, sovereignty of the state, national security, legal policy, security of the world and humanity

For citation: Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Suverenitet gosudarstva i pravovye mery obespecheniya mira i bezopasnosti v nacional'nom prave (retrospektivnyj analiz) [State sovereignty and legal measures to ensure peace and security in national law (retrospective analysis)]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no 1 (112), pp. 9–25.

На современном этапе правового регулирования существенное значение отводится дальнейшему совершенствованию законотворческого процесса и развитию средств юридической техники, позволяющих на законодательном уровне своевременно реагировать на новые вызовы, обусловленные качественно новым этапом в развитии международных и межгосударственных отношений, сопряженным с обновлением мирового устройства и создающим существенные угрозы в сфере сохранения и поддержания суверенитета государства. Происходящая трансформация международных отношений, повлекшая изменение как архитектоники мироустройства, так и структуры мирового порядка, спровоцировала наращивание локальных конфликтов и угроз, способствующих снижению уровня системы глобальной безопасности. Декларируемые рядом иностранных государств военно-политические концепции подтверждают их стремление к увеличению очагов геополитической конфликтности. Одной из мер стратегического планирования в этой связи признана модернизация правовой политики государства в сфере обеспечения мира и безопасности как отдельных народов и государств, так и человечества в целом.

Актуальность данной проблемы подтверждается проведенным анализом материалов официальной статистики, в ходе которого выявлен неуклонный рост числа осужденных в Российской Федерации за преступления против мира и безопасности человечества. Негативная динамика показателей осужденных за преступления против мира и безопасности человечества подтверждается показателями, составившими в: 2011 г. – 0 чел. (0,0 %, 2013 г. – 0 чел. (0,0 %), 2014 г. – 0 чел. (0,0 %), 2015 г. – 0 чел. (0,0 %), 2016 г. – 4 чел. (0,0005 %), 2017 г. – 5 чел. (0,00071 %), 2018 г. – 3 чел. (0,00045 %), 2019 г. – 1 чел. (0,00016 %), 2020 г. – 9 чел. (0,0016 %), 2021 г. – 30 чел.

(0,0053 %), 2022 г. – 29 чел. (0,005 %), 2023 г. – 54 чел. (0,0097 %), первом полугодии 2024 г. – 25 чел. (0,0099 %)[1]. При этом, если в первом полугодии 2023 года осуждению за указанные деяния подлежало 25 человек исключительно по статье 354[2] УК РФ[3], т. е. за реабилитацию нацизма, в частности по части первой, были осуждены 5 человек, частям второй, третьей и четвертой – 8, 3 и 9 человек соответственно, то в первом полугодии 2024 года из числа 25 осужденных по частям первой, второй, третьей и четвертой привлечены 1, 10, 2 и 11 человек соответственно и имеет место осуждение 1 лица за деяние, предусмотренное частью 1 статьи 361 УК РФ. Данные показатели также подтверждают негативную тенденцию, связанную с осуждением за реабилитацию нацизма лиц, совершивших деяние при наличии квалифицированных и особо квалифицированных признаков.

Принимая во внимание вышеобозначенную тенденцию, законотворческие органы осуществляют активную деятельность по поиску наиболее оптимальной в условиях сложившихся политико-правовых и социально-экономических реалий модели правового регулирования, способствующей установлению миропорядка, создающего основу для устойчивого и прогрессивного развития общества [1, с. 9–19]. Учитывая активизацию правотворческой деятельности в указанной сфере общественных отношений, в качестве одного из приоритетных направлений стоит отметить последовательную модификацию законодательной формулы, регламентирующей формы и виды юридической ответственности, информационно-правовые средства и организационно-практические меры ее реализации. Отмеченная потребность в совершенствовании законодательной формулы, их регулирующей, предопределила обращение к правовому опыту, позволяющему раскрыть специфику правового регулирования на разных этапах развития государства.

Анализируя особенности правовой политики в сфере обеспечения мира и безопасности, следует подчеркнуть, что формирование и развитие миропорядка предполагает решение одного из ключевых вопросов, касающегося принципов взаимодействия государств, характеризующихся различным уровнем и характером публично-властных отношений. В качестве одного из основополагающих факторов выступают принципы территориальной организации публичной власти, предопределяющие основания взаимодействия государств [2; 3; 4]. Государственно-правовое строительство неизбежно сопровождается реализацией правовой политики по расширению территориального пространства, что сопряжено с разработкой правовых основ взаимодействия с иными государствами и народами, находящимися на разных стадиях политико-правового и социально-экономического развития [5; 6; 7].

Процесс государствообразования характеризуется совокупностью как внутренних, так и внешнеполитических факторов. С момента появления первых государств активно реализуется политика имперского государственного строительства, которая предполагает целенаправленную захватническую внешнеполитичесую деятельность по расширению государственных границ [8; 9]. Реализуя меры по обеспечению публично-властных отношений на новозавоеванной территории, государство использует различные модели

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8775 (дата обращения: 22.12.2024).

[2] Там же.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.12.2024).

с учетом демографических, этнонациональных особенностей и природно-ресурсного потенциала.

Имперское государство представляет собой сложное политическое образование, созданное в результате проведения активной внешней экспансии, в ходе которой в рамках значительного географического пространства происходит объединение народов, которые, помимо того, что находятся на различном уровне развития экономики и культуры, имеют отличную от имперского центра религиозную принадлежность и используют исторически сложившиеся национальные системы государственного управления. Имперский характер организации государственной власти предопределяет форму политико-территориального устройства, при которой ведущей стратегией во внешней политике является колониализм, предусматривающий «эксплуатацию и угнетение колониальных народов», признаваемых в качестве «живого человеческого материала, пригодного для выколачивания прибыли» [10; 11; 12; 13].

Осуществление колониальной политики предполагает формирование двух уровней публично-властных отношений, в частности: внутри метрополии, между метрополией и государствами и народами, обращенными в колониальную зависимость. Принципы взаимодействия «имперского центра» с «колониальными территориями» носят также различный характер, что предопределяет многообразие форм «колониального закабаления» в виде аннексии, протектората, а также путем закрепления статуса «заморских колоний» или доминиона. Например, в период «великих географических открытий» широкое распространение получили аннексия и образование «заморских колоний» ввиду направленности внешней политики на реализацию экономических интересов, наращивание промышленного потенциала путем как вывоза потерявших спрос на внутреннем рынке, так и использования колонии как источника сырья и дешевой рабочей силы, что сопровождалось либо искоренением туземного населения, либо активизацией работорговли. Таким образом, в период империостроительства в мировом сообществе активно используется война как средство достижения внешнеполитической цели и формируется колониальная система.

С учетом правового опыта античного периода идея об объединении государств в борьбе с колониализмом и создании международного представительного органа для установления глобального мира неоднократно освещалась на протяжении Нового времени в трудах философов, историков и правоведов [14]. В оформлении понятия государственного суверенитета существенную роль сыграло учение Ж. Бодена, который рассматривал его в качестве непременного условия существования государства как такового. [15, с. 157–169]. По мнению мыслителя, независимость государства предполагает абсолютную его власть во всех делах государственного значения, отличающуюся постоянством во времени.

В работах Г. В. Ф. Гегеля как продолжателя идей Ж. Ж. Руссо, И. Канта и И. Бентама указывалось, что государственный суверенитет стоит рассматривать с точки зрения внутренней и внешнеполитической самостоятельности принятых публично-властных решений [16]. Анализируя «внешнее государственное право», заключающееся в оформлении отношений с иностранными государствами, мыслители писали о суверенитете как неотъемлемом признаке государства, определяющем его правосубъектность в международном масштабе. Одной их ведущих концепций, которую отстаивали ученые, являлось установление со стороны государств трансграничной координации. Это положило начало созданию первых межправительственных организаций. Например, оформление коммуникаций на международном уровне наметилось в области судоходства (Дунайская комиссия 1856 г.), телеграфного дела (Международный телеграфный союз (1865 г.), которые преимущественно были ориентированы на интернационализацию норм, регулирующих актуальные сферы социально-экономического развития.

Тенденция консолидации государств по борьбе с колониализмом наметилась во второй половине XIX века, когда нарастающие темпы приобретает пацифистское движение. Идея «прочного» глобального мира стала охватывать все большее количество государств, нуждающихся в усилении своего суверенитета. С целью развития концепции «прочного мира» Ф. Пасси стал пропагандировать идею создания организации «Международной Лиги мира», наделенной в 1867 г. функцией международного арбитража. Результатом активизации миротворческой деятельности явилось учреждение в 1890 г. Международного бюро мира. На пути к солидаризации международного сообщества по установлению миропорядка значительную роль сыграли организованные с участием представителей свыше 40 государств в 1899 и 1907 гг. Гаагские конференции, итогом деятельности которых стало принятие Конвенции о мирном разрешении международных споров. Вместе с тем нарастающие темпы в своем развитии приобрела идея международного империализма и монополизма, ориентирующая правительства государств на установлении мировой гегемонии и спровоцировавшая наряду с развязыванием локальных военных конфликтов начало Первой мировой войны. В сложившихся условиях активизировали свою деятельность национальные движения, отстаивавшие концепцию мирного сосуществования государств.

В российском праве формирование правовых основ обеспечения мира и безопасности человечества связано с первыми годами советского государственно-правового строительства, когда в основу правовой политики была положена стратегическая цель, направленная на прекращение первой мировой войны и недопущение ее в перспективе.

Принятый на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 8 ноября 1917 года Декрет о мире содержал обращение ко всем воюющим народам, в котором постулировалась концепция прекращения войны и заключение справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций. Предлагаемый новый порядок мироустройства без аннексий означал, что не допускается захват чужих земель, присоединение к большому или сильному государству «малой или слабой» народности без добровольно выраженного согласия (желания).

В целях прекращения Первой мировой войны в радиограмме Совета народных комиссаров (далее – СНК) от 9 (22 ноября) 1917 года «Армии и флоту об увольнении Верховного главнокомандующего генерала Духонина, с предложением выбирать уполномоченных для переговоров о перемирии» указывалась необходимость немедленного вступления в формальные переговоры о перемирии. В радиограмме отмечалось о недопустимости срыва «великого дела мира», для «победы» которого «необходимы энергия, выдержка и бдительность» [4]. На основании декрета СНК от 10 (23 ноября) 1917 года «О сокращении численности армии» первоначальному увольнению в бессрочный запас подлежали солдаты-граждане призыва 1899 года, а затем «призывные других сроков» [5]. Для установления гражданского мира внутри государства 11 (24 ноября) 1917 года был принят декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», предписывающий упразднение ранее существовавшего деления в России граждан на сословия[6].

14 (27 ноября) 1917 года было опубликовано обращение СНК «К народам воюющих стран», содержащее призыв во избежание войны «со всеми ее бедствиями и ужасами» и продолжения в «Европе дальнейшего истекания кровью» к немедленному на всех фронтах перемирию для заключения демократического мира с гарантией права на национальное самоопределение без

[4] Правда. 1917. 10 ноября. № 185.

[5] Правда (вечерний выпуск). 1917. 10 ноября. № 8.

[6] Известия. 1917. 12 ноября. № 223; Собрание Узаконений. 1917. № 3. Ст. 31.

аннексий и контрибуций. Предложенный мир должен стать миром народов, основанном на честном соглашении, обеспечивающем каждому народу возможность свободы культурного и экономического развития[7].

В обращении СНК от 20 ноября (3 декабря) 1917 года «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» говорилось о приближении окончания кровавой войны, обусловленной стремлением государств, поработивших народы мира, к разделению чужих стран. На смену «миру угнетения и произвола» предлагалось установить «новый мир освобождающихся и трудящихся», основанный на «помощи в завоевании свободы угнетенным народам». В Обращении к «обездоленным и трудящимся мусульманам Востока и России» констатировалось, что «обычаи и верования, культурные и национальные учреждения объявляются неприкосновенными и свободными». Каждый народ должен «беспрепятственно и свободно устраивать свою национальную жизнь». Объявлялось, что Республика Российская, ее Правительство и СНК выступают против захвата чужих земель[8]. В Правительственном сообщении от 22 ноября (5 декабря) 1917 года «О ходе мирных переговоров» говорилось, что для обеспечения всеобщего мира необходимо привлечение к переговорам правительств всех воюющих государств[9]. В воззвании ВЦИК и других организаций от 8 (21) декабря 1917 г. «К трудящимся массам всех стран» указывалась необходимость установления не сепаратного, а всеобщего справедливого демократического мира[10]. В воззвании ВЦИК и других организаций от 8 (21) декабря 1917 года «К украинским рабочим, солдатам, крестьянам, ко всему украинскому народу» в ответ на действия Центральной рады, стремившейся к разъединению российского и украинского народов, указывалось, что неизбежно грядет «освобождение человечества от гнета, в том числе национального, и порабощения»[11].

В третьей главе принятой 3 (16) января Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, впоследствии включенной в раздел первый Конституции РСФСР 1918 г., во избежание империалистических войн, «заливших землю кровью» и варварской политики по обеспечению благосостояния на порабощении трудящихся в колониях были определены основополагающие принципы внешней политики РСФСР, среди которых ведущими являлись принципы суверенности государства, «братания с рабочими и крестьянами воюющих между собой армий» и достижения демократического мира без аннексий и контрибуций на основе свободного самоопределения наций.

На данном этапе сообщество иностранных государств учреждает в 1919 г. организацию – Лигу Наций. Официальной датой создания Лиги Наций принято считать 10 января 1920 года, когда вступил в силу подписанный 7 мая 1919 года Версальский мирный договор о прекращении Первой мировой войны. Принятый пакт Лиги Наций ознаменовал новый этап в развитии международных отношений, так как стал основой создания системы коллективной безопасности. Вводился принцип международного сотрудничества, гласивший, что агрессор против одного государства-члена должен считаться агрессором против всех других членов-государств. Примечательно, что Россия, несмотря на ее вклад в прекращение Первой мировой войны и поражение Антанты, заключение с Германией в 1918 году Брестского мира, не была приглашена на конференцию, в силу чего не могла стать участником при подписании данного договора. Вместе с тем 16 апреля 1922 года между РСФСР и Веймарской республикой был

[7] Правда. 1917. 15 ноября. № 190.
[8] Правда. 1917. 22 ноября. № 196; Собрание Узаконений. 1917. № 6.
[9] Известия. 1917. 23 ноября. № 233.
[10] Правда. 1917. 9 декабря. № 210.
[11] Известия. 1917. 9 декабря. № 247.

подписан в период работы Генуэзской конференции договор, согласно которому стороны подтвердили свое политическое признание друг друга и устанавливали систему отношений в рамках межгосударственного сотрудничества.

Между тем правовая политика РСФСР по обеспечению мира и безопасности человечества предопределила активизацию законотворческой деятельности, направленной на использование государственных средств правового регулирования. В результате нормотворческой деятельности регламентации подлежали первые составы преступлений, связанные с обеспечением мира и безопасности человечества. В соответствии со статьей 214 УК РСФСР 1922 г. законодательному оформлению подлежало относимое к числу воинских преступлений, предусмотренных главой VII, мародерство, за совершение которого была установлена высшая мера в виде смертной казни с конфискацией всего имущества.

Конституция Союза ССР 1924 г. положила начало новому этапу в реализации правовой политики в области миротворческой деятельности на международном и внутригосударственном уровнях. В разделе первом, содержащем Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик, указывалось, что в мироустройстве сложились два лагеря. Если члены-государства одного лагеря отстаивают принципы мира, взаимного доверия, национальной свободы, равенства, мирного сожительства и братского сотрудничества народов, то члены-государства другого лагеря осуществляют внешнюю политику на принципах национальной вражды, неравенства, колониального рабства, шовинизма, национального угнетения, империалистических войн. Создание Союза ССР рассматривалось как объединение советских республик, обеспокоенных угрозой новой варварской мировой войны, чуждой развитию человеческой цивилизации, в «одну социалистическую семью», способную обеспечить внешнюю безопасность и свободу национального развития народов. В соответствии с положениями главы второй Конституции 1924 г. суверенитет союзных республик подлежал ограничению лишь в тех пределах, которые были предусмотрены Основным государственным законом и по предметам ведения, отнесенным к компетенции Союза (ст. 3).

С учетом положений Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г., новеллизации в национальном праве подлежали меры правового обеспечения мира и безопасности человечества. В частности, в УК РСФСР (ред. 1926 г.) закреплены были такие составы, как мародерство и противозаконное насилие военнослужащих над гражданским населением в военное время или в боевой обстановке. Мародерство каралось высшей мерой социальной защиты с конфискацией имущества, при установлении смягчающих обстоятельств допускалось понижение ответственности на срок не ниже трех лет лишения свободы со строгой изоляцией (ст. 193.17). Противозаконное насилие военнослужащим над гражданским населением в военное время или в боевой обстановке наказывалось лишением свободы со строгой изоляцией на срок не менее трех лет, при отягчающих обстоятельствах – высшей мерой социальной защиты (ст. 193.18).

В положениях главы X Конституции СССР 1936 г. (ст. 133) и главы XI Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 137), содержащих перечень основных прав и обязанностей граждан, было продолжено промульгирование обеспечения безопасности как основополагающего принципа мирового порядка, в силу которого самым тяжким злодеянием признавалась измена Родине, связанная с переходом на сторону врага, нанесением ущерба военной мощи государства, шпионажем и др.

На изменение основ российского законодательства влияние оказала Вторая мировая война [17, с. 262–266; 18, с. 171–173]. В статье 6 принятого 8 августа 1945 года Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников

европейских стран была предусмотрена ответственность за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. В целях избавления будущих поколений от последствий войн, несущих человечеству «невыразимое горе», в Уставе ООН[12], вступившем в силу 24 октября 1945 года, в качестве первостепенной задачи обозначено объединение сил для поддержания международного мира и безопасности, устранения и предотвращения угрозы миру, разрешения и улаживания возникающих международных споров мирными средствами, а также указано на допустимость применения вооруженных сил исключительно в общих интересах для подавления актов агрессии. Детализация составов преступлений была осуществлена с принятием 9 декабря 1948 года Конвенции, на основании которой устанавливалась ответственность за геноцид. В Варшаве в ноябре 1950 г. состоялся Второй Всемирный конгресс сторонников мира, призвавший парламенты государств к принятию законов об охране мира. Предложено было установление уголовной ответственности за пропаганду новой войны, независимо от формы ее осуществления. Дальнейшая модернизация международных норм в сфере обеспечения мира и безопасности человечества была связана с разработкой с начала 1950-х годов проектов Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, в которых определялись такие составы преступлений, как бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения, включая пытку и порабощение, акты агрессии, аннексия территории, геноцид, взятие заложников, акты терроризма и др.

В целях реализации решения участников 2-го Всемирного конгресса сторонников мира Верховный Совет СССР 12 марта 1951 года принял Закон СССР «О защите мира», в котором закреплялись принципы миролюбивой политики, ее цели, направленные на укрепление мира и дружественных отношений между народами. Во избежание безнаказанности агрессивных государств, приведших к развязыванию на протяжении жизни одного поколения двух мировых войн, в Законе СССР «О защите мира» под угрозой осуждения признавалась преступной пропаганда войны, которая независимо от ее формы подрывает дело мира и создает угрозу новой войны. Предписывалось лиц, осуществляющих пропаганду войны, ввиду отнесения данного деяния к тягчайшему преступлению против человечества, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников.

На основании Закона СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» пропаганда войны наряду с изменой, шпионажем, террористическим актом, диверсией, вредительством и иными составами была отнесена к числу особо опасных государственных преступлений.

В первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. регламентации подлежали такие составы преступления, как пропаганда войны и террористический акт против представителя иностранного государства. Пропаганда войны, независимо от ее формы, наказывалась от трех до восьми лет лишения свободы (ст. 71). Террористический акт против представителя иностранного государства, сопряженный с его убийством с целью провокации войны или международных осложнений, наказывался от десяти до пятнадцати лет лишения свободы или смертной казнью с конфискацией имущества. С той же целью причиненное лицу тяжкое телесное повреждение влекло ответственность от восьми до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества (ст. 67).

Однако по мере действия Уголовного кодекса РСФСР и развития международного сотрудничества актуализируется вопрос наказания виновных в преступлениях против мира

[12] Устав ООН // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 22.12.2024).

и человечности и военных преступлениях лиц, независимо от времени совершения преступлений. Решению данного вопроса содействовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 года «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений». Президиум Верховного Совета Союза ССР и союзных республик в соответствии с общепризнанными принципами международного права, нашедшими свое выражение в Уставе Международного военного трибунала и в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, постановил, что нацистские преступники, виновные в тягчайших злодеяниях против мира и человечности и военных преступлениях, подлежат суду и наказанию вне зависимости от времени, истекшего после совершения преступлений. Указ был утвержден Законом Союза ССР от 2 октября 1965 года.

В преамбуле Конституции СССР 1977 г. заявлялось, что ярким проявлением проводимой политики стал подвиг советского народа и его Вооруженных сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне, укрепившую международные позиции государства и открывшую новые возможности для национального освобождения, демократии и мира во всем мире. Констатировалось также, что СССР, подтверждая свой государственный суверенитет, признает себя частью мировой системы и осознает свою интернациональную ответственность.

В главе 4 Конституции СССР 1977 г., устанавливающей принципы внешней политики, говорилось, что государство неуклонно проводит политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество (ст. 28). Декларировалось, что внешняя политика СССР направлена на защиту государственных интересов, последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств, соблюдение принципа суверенного равенства, нерушимость границ, запрет пропаганды войны, предотвращение агрессивных войн, поддержку борьбы народов за национальное освобождение, достижение всеобщего и полного разоружения, укрепление дружбы и сотрудничества и др. С целью развития данных концептуальных положений в главе 4 Конституции РСФСР 1978 г. в рамках положений, раскрывающих внешнеполитическую деятельность и защиту социалистического Отечества говорилось, что в основу проводимой политики положены: уважение и защита государственного суверенитета и безопасности, признание суверенного равенства всех стран, территориальной целостности и нерушимости существующих границ, мирное урегулирование споров и др.

Между тем международным сообществом, также обеспокоенным возникающими угрозами войны, на протяжении 70–90-х годов XX века был принят ряд конвенций, содержащих меры по пресечению расовой дискриминации и апартеида. С внесением изменений в Устав Международного уголовного трибунала от 25 мая 1993 года и 8 ноября 1994 года в целях судебного преследования лиц, ответственных за совершенные на территории Руанды и соседних государств в 1994 г. преступления, были отнесены к числу военных преступлений – взятие гражданских лиц в качестве заложников, принуждение военнопленного или гражданского лица служить в вооруженных силах неприятеля, биологические эксперименты, а также преступлений против человечности – терроризм, изнасилование, заключение в тюрьму и пытки.

С учетом возникших реалий в редакции УК РСФСР 1960 г. от 29 апреля 1993 года криминализации подлежали такие составы преступлений, как террористический акт против представителя иностранного государства, применение биологического оружия, разработка, производство, приобретение, хранение, сбыт, транспортировка биологического оружия,

пропаганда войны (ст. 67, 67[13], 67[14], 71). В этой связи следует отметить, что нормы, регламентирующие вышеперечисленные преступления, характеризовались санкциями, в которых предусматривались достаточно строгие виды наказания. Так, террористический акт против представителя иностранного государства при совершении его убийства с целью провокации войны или международных осложнений влек наказание от десяти до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества или смертную казнь с конфискацией имущества (ч. 1 ст. 67). Пропаганда войны, независимо от формы ее осуществления, в рамках относительно-определенной санкции влекла лишение свободы на срок от трех до восьми лет (ст. 71).

Конституционно-правовое регулирование в Российской Федерации, начиная с принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации, правовых основ внешней политики, основывается на преемственности принципов мирного сосуществования исходя из признания частью мирового сообщества своей суверенной государственности, целостности и неприкосновенности своей территории и ответственности перед нынешними и будущими поколениями.

На международном уровне в сложившихся реалиях была продолжена дальнейшая модификация норм в сфере обеспечения мира и безопасности человечества. Данный процесс был обусловлен негативными тенденциями, сопряженными с нарастающими темпами пропаганды антисемитизма, христианофобии и исламофобии, а также распространением идеологии неонацизма и экстремизма. Наметившаяся негативная тенденция предопределила принятие мировым сообществом ввиду возникновения новой угрозы мировой войны в 1991 г. на 43-й сессии Комиссии международного права ООН в первом чтении нового проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Примечательно, что в сложившихся новых политических реалиях в этом проекте предусматривалась ответственность уже за двенадцать видов преступлений. С учетом устранения замечаний, поступивших от двадцати двух стран, проект был рассмотрен в 1994 г. Очередной новеллизации подлежали положения проекта в 1996 г., в результате которой были разграничены пять видов преступлений:

1) преступления против персонала ООН и дипломатических лиц;
2) преступления против человечности;
3) военные преступления;
4) агрессия;
5) геноцид.

Реализация Российской Федерацией международных правовых основ по обеспечению мира и безопасности человечества предопределила выделение в УК РФ самостоятельного раздела XII «Преступления против мира и безопасности человечества», в структуру которого входит 34 глава, объединяющая составы преступлений, заключающиеся в совершении умышленных общественно опасных деяний, целью которых является разрушение мирных межгосударственных отношений и сотрудничества между странами, причинение вреда или нанесение ущерба организациям либо отдельным лицам. Законодательная регламентация мер по обеспечению мира и безопасности человечества обусловила регламентацию уголовной ответственности за такие преступления, как планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, производство или распространение оружия массового поражения, применение запрещенных средств и методов ведения войны, геноцид, экоцид, наемничество, нападение на лиц или

[13] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России.
[14] Правда. 1917. 10 ноября. № 185.

учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 353–360 УК РФ). Таким образом, в первоначальной редакции современного уголовного закона перечень преступлений против мира и безопасности человечества включал восемь составов.

Обеспокоенность прогрессивных сил мирового сообщества предопределила активизацию деятельности и разработку Римского статута Международного уголовного суда (далее – Римский статут)[15], принятого 17 июля 1998 года, в котором к числу посягательств на интересы международного сообщества отнесены агрессия, геноцид, преступления против человечества и военные преступления. При этом в статье 5 Римского статута, вступившего 1 июля 2002 года в силу, раскрытию подлежали как виды преступлений, так и признаки состава указанных преступных деяний.

Начиная с 2004 г. активно осуществляются меры по созданию международных средств противодействия современным угрозам в виде проявления различных форм расизма, расовой дискриминации и ксенофобии [15; 16]. 16 апреля 2004 года Комиссией по правам человека ООН была принята резолюция № 2004/16 «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости»[16], ориентирующая миролюбивые государства на закрепление в нормах национального законодательства ответственности за совершение деяний, связанных с проявлениями неофашизма, неонацизма, агрессивных националистических предубеждений. В обоснование рекомендуемых государствам-членам новелл указывалось, что данные негативные тенденции «оскорбляют память бесчисленных жертв» Второй мировой войны, «отравляют сознание молодежи», порождая новую эскалацию ксенофобии и расовой дискриминации.

В целях реализации проводимой на международном уровне политики в принятой 16 декабря 2005 года на Генеральной Ассамблее ООН декларации A/RES/60/143 указывалось на необходимость солидаризации государств для актуализации мер и консолидации ресурсов в борьбе с исходящими из расовых и религиозных убеждений, христианофобии, исламофобии и антисемитизма новыми видами угроз, такими как распространение идеологии расового превосходства, эскалация современных форм расизма, героизация нацистского движения и нацизма.

В настоящее время в основу политики, проводимой международным миролюбивым сообществом, положена актуализация мер по противодействию совершению преступных актов, связанных с:

1) отрицанием военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных в годы войны;

2) пересмотром истории и итогов Второй мировой войны;

3) разрушением, осквернением памятников героям в борьбе с нацизмом;

4) незаконной эксгумацией и переносом останков героев войны;

---

[15] Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года : послед. ред. // un.org/ru : сайт. URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%28r%29.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

[16] Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости : резолюция Комиссии ООН по правам человека от 16 апреля 2004 года № 2004/16 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: https://docs.cntd.ru/document/901933670 (дата обращения: 22.12.2024).

5) использованием образовательных материалов, в которых пропагандируются расизм, насилие, ненависть и дискриминация на основе национально-этнического критерия и религиозной принадлежности.

Возникшие качественно новые угрозы и вызовы в сфере глобальной безопасности обусловили на внутригосударственном уровне необходимость дальнейшей новеллизации содержания норм УК РФ [19, с. 144–147; 20, с. 505–508; 21, с. 121–124; 22, с. 189–191]. С принятием новых федеральных законов в главе 34 УК РФ вводится ответственность за:

1) реабилитацию нацизма (ст. 354[17] Федерального закона от 5 мая 2014 года № 128-ФЗ);

2) совершение акта международного терроризма и его финансирование (ст. 361 Федерального закона от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ);

3) мародерство (ст. 356[18] Федерального закона от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ).

Таким образом, теоретико-методологические подходы к пониманию суверенитета как неотъемлемого признака государства позволяют рассматривать его (суверенитет) в трех аспектах:

1) как суверенитет воли народа, выступающего источником государственной власти;

2) суверенитет государственного аппарата власти как носителя публичной власти;

3) суверенитет территориальной организации публичной власти, обеспечивающей единство и целостность государства.

Россия, признавая себя частью мирового сообщества и осознавая ответственность за устойчивое прогрессивное развитие общества, сбережение физического, морального и духовного здоровья человечества, осуществляет на внутригосударственном и внешнеполитическом уровнях последовательную правовую политику по обеспечению суверенитета и территориальной целостности, укреплению безопасности, реализации принципа мирного урегулирования международных отношений, соблюдению норм международного права, снижению уровня международной напряженности, предотвращению военных конфликтов локального и глобального характера.

Указанный курс государства во внешней и внутренней политике предопределил поэтапное формирование в национальном праве механизма правового регулирования, в основу которого положены правовые средства обеспечения мира и безопасности человечества. На первых этапах реализации национальной правовой политики по обеспечению мира и безопасности человечества закреплению подлежал принцип справедливого демократического мира и освобождения человечества от гнета и порабощения. Во избежание империалистических войн, варварской политики порабощения и колониализма, наряду с принципом суверенности государства, закреплялись достижение демократического мира без аннексий и контрибуций и свободное самоопределение наций.

В процессе конституционно-правового оформления суверенитета государства реализуемая правовая политика носила исключительно миротворческий характер и основывалась в целях гарантирования внешней безопасности и свободы национального развития народов на сотрудничестве народов по ликвидации национальной вражды, неравенства, колониального рабства, шовинизма, национального угнетения и империалистических войн. Закрепляя государственный суверенитет, Россия признает себя частью мировой системы, обозначив свою интернациональную ответственность. Законодательное регулирование средств обеспечения суверенитета и безопасности сопровождается принятием Закона о защите мира. Признание уважения и защиты

[17] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России.

[18] Там же.

государственного суверенитета и безопасности сопровождалось промульгированием суверенного равенства всех стран, территориальной целостности и нерушимости существующих границ, принципов мирного сосуществования государств и мирного урегулирования споров, суверенного равенства, нерушимости границ и предотвращения агрессивных войн.

Провозглашение принципов мира и безопасности как основополагающих принципов мирового порядка сопровождалось консолидацией усилий на международном уровне. В целях избавления грядущих поколений от последствий войн на международном уровне для поддержания мира и безопасности устанавливается принцип улаживания возникающих международных споров мирными средствами, разрабатываются проекты Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. К числу военных преступлений были отнесены: взятие гражданских лиц в качестве заложников, принуждение военнопленного или гражданского лица служить в вооруженных силах неприятеля, биологические эксперименты; преступлений против человечности – терроризм, изнасилование, заключение в тюрьму и пытки. С учетом активизации процесса формирования экстремистских групп, движений и политических партий, распространения неонацизма и экстремистской идеологии устанавливалась ответственность за агрессию, геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступления против персонала ООН и дипломатических лиц.

В национальном праве правовыми средствами противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества стало установление ответственности за мародерство и противозаконное насилие военнослужащих над гражданским населением в военное время или в боевой обстановке. Обеспечению суверенитета содействовала регламентация ответственности за измену Родине, предусматривавшую нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства и шпионаж. Поэтапно вводимыми мерами являлись налагаемые государством формы и виды ответственности за пропаганду войны, террористический акт против представителя иностранного государства, применение биологического оружия, разработку, производство, приобретение, хранение, сбыт, транспортировку биологического оружия. С выделением в УК РФ раздела XII законодательной регламентации подлежала ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны, публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, производство или распространение оружия массового поражения, применение запрещенных средств и методов ведения войны, геноцид, экоцид, наемничество, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой. С учетом распространения идеологии расового превосходства, эскалации современных форм расизма и ксенофобии, оскорбляющей память жертв, совершенных во время Второй мировой войны преступлений против человечности, героизацией нацизма вводится ответственность за реабилитацию нацизма, совершение акта международного терроризма и его финансирование, за вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что на современном этапе ключевым направлением в ходе реализации правовых средств обеспечения мира и безопасности человечества признано недопущение основанной на этнонациональном и религиозном сепаратизме пропаганды нацизма, расизма, насилия, ненависти и дискриминации. Актуальным является принятие мер -правового, организационно-практического, идеолого-просветительского значения с учетом новых угроз и комплексного и системного противодействия развитию новых информационно видов преступлений, связанных

с героизацией нацизма, появлением новых форм неонацизма, реабилитацией неофашизма и пропагандой геноцида.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврюшкин К. А. Взаимосвязь категорий «правовые интересы», «правовые цели» и «правовые ценности» в правовом регулировании на современном этапе государственно-правового строительства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. №4 (111). С. 9–19.

2. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М. : Бр. Башмаковы, 1912. 306 с.

3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб, 1914. 430 с.

4. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1910. 814 с.

5. Палиенко Н. И. Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль : Типография Губернского Правления, 1903. 67 с.

6. Бабурин С. Н. Мир империй: Территория государства и мировой порядок. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 769 с.

7. Драбкина Е. Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М. : Изд-во Ком. Академии, 1930. 182 с.

8. Грачев Н. И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. М. : Зерцало-М, 2009. 320 с.

9. Шарифо М. Становление и история развития института суверенитета. Баку : Элм, 2009. 143 с.

10. Халатов А. Р. Суверенитет как государственно-правовой институт : автореф. дис. …канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 29 с.

11. Шевцов В. С. Государственный суверенитет: Вопросы теории / отв. ред. А. П. Мовчан ; Академия наук СССР. Институт государства и права. М. : Наука, 1979. 300 с.

12. Горюнов В. В. Государственный суверенитет как конституционно-правовая конструкция // Академический юридический журнал. 2005. № 4. С. 4–7.

13. Брутенц К. Н. Против идеологии современного колониализма. М. : Соцэкгиз, 1961. 359 с.

14. Гроций Г. О праве войны и мира : Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М. : Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. 867 с.

15. Дегтярева М. И. Разработка понятия суверенитета Жаном Боденом // Полис (Политические исследования). 2000. № 3. С. 157–169.

16. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 265 с.

17. Гитинова М. М., Абдулаев, А. А. Международные источники права о военных преступлениях и преступлениях против мира и безопасности человечества // Современный ученый. 2020. № 2. С. 262–266.

18. Нуриев Д. Ш. Мировое сообщество о необходимости консолидированного разрешения проблем обеспечения мира и безопасности человечества // Евразийское научное объединение. 2021. № 8–2 (78). С. 171–173.

19. Бекбулатов А. Е. Понятие преступлений против мира и безопасности человечества // Новая наука: опыт, традиции, новации. 2016. № 11–2. С. 144–147.

20. Васильев С. С. Особенности правового регулирования преступлений против мира и безопасности человечества // Экономика и социум. 2021. № 6–1 (85). С. 505–508.

21. Джоробекова А. М., Нуриев Д. Ш. О теоретико-правовом анализе понятийного аппарата агрессии как сущностной характеристики преступлений против мира и безопасности человечества // Евразийское научное объединение. 2021. № 7–2 (77). С. 121–124.

22. Левашева О. В., Баранова М. И. Общее положение о юрисдикции регулирования

преступлений против мира и безопасности человечества // Закон и право. 2022. № 12. С. 189–191.

REFERENCES

1. Gavryushkin K. A. Vzaimosvyaz' kategorij «pravovye interesy», «pravovye celi» i «pravovye cennosti» v pravovom regulirovanii na sovremennom etape gosudarstvenno-pravovogo stroitel'stva [Relationship of the categories "legal interests," "legal goals" and "legal values" in legal regulation at the present stage of state-legal construction]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 4 (111), pp. 9-19.

2. Kokoshkin F. F. Lekcii po obschemu gosudarstvennomu pravu [Lectures on general state law]. Moscow: Br. Bashmakov, 1912, 306 p.

3. Korkunov N. M. Lekcii po obschej teorii prava [Lectures on the general theory of law]. St. Petersburg, 1914, 430 p.

4. Shershenevich G. F. Obschaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow: Publishing House of the Bashmakov Brothers, 1910, 814 p.

5. Paliyenko N. I. Suverenitet: istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie [Sovereignty: The historical development of the idea of sovereignty and its legal significance]. Yaroslavl, 1903, 567 p.

6. Baburin S. N. Mir imperij: Territoriya gosudarstva i mirovoj poryadok [The World of Empires: The territory of the state and the world order]. St. Petersburg, 2005, 769 p.

7. Drabkina E. Ya. Nacional'nyj i kolonial'nyj vopros v carskoj Rossii [The national and colonial question in Tsarist Russia]. Moscow, 1930, 182 p.

8. Grachev N. I. Proishozhdenie suvereniteta: Verhovnaya vlast' v mirovozzrenii i praktike gosudarstvennogo stroitel'stva tradicionnogo obschestva [The origin of sovereignty: Supreme power in the worldview and practice of state building of a traditional society]. Moscow, 2009, 320 p.

9. Sharifov M. Stanovlenie i istoriya razvitiya instituta suvereniteta [Formation and history of the development of the Institute of sovereignty]. Baku, 2009, 143 p.

10. Khalatov A. R. Suverenitet kak gosudarstvenno-pravovoj institut [Sovereignty as a state-legal institution: Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences]. Volgograd, 2006, 30 p.

11. Shevtsov B. C. Gosudarstvennyj suverenitet: Voprosy teorii [State sovereignty: Questions of theory]. Academy of Sciences of the USSR. Institute of State and Law. Moscow, 1979, 300 p.

12. Goryunov V.V. Gosudarstvennyj suverenitet kak konstitucionno-pravovaya konstrukciya [State sovereignty as a constitutional and legal structure]. Akademicheskij yuridicheskij zhurnal – Academic Law Journal, 2005, no. 4, pp. 4–7.

13. Brutents K. N. Protiv ideologii sovremennogo kolonializma [Against the ideology of modern colonialism]. Moscow, 1961, 359 p.

14. Grotius G. O prave vojny i mira : Tri knigi, v kotoryh ob'yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava [On the law of war and peace: Three books explaining natural law and the law of nations, as well as the principles of public law]. Moscow, 1994, 867 p.

15. Degtyareva M. I. Razrabotka ponyatiya suvereniteta Zhanom Bodenom [Development of the concept of sovereignty by Jean Bodin]. Polis (Politicheskie issledovaniya) – Polis (Political studies). 2000, no. 3, pp. 157–169.

16. Hegel G. W. F.. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moscow, 1990, 24 p.

17. Gitinova M. M., Abdulaev A. A. Mezhdunarodnye istochniki prava o voennyh prestupleniyah i prestupleniyah protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [International sources of law on war crimes and crimes against the peace and security of mankind]. Sovremennyj uchenyj – Modern scientist. 2020, no. 2, pp. 262–266.

18. Nuriev D. S. Mirovoe soobschestvo o neobhodimosti konsolidirovannogo razresheniya problem obespecheniya mira i bezopasnosti chelovechestva [The international community on the need for a consolidated solution to the problems of ensuring peace and security of mankind]. Evrazijskoe nauchnoe ob"edinenie – Eurasian Scientific Association. 2021, no. 8-2 (78), pp. 171-173.

19. Bekbulatov A. E. Ponyatie prestuplenij protiv mira i bezopasnosti chelovechestva sudarstva i mirovoj poryadok [The concept of crimes against the peace and security of mankind]. Novaya nauka: opyt, tradicii, novacii - New science: experience, traditions, innovations. 2016, no. 11-2, pp. 144-147.

20. Vasiliev S. S. Osobennosti pravovogo regulirovaniya prestuplenij protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [Features of the legal regulation of crimes against the peace and security of mankind]. Ekonomika i socium – Economics and society. 2021, no 6-1 (85), pp. 505-508.

21. Jorobekova A.M., Nuriev D. S. O teoretiko-pravovom analize ponyatijnogo apparata agressii kak suschnostnoj harakteristiki prestuplenij protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [On the theoretical and legal analysis of the conceptual apparatus of aggression as an essential characteristic of crimes against the peace and security of mankind]. Evrazijskoe nauchnoe ob"edinenie – Eurasian Scientific Association. 2021, no 7-2 (77), pp. 121-124.

22. Levasheva O. V., Baranova M. I. Obschee polozhenie o yurisdikcii regulirovaniya prestuplenij protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [The general provision on the jurisdiction of regulating crimes against the peace and security of mankind]. Zakon i pravo – Law and Law. 2022, no. 12, pp. 189-191.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирской институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
ORCID: 0000-0002-5771-4237
Авдеев Вадим Авдеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института. Югорский государственный университет. 828012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16.
ORCID: 0000-0002-8614-6996

INFORMATION ON AUTHORS

Avdeeva Olga Anatolyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St, Irkutsk, 664074.
ORCID: 0000-0002-5771-4237
Avdeev Vadim Avdeevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Law Institute. Yugra State University. 16 Chekhov St, Khanty-Mansiysk, 828012.
ORCID: 0000-0002-8614-6996

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 28.12.2024; принята к публикации 30.01.2025.
The article was submitted 18.12.2024; approved after reviewing 28.12.2024; accepted for publication 30.01.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 26–34.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no. 1 (112). Pp. 26–34.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.5

СООТНОШЕНИЕ МОРАЛИ И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЕСТЕСТВЕННО-ПОЗИТИВНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА В. М. ШАФИРОВА: АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Егоров Александр Александрович
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
egorov.a90@mail.ru

Введение. В статье раскрываются вопросы, связанные как с анализом концептуальных моделей соотношения морали и права, так и с авторским подходом, изложенным в рамках естественно-позитивной теории права современного отечественного правоведа Владимира Моисеевича Шафирова. На основе анализа подхода В. М. Шафирова по вопросу исторической эволюции права показаны различные вариации соотношения морали и права в зависимости от соотношения естественного права и позитивного права. При этом формулируются тезисы, позволяющие переосмыслить положения естественно-позитивной теории права на основе альтернативного прочтения положений исследуемой теории.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили первоисточники в виде трудов самого В. М. Шафирова, а также научные труды, позволяющие проанализировать концептуальные модели соотношения морали и права. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ доктринальных философских и правовых источников по проблеме соотношения морали и права, использованы приемы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой, историко-правовой метод.

Результаты исследования позволили раскрыть процесс изменения и развития доктринальных подходов по соотношению морали и права, выявить авторское понимание этого вопроса В. М. Шафировым в контексте эволюции права и сформулировать альтернативное прочтение тезисов естественно-позитивной теории права с целью преодоления ее теоретических и практических дискуссионных моментов.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил уточнить природу естественного права в рамках первобытной общины, актуализировать понимание феномена позитивно-естественного права в условиях образования государства, а также оценить теоретическую и практическую значимость феномена естественно-позитивного права.

Ключевые слова: мораль, право, обычное право, естественное право, позитивное право, позитивно-естественное право, естественно-позитивное право

Для цитирования: Егоров А. А. Соотношение морали и права в контексте естественно-позитивной теории права В. М. Шафирова: альтернативное прочтение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 26–34.

© Егоров А. А., 2025

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

CORRELATION OF MORALITY AND LAW IN THE CONTEXT OF V.M. SHAFIROV'S NATURAL-POSITIVE THEORY OF LAW: AN ALTERNATIVE READING

Aleksandr A. Egorov.
Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russian Federation
egorov.a90@mail.ru

Introduction. The article reveals issues related both to the analysis of conceptual models of the relationship between morality and law, and to the author's approach outlined in the framework of the natural-positive theory of law by the modern Russian jurist Vladimir Moiseevich Shafirov. Based on the analysis of V.M. Shafirov's approach to the historical evolution of law, various variations of the ratio of morality and law depending on the ratio of natural law and positive law are shown. At the same time, theses are formulated that allow us to rethink the provisions of the naturally positive theory of law on the basis of an alternative reading of the provisions of the theory under study.

Materials and Methods. The research materials were primary sources in the form of the works of V.M. Shafirov himself, as well as scientific works that allow analyzing conceptual models of the relationship between morality and law. In the course of the study, a dialectical method was applied, an analysis of doctrinal philosophical and legal sources on the problem of the relationship between morality and law was carried out, methods of generalization and grouping of data were used, as well as a comparative legal, historical and legal method.

The Results of the Study made it possible to reveal the process of changing and developing doctrinal approaches to the relationship between morality and law, to identify the author's understanding of this issue by V.M. Shafirov in the context of the evolution of law and to formulate an alternative reading of the theses of the naturally positive theory of law in order to overcome its theoretical and practical controversial points.

Findings and Conclusions. The analysis made it possible to clarify the nature of natural law within the primitive community, to update the understanding of the phenomenon of positive natural law in the context of the formation of the state, as well as to assess the theoretical and practical significance of the phenomenon of natural positive law.

Keywords: morality, law, customary law, natural law, positive law, positive natural law, natural positive law

For citation: Egorov A.A. Sootnoshenie morali i prava v kontekste estestvenno-pozitivnoj teorii prava V.M. Shafirova: al'ternativnoe prochtenie [Correlation of Morality and Law in the context of the Natural-Positive Theory of Law V.M. Shafirov: an Alternative Reading]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 26–34.

Система социально-нормативного регулирования имманентна любому обществу и воплощает в себе общечеловеческий пласт жизненного опыта определенного социума, конкретно-исторические особенности его существования, систему социальных ценностей. При этом такие социальные нормы, как мораль и право выступают наиболее осязаемыми

элементами системы социально-нормативного регулирования. В этом контексте следует подчеркнуть особую актуальность вопроса о соотношении этих двух форм человеческой практики. Бесспорно, существует целая совокупность дискуссионных, теоретически и практически значимых вопросов, связанных с пониманием морали и права самих по себе; данные вопросы, однако, в целом хорошо известны, однозначно сформулированы, методически апробированы, социально осмыслены и, кроме того, традиционно анализируются в контекстах соответствующих специализированных областей научного знания – этики и теории права.

Говоря о проблеме связи, соотношения исследуемых социальных норм, того «и», которое соединяет эти сферы, следует уточнить, что здесь, во-первых, нет такой же ясности, однозначно сформулированных точек зрения, линий размежевания, накопленного опыта дискуссий, как в каждой из этих областей знания в отдельности, и, во-вторых, в подобных случаях необходима компетенция, выходящая за рамки каждой из них, охватывающая одновременно обе области (этику и теорию права), и возвышающаяся над ними. Очевидно, что мораль и право – это две органически взаимосвязанные области общественной практики, между которыми существуют определенные отношения: они влияют друг на друга, отражаются друг в друге, противостоят друг другу и т. д. Более того, само состояние этих форм практики и их понимание в значительной степени зависит от того, как складываются взаимоотношения между ними.

На сегодняшний день сложились четыре концептуальные модели соотношения морали и права. Первая из них состоит в неизбежной синкретичности этих социальных регуляторов, невозможности отделить их друг от друга. Такой подход относится к первобытному строю.

Самые древние из известных нам норм поведения людей в первобытный (общинный, догосударственный) период существования человечества носили синкретичный характер. Современное, развитое, внутренне дифференцированное общественное сознание позволяет квалифицировать их как правовые, моральные, эстетические, религиозные, фактические и в то же время не дает возможности уместить их в рамки ни одной из этих рубрик. Вышеперечисленные социальные нормы были в целом апробированы в практической жизни и осознавались в их непосредственной данности. Таковы, например, древнейшие табу (кровосмешение, убийство, нарушение распределения обязанностей между мужчинами и женщинами и т. п.), действовавшие как естественные процессы. В научной литературе на основе данных истории, археологии и этнографии укоренилась идея мононорм, т. е. синкретичных правил поведения, сочетающих в себе прообразы религии, морали и права [1, с. 204]. Т. В. Кашанина, отрицая идею мононорм, аргументирует свою позицию тем, что неразвитое сознание первобытного человека не могло воспринять концепцию мононорм, да и сама эта концепция не могла существовать в силу отсутствия в то далекое время «первобытных исследователей» [2, с. 215–216]. Соглашаясь с тем, что мононормы – это современная интерпретация, еще неизвестная первобытной общине, следует отметить, что социальные регуляторы там наличествовали в виде единых норм, выполняющих роль обычного права и находящих свое выражение в системе запретов, обязанностей и дозволений.

Вторая концептуальная модель закрепляет отсутствие у морали и права общих особенностей. В данном контексте принято упоминать доктрину юридического позитивизма (нормативизма), согласно которой право – это сугубо приказ государственной власти, а мораль может признаваться лишь в том случае, если она соответствует требованиям позитивного права. Это односторонне утрированный подход, который укоренился в научной литературе и, к сожалению, является предельно упрощенным и даже ошибочным. Сравним его с позицией классика юридического позитивизма в России Г. Ф. Шершеневича (1863–1912).

По его мнению, нравственная оценка человека не ограничивается его внешним поведением. Например, действия человека, жертвующего деньги на строительство больницы, безусловно, являются нравственными. Однако для признания этого человека нравственным необходимо установить, какими мотивами он руководствовался – оказание помощи людям или получение ордена. В первом случае речь идет о нравственном человеке, а во втором – о ненадежном для общества человеке [3, с. 66–67]. Таким образом, нравственность оценивает любое поведение человека не только с объективной, но и с субъективной стороны.

Более того, Г. Ф. Шершеневич полагал, что если к нравственной норме присоединяется юридическая санкция, то данная норма, сохраняя свою этическую природу, одновременно приобретает правовой характер (например, если юридическая санкция придается этической норме, осуждающей родителей за развращение детей). И напротив, лишение нормы права юридической санкции преобразует ее в норму нравственности (например, отмена наказания за ростовщичество) [4, с. 70]. Следовательно, нормы нравственности и права органически взаимосвязаны и в ряде случаев переходят друг в друга. Признавая нравственность и право правилами, действующими одновременно в одной и той же общественной среде, Г. Ф. Шершеневич справедливо полагал, что они могут действовать совместно, по-разному, а в ряде случаев и находиться в противоречии друг с другом. Как мы видим, в рамках юридического позитивизма нет и не может быть «этической стерильности» права, которую многие исследователи (особенно на советском этапе) возводили и возводят в абсолют как специфический опознавательный знак нормативизма. История общественной мысли свидетельствует, что выдающиеся вехи в истории моральной философии коррелируют с выдающимися вехами в истории политико-правовой мысли. Точно так же история развития народов и их государственных устройств показывает, что изменения в их правовых механизмах и общественных нравах идут рука об руку.

Третья концептуальная модель рассматривает право с позиции морали (нравственности). В данном контексте принято приводить позицию классика отечественной философии права В. С. Соловьева (1853–1900), который возвышал нравственность над правом, выстраивая своеобразную иерархию [5, с. 465, 557]. Эта точка зрения тоже не может выступать в качестве истины в последней инстанции. Очевидно, что право не может отождествляться с минимальным моральным уровнем, так как мораль и право – это самостоятельные социальные регуляторы, имеющие собственные особенности, принципы, теоретические и прикладные значения. Без сомнения, большинство норм права, по крайней мере на минимальном уровне, соответствуют моральным заповедям, но это обстоятельство не лишает их юридической природы и не трансформирует их в моральные нормы.

Последняя концептуальная модель соотношения морали и права состоит в том, что эти социальные нормы самостоятельны, но в ряде случаев дополняют друг друга [6, с. 8–9]. Представляется, что данный подход не универсален, но наиболее реалистичен на сегодняшний день. Разумеется, в практической жизни любого общества бывают ситуации, когда право или законодательство противоречит морали, что не служит основанием для его автоматического изменения или отмены. Таким образом, связь морали и права является принципиально открытой исследовательской проблемой: она самостоятельна, ибо не может получить разрешения в узких дисциплинарных рамках только этики или только правоведения, а требует более широкого и системного взгляда на жизнь человека и общества; она открыта, так как, поскольку речь идет об аспектах живой практики общественного развития, сам предмет является открытым, развивающимся, постоянно обновляющимся, включая и различные взгляды на него.

Правовая наука развивается во всем мире, активно издается юридическая литература, и каждый автор стремится ее чем-то обогатить. Не вызывает сомнения, что приращение научного знания, расширение научных горизонтов познания и понимания права обусловлены общественным прогрессом и необходимы для социума. В этом смысле появление «новых теорий права» можно квалифицировать как признание исключительного интеллектуального и научного потенциала отечественных правоведов. Эта интерпретация весьма привлекательна и благозвучна. Однако реальность однозначно опровергает безальтернативность, да и в целом правильность этого постулата.

Существует еще и скептическое объяснение, согласно которому в предлагаемых сегодня вариантах понимания права нет ничего нового. «На деле большинство нетрадиционных (неклассических) подходов к пониманию права оказывается разновидностью вполне традиционных социолого-позитивистских представлений о праве, изложенных в терминах какой-либо постмодернистской философской парадигмы», – пишет Н. В. Варламова [7, с. 89]. По мнению О. В. Мартышина, эти «самопровозглашенные теории» (наподобие самопровозглашенных государств) заняли место в юридической литературе только благодаря отсутствию принципиальной критики и дискуссий, т. е. благодаря равнодушию и безучастности специалистов [8, с. 282]. Эти критические оценки нуждаются в анализе, включая конструктивную, аргументированную критику.

Говоря о необходимости критики, мы не можем не понимать, что она должна быть конструктивной. Уже упомянутый О. В. Мартышин отрицал значимость «новых теорий права», апеллируя к общеизвестности или самоочевидности тезисов, составляющих их суть, используя при этом фигуру умолчания. Вряд ли данный вариант критики, существующий на грани культуры научной полемики, можно назвать аргументированным или конструктивным. Скорее, речь здесь идет о некоторой некорректности ведения дискуссии. Жанр критической рецензии, обзора основных доктринальных концепций какого-либо учения о праве и государстве, как думается, должен иметь теоретическую и практическую значимость, отражать существующие либо прогнозируемые закономерности права и государства. В противном случае любые выпады в адрес того или иного учения или автора не могут иметь теоретической и практической ценности. В этом контексте целесообразным видится преодоление односторонне утрированного восприятия «новых теорий права», которое сводится к их безоговорочному восхвалению или безапелляционному отрицанию. Думается, что наукой востребован анализ положений «новых теорий права», основанный на конкретизации возможных логических ловушек и теоретических недостатков их положений и выдвижении на этой основе альтернативных вариантов редакции того или иного тезиса. В данном случае целесообразным видится пересмотр вопросов соотношения морали и права в рамках естественно-позитивной теории права, сформулированной почти двадцать лет назад отечественным правоведом Владимиром Моисеевичем Шафировым.

Исходным пунктом в понимании соотношения морали и права выступает история появления и развития права в контексте теории естественно-позитивного права В. М. Шафирова. По его мнению, история права, подчиняясь логике человеческого измерения, проходит в своем формировании и эволюции три ступени: естественное право или естественные и неотчуждаемые права человека, позитивное право, естественно-позитивное право [9, с. 187]. Обратимся к пояснениям самого автора применительно к естественному праву.

Отмечая возникновение естественного права еще в догосударственную эпоху, В. М. Шафиров отмечает, что оно имело нравственную, религиозную, а не юридическую природу [10, с. 10]. Таким образом, соотношение морали и права в рамках догосударственного этапа представляло собой единый, нерасчлененный регулятор общественных отношений,

для которого была характерна невозможность проведения демаркационной линии между моральными заповедями и нормами права. Такой подход полностью соответствует ранее описанной первой концептуальной модели соотношения морали и права. Вместе с тем отметим некоторую некорректность концептуальной модели В. М. Шафирова.

Очевидно, что упомянутое ученым естественное право в первобытной общине являлось обычном правом, т. е. правом, основанным на наиболее значимых обычаях общины. Нормы обычного права имели естественный характер, так как они сложились в рамках различных видов общественных отношений: брак и семья, разделение труда, ведение войн с другими племенами и т. п. Представляется, что данные нормы обычного права, находясь в теснейшей взаимосвязи с прообразами религии и морали, имели именно юридическую природу, так как их несоблюдение влекло для общинника неблагоприятные последствия, налагаемые от имени общины. Таким образом, можно сформулировать следующий тезис: **в первобытной общине действовали нормы обычного права, которые хоть и находились в органической взаимосвязи с религией и моралью, но при этом имели юридическую природу в силу наличия общеобязательности. В рамках такого подхода мораль и право представляли собой единое целое, что нашло свое выражение первоначально в обычаях общины, а затем и в основанных на этих обычаях нормах обычного права, нашедших свое выражение в запретах, обязанностях и дозволениях.**

Вторая ступень в теории В. М. Шафирова – позитивно-естественное право. Автор теории пишет: «В процессе рождения позитивного права произошло не отделение естественного от волеустановленного права, а их противоречивое взаимопроникновение. Появление института гражданства позволило признать личность свободной, официально зафиксировать исходный комплекс прав (их объем, перечень), средства их защиты» [10, с. 10]. Позитивный фактор, по мнению В. М. Шафирова, затмил природу человека как истинный источник права и выдвинул на первый план внешнее, властно-волевое обязательно-принудительное начало.

Можно предположить, что появление позитивного права и основанного на нем института гражданства оттесняет мораль на второй план и делает акцент на воле государства, выраженной в законе. Характеризуя такой феномен как позитивно-естественное право, В. М. Шафиров во многом воспроизводит классический постулат юридического позитивизма, дискуссионность которого ранее была проиллюстрирована на примере подхода Г. Ф. Шершеневича. Здесь необходимо сделать принципиальное уточнение. Данные исторической науки однозначно свидетельствуют о том, что первые в мире государства по своему общественно-политическому строю были рабовладельческими. Следовательно, для таких государств был характерен институт не гражданства, а подданства, который закреплял неравенство, зависимое положение отдельных социальных групп и привилегии господствующего класса. При таких конкретно-исторических условиях можно согласиться с тем, что внешнее, властно-волевое обязательно-принудительное начало вытесняет моральные основания права. Таким образом, сформулируем следующий тезис: **образование государства и появление позитивного права обусловили возникновение института подданства, установившего неравенство, зависимое положение отдельных социальных групп и привилегии господствующего класса, что выразилось в выдвижении на первый план властно-волевого, обязательно-принудительного начала права и принижении значения морали как социального регулятора.**

Третья ступень – это естественно-позитивное право. «Ее начало, – пишет В. М. Шафиров, – следует связывать со снятием классовых, сословных привилегий, преимуществ, утверждением юридического равенства всех людей перед законом, выдвижением человека, его прав и свобод на центральные позиции в юридической системе.

Позитивная составляющая превращается в средство обеспечения прав и свобод. В полном объеме естественно-позитивное право раскрывает свой потенциал на современной стадии развития цивилизации» [9, с. 187]. По мнению В. М. Шафирова, в современных условиях право не может быть естественным или позитивным, его бинарная (двойственная) природа свидетельствует о том, что право может быть только естественно-позитивным. При этом понятие «естественно-позитивное право» в одинаковой мере имеет как научное, так и непосредственно практическое значение [9, с. 186]. Проанализируем эту концептуальную модель в контексте соотношения морали и права.

История развития права при всех своих хронологических и конкретно-государственных особенностях свидетельствует о постепенном, но неуклонном расширении сферы свободы человека. Эта тенденция общеизвестна и сомнений не вызывает. Если же анализировать теоретическую значимость феномена естественно-позитивного права, то можно обнаружить концептуальное противоречие. Суть проблемы теоретического уровня заключается в следующем: «естественно-позитивное право» считается правом в силу его соответствия прирожденным правам человека или вследствие официального утверждения норм права, обязательность которых гарантируется государственным принуждением? Если права человека рассматриваются как самодостаточный императив, не требующий государственного подтверждения, то можно уверенно констатировать, что речь идет о теории естественного права. В случаях, когда для признания обязательной нормы необходимо государственное принуждение, это верный признак юридического позитивизма. В таких случаях принципы естественного права выступают как идейный источник, но не могут быть обязывающей нормой. Позитивное право в случае совпадения с нормами естественного права не теряет своей официальной или позитивной природы. Очевидно, что такое совпадение, по крайней мере на минимальном уровне, существует всегда. Таким образом, попытка соединить естественное право с позитивным правом в теоретическом контексте влечет за собой смешение понятий и подходов и приводит к непреодолимым концептуальным противоречиям в вопросах понимания права.

Что же касается практической значимости идеи «естественно-позитивного права», то она тоже вызывает серьезные сомнения. Как мы знаем, естественное право исходит из справедливости, а позитивное право, даже если оно не чуждо соображений справедливости, соизмеряет ее с целесообразностью. Позитивное право всегда было и остается волеустановленным правом, т. е. в нем по преимуществу выражается воля государства. Следовательно, это в первую очередь средство реализации государственной политики, которая зачастую вступает в противоречие с принципами естественного права. Таким образом, в практическом аспекте не может быть никакого естественно-позитивного права, а может быть лишь позитивное право, которое всегда легализует определенный естественно-правовой минимум. Таким образом, сформулируем следующий тезис: **на сегодняшний день естественное право и позитивное право самостоятельны и не могут образовывать единое целое в силу наличия собственных сущностных особенностей, принципов и источников происхождения. Соотношение морали и права в этом ключе видится в том, что позитивное право всегда, по крайней мере на минимальном уровне, легализует нормы морали, но не совпадает с ними, а в ряде случаев их требования и вовсе расходятся.**

Подводя итог исследованию вопроса о соотношении морали и права в рамках естественно-позитивной теории права В. М. Шафирова, следует отметить, что данный ученый предпринял актуальную и востребованную юридической наукой попытку раскрыть эволюцию истории права на основе тесной взаимосвязи естественного и позитивного права. Как творческое и самостоятельное исследование, эта попытка не лишена определенных

теоретических и практических недостатков и содержит ряд положений, в которых усматриваются спорные моменты и резервы для дальнейшего развития и совершенствования. Становление научной мысли напрямую определяется готовностью исследователей не просто безапелляционно отвергать те или иные дискуссионные теории права, а на основе конструктивной критики переосмысливать их положения, имеющие как теоретическое, так и прикладное значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М., 1990. 351 с.
2. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. Современные подходы и новые трактовки. М., 1999. 332 с.
3. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции. М., 1911. 163 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. 83 с.
5. Соловьев В. С. Оправдание Добра // Библиотека «Вехи» : сайт. URL: https://www.vehi.net/soloviev/oprav/index.html (дата обращения 12.12.2024).
6. Гусейнов А. А. Мораль и право: линия разграничения // Lex russica. 2018. № 8. С. 7–22.
7. Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. 136 с.
8. Мартышин О. В. Философия права. М., 2020. 352 с.
9. Теория государства и права в науке, образовании, практике : монография / Ю. Г. Арзамасов В. М. Баранов Н. В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : ИД Юриспруденция, 2016. 480 с.
10. Шафиров В. М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики) : дис. … докт. юрид. наук. Красноярск, 2005. 479 с.

REFERENCES

1. Alekseev V. P., Pershic A. I. Istoriya pervobytnogo obshchestva [The history of primitive society]. Moscow, 1990, 351 p.
2. Kashanina T. V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava. Sovremennye podhody i novye traktovki [The origin of the State and law. Modern approaches and new interpretations]. Moscow, 1999, 332 p.
3. Shershenevich G. F. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve [The general doctrine of law and the State]. Moscow, 1911, 163 p.
4. Shershenevich G. F. Opredelenie ponyatiya o prave [Definition of the concept of law]. Kazan, 1896, 83 p.
5. Solov'ev V. S. Opravdanie Dobra [Justification of Goodness]. URL:http://www.vehi.net/soloviev/oprav/index.html (date of request 12.12.2024).
6. Gusejnov A. A. Moral' i pravo: liniya razgranicheniya [Morality and law: the line of demarcation]. Lex russica. 2018, no. 8, pp. 7–22.
7. Varlamova N. V. Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendencii razvitiya teorii prava [Typology of legal understanding and current trends in the development of the theory of law]. Moscow, 2010, 136 p.
8. Martyshin O. V. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moscow, 2020, 352 p.

9. Arzamasov Y. G., Baranov V. M., Varlamova N. V. Teoriya gosudarstva i prava v nauke, obrazovanii, praktike [Theory of the State and law in science, education, and practice]. Moscow, 2016, 480 p.

10. Shafirov V. M. Estestvenno-pozitivnoe pravo (problemy teorii i praktiki): Dis. … dokt. yurid. nauk [Natural-positive law (problems of theory and practice): Dis. ... doct. jurid. sciences']. Krasnoyarsk, 2005, 479 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorov Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993, Russia, Moscow, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St.

Статья поступила в редакцию 19.10.2024; одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 19.01.2025.
The article was submitted 19.10.2024; approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 19.01.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 35–53.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025 Vol. no. 1 (112). Pp. 35–53.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Обзорная статья
УДК 342.5

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Дашко Леонид Васильевич[1], Пеньков Валерий Владимирович[2], Синюк Вадим Дмитриевич[3], Шеков Анатолий Александрович[4]
[1-3]Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва
[4]Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, г. Иркутск
[1]ldashko@mvd.ru
[2]penkov_vv@mail.ru
[3]vsiniuk2@mvd.ru
[4]shek@inbox.ru

Введение. В статье на основе воспоминаний ветеранов экспертно-криминалистической службы и анализа опубликованных нормативно-правовых документов и литературы изложены исторические аспекты создания и становления пожарно-технического направления в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России, приведены основные этапы развития. Представлены наиболее значимые результаты экспертно-криминалистической деятельности.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи, ведомственные акты МВД СССР и МВД России, архивные документы, воспоминания ветеранов экспертно-криминалистической службы. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, исторических и нормативно-правовых источников, использованы приемы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой, историко-правовой метод.

Результаты исследования. Результаты проведенного исследования позволили установить хронологию создания и становления пожарно-технического направления в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России и установить конкретных лиц, внесших наибольший вклад в развитие данного направления. Выявлены наиболее значимые результаты экспертно-криминалистической деятельности в области судебной пожарно-технической экспертизы.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил оценить текущее состояние пожарно-технического направления в системе МВД России и определить вектор его дальнейшего развития, в частности посредством внедрения самых передовых технических средств при осмотре места пожара и исследовании вещественных доказательств.

Ключевые слова: пожарно-техническая экспертиза, экспертно-криминалистическая деятельность, научно-методическое обеспечение, типовые экспертные методики, криминалистическая техника, пожарно-техническая лаборатория, судебно-экспертная деятельность, подготовка экспертных кадров

© Дашко Л. В., Пеньков В. В., Синюк В. Д., Шеков А. А., 2025

Для цитирования: Дашко Л. В., Пеньков В. В., Синюк В. Д., Шеков А. А. Создание и развитие пожарно-технической экспертизы в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 35–53.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Review article

CREATION AND DEVELOPMENT OF FIRE-TECHNICAL EXPERTISE IN FORENSIC SCIENCE UNITS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Leonid V. Dashko[1], Valery V. Penkov[2], Vadim D. Sinyuk[3], Anatoly A. Shekov[4]
[1-3]Expert Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
[4]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation
[1]ldashko@mvd.ru
[2]penkov_vv@mail.ru
[3]vsiniuk2@mvd.ru
[4]shek@inbox.ru

Introduction. The article basis of of memories of veterans of expert-criminalistic service and analysis of published normative-legal documents and literature the historical aspects of creation and formation of fire and technical direction in expert-criminalistic divisions of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia are outlined, the main stages of development are given. The most significant results of expert forensic activities are presented.

Materials and Methods. The materials of the study were scientific articles, departmental acts of the Ministry of Internal Affairs of the USSR and the Russian Federation, archival documents, and memoirs of veterans of the forensic service. The study used the dialectical method, analyzed scientific, historical, and regulatory sources, used methods of generalizing and grouping data, as well as the comparative legal, historical and legal method.

The Results of the Study. The results of the study made it possible to establish the chronology of the creation and development of the fire-technical direction in the forensic units of the Russian Ministry of Internal Affairs and to identify specific individuals who made the greatest contribution to the development of this area. The most significant results of expert-criminalistic activity in the field of forensic fire-technical expertise were revealed.

Findings and Conclusions. The analysis made it possible to assess the current state of the fire-technical area in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and determine the vector of its further development, in particular through the introduction of the most advanced technical means when conducting an inspection of a fire scene and examining material evidence.

Keywords: fire-technical expertise, forensic activity, scientific and methodological support, standard expert methods, forensic technology, fire-technical laboratory, forensic activity, training of expert personnel

For citation: Dashko L.V., Pen'kov V.V., Sinyuk V.D., Shekov A.A. Sozdanie i razvitie pozharno-tekhnicheskoj ekspertizy v ekspertno-kriminalisticheskih podrazdeleniyah sistemy MVD Rossii [Creation and development of fire-technical expertise in forensic units of the Russian Ministry of Internal Affairs]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 35–53.

17 августа 2023 года исполнилось 45 лет со дня создания пожарно-технической экспертизы в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России (далее – ЭКП).

Пожарно-техническая экспертиза (далее – ПТЭ) является одним из наиболее сложных и трудоемких видов экспертной деятельности. Основная ее задача заключается в установлении места первоначального горения и технической причины пожара. Дела по фактам пожаров, приведших к массовой гибели людей и крупному экономическому ущербу на социально значимых и промышленных объектах, всегда вызывают большой общественный резонанс и широко освещаются СМИ. В отличие от большинства других видов судебных экспертиз при проведении ПТЭ необходимо в полном объеме изучать материалы дела, которые могут включать в себя порой десятки томов. Еще одной особенностью данной экспертизы является то, что она не только объектовая, как большинство других видов судебных экспертиз, но и ситуационная, то есть проводится реконструкция событий и обстоятельств, приведших к пожару. В качестве объектов ПТЭ выступают не только вещества, материалы и отдельные изделия, а вся вещная обстановка места пожара. Площадь пожара может составлять от нескольких квадратных метров до нескольких тысяч квадратных метров, а иногда измеряться и тысячами гектаров в случае лесных пожаров [1].

Особую роль в ПТЭ играет качественный осмотр места происшествия (далее – ОМП) по факту пожара, без которого не могут быть решены поставленные перед экспертом вопросы. В зависимости от особенностей объекта, на котором произошло возгорание, его размеров и категории сложности пожара осмотр места происшествия может быть не только очень сложным, но и весьма опасным делом. Основная сложность состоит в том, что первоначальная следовая картина существенно искажается и теряет свою информативность из-за повреждения или полного уничтожения предметов вещной обстановки в результате горения и действий сотрудников пожарной охраны по спасению людей и ликвидации пожара.

Основные риски для жизни и здоровья участников осмотра места пожара связаны с возможным обрушением строительных конструкций, падением с высоты, получением электротравм от объектов, находящихся под напряжением, воздействием на органы дыхания продуктов горения и огнетушащих средств, отравлением ядовитыми и токсичными веществами, находящимися на месте пожара.

В ряде случаев эксперту приходится решать нестандартные задачи, обусловленные конструктивным и технологическим разнообразием объектов, а также сложностью физико-химических процессов, способствующих возникновению и развитию пожара. Для этого помимо специальных знаний эксперту необходимо иметь широкий кругозор в области науки и техники, обладать базовыми знаниями по физике, химии, материаловедению, электротехнике и т. д. [1].

Неотъемлемой частью ПТЭ являются инструментальные исследования вещественных доказательств, изымаемых в ходе осмотра места пожара. В процессе этих исследований выявляется криминалистически значимая информация: наличие в очаге пожара инициаторов горения, горючие свойства объектов вещной обстановки, зоны наибольшего термического воздействия, признаки аварийных режимов работы электрооборудования и условий окружающей среды, при которых произошло повреждение электротехнических изделий от теплового действия электрического тока. При проведении инструментальных исследований могут использоваться тепловизоры и пирометры, газоанализаторы с фотоионизационным детектором и индикаторные трубки, газовые хроматографы с масс-селективным детектором, термоанализаторы (дериватографы и калориметры), коэрцитиметры, ультразвуковые дефектоскопы, вихретоковые толщиномеры, рентгено-флуоресцентные анализаторы, рентгеновские дифрактометры, оптические и электронные микроскопы и пр. В ряде случаев возникает необходимость проведения натурных модельных экспериментов, которые позволяют наглядно показать влияние физико-химических процессов на возникновение и развитие пожара [2].

Исследование и экспертиза пожаров как направление научно-практической деятельности в нашей стране зародились в 1945 году, когда по инициативе Центрального

научно-исследовательского института противопожарной обороны НКВД СССР (ЦНИИПО) на основании приказа заместителя наркома внутренних дел СССР от 10 марта 1945 года № 046 в Москве, Ленинграде, Горьком и Свердловске были организованы подвижные пожарные лаборатории (далее – ППЛ).

В соответствии с этим Приказом штат лаборатории был определен в количестве четырех человек (начальник, помощник начальника, старший лаборант и шофер). Начальником ППЛ г. Ленинграда был назначен инженер-капитан Б. Ф. Выморков. Вначале лаборатория размещалась в здании 1-ой Пожарной части, где ей было выделено одно помещение и гараж. Дополнительно к штату лаборатории начальником Управления Пожарной охраны г. Ленинграда был выделен еще один шофер, что позволило установить круглосуточное дежурство сотрудников. С 14 января 1946 года лаборатория приступила к выполнению возложенных на нее задач.

Основными направлениями деятельности ППЛ являлись:

– оказание повседневной оперативно-исследовательской помощи местному гарнизону пожарной охраны и следственным органам;

– изучение явлений, происходящих на пожарах и анализ боевого использования пожарной техники;

– выполнение специальных тематических работ, главным образом по материалам, накопленным лабораторией при исследовании пожаров.

В ППЛ собирали и систематизировали фактический материал по исследованию пожаров, изучению причин их возникновения, поведению конструкций при тепловом воздействии. Полученные данные использовались для практических рекомендаций по снижению пожарной опасности объектов, приборов, установок и иных изделий, а также при разработке нормативно-технической литературы.

В 1947 году ППЛ Управления пожарной охраны УНКВД г. Ленинграда возглавил Б. В. Мегорский (рис. 1), который в 1953 году подготовил первую версию научно-обоснованной методики установления причин пожаров [3].

Рис. 1. Выступление Б. В. Мегорского на совещании начальников Пожарно-испытательные станции в г. Ленинграде (фото 1958 года)[1]

[1] Степанов, В. В. История создания испытательной пожарной лаборатории (ИПЛ) // URL: https://www.ipl-spb.ru/history.html (дата обращения: 16.12.2024).

Борис Васильевич Мегорский возглавлял работу пожарно-технического экспертного подразделения Ленинграда с 1947 до 1972 год[redacted]возглавляемое им подразделение стало по существу головным учреждением страны в области экспертизы пожаров. В процессе работы пожарно-технических экспертных подразделений совершенствовалась методика установления причин пожаров. В 1966 году вышел в свет фундаментальный труд Б. В. Мегорского «Методика установления причин пожаров», который до сих пор не потерял своей актуальности и является основополагающим для развития и совершенствования ПТЭ [4].

Опыт практической деятельности ППЛ при расследовании пожаров показал необходимость создания стационарных лабораторий, оснащенных аналитическим оборудованием. В связи с этим в 1956 году ППЛ были преобразованы в Пожарно-испытательные станции (далее – ПИС). В 1966 году ПИС переименованы в Пожарно-технические станции, а в 1979 году в Испытательные пожарные лаборатории (далее – ИПЛ).

Деятельность ИПЛ, входящих в состав Главного управления пожарной охраны МВД СССР, в первую очередь была направлена на совершенствование надзорно-профилактической и нормативно-технической деятельности на основе изучения и анализа причин происходящих пожаров. Результаты исследования пожара оформлялись как техническое заключение специалиста.

В целях повышения эффективности расследования и раскрытия преступлений, связанных с пожарами и поджогами, на основании приказа МВД СССР от 17 августа 1978 года № 0483, подписанного Министром МВД СССР генералом армии Н. А. Щелоковым, в криминалистических подразделениях органов внутренних дел СССР было начато создание пожарно-технических лаборатории (далее – ПТЛ) [5].

В соответствии с данным приказом в штаты министерств внутренних дел союзных, автономных республик, краевых, областных и городских управлений внутренних дел были выделены 50 штатных единиц.

Следует отметить, что уже в 1977 году при реорганизации Центральной криминалистической лаборатории МВД СССР в Центральную научно-исследовательскую криминалистическую лабораторию (далее – ЦНИКЛ) МВД СССР была сформирована группа пожарно-технических исследований в составе двух человек, где впервые в системе экспертных учреждений милиции стали проводиться судебные пожарно-технические экспертизы и исследования.

В начале 1979 года за подписью начальника Оперативно-технического управления МВД СССР генерал-майора внутренней службы Г. С. Никитина было подготовлено письмо «Об организации пожарно-технических лабораторий», в котором указывалось, что «…для быстрейшего ввода в действие пожарно-технических лабораторий необходимо подбирать специалистов, имеющих, как правило, высшее пожарно-техническое образование и опыт практической деятельности по установлению причин пожаров, принять меры к выделению для ПТЛ помещений и оснащению их необходимым оборудованием, оказать помощь назначенным на должности экспертов специалистам в освоении методик производства пожарно-технических экспертиз, криминалистической техники и тактики обнаружения, фиксации и изъятия вещественных доказательств».

Согласно данному распоряжению в июле 1979 года на базе Харьковского пожарно-технического училища МВД СССР были проведены месячные сборы экспертов по изучению вопросов тактики осмотра мест происшествий по пожарам и поджогам, методик исследования объектов пожарно-технических экспертиз. В дальнейшем подготовка пожарно-технических

экспертов осуществлялась в головных криминалистических подразделениях МВД. В кратчайшие сроки были разработаны нормы комплектации ПТЛ приборами и оборудованием, на основании которых в централизованном порядке осуществлялась поставка комплектов необходимого оборудования и специальной мебели.

Для координации деятельности ПТЛ в составе криминалистических подразделений органов внутренних дел и проведения ими научно-методической работы в 1979 году в ЦНИКЛ МВД СССР создали отделение пожарно-технических исследований, в обязанности которого вошли: производство повторных и наиболее сложных экспертиз по делам о пожарах, обобщение материалов экспертной практики и внесение предложений по ее улучшению, проведение научно-исследовательской работы по совершенствованию известных и разработке новых методов исследования, проведение стажировок и рецензирование заключений экспертов региональных криминалистических подразделений. Первым начальником пожарно-технического отделения был назначен кандидат химических наук М. В. Рубцов, которого затем сменил А. Г. Жданов [5]. В рамках создания ПТЛ в криминалистических подразделения МВД СССР сотрудники экспертно-криминалистического управления и ЦНИКЛ осуществили подбор и закупку специальной и справочной литературы, изданной во Всесоюзном научно-исследовательском институте пожарной охраны МВД СССР (далее – ВНИИПО), Высшей инженерной пожарно-технической школе МВД СССР и других организациях [5]. По итогам работы вновь созданных ПТЛ в 1979 и 1980 годах сотрудники ЦНИКЛ МВД СССР провели критический разбор и обобщение экспертной практики. Результаты этой работы были подробно изложены в статье «Практика производства пожарно-технических экспертиз в криминалистических подразделениях МВД СССР», опубликованной в журнале «Экспертная практика» № 17 за 1981 год. На основании этого, исходя из опыта производства ПТЭ в ЦНИКЛ, за период с 1977 по 1981 год, было подготовлено пособие «Методические рекомендации по производству пожарно-технической экспертизы», авторами которого были М. В. Рубцов, Ю. А. Горшенин, А. В. Маковкин, Е. Р. Россинская, Т. Р. Сарынина, А. А. Столбовский, А. И. Федотов [6].

Фактически с этого момента в системе экспертных подразделений МВД СССР на постоянной основе начала осуществляться научно-методическая деятельность по технико-криминалистическому сопровождению раскрытия и расследования преступлений, сопряженных с пожарами.

В 1983 году ЦНИКЛ МВД СССР вошла в состав Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР (ВНИИ МВД СССР), где ее объединили с криминалистическими, химическими и физическими отделами ВНИИ в Научно-исследовательскую лабораторию (НИЛ-6). В результате данной реорганизации пожарно-техническое отделение включено в состав отдела инженерно-технических экспертиз. Начальником данного отдела стал кандидат юридических наук Леонид Степанович Митричев (рис. 2), а его заместителем назначен кандидат технических наук Александр Иванович Колмаков (рис. 3) [7].

Рис. 2. Митричев Леонид Степанович[2]

В составе отдела по пожарно-техническому направлению работали: С. И. Зернов, А. В. Маковкин, А. Г. Жданов, Б. В. Степанов, Е. Р. Россинская.

Рис. 3. Колмаков Александр Иванович[3]

[2] Фото из архива ЭКЦ МВД России.

[3] Фото из архива ЭКЦ МВД России. Александр Иванович Колмаков – кандидат технических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естественных наук, почетный сотрудник МВД России, лауреат премии Ленинского комсомола. С 1983 по 2009 год руководил пожарно-техническим направлением в головных экспертных учреждениях милиции (НИЛ-6 (ВНИИ МВД СССР), ВНКЦ МВД СССР, ЭКЦ МВД СССР, ЭКЦ МВД России). Автор более 100 научных работ, в т. ч. научных статей, методических пособий и рекомендаций, авторских свидетельств на изобретения.

В 1986 году Л. С. Митричевым, А. И. Колмаковым, Б. В. Степановым и др. были подготовлены и выпущены методические рекомендации «Исследование медных и алюминиевых проводников в зонах короткого замыкания и термического воздействия». Данные методические рекомендации позволили впервые в СССР проводить научно-обоснованные исследования электропроводки, изымаемой с мест пожаров, на предмет установления ее причастности к возникновению пожара.

В 1989 году НИЛ-6 выделился из состава ВНИИ МВД СССР, став самостоятельным подразделением МВД СССР, и был переименован во Всесоюзный научно-криминалистический центр (далее – ВНКЦ) МВД СССР.

В ВНКЦ МВД СССР пожарно-техническое направление вошло в состав 5 отдела, начальником которого в 1990 году стал кандидат технических наук Ю. М. Дильдин, а его заместителем – А. И. Колмаков.

Отдел пополнился специалистами в области пожарно-технической экспертизы в лице экспертов В. Н. Кабанова, В. А. Левина, научных сотрудников В. Ю. Ключникова и В. М. Струкова. Помимо этого, к работе по данному направлению привлекались специалисты в области металлографии и электронной микроскопии – эксперты Э. В. Вртанесьян и Н. В. Иванов, научный сотрудник В. В. Пеньков, лаборант Н. Г. Соколов.

В декабре 1991 года на базе ВНКЦ МВД СССР был создан Экспертно-криминалистический центр МВД СССР, позже переименованный в Экспертно-криминалистический центр МВД России. Штат специалистов по направлению пожарно-технической экспертизы в криминалистических подразделения органов внутренних дел в значительной степени пополнялся за счет бывших сотрудников ИПЛ, относящихся к Пожарной охране (рис. 4) [7].

Рис. 4. Сотрудники ЭКЦ МВД России с рабочим визитом в Санкт-Петербургской высшей пожарно-технической школе МВД России (начало 1990-х)[4]

С момента создания пожарно-технической экспертизы в криминалистических подразделения МВД и по сегодняшний день, несмотря на то, что 1 января 2002 года сотрудники ИПЛ в составе Государственной противопожарной службы были выведены

[4] Фото из архива ЭКЦ МВД России.

из состава МВД России и переданы в состав МЧС России, сохранилось активное взаимодействие в области научно-методического обеспечения и обмена практическим опытом. В частности, на постоянной основе осуществляются контакты с региональными ИПЛ и головным судебно-экспертным подразделением федеральной противопожарной службы МЧС России – Исследовательским центром экспертизы пожаров Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, который на протяжении длительного времени возглавлял один из крупнейших специалистов в области ПТЭ в нашей стране – Илья Данилович Чешко (рис. 5) [8].

Рис. 5. Чешко Илья Данилович[5]

В 1990-х годах в ЭКЦ МВД России публиковалась научная литература, которая существенно расширила и укрепила методическую базу ПТЭ.

В 1990 году опубликовано учебное пособие «Проведение экспертных исследований по установлению причинно-следственной связи аварийных процессов в электросети с возникновением пожара», авторы – А. В. Маковкин, В. Н. Кабанов и др. В пособии рассмотрены все виды возможных аварийных режимов работы электросетей, предложен алгоритм по установлению причинно-следственной связи аварийных процессов с возникновением пожара. Эта работа до настоящего времени является единственным методическим пособием в данной области. Выходят монографии С. И. Зернова (рис. 6),

[5] Фото из архива ЭКЦ МВД России. Илья Данилович Чешко – доктор технических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России. В 1980-х годах – старший, а затем главный научный сотрудник Ленинградского филиала ВНИИПО МВД СССР, в 1990-х – начальник кафедры исследования и экспертизы пожаров Санкт-Петербургской высшей пожарно-технической школы МВД России, а затем Санкт-Петербургского университета МЧС России. Автор более 200 научных трудов: монографий, научных статей, методических пособий и рекомендаций, авторских свидетельств на изобретения, в т. ч. монографий: «Экспертиза пожаров (объекты, методы, методики исследования)», «Анализ экспертных версий возникновения пожара».

в 1992 году – «Расчетные оценки при решении задач пожарно-технической экспертизы», в 1996 году – «Технико-криминалистическое обеспечение расследование преступлений, сопряженных с пожарами».

Рис. 6. Зернов Станислав Иванович[6]

В дальнейшем под руководством А. И. Колмакова было начато активное внедрение технических средств, специализированного и аналитического оборудования в деятельность экспертно-криминалистических подразделений страны по направлению ПТЭ. Начиная с 2000-го года при активном участии кандидата технических наук С. О. Шульгина разрабатываются и внедряются специализированные технические средства и комплекты приборов для инструментального сопровождения осмотров мест пожаров, которыми оснащались региональные ЭКП. Для методического обеспечения поставляемого специализированного оборудования под руководством С.О. Шульгина были разработаны пособия и рекомендации по использованию экспертно-криминалистических средств при исследовании пожара: «Специальные инструментальные методы и средства обеспечения предварительного и экспертного исследования объектов пожарно-технической экспертизы», «Информационное обеспечение работы пожарно-

[6] Фото из архива ЭКЦ МВД России. Станислав Иванович Зернов – доктор юридических наук, кандидат технических наук, профессор, действительный член Национальной академии наук пожарной безопасности, почетный сотрудник МВД России. С 1980 по 2000 год являлся ведущим специалистом в области научно-методического обеспечения технических и правовых аспектов пожарной безопасности, расследования происшествий, связанных с пожарами и нарушениями противопожарных требований, руководителем научного отдела в головных экспертных учреждениях милиции (ВНКЦ МВД СССР, ЭКЦ МВД СССР, ЭКЦ МВД России). Автор и соавтор более 140 научных трудов: монографий, научных статей, методических и учебных пособий и рекомендаций, патентов и авторских свидетельств на изобретения, в т. ч. монографии «Технико-криминалистическое обеспечение расследование преступлений, сопряженных пожарами».

технического эксперта на месте пришествия с использованием компьютерной техники», «Специальное оборудование для исследования мест происшествий по факту пожара и особенности применения», «Применение рентгеновских методов в пожарно-технической экспертизе». В 2003 году выходит работа «Исследование причин возгорания автотранспортных средств», посвященная исследованию автотранспортных средств после пожара (авторы – А. И. Колмаков, В. Ю. Ключников, В. В. Пеньков, С. И. Зернов и др.), где впервые в России изложены методические основы экспертно-криминалистического сопровождения процесса раскрытия и расследования преступлений, связанных с возгоранием автотранспортных средств.

С целью повышения качества ОМП и минимизации потерь криминалистически значимой информации, для проведения инструментальных исследований вещественных доказательств непосредственно на месте пожара была разработана и внедрена в практическую деятельность передвижная пожарно-техническая лаборатория (далее – ППТЛ) на базе автомобиля ГАЗ-2705-034 («Газель»). Начиная с 2012 года в ЭКП поставляется новая ППТЛ на базе автомобиля Peugeot Boxer [9].

В 2009 году в связи с уходом А. И. Колмакова на пенсию пожарно-техническое направление возглавил его заместитель – Валерий Юрьевич Ключников. Под его руководством была продолжена работа по научно-методическому обеспечению и техническому оснащению ЭКП. По пожарно-техническому направлению в это время работали: эксперты В. В. Пеньков, А. В. Довбня, кандидат технических наук А. И. Богатищев, А. С. Казьмёнкин и научные сотрудники – кандидат технических наук С. О. Шульгин и кандидат химических наук Л. В. Дашко.

В 2012 году в сборнике ЭКЦ МВД России опубликованы типовые экспертные методики: «Установление очага пожара при производстве пожарно-технических экспертиз», «Установление технической причины пожара», «Определение причин разрушения медных проводников, изымаемых с мест пожаров» (авторы – В. Ю. Ключников, А .В. Довбня, А. И. Богатищев, Л. В. Дашко, С. О. Шульгин, В. В. Пеньков), которые стали основой для производства ПТЭ во всех ЭКП системы МВД России [10].

При активном участии В. Ю. Ключникова и Л. В. Дашко для решения практических задач при производстве пожарно-технических экспертиз и исследований был внедрен метод синхронного термического анализа. В 2013 году подготовлено учебное пособие «Экспертное исследование наиболее распространенных объектов пожарно-технической экспертизы с применением метода термического анализа». В 2015 году работа заняла I место в конкурсе на лучшую научно-исследовательскую работу МВД России, данная награда стала первой в истории ЭКЦ МВД России в этом конкурсе [11, 12].

Кроме того, в этот период времени в связи со стремительным развитием малой беспилотной авиации была проведена работа по практическому применению беспилотных воздушных судов (далее – БВС) при ОМП. Сотрудники пожарно-технического отделения ЭКЦ МВД России подготовили учебный фильм и несколько научных статьей по применению БВС (мультикоптеров) в рамках производства ПТЭ, что позволило включить их в нормы положенности материально-технических средств для ЭКП и оснастить ими ППТЛ [13].

В период с 2012 года по настоящее время шло активное развитие частных экспертных методик по исследованию наиболее распространенных объектов ПТЭ. Для выявления криминалистически значимых признаков при расследовании преступлений, связанных с поджогами, были разработаны методические основы исследования самодельных зажигательных устройств. В 2016 году совместно с ИЦЭП МЧС России было подготовлено и опубликовано учебное пособие «Экспертное исследование оплавлений медных проводников, изымаемых с мест пожара» (авторы – А. Ю. Мокряк, В. В. Пеньков (рис. 7), И. Д. Чешко и др.),

в котором изложены пути решения частных экспертных задач, наиболее часто встречающихся в процессе установления причастности к возникновению пожара электрических проводников с медными токоведущими жилами [14].

Рис. 7. Эксперт В. В. Пеньков проводит металлографическое исследование[7]

С 2018 года, в связи с уходом на пенсию В. Ю. Ключникова, научно-методическое обеспечение пожарно-технического направления осуществляется под руководством и при непосредственном участии начальника отдела научных исследований по специальным видам экспертиз Л. В. Дашко.

За последующие пять лет была проведена большая научно-исследовательская работа по наиболее актуальным проблемам ПТЭ. Так, взамен ранее выпущенных методических рекомендаций по исследованию причин возгорания автотранспортных средств было подготовлено учебное пособие «Автотранспортные средства, как объект пожарно-технической экспертизы» (авторы – Л. В. Дашко, В. Д. Синюк, В. В. Пеньков, А. В. Довбня (рис. 8). В 2020 году работа заняла III место в конкурсе на лучшую научно-исследовательскую работу МВД России [15].

[7] Фото из архива ЭКЦ МВД России.

Рис. 8. Эксперт А. В. Довбня осматривает сгоревший автомобиль[8]

В 2019–2020 годах в ЭКЦ МВД России была проведена научно-исследовательская работа «Возможности обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук на местах пожаров» (авторы – Ю. А. Донцова, А. В. Ивашкова, В. Ю. Крисанова, М. А. Яковенко, Л. В. Дашко), которая показала, что после пожара на объектах вещной обстановки возможно обнаружение следов рук человека, подлежащих идентификации. По итогам работы подготовлено учебно-практическое пособие, в котором изложены наиболее эффективные способы и приемы выявления, фиксации и изъятия следов рук на месте происшествия после пожара. За данную работу в 2021 году члены авторского коллектива были награждены Премией МВД России за достижения в науке и технике [16].

В 2021 году в ЭКЦ МВД России подготовлены и внедрены в экспертную практику методические рекомендации «Производство судебных экспертиз по фактам взрывов топливно-воздушных смесей в зданиях и сооружениях» (авторы – Л. В. Дашко, К. Д. Старостин, В. Д. Синюк, А. А. Шатохин), в которых изложены сведения и методы, позволяющие устанавливать причинно-следственную связь между пожаром и объемным взрывом. Данная работа в 2023 году работа заняла II место в конкурсе на лучшую научно-исследовательскую работу МВД России [17, 18].

В связи с возросшим количеством лесных пожаров на территории Российской Федерации сотрудниками ЭКЦ МВД России было подготовлено к печати учебно-практическое пособие «Экспертно-криминалистическое сопровождение расследования и раскрытия преступлений, сопряженных с лесными пожарами» (авторы – Ю. С. Алдатов, А. В. Довбня, В. Ю. Крисанова, В. С. Крапивин).

За годы существования пожарно-технического направления в системе МВД России пожарно-техническими экспертами на высоком профессиональном уровне выполнен ряд особо сложных экспертиз по происшествиям, имевшим большой общественный резонанс.

[8] Фото из архива ЭКЦ МВД России.

В 2001 году на космической станции «Мир» произошло воспламенение кислородной установки. В результате проведенной экспертизы сотрудники ЭКЦ МВД России установили истинную техническую причину пожара и полностью исключили вину космонавтов [19].

В 2009 году во время пиротехнического шоу в клубе «Хромая лошадь» произошел пожар, в котором погибли 156 человек. В ходе выполнения экспертизы были проведены модельные эксперименты и впервые в отечественной экспертной практике применен метод синхронного термического анализа, что позволило научно обосновать механизм возникновения и развития горения, и тем самым уставить техническую причину произошедшего пожара. Результаты экспертизы стали весомым доказательством в суде при вынесении обвинительного приговора виновным лицам.

В 2013 году пожар в психиатрической больнице Дмитровского района Московской области унес жизни 38 человек. В результате проведенных исследований с применением БПЛА удалось установить истинную причину возгорания – ненадлежащее техническое состояние электропроводки. При этом была опровергнута первоначальная версия, основанная на показаниях сотрудников больницы, что пожар произошел из-за курения в неположенном месте одного из пациентов.

В 2019 году на судоремонтной верфи в городе Мурманске произошло возгорание на авианесущем крейсере «Адмирал Кузнецов». Было установлено, что причиной пожара явилось нарушение техники безопасности при проведении ремонтно-восстановительных сварочных работ.

На сегодняшний день пожарно-техническое направление представлено 200 экспертами в 70 ЭКП и в ЭКЦ МВД России в составе отдела взрыво- и пожарно-технических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз, который с 2022 года возглавляет Ю. С. Алдатов. В настоящее время в ЭКЦ МВД России пожарно-техническое направление представлено: экспертами А. В. Довбней, В. Д. Синюком и Д. Н. Множиной и научными сотрудниками Л. В. Дашко, В. Ю. Крисановой и В. В. Пеньковым.

За время существования пожарно-технического направления специалистами Центра был накоплен богатый практический опыт по установлению причин возникновения пожаров, анализ и обобщение которого позволило разработать и внедрить в практическую деятельность специальные технические средства и методы, основанные на использовании новых методических разработок, что в свою очередь способствовало повышению эффективности проведения ПТЭ. На постоянной основе в ЭКЦ МВД России для сотрудников ЭКП проводится обучение по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации в форме стажировки по экспертной специальности «Пожарно-технические экспертизы и исследования». Занятия проводят сотрудники отделов взрыво- и пожарно-технических экспертиз и научных исследований по специальным видам экспертиз.

В 2007 года в Восточно-Сибирском институте МВД России в г. Иркутске в связи с введением новой программы обучения по специальности «судебный эксперт» была создана кафедра пожарно-технической экспертизы (далее – кафедра). Кафедра сформирована на базе кафедры организации и экономики в государственной противопожарной службе, кафедры оперативно-тактических дисциплин и кафедры естественно-научных дисциплин. Первым начальником кафедры был назначен кандидат химических наук, доцент А. Н. Егоров. Сотрудниками кафедры стали: В. С. Зырянов, Г. В. Плотникова, А. А. Шеков и др.

За время существования на кафедре прошли обучение более 300 слушателей, в том числе из Монголии, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана. В настоящее время выпускники кафедры работают на различных должностях, в том числе руководящих, в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России.

Наряду с обучением сотрудниками кафедры осуществляется научная деятельность по совершенствованию экспертно-криминалистической деятельности в области ПТЭ. В сентябре 2021 года кафедра была реорганизована и вошла в состав кафедры судебно-экспертной деятельности, которую в настоящее время возглавляет полковник полиции А. А. Шеков [20].

Как результат многолетней плодотворной работы стало подписание соглашения о сотрудничестве Восточно-Сибирского института МВД России и Экспертно-криминалистического центра МВД России от 31 июля 2023 года № 243 по вопросам подготовки кадров для ЭКП с учетом приоритетного профиля подготовки института – «Деятельность экспертно-криминалистических подразделений по производству автотехнической и пожарно-технической экспертиз» и совершенствования деятельности ЭКП [21].

Созданный научно-методический фундамент и техническая база ПТЭ в системе МВД России позволяют эффективно осуществлять экспертно-криминалистическую деятельность, постоянно осваивать и совершенствовать передовые технологии, и внедрять их в экспертную практику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дашко Л. В., Пеньков В. В. По следам огня // Полиция России: правовой литературно-публицистический международный журнал МВД России. 2023. № 8. С. 12–15.

2. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Ключников В. Ю. Технико-криминалистическое обеспечение расследования пожаров в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России // Судебная экспертиза Беларуси. 2017. № 1 (4). С. 63–68.

3. Уткин С. В. Испытательной пожарной лаборатории по Санкт-Петербургу – 70 лет // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности, 2015. № 3. С. 16–22.

4. Чешко И. Д., Махин В. С., Плотников В. Г. Научно-техническое обеспечение расследования пожаров: состояние и направления развития // Пожарная безопасность. 2002. № 3. С. 82–86.

5. Митричев Л. С., Рубцов М. В., Кабенкин Л. В. Об организации производства пожарно-технических экспертиз в криминалистических подразделениях органов внутренних дел // Экспертная практика, 1982. № 19. С. 19–23.

6. Рубцов, М. В., Столбовский, А. А., Маковкин А. В. Практика производства пожарно-технических в криминалистических подразделениях МВД СССР // Экспертная практика, 1981. № 17. С. 96–103.

7. Зинин А. М., Скороченко П. Т. 85 лет Экспертно-криминалистической службе органов внутренних дел России : сб. ст. М. : ЭКЦ МВД России, 2004. 288 с.

8. Зернов С. И., Денисов А. Н., Файзуллин З. Г. Испытательные пожарные лаборатории на современном этапе реформирования государственной противопожарной службы // Вестник Академии Государственной противопожарной службы МЧС России. 2006. № 5. С. 76–85.

9. Ключников В. Ю., Дашко Л. В. Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического обеспечения расследования пожаров в системе МВД России // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : сб. мат-лов VI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Юрия Кузьмича Орлова. Москва, 2017. С. 207–210.

10. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II. / под ред. А. Ю. Семёнова : общ. ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2012. 800 с.

11. Дашко Л. В., Ключников В. Ю. Экспертное исследование наиболее распространенных объектов пожарно-технической экспертизы с применением метода термического анализа : учеб. пособие. М. : ЭКЦ МВД России, 2016. 128 с.

12. Дашко Л. В., Довбня А. В., Ключников В. Ю. Применение методов термического анализа при производстве пожарно-технических экспертиз // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России/ 2012. № 1 (60). С. 59–65.

13. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Пеньков В. В. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов для фиксации обстановки на месте пожара // Научный портал МВД России. 2017. № 4 (40). С. 53–59.

14. Мокряк А. Ю., Пеньков В. В., Чешко И. Д., Шульгин С. О., Парийская А. Ю., Колмаков А. И. Экспертное исследование оплавлений медных проводников, изымаемых с места пожара. М. : ЭКЦ МВД России, 2016. 80 с.

15. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Пеньков В. В., Довбня А. В. Автотранспортные средства как объект пожарно-технической экспертизы : учеб. пособие / под ред. канд. хим. наук Л. В. Дашко. М. : ЭКЦ МВД России, 2022. 152 с.

16. Донцова Ю. А., Ивашкова А. В., Крисанова В. Ю., Яковенко М. А., Дашко Л. В. Обнаружение, выявление, фиксация и изъятие следов рук на местах пожаров : учеб.-практ. пособие. М. : ЭКЦ МВД России, 2022. 80 с.

17. Дашко Л. В., Порошин П. В., Синюк В. Д. Проблемы методологического обеспечения расследования преступлений по фактам взрывов топливно-воздушных смесей в системе МВД России // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : сб. мат-лов VIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 28–29 января 2021 г.). М., 2021. С. 67–71.

18. Гераськин М. Ю., Дашко Л. В., Шеков А. А. Особенности исследования взрывов топливно-воздушных смесей, образованных горючей пылью // Судебная экспертиза. 2024. № 3 (79). С. 91–104.

19. Дашко Л. В., Ключников В. Ю., Панасюгина Л. Е. Установление криминалистами МВД России причины пожара на орбитальной станции «МИР» // Научно-практический альманах «Профессионал». 2017. 5 (139), С. 40–42.

20. Шеков А. А., Дашко Л. В. Взаимодействие Восточно-Сибирского института МВД России с экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России в области научно-методического обеспечения судебной пожарно-технической экспертизы // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 15–16 июня 2023 г.). Иркутск, 2023. С. 281–283.

21. Дашко Л. В., Крисанова В. Ю. Реализация соглашения о сотрудничестве экспертно-криминалистического центра МВД России с Восточно-Сибирским институтом МВД России // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 105-летию Экспертно-криминалистической службы МВД России (г. Иркутск, 6–7 июня 2024 г.). Иркутск, 2024. С. 124–130.

REFERENCES

1. Dashko L. V., Pen'kov V. V. Po sledam ognya [In the footsteps of fire]. Ezhemesyachnyj pravovoj literaturno-publicisticheskij mezhdunarodnyj zhurnal Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii «Policiya Rossii» – Monthly legal literary and journalistic international magazine of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation «Police of Russia», 2023, no. 8, pp. 12-15. (In Russ.).

2. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Klyuchnikov V. Yu. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya pozharov v ekspertno-kriminalisticheskih podrazdeleniyah sistemy

MVD Rossii [Technical and forensic support for fire investigations in forensic units of the Russian Ministry of Internal Affairs]. Sudebnaya ekspertiza Belarusi – Journal of Forensic Expertise of Belarus. 2017, no. 1 (4), pp. 63-68. (In Russ.).

3. Utkin S. V. Ispytatel'noj pozharnoj laboratorii po Sankt-Peterburgu – 70 let [The St. Petersburg Fire Testing Laboratory is 70 years old]. Nadzornaya deyatel'nost' i sudebnaya ekspertiza v sisteme bezopasnosti – Journal of Supervisory activities and forensics in the security system. 2015, no. 3, pp.16-22. (In Russ.).

4. Cheshko I. D., Mahin V. S., Plotnikov V. G. Nauchno-tekhnicheskoe obespechenie rassledovaniya pozharov: sostoyanie i napravleniya razvitiya [Scientific and technical support for fire investigation: status and development directions]. Pozharnaya bezopasnost' – Journal of Fire safety. 2002, no. 3, pp. 82-86. (In Russ.).

5. Mitrichev L. S., Rubcov M. V., Kabenkin L. V. Ob organizacii proizvodstva pozharno-tekhnicheskih ekspertiz v kriminalisticheskih podrazdeleniyah organov vnutrennih del [On the organization of production of fire-technical expertises in forensic units of internal affairs agencies]. Ekspertnaya praktika – Journal of Expert practice. 1982, no. 19, pp. 19-23. (In Russ.).

6. Rubcov M. V., Stolbovskij A. A., Makovkin A. V. Praktika proizvodstva pozharno-tekhnicheskih v kriminalisticheskih podrazdeleniyah MVD SSSR [Practice of production of fire-technical equipment in forensic units of the USSR Ministry of Internal Affairs]. Ekspertnaya praktika – Journal of Expert practice. 1981, no. 17, pp. 96-103. (In Russ.).

7. Zinin, A. M., Skorochenko, P. T. 85 let Ekspertno-kriminalisticheskoj sluzhbe organov vnutrennih del Rossii. Sbornik statej. [85 years of the Forensic Science Service of the Russian Internal Affairs Bodies. Moscow, 2004, 288 p. (In Russ.).

8. Zernov S. I., Denisov A. N., Fajzullin Z. G. Ispytatel'nye pozharnye laboratorii na sovremennom etape reformirovaniya gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby [Fire testing laboratories at the current stage of reforming the state fire service]. Vestnik Akademii Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MChS Rossii – Bulletin of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2006, no. 5, pp. 76-85. (In Russ.).

9. Klyuchnikov V. Yu., Dashko L. V. [Current state and prospects for the development of technical and forensic support for fire investigations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy v sovremennyh usloviyah. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj pamyati zasluzhennogo yurista RF, doktora yuridicheskih nauk, professora Yuriya Kuz'micha Orlova [Theory and practice of forensic expertise in modern conditions. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Yuri Kuzmich Orlov]. Moscow, 2017, pp. 207-210. (In Russ.).

10. Semenova A. Yu. Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennyh dokazatel'stv. [Standard expert methods for studying material evidence]. Moscow, 2012, 800 p. (In Russ.).

11. Dashko L. V., Klyuchnikov V. Yu. Ekspertnoe issledovanie naibolee rasprostranennyh ob"ektov pozharno-tekhnicheskoj ekspertizy s primeneniem metoda termicheskogo analiza [Expert study of the most common objects of fire-technical expertise using the method of thermal analysis]. Moscow, 2016, 128 p. (In Russ.).

12. Dashko L. V., Dovbnya A. V., Klyuchnikov V. Yu. Primenenie metodov termicheskogo analiza pri proizvodstve pozharno-tekhnicheskih ekspertiz [Application of thermal analysis methods in the production of fire-technical expertises]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia., 2012, no. 1 (60), pp. 59-65. (In Russ.).

13. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Pen'kov V. V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya bespilotnyh letatel'nyh apparatov dlya fiksacii obstanovki na meste pozhara [Possibilities of using unmanned aerial vehicles to record the situation at the site of a fire]. Nauchnyj portal MVD Rossii – Journal of the Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 4 (40), pp. 53-59. (In Russ.).

14. Mokryak A. Yu., Pen'kov V. V., Cheshko I. D., Shul'gin S. O., Parijskaya A. Yu., Kolmakov A. I. Ekspertnoe issledovanie oplavlenij mednyh provodnikov, izymaemyh s mesta pozhara. [Expert study of melting of copper conductors removed from the fire scene]. 2016, 80 p. (In Russ.).

15. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Pen'kov V. V., Dovbnya A. V. Avtotransportnye sredstva kak ob"ekt pozharno-tekhnicheskoj ekspertizy [Motor vehicles as an object of fire-technical expertise]. 2022, 152 p. (In Russ.).

16. Doncova Yu. A., Ivashkova A. V., Krisanova V. YU., Yakovenko M. A., Dashko L. V. Obnaruzhenie, vyyavlenie, fiksaciya i iz"yatie sledov ruk na mestah pozharov [Detection, identification, recording and removal of handprints at fire sites]. 2022, 80 p. (In Russ.).

17. Dashko L. V., Poroshin P. V., Sinyuk V. D. [Problems of methodological support for the investigation of crimes based on explosions of fuel-air mixtures in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy v sovremennyh usloviyah. materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii – In the collection: Theory and practice of forensic expertise in modern conditions. materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2021, pp. 67-71. (In Russ.).

18. Geras'kin M. Yu., Dashko L. V., Shekov A. A. Osobennosti issledovaniya vzryvov toplivno-vozdushnyh smesej, obrazovannyh goryuchej pyl'yu [Peculiarities of the study of explosions of fuel-air mixtures formed by combustible dust]. Sudebnaya ekspertiza– Journal of Forensics, 2024, no. 3 (79), pp. 91-104. (In Russ.).

19. Dashko L. V., Klyuchnikov V. Yu., Panasyugina L. E. Ustanovlenie kriminalistami MVD Rossii prichiny pozhara na orbital'noj stancii «MIR» [Establishment of the cause of the fire at the MIR orbital station by criminologists of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Nauchno-prakticheskij «Professional» – Scientific-practical almanac "Professional", 2017, no. 5 (139), pp. 40-42. (In Russ.).

20. Shekov A. A., Dashko L. V. [Interaction of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of scientific and methodological support of forensic fire-technical expertise]. Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah. Sbornik materialov XXVIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXVIII International Scientific and Practical Conference]. Irkutsk, 2023, pp. 281-283. (In Russ.).

21. Dashko L. V., Krisanova V. Yu. [Implementation of the cooperation agreement between the forensic center of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Aktual'nye problemy kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 105-letiyu Ekspertno-kriminalisticheskoj sluzhby MVD Rossii [Current issues of criminalistics and forensic expertise. Collection of materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 105th anniversary of the Forensic Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Irkutsk, 2024, pp. 124-130. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашко Леонид Васильевич, кандидат химических наук, начальник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований. Экспертно-криминалистический центр МВД России. 125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5.

Пеньков Валерий Владимирович, старший научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований. Экспертно-криминалистический центр МВД России, 125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5.

Синюк Вадим Дмитриевич, старший эксперт отдела взрыво- и пожарно-технических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз. Экспертно-криминалистический центр МВД России. 125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5.

Шеков Анатолий Александрович, кандидат химических наук, доцент, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dashko Leonid Vasilevich, Candidate of chemical sciences, Head of the Department of Scientific Research on Specialized Types of Expertise and Forensic Support for Combating Drug-Related Crime of the Scientific Research Directorate. Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 5 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125130.

Penkov Valery Vladimirovich, Senior Researcher of the Department of Scientific Research on Specialized Types of Expertise and Forensic Support for Combating Drug-Related Crime of the Scientific Research Directorate. Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 5 Zoya and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125130.

Sinyuk Vadim Dmitrievich, senior expert of the explosion and fire-technical expertise department of the engineering and technical expertise department. Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 5 Zoya and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125130.

Shekov Anatoly Aleksandrovich, Candidate of chemical sciences, associate professor, head of the forensic science department of the federal state budgetary educational institution. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 54–65.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no. 1 (112). Pp. 54–65.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 347.78

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ ВО ФРАНЦИИ: ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Карпухина Асият Джабраиловна
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
st209271@student.spbu.ru

Введение. В статье анализируются культурные аспекты, способствовавшие становлению системы авторских прав во Франции с особым вниманием к роли философских идей эпохи Просвещения и событий Великой Французской революции. Основным предметом исследования является взаимодействие культурных трансформаций с развитием теоретических основ авторского права. Французская философия Просвещения и революционные процессы оказали значительное влияние на развитие системы авторских прав не только во Франции, но и в других странах мира, включая Россию. Их изучение способствует более глубокому пониманию, как общественно-политические изменения и философские идеи способствуют формированию правовых норм. Исследование исторического контекста становления системы авторских прав Франции показывает, как философия Просвещения и революционные процессы повлияли на развитие авторского права. Для России понимание этих основ может помочь в осмыслении и адаптации национального законодательства с учетом современных вызовов и показать необходимость учитывать культурные и исторические аспекты при разработке правовых норм.

Материалы и методы. Автор подробно анализирует ключевые работы философов Просвещения, таких как Джон Локк и Дени Дидро, которые способствовали переходу от феодально-абсолютистской системы к новым представлениям об естественных правах, используя подходы истории политических и правовых учений: биографический, историко-понятийный и доктринальный.

Результаты исследования позволили глубже понять культурные аспекты и философские идеи, повлиявшие на становление и развитие системы авторских прав во Франции, а также оценить их влияние на формирование современных подходов к регулированию интеллектуальной собственности в разных странах.

Выводы и заключения. Автор отмечает, что изменения, произошедшие в авторском праве Франции эпохи Просвещения, отражали социально-политические преобразования, происходившие в обществе, и были обусловлены идеями Просвещения о естественных правах человека, включая право на интеллектуальную собственность. Так, до революции система авторского права во Франции базировалась на системе привилегий, предоставляемых авторам суверенами. Однако с началом революции эта система начала подвергаться серьезной критике

© Карпухина А. Д., 2025

и была постепенно заменена новыми подходами к авторскому праву. Основные выводы исследования подчеркивают, что философские идеи эпохи Просвещения стали основанием для формирования новой парадигмы авторских прав, охватывающей личные и имущественные интересы авторов.

Ключевые слова: авторское право Франции; объекты авторского права; Французская революция; философия Просвещения; доктрина «droit d'auteur»; англо-саксонская система («copyright»)

Для цитирования: Карпухина А. Д. Культурные аспекты формирования авторских прав во Франции: влияние философии Просвещения и революционных процессов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.- практический журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 54–65.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

CULTURAL ASPECTS OF COPYRIGHT FORMATION IN FRANCE: THE INFLUENCE OF THE PHILOSOPHY OF THE ENLIGHTENMENT AND REVOLUTIONARY PROCESSES

Asiat D. Karpuhina
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
st209271@student.spbu.ru

Introduction. The article analyses the cultural aspects that contributed to the establishment of the copyright system in France, with particular attention to the role of philosophical ideas of the Enlightenment and events of the Great French Revolution. The main subject of research is the interaction of cultural transformations with the development of theoretical foundations of copyright. The French philosophy of enlightenment and revolutionary processes have had a significant influence on the development of the copyright system not only in France, but also in other countries of the world, including Russia. Their study contributes to a deeper understanding of how social and political changes and philosophical ideas contribute to the formation of legal norms. An investigation of the historical context of the development of the copyright system in France shows how the philosophy of the Enlightenment and revolutionary processes influenced the development of copyright. For Russia, understanding these fundamentals can help in the comprehension and adaptation of national legislation to modern challenges and show the need to consider cultural and historical aspects when developing legal norms.

Materials and Methods. The author analyzes in detail key works of philosophers of the Enlightenment, such as John Locke and Denis Diderot, who promoted the transition from the feudal-absolute system to new conceptions of natural rights, using approaches of political history and legal teachings: Biographical, historical-conceptual and doctrinal.

The Results of the Study have allowed a deeper understanding of cultural aspects and philosophical ideas that influenced the establishment and development of the copyright system in France, and to assess their impact on the development of modern approaches to intellectual property regulation in different countries.

Findings and Conclusions. The author notes that the changes in French Enlightenment copyright reflected the socio-political transformations taking place in society and were influenced by the ideas of the Enlightenment about natural human rights, including the right to intellectual property. Thus, before the revolution, the copyright system in France was based on a system of privileges granted to authors by sovereigns. However, with the revolution, this system began to be severely criticized and was gradually replaced by new approaches to copyright. The main conclusions of the study emphasize that the philosophical ideas of the Enlightenment became the basis for the formation of a new paradigm of copyright, which covers the personal and property interests of authors.

Keywords: French intellectual property rights; objects of intellectual property rights; the French Revolution; philosophy of Enlightenment; the doctrine of «droit d'auteur»; Anglo-Saxon system («copyright»)

For citation: Karpukhina A. D. Kulturnye aspekty formirovaniia avtorskikh prav vo Frantsii vliianie filosofii Prosveshcheniia i revoliutsionnykh protsessov [Cultural aspects of copyright formation in France: the influence of the philosophy of the Enlightenment and revolutionary processes]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no 1 (112), pp. 54–65.

Авторское право – один из ключевых элементов современной правовой системы, регулирующий отношения, связанные с созданием и использованием произведений литературы, искусства и науки. Современное авторское право Франции – результат многовекового процесса, насчитывающего несколько сотен лет и начавшегося с Французской революции, которая привнесла радикальные изменения в эту область. Тем не менее, совершенно неверно будет утверждать, что исключительно революционные процессы во Франции конца XVIII века стали основой, на которой стало формироваться авторское право в его современном виде, то есть буржуазное авторское право. Естественно, оно не могло появиться просто так. Несмотря на комплексное исследование истории становления авторского права во Франции, российская юридическая наука, к сожалению, лишь поверхностно рассматривает вопрос влияния философских идей Просвещения на генезис авторского права в странах континентально-правовой семьи, в частности, во Франции, оставляя без внимания более глубинный культурный пласт, чтобы понять, как культурные предпосылки повлияли на теорию авторского права.

Прежде чем анализировать становление французской теории авторского права, стоит также рассмотреть, во-первых, идеи философов-просветителей, которые повлияли на законодательство. Возникает вопрос, как революция в теории авторского права на произведение стала возможной во Франции периода абсолютизма. Безусловно, важны экономические и политические предпосылки этого события. С другой стороны, на радикальные перемены в обществе повлияла культура, в первую очередь – философия того периода. Во-вторых, важно затронуть другой аспект – непосредственно конституционные акты, законодательство и доктрину французских правоведов с целью выявить развитие центрального института гражданского права – права собственности: становление теории современной авторской собственности, а также развитие и дифференциацию данного института в дальнейшем.

Революциям предшествовала «революция в умах», связанная с идеями философов Просвещения, которые критиковали феодализм и абсолютизм. Как отмечает В. С. Нерсесянц, Просвещение стало значимым культурным движением, способствующим переходу к капитализму.

Первым значимым нормативно-правовым актом в сфере авторского права следует считать «Статут королевы Анны», официально принятый в Англии в 1710 году. Данный закон обеспечивал авторам возможность охраны своих печатных произведений, закрепляя за ними исключительное право на публикацию своих трудов в течение установленного временного периода. Тем самым, «Статут королевы Анны» заложил фундамент для дальнейшего развития концепции авторских прав, став первым шагом к формированию современного их понимания и регулирования. Закон также обосновал авторское право в контексте естественных прав (ius naturale) [1, с. 117]. В дальнейшем данная концепция уже после Английской революции будет поддержана Дж. Локком в виде теории трудовой собственности, которая была обоснована в его труде «Два трактата о правлении». Он говорит о том, что, исходя из состояния равенства людей, никто не может причинить вред собственности другого человека, поскольку человек, используя труд как средство присвоения права собственности, приносит пользу обществу [2, с. 13]. Развивая эту мысль, можно вывести следующий тезис: собственность есть то, что было создано трудом человека, физическим или интеллектуальным. Отсюда следует следующее суждение: если произведения автора созданы в результате творчества человека, то они также являются священной и неприкосновенной собственностью, которую никто не может отнять. Тем не менее, в рамках доктрины «оригинального гения», высказывая мнение, что права авторов должны быть в некоторой степени ограничены общим благом, должно оставаться место для «общего пользования». Представляется, что Джон Локк имеет ввиду прежде всего то, что произведение должно быть публичной собственностью. Конечно, английский философ напрямую не говорит об этом, однако его теория оказала огромное влияние на французских писателей и философов, а затем и законодателя.

На данном этапе рассуждений над теорией Локка, возникает закономерный вопрос, как рассматривать право автора на произведение: должно ли оно быть полноценной собственностью, либо же оно является вознаграждением за труд. Перед этим, важно отметить, что существует две главные концепции в интерпретации авторского права. Первой является английская система, обозначенная термином «copyright», что дословно переводится как «право на копирование» или «право на произведение», и представляет собой английскую доктрину авторского права. Второй подход основан на французской концепции «droit d'auteur», которая переводится как «право автора». Эти две системы различаются не только в терминах, но и в том, как они регулируют и защищают авторские права. И разница между ними отнюдь не только лингвистическая, разница в самой сущности института. В первом термине акцент ставится на коммерческую составляющую и стимулирует автора создавать новые произведения, в то время как второй термин апеллирует непосредственно к личности автора, то есть оно привязано к его личности. Вышеперечисленные различия исходят из национальных особенностей, в первую очередь из-за различий в континентальной (романо-германской) правовой семьи и семьи Common law, а также из-за судебной практики, которая сформировалась к тому моменту в Англии и во Франции.

В Англии получила распространение вторая точка зрения о том, что нельзя одному лицу присваивать идеи, которые могут быть полезны обществу (доктрина «ограниченного гения») [3]. Суть этой доктрины заключается в убеждении, что идеи, обладающие потенциалом приносить пользу обществу, не должны быть монополизированы единственным автором или создателем. В обсуждении интеллектуальной собственности в литературе Раймонд Бёрн представил интересный аргумент относительно того, как произведения воспринимались в Англии. Он выдвигает идею о том, что литературные произведения и механические изобретения схожи по своей сути, указывая на их уникальность

и индивидуальность. По мнению Бёрна, из-за этого сходства, ни одно из них не должно считаться собственностью в традиционном понимании, которая подлежит защите по нормам Общего права, или Common Law. Собственность автора на произведение не должна быть неограниченной, так как мысли принадлежат обществу, то есть оно должно быть общественным достоянием, что соответствует прогрессу и идеалам эпохи Просвещения. Бёрн также касается важной темы о том, как право собственности на литературное произведение не должно быть абсолютным. Он подчеркивает, что мысли и идеи по своей природе принадлежат всему человечеству, и в этом контексте, ограничивать доступ к ним кажется противоречивым принципам прогресса и развития [4, с. 53]. Данная концепция не была развита впоследствии. В судебной практике, например, в делах «Тонсон против Коллинза» [4, с. 53] и «Миллар против Кинкейда» [5, с. 109], сформировалась иная точка зрения. Признавая произведение как уникальное творение, акцент был смещён с идеи как общественного блага на форму и стиль, демонстрируя значимость навыков автора и оригинальности. Это стало аргументом для установления правовой связи между автором и его произведением.

В начале XVIII века, в частности в 1725 году, во Франции начинается развитие теории естественного права на авторские произведения. Этот процесс инициирован конфликтом между издателями и книготорговцами [6, с. 52]. Дело в том, что, как и во многих феодальных странах Европы, авторы получали привилегии на публикацию от суверенов, однако к моменту Французской революции 1789 года эта система утратила актуальность. В это время парижские книготорговцы активно пытались восстановить своё монопольное положение на рынке книжной торговли, чтобы укрепить своё лидирующее влияние в данной отрасли [7, с. 15]. Эти преобразования происходили на фоне изменений в государственной политике, которые имели место в 1725 году, когда королевская власть приняла решение отменить чрезмерные исключительные привилегии книготорговцев. Такое решение инициировало процесс разработки теоретической концепции авторского права, в которой акцентировалось внимание на естественном и бессрочном характере прав авторов на свои произведения. Эта концепция позволяла авторам самостоятельно распоряжаться своими авторскими правами, в том числе посредством их передачи или продажи, что, в свою очередь, открывало возможность для книготорговцев приобретать права на произведения на пожизненной основе [7, с. 128].

Во второй половине XVIII века авторы начинают осознавать значимость своих произведений и необходимость вознаграждения за литературную деятельность. Возникает двоякая ситуация: произведение рассматривается как имущество, но также является результатом вдохновения автора. Теория Локка была использована юрисконсультом Луи Д'Эрикуром, который выступал защитником парижских издателей, защищавших свои привилегии. Он писал, что сочинение является настолько собственностью его автора, что лишать его такого права собственности так же недопустимо, как и лишать его денег, товаров или даже земли [8]. С другой стороны, ему противостояла другая точка зрения. Легитимация авторского права с точки зрения её сторонников состояла в том, что литературная собственность априори не является справедливой, ибо идеи являются достоянием всего общества, а не только одного человека. То есть они исходят из идеи «общественной пользы», которая предполагает ограничение права авторов. Однако после Французской революции первая позиция утвердилась в французской доктрине. Другой французский философ Д. Дидро развивает положения своих предшественников и говорит о том, что право автора на произведение не зависит от выданных сюзереном привилегий, а является личной собственностью. То есть произведение автора, вне зависимости от жанра, обладает, как писал Д. Дидро, «торговой ценностью», а именно обладает имущественной ценностью.

Развитие этой теории подрывало прежние основы феодального права, а также прежние основы литературной деятельности. Прежнее положение авторов, которые были связаны системой привилегий, начало разрушаться. Особенно интересен в данном случае Указ Государственного Королевского совета от 30 августа 1777 года, положения которого были направлены в пользу автора произведения: одно из них разграничило сферы действия привилегий автора, которые действовали в течение всей его жизни, и издателя, срок действия привилегий которого заканчивался со времени смерти автора произведения. Это позволяло автору передать издателю право печатать, издавать и продавать произведение – таким образом, формируется ограниченное droit d'edition. С другой стороны, Королем Франции признавалось, что привилегия – это милость, которая основана на справедливости и цели вознаградить автора за его труд. То есть прежняя система патронажа не исчезла, она несколько видоизменилась. Система привилегий на торговлю книгами оставалась прежней с изданием Указа Государственного Королевского совета в 1777 году по двум отдельным, но связанным между собой причинам. Во-первых, они служили главным инструментом цензуры вплоть до 1789 года, так как с конца XVI века выполняли роль своеобразного «разрешения» на печатание. Цензура, как считалось, охраняла католическое основание абсолютного суверенитета короля. Во-вторых, изначальное обоснование этих привилегий – уникальность и специфичность понятия «авторское право», которое уже тогда регулировалось королевскими законами. Несмотря на то, что нематериальную природу произведений трудно было определить, считалось, что публикация книги делает её доступной общественности. Как отмечал Антуан-Луи Сегье, генеральный адвокат (прокурор), представлявший короля перед Парижским парламентом, автор печатает свое произведение лишь для того, чтобы распространять его и передавать публике. С этого момента публика становится совладельцем этой собственности, и каждый покупатель становится настоящим владельцем копий, которые он приобрел. По аналогии с землей, которую невозможно огородить забором, подделка книг становилась очень простой задачей. Поэтому писатели передавали своё творчество публике, сохраняя при этом право на распространение своих идей, а государство через свою власть обеспечивало защиту этого права. Даже несмотря на то, что сами привилегии на книжную торговлю не делали литературу уникальной, хрупкость авторской собственности всё равно требовала королевской защиты [9].

Ключевыми для понимания терминологии права собственности являются Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 и 1793 годов, а также Декларация прав и обязанностей человека и гражданина 1795 года. Рассматривая ст. 2 Декларации прав человека и гражданина 1789 года, можно выделить перечень «естественных и неотчуждаемых прав», выделить свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. В чём же состоит свобода, по мнению авторов Декларации? Это возможность делать всё, что не наносит вреда другому [8, с. 54–60]. Безопасность понимается в Декларации весьма здраво – это безопасность личности, её прав, в том числе и собственности. Среди свобод в Декларации перечислены индивидуальная свобода (ст. 7–-9) и свобода печати (ст. 11). На первый взгляд кажется, что эти принципы, выражающие, в целом, идеалы Просвещения, никак между собой не связаны. Однако это не так. В труде английского философа Дж. Локка «Два трактата о правлении» собственность и свобода понимались как взаимосвязанные вещи. Он пишет, что «Всякий человек имеет собственность <…>. Труд его тела и работа его рук <…> по праву ему принадлежит» (§ 27) [10, с. 250]. Люди же, с точки зрения философа, «объединяются для сохранения жизни друг друга, свобод и владений, того, что я называю общим именем – собственность» (§ 123) [10, с. 347]. Она объявлялась, в соответствии со ст. 17, священным, неприкосновенным правом человека, хотя оговаривается, что имущество всё же можно изъять

– из соображений общественной пользы. Собственность, в свою очередь, предполагает признание вещных прав со стороны неограниченного круга лиц.

В дальнейшем, уже в Декларации 1793 года, право собственности было дополнено возможностью свободного пользования и распоряжения имуществом. Это стало основой для дальнейшего развития французской доктрины права собственности. В частности, при разработке первого проекта Гражданского кодекса, Жан-Жак Режи де Камбасарес предложил следующую дефиницию: «*право собственности на имущество – это право лица, в ведении которого оно находится, пользоваться и распоряжаться имуществом»* [11]. Ст. 5 Декларации прав и обязанностей человека и гражданина 1795 года определяет право собственности так: это право пользоваться и распоряжаться своим имуществом, доходами и плодами своего труда и производства[1]. Таким образом, и в определении Камбасереса, и в ст. 5 право собственности охватывает не только движимое и недвижимое имущество, но и авторские права, смежные права и иные результаты интеллектуальной деятельности. Следует отметить, что дифференциация движимого имущества началась ранее с декретов 1790 и 1793 годов, устанавливающих права изобретателей и авторов на их произведения, а конституционные акты лишь закрепили этот подход.

Первый декрет был принят благодаря Ле Шапелье, который высказывался о том, что интеллектуальное произведение, являющееся результатом творческой деятельности автора, представляет собой глубоко личный, наиболее законный, неоспоримый и уникальный вид собственности [12, с. 91]. Таким образом, во Франции авторское право складывалось под влиянием теории юснатурализма, согласно которой предоставление авторских прав воспринимается как справедливый и высоконравственный жест со стороны законодателя [13, с. 69].

Однако в чём заключаются принципиальные отличия copyright и доктрины droit d'auteur? Здесь стоит выделить три аспекта: субъект и объект, а также их правовую связь. Во французской системе автором считается только тот, кто создал произведение, в то время как в системе common law автором может быть признано даже лицо, не участвовавшее в создании. Рассматривая объекты авторского права в странах романо-германской правовой семьи, в частности, во Франции, стоит отметить их регламентацию, что нельзя сказать о странах, которые придерживаются доктрины copyright. Перечень произведений там, как правило, исчерпывающий, однако отсутствие чёткой регламентации приводит к тому, что авторское право может применяться и к тем произведениям, которые авторскими не являются [14, с. 21]. Далее, рассматривая связь субъекта с объектом (субъективное право автора), также наблюдаются различия. Во-первых, можно выделить два метода закрепления правомочий автора – синтетический (Франция) и аналитический (Англия) [14, с. 22]. Рассматривая особенности закрепления авторских прав во Франции в период революционных преобразований конца XVIII века, стоит отметить, что в декретах 1790 и 1793 годов право на использование произведений определялось как сочетание прав на воспроизведение и публичное представление. Такая формулировка обеспечивала более широкую правовую защиту, исключая необходимость перечисления всех возможных способов использования произведений. В отличие от этого, в странах common law правомочия автора, которые соотносятся с конкретным произведением, перечислены в законодательстве, что вполне вписывается в логику common law с отсутствием абстрактных определений, в отличие

[1] В оригинале это звучит так: «La propriété est le droit de jouir et de disposer de ses biens, de ses revenus, du fruit de son travail et de son industrie».

от французского законодательства. Естественно, данный метод является более точным, нежели первый. С другой стороны, это приводит к коллизиям в судебной практике. Таким образом, синтетический метод, используемый во Франции, обеспечивает большую гибкость в закреплении авторских прав по сравнению с аналитическим методом, характерным для common law, где каждое право должно быть четко определено.

Помимо перечисленных философов, большое влияние на формирование авторских прав во Франции оказал Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ). Будучи одной из центральных фигур французского Просвещения, он внёс значительный вклад в борьбу за свободу мысли и самовыражения. Несмотря на то, что он не оставил прямых трактатов, посвящённых конкретно авторским правам, его деятельность создала необходимые условия для их дальнейшего развития. Так, в своих многочисленных трудах, таких как «Философские письма» и «Трактат о терпимости» (1763), Вольтер последовательно выступал против цензуры. Его идеи о равенстве перед законом и справедливости заложили основу для признания прав каждого человека, включая права на результаты своего творческого труда. Кроме того, он привлекал внимание общественности и других авторов к проблемам отсутствия защиты прав авторов с помощью переписки, выступая с помощью писем против издателей, которые печатали его произведения без разрешения, а также инициировал судебные разбирательства, направленные на защиту своих авторских прав. [15, с. 230].

Важный вклад в понимание роли закона и государства в обеспечении прав граждан, в том числе и права на интеллектуальную собственность, внёс Шарль Луи Монтескьё. В своем труде «О духе законов» (1748) Монтескьё изложил идеи, которые стали краеугольным камнем для правовых систем, которые признают и защищают авторские права. Он утверждал, что право на частную собственность является основополагающим правом человека. Это право распространяется и на результаты интеллектуальной деятельности, что стало значительным шагом к признанию авторских прав.

Пьер-Огюстен Карон де Бомарше, знаменитый драматург и писатель XVIII века, сыграл значительную роль в развитии концепции авторских прав во Франции. Его вклад был не столько теоретическим, сколько практическим, основанным на личном опыте борьбы за защиту своих произведений. Бомарше столкнулся с проблемами, связанными с защитой своих пьес, когда они начали широко распространяться без его согласия. Ярким примером стал успех его комедии «Севильский цирюльник», которая пользовалась огромной популярностью, но приносила ему незначительные доходы из-за отсутствия эффективной системы защиты авторских прав. Это побудило Бомарше начать борьбу за признание и защиту своих прав как автора. Бомарше активно лоббировал интересы авторов и пытался добиться изменений в законодательстве. Он выступал за введение механизмов, которые бы позволяли авторам контролировать распространение и использование их произведений, а также получать справедливое вознаграждение за свой труд. В частности, он добивался введения системы лицензирования театральных постановок, что позволяло бы авторам получать доход от каждой постановки их пьес. Деятельность Бомарше привела к некоторым изменениям в законодательстве Франции, касающемся авторских прав, в том числе и к принятию ранее упомянутого Указа Государственного Королевского совета от 30 августа 1777 года. Французские декреты, утвержденные в 1791 и 1793 годах, касающиеся прав авторов на различные виды произведений (литературные, драматические, музыкальные, художественные и графические), были приняты не без воздействия членов Бюро правовой помощи, учрежденного Бомарше в 1777 году [16, с. 53].

Изучение культурных аспектов формирования авторских прав во Франции в контексте влияния эпохи Просвещения и революционных преобразований позволяет глубже понять

развитие данного правового института. Вопросы, рассматриваемые в данной статье, касаются взаимодействия культурных изменений с теоретическими основами авторского права, что приобретает особое значение в контексте наследия гуманистической философии, повлиявшей на развитие прав человека и гражданина.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что становление авторского права во Франции происходило под определяющим влиянием теории естественного права, развиваемой философами-просветителями, в первую очередь Джоном Локком, а затем Д. Дидро и Луи Д'Эрикуром. Согласно этой концепции, произведения автора рассматривались как его неотчуждаемая личная собственность, являющаяся результатом его интеллектуального труда. Данный подход обусловил принципиальные отличия французской доктрины авторского права (droit d'auteur) от англосаксонской концепции copyright. Великая французская революция привела к кардинальным изменениям в правовой системе Франции, включая авторское право. Революционные процессы способствовали переходу от системы привилегий к признанию авторского права как формы личной собственности, что оказало глубинное воздействие на развитие этого института в дальнейшем. В итоге, в ходе революционных изменений во Франции возобладала концепция авторского права как формы личной собственности, что оказало определяющее влияние на дальнейшее развитие института авторского права в этой стране. Сравнительный анализ этих концепций демонстрирует различные подходы к пониманию авторских прав – французский подход акцентирует уникальную личность автора и его моральные права, тогда как англосаксонская система больше сосредоточена на экономической стороне и правах на воспроизведение. Такое различие отражает культурные и юридические традиции каждой из стран, продолжая влиять на международную практику регулирования интеллектуальной собственности.

Рассмотрение этих исторических и культурных аспектов позволяет не только осознать особенности формирования авторского права во Франции, но и задать направление для последующих исследований, которые могут пролить свет на современные проблемы в области интеллектуальной собственности, подчеркнуть важность учета культурного контекста в развитии права в целом. Признавая влияние культуры и философии на правовые нормы, необходимо развивать интердисциплинарные исследования, которые помогут глубже понять, как различные культурные движения влияют на формирование правовых институтов. Следует более глубоко изучить, как французская система авторского права и ее философские основания повлияли на другие континентально-правовые системы, включая российскую. Это может способствовать адаптации современных законодательных мер к международным вызовам. Современные вызовы, такие как цифровизация и глобализация, требуют пересмотра традиционных подходов к авторским правам. Опираясь на исторические примеры, стоит развивать новые концепции, учитывающие как личные, так и общественные интересы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полянская Е. М., Кадовбенко, В. Д. История возникновения и развития авторского права в Российской Федерации и в зарубежных странах // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 115–122. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-115-122.

2. Абакумова Е. Б. Эволюция института авторского права в контексте признания естественных прав человека // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96). С. 9-16. DOI 10.24412/2312-3184-2021-1-9-16.

3. Карташева А. А. Онто-гносеологические основания романо-германской и англо-саксонской систем авторского права // Философия в современном мире: диалог мировоззрений : мат-лы VI Российского философского конгресса / Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. : в 3 т. Т. 1. Н. Новгород : Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2012. С. 416–417.

4. Шартье Р. Письменная культура и общество / пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. Москва: Новое издательство, 2006 (М.: Тип. ЦИСН). С. 53.

5. Deazley R. «The Myth of Copyright at Common Law», *Cambridge Law Journal*, 2003, vol. 62, no. 1, pp. 106-133. DOI: https://doi.org/10.1017/S0008197303006251.

6. Pfister L. Mort et transfiguration du droit d'auteur? Éclairages historiques sur les mutations du droit d'auteur à l'heure du numérique. Les Cahiers de la Justice, 2012, № 4 (4), 13–24. DOI: https://doi.org/10.3917/cdlj.1204.0013.

7. Pfister L. «5. Author and Work in the French Print Privileges System: Some Milestones». Privilege and Property, Open Book Publishers, 2010. DOI: https://doi.org/10.11647/OBP.0007.

8. Rideau F. Commentary on Louis d'Héricourt's Memorandum (1725-26). [in:] Primary Sources on Copyright (1450-1900). Edited by L. Bently and M. Kretschmer // URL:https://www.copyrighthistory.org/cam/tools/request/showRecord.php?id=commentary_f_1725b (дата обращения 25.02.2025).

9. Rideau F. Commentary on the memorandum on the dispute which has arisen between the booksellers of Paris and those of Lyon (1690s), [in:] Primary Sources on Copyright (1450–1900). 2010 red. L. Bently, M. Kretschmer // URL: https://www.copyrighthistory.org/cam/tools/request/showRecord.php?id=commentary_f_1777a (дата обращения: 02.12.2024).

10. Локк Дж. Два трактата о правлении: монография / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. 4-е изд. Москва; Челябинск: Социум, 2020, С. 250–347.

11. Fenet P. A. (P. Antoine). Recueil complet des travaux préparatoires du Code civil : suivi d'une édition de ce code, à laquelle sont ajoutés les lois, décrets et ordonnances formant le complément de la législation civile de la France, et ou se trouvent indiqués, sous chaque article séparément, tous les passages du recueil qui s'y rattachent. Paris, Au dépot, rue Saint-André-des-Arcs, no. 51: [Impr. de Ducessois, etc.], 1827.

12. Матвеев А. Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства : учебное пособие / А. Г. Матвеев. Пермь, 2015. 444 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/Matveev/Matveev_copyright.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

13. Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности. Авторское право // СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 535 с.

14. Матвеев А. Г. Некоторые сравнительно-правовые аспекты англо-американской и романо-германской концепций авторского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 16–23.

15. Сигал Н. Новые тексты переписки Вольтера // Вопросы литературы. 1957. № 4. С. 229–232.

16. Иванов Н. В. Коллективное управление авторскими и смежными правами: современное состояние и перспективы // Закон. 2024. № 2. С. 53–73. DOI: https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-53-73.

REFERENCE

1. Polyanskaya E. M., Kadovbenko, V. D. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya avtorskogo prava v Rossiiskoi Federatsii i v zarubezhnykh stranakh [History of the emergence and development of copyright in the Russian Federation and in foreign countries]. Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta - Juridical Journal of Samara University. 2018, vol. 4, no. 4, pp. 115–122. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-115-122.

2. Abakumova E. B. Evoliutsiia instituta avtorskogo prava v kontekste priznaniia estestvennykh prav cheloveka [Evolution of the Copyright Institute in the context of recognition of natural human rights]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 1 (96), pp. 9-16. DOI 10 24412 2312-3184-2021-1-9-16.

3. Kartasheva A. A. [Onto-gnoseological foundations of the Roman-German and Anglo-Saxon copyright systems] Filosofiya v sovremennom mire: dialog mirovozzrenii, materialy VI Rossiiskogo filosofskogo kongressa [Philosophy in the modern world: dialogue of worldviews: materials of the VI Russian Philosophical Congress]. Nizhnii Novgorod, 2012, pp. 416–417.

4. Shart'e R. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo [Written culture and society]. Moscow, 2006, 53 p.

5. Deazley R. «The Myth of Copyright at Common Law», Cambridge Law Journal, 2003, vol. 62, no. 1, pp. 106-133. DOI: https://doi.org/10.1017/S0008197303006251

6. Pfister L. Mort et transfiguration du droit d'auteur? Éclairages historiques sur les mutations du droit d'auteur à l'heure du numérique. Les Cahiers de la Justice. 2012, no 4 (4), pp. 13–24. DOI: https://doi.org/10.3917/cdlj.1204.0013.

7. Pfister L. Author and Work in the French Print Privileges System: Some Milestones. In Deazley, R., Kretschmer, M., & Bently, L. Privilege and Property (1-). Open Book Publishers, 2010. DOI: https://doi.org/10.11647/OBP.0007.

8. Rideau F. Commentary on Louis d'Héricourt's Memorandum (1725-26). [w:] Primary Sources on Copyright (1450-1900). Edited by L. Bently and M. Kretschmer available at:https://www.copyrighthistory.org/cam/tools/request/showRecord.php?id=commentary_f_1725b (accessed: 25.02.2025).

9. Rideau F. Commentary on the memorandum on the dispute which has arisen between the booksellers of Paris and those of Lyon (1690s), [w:] Primary Sources on Copyright (1450–1900), red. L. Bently, M. Kretschmer, available at: https://www.copyrighthistory.org/cam/tools/request/showRecord.php?id=commentary_f_1777a (accessed: 02.12.2024).

10. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii [Two treatises on governance]. Moscow, 2020, pp. 250–347.

11. Fenet P. A. (P. Antoine). Recueil complet des travaux préparatoires du Code civil: suivi d'une édition de ce code, à laquelle sont ajoutés les lois, décrets et ordonnances formant le complément de la législation civile de la France, et ou se trouvent indiqués, sous chaque article séparément, tous les passages du recueil qui s'y rattachent. Paris, Au dépot, rue Saint-André-des-Arcs, no. 51, [Impr. de Ducessois, etc.], 1827.

12. Matveev A. G. Intellektualnye prava na proizvedeniia nauki literatury i iskusstva ucheb posobie [Intellectual rights to works of science, literature and art : study. allowance], Perm, 2015, 444 p. available at: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/Matveev/Matveev_copyright.pdf (accessed: 01.03.2025).

13. Bentli L. Sherman B. Pravo intellektual'noi sobstvennosti. Avtorskoe parvo [Intellectual property law. Copyright], Saint Petersburg, 2004. 535 p.

14. Matveev A. G. Nekotorye sravnitel'no-pravovye aspekty anglo-amerikanskoi i romano-germanskoi kontseptsii avtorskogo prava. Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Vestnik of Perm University. Legal sciences. 2009, no. 4, pp. 16–23.

15. Sigal N. Novye teksty perepiski Vol'tera [New texts of Voltaire's correspondence]. Voprosy literatury – Questions of Literature. 1957, no. 4, pp. 229–232.

16. Ivanov N. V. Kollektivnoe upravlenie avtorskimi i smezhnymi pravami: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Collective management of copyright and related rights: current state and prospects]. Zakon – Law. 2024, no. 2, pp. 53–73. DOI: https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-53-7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпухина Асият Джабраиловна, аспирант юридического факультета. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9; SPIN-код: 7959-2761.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpukhina Asiiat Dzhabrailovna, postgraduate student of the Faculty of Law of St. Petersburg State University. 7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034; SPIN code: 7959-2761.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 10.03.2025.
The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 66–79.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. no.1 (112). Pp. 66–79.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340.1

ЛИХОИМСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЙ

Сысоев Алексей Александрович
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, daosss1972@yandex.ru

Введение. В современных условиях закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия преступлениям коррупционной направленности. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Неслучайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений различных видов противоправных деяний и способов противодействия им. Объектом исследования являются причины и факторы, обуславливавшие распространение на территории Восточной Сибири должностной преступности как самостоятельной группы противоправных деяний, предметом – сопутствующие этому процессу факторы и условия. Научная новизна проведенного исследования заключается в выявлении причин и закономерностей распространения различных форм противоправных деяний, осуществляемых в процессе служебной деятельности царскими наместниками – воеводами и чиновниками новой формации – губернаторами.

Материалы и методы. В работе использован метод исторического материализма, а также методологический инструментарий сравнительно-правового исследования, анализ, синтез, дедукция и индукция.

Результаты исследования. В работе определены причины, содержание, тенденции и закономерности распространения различных форм должностной преступности на территории Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII столетий.

Выводы и заключения. Традиции кормления, сохранявшиеся в XVIII столетии в служилой и чиновничьей среде, в Сибири усугублялись спецификой военных форм ее освоения. Практически неограниченные полномочия царских наместников, интегрированные жаждой наживы, вели к всеобъемлющим злоупотреблениям. Предельное удаление от метрополии исключало как эффективный контроль за деятельностью царских наместников, так и своевременное реагирование на жалобы, что порождало полное ощущение безнаказанности. Возникшее на основе кормления и выражавшееся первоначально в превышении установленных норм податных сборов лихоимство как способ незаконного получения доходов в сибирских реалиях приобрело наиболее агрессивные формы и оказало всеобъемлющее влияние на местное администрирование.

© Сысоев А. А., 2025

Ключевые слова: должностное преступление, взятка, кормление, лихоимство, наместник, чиновник, нажива, полномочия

Для цитирования: Сысоев А. А. Лихоимство как проявление должностной преступности на территории Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII столетий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 66–79.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

EXTORTION AS A MANIFESTATION OF OFFICIAL CRIME ON THE TERRITORY OF EASTERN SIBERIA IN THE LATE XVII-EARLY XVIII CENTURIES

Alexey A. Sysoev
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, daosss1972@yandex.ru

Introduction. In modern conditions, attention to the problems of countering corruption-related crimes has naturally increased. Historical experience is of key importance. It is no coincidence that over the past decade, the study of manifestations of various types of illegal acts and ways to counteract them has noticeably intensified. The object of the study is the causes and factors that caused the spread of official crime in the territory of Eastern Siberia as an independent group of illegal acts, the subject is the factors and conditions accompanying this process. The scientific novelty of the conducted research lies in identifying the causes and patterns of the spread of various forms of illegal acts carried out by the royal governors – voivodes and officials of the new formation – governors in the course of their official activities.

Methods and Materials. The paper uses the method of historical materialism, as well as methodological tools of comparative legal research, analysis, synthesis, deduction and induction.

The Results of the Study. The paper identifies the causes, content, trends and patterns of the spread of various forms of official crime in Eastern Siberia in the late XVII-early XVIII centuries.

Findings and Conclusions. The traditions of feeding, which were preserved in the service and official environment in the XVIII century, in Siberia were aggravated by the specifics of military forms of its development. The almost unlimited powers of the royal governors, integrated by the thirst for profit, led to comprehensive abuses. The extreme distance from the metropolis excluded both effective control over the activities of the royal governors and timely response to complaints, which gave rise to a complete sense of impunity. Originated on the basis of feeding, and expressed initially in exceeding the established norms of taxes, extortion as a way of illegally obtaining income in Siberian realities has acquired the most aggressive forms and had a comprehensive impact on local administration.

Keywords: official crime, bribery, feeding, extortion, governor, official, profit, powers

For citation: Sysoev A.A. Lihoimstvo kak proyavlenie dolzhnostnoj prestupnosti na territorii Vostochnoj Sibiri v konce XVII-nachale XVIII stoletij [Extortion as a manifestation of official crime in the territory of Eastern Siberia at the end of the XVII-beginning of the XVIII centuries]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 66–79.

Принято считать, что возникновение и развитие должностной преступности как самостоятельной группы противоправных деяний имеет прямую зависимость от эволюции государственной системы управления. По мнению отечественных исследователей, определенный уровень развития государственности непосредственно отражается на структуре и характере преступлений данной группы.

В этом смысле система кормлений, введенная Великими Московскими князьями как способ организации местной административной и судебной власти, послужила своеобразным конструктом для появления различных злоупотреблений в управленческой сфере. Злоупотребления эти первоначально выражались главным образом в излишних поборах с населения. В последующем появилось и их логическое продолжение – лихоимство. По определению Владимира Ивановича Даля в досоветское время этим термином обозначалось взяточничество[1].

Лихоимство как способ противоправных деяний являлось одним из первых и наиболее распространенных видов должностной преступности в Московском государстве. Возникнувшее, по мнению русского криминалиста Константина Дмитриевича Анциферова, из понятия о превышении норм, установленных для кормленщиков, оно вылилось в понятие незаконного получения доходов должностными лицами за действия, которые они обязаны были совершать по долгу службы [1, с. 23]. Само же кормление, несмотря на земскую реформу Ивана IV, направленную на его упразднение, официально признавалось еще в течение всего XVII века. О том, что с этим же началом приходилось не только считаться, но и бороться в течение почти всего XVIII века, отмечал видный юрист Валериан Николаевич Ширяев [2, с. 79]. Злоупотребления, основанные на системе кормления, по свидетельству современников тех событий, были многочисленны и разнообразны. Они чинились как за счет местного населения, так и за счет интересов государства.

Царским наместникам – воеводам, исполнявшим судебные и административные функции, трудно было отрешиться от сложившихся за века взглядов на службу как на источник доходов. Более того, зачастую их стремление к незаконному обогащению в еще больших размерах инициировало превышение властных полномочий, сопровождавшихся насильственными действиями с целью принуждения к даче взятки. «Кормление, соединенное со злоупотреблениями, – по мнению дореволюционного исследователя Вячеслава Михайловича Грибовского, – не казалось им пороком, по существу таковым оно являлось только с точки зрения царских указов, сознанию же определенного круга людей представлялось обычным заурядным, естественным явлением» [3, с. 15].

Один из лидеров областнического движения Николай Михайлович Ядринцев утверждал, что в случае с Сибирью «все это, вырабатывалось постепенно историей и жизнью этой страны» [4, с. 470]. Практиковавшиеся изначально на протяжении XVI–XVII столетий военные формы освоения сибирских территорий находили свое искаженное отражение в дальнейшем административном устройстве края.

При переводе на гражданское управление, согласно образному сравнению Н. М. Ядринцева, «военный побор и контрибуции переходили во взятку, полон переходил в кабалу, рабство инородцев и абсолютное повиновение, требуемое завоевателем, переносилось

[1] Толковый словарь живаго великорускаго языка Владиміра Даля. Второе издание, исправленное и значительное умноженное по рукописи автора. СПб.-М., 1881. Том второй. С. 262.

на колониста». В итоге, по мнению ученого, «самая нажива и хищничество [стали] считаться совершенно законным, естественным в новозавоеванном крае» [4, с. 471].

Правительство же, по сведениям отечественных исследователей, «само не знало ничего о Сибири и само расписывалось в своем незнании, давая обыкновенно воеводам сибирским инструкцию: делать по тамошнему делу и по своему высмотру, как будет пригоже и как бог вразумит» [5, с. 59]. При этом, как замечал Иркутский губернский воинский начальник Владимир Константинович Андриевич, мощь воевод возрастала в зависимости от отдаления их резиденций от провинциальных и губернских городов, в связи с чем «наибольшею бесконтрольностью, а следовательно, и произволом, – пользовались воеводы сибирских городов» [6, с. 71].

Естественно поэтому, по мнению русского историка Петра Михайловича Головачева, «самая отдаленная окраина России того времени – Сибирь была в наиболее безотрадном положении» [5, с. 4].

Предельное удаление от центров принятия решений порождало ощущение безнаказанности, а практически неограниченные полномочия, интегрированные жаждой наживы, вели к всеобъемлющим злоупотреблениям, когда большая часть административных ресурсов царских наместников направлялась на личное обогащение.

В одних случаях, как это было заведено у Енисейских воевод Андрея Леонтьевича Ошанина и Василия Елизаровича Голохвастова, практиковалась «отдача на откуп не только зерни и корчмы, но и безмужных жен на блуд». Причем воевода Голохвастов, как утверждал историк Иван Васильевич Щеглов, помимо «откупа рублев по 100 и больше… тем блудным женкам велел наговаривать на торговых и проезжих и промышленных людей, напрасно, для взятки»[2].

В других случаях, как это сложилось в Якутске, воеводы Петр Петрович Головин и Василий Никитич Пушкин предпочитали злоупотребления в ясачном сборе, осуществляя в целях наживы как грабеж инородческого населения, так и обман центральных властей.

Используя возможность бесконтрольного обогащения на ясачном сборе, воеводы давали откуп сборщикам за взятки, позволяя последним еще большие злоупотребления в отношении инородцев. При этом, помимо махинаций с пушниной, в Якутске практиковались аресты купцов под вымышленными предлогами с последующим освобождением за взятку. По свидетельству современников тех событий, число посаженных таким образом в тюрьму доходило временами до 100 человек, а сами купцы уже не осмеливались ездить из Енисейска в Якутск, вследствие чего происходили остановка в торговле и уменьшение таможенного сбора.

Известный отечественный историк и архивист Николай Николаевич Оглоблин отмечал по этому поводу, что почти все сибирские воеводы оставили о себе дурную память в массе производившихся о них сысках. В результате исследования 106 сыскных дел XIX столетия, хранившихся в Сибирском приказе, Н. Н. Оглоблин обнаружил, что 52 дела были посвящены злоупотреблениям воевод, и сделал следующее заключение: «получается настолько яркая картина воеводского самоуправства, бесчинств и всяких злоупотреблений, ложившихся страшным гнетом на население, что можно в ужас прийти от этой картины и нужны слишком крепкие нервы, чтобы ее нарисовать» [7, с. 179].

Один из немногих способов противодействия вседозволенности царских наместников – челобитие, практиковавшийся податным населением для изобличения злоупотреблений, в сибирских реалиях за дальностью расстояний являлся малоэффективной и недейственной

[2] Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / сост. И. В. Щеглов ; под ред. чл. отд. В. И. Вагина. Иркутск, 1883. С. 119 (779 с.).

формой борьбы с лихоимством. Как правило, попытки подачи жалобы на неправомерные действия воевод пресекались последними самым жестоким образом. Гонцы с челобитными перехватывались на пути в Москву. Сами же «жалобщики» попадали под жесточайшие репрессии. В тех случаях, когда челобитные все-таки достигали Сибирского приказа, от момента подачи жалобы до начала расследования зачастую проходило несколько лет. При этом направляемые для смены и расследования злоупотреблений воеводы нередко и сами превосходили своих предшественников жаждой наживы.

Таким образом, одним из самых действенных способов борьбы с безудержным стремлением сибирских воевод к обогащению оставалось вооруженное противодействие на местах. Наиболее наглядно это продемонстрировала «шатость», произошедшая с властью красноярских воевод в 1695–1698 гг., когда вследствие многочисленных злоупотреблений в условиях бесконтрольности со стороны метрополии единственным выходом для жителей Красноярска оказалось смещение царских наместников при помощи вооруженной силы.

Из дошедших до нашего времени источников известно, что смута в Красноярске разгорелась благодаря лихоимству братьев Алексея Игнатьевича и Мирона Игнатьевича Башковских. Первый исправлял обязанности красноярского воеводы с 1694 по 1695 г., второй – с августа 1695 по август 1696 года.

По сведениям Н. Н. Оглоблина, не прошло и года с момента назначения А. И. Башковского, как на него «посыпались челобитья служилых, жилецких и ясачных людей, обвинявших воеводу в лихоимстве и всевозможных обидах и разорениях». Не ограничиваясь поборами с местных жителей, воевода брал «великия взятки» деньгами, товарами и «ясырем» с приезжавших в Красноярск бухарских и калмыцких торговых людей. В результате калмыцкие и киргизские «воинские люди» приходили войною на Енисейский и Красноярский уезды. В связи с этим красноярцы в своих челобитных обвиняли А. И. Башковского не только как «воеводу грабителя и разорителя», но и как изменника (в «изменном деле») [8, с. 5].

Решив в конечном счете, что с таким воеводой «жить не мочно», краноярцы подняли бунт. 16 мая 1695 года боярские дети Трифон Еремеев, Дмитрий Тюменцов, Конон Самсонов, Григорий Ермолаев и Алексей Ярлыков объявили воеводе Алексею Башковскому, что «отказывают ему от воеводства», после чего бунтующие приступили к грабежу воеводского имущества. Последнему оставалось лишь бежать в Енисейск.

Назначенный воеводой вслед за братом Мирон Башковский дознание о злоупотреблениях своего предшественника проводить не стал, а, наоборот, пригрозил красноярцам «город выжечь и вырубить». Вследствие этого спустя год был осажден бунтующими жителями города в крепости и бежал в Енисейск.

Похожая участь постигла и прибывшего 20 августа 1696 года на смену братьям Башковским стольника Семена Ивановича Дурново. Среди прочего новому воеводе было поручено произвести розыск о злоупотреблениях своих предшественников. Однако ожиданий красноярцев С. И. Дурново не оправдал. Более того, 18 октября 1697 года и самого воеводу обвинили в прямом взяточничестве. Из текста челобитной, поданной от имени 16 служилых людей, следовало, что с атамана пеших казаков Федора Кольцова, назначенного в 1697 г. для ясачнаго сбора в Канской острог, с 20 казаками, воевода взял «посулу» из их жалованья 40 руб. Столько же Дурново взял из жалованья 40 «годовальщиков», посланных на службу в Верхний Караульный острог. Попытавшегося подать челобитную на злоупотребления казака И. Трофимова воевода велел «бить батоги на смерть» [8, с. 5]. В результате Дурново с трудом удалось избежать гибели. Разъяренные красноярцы схватили воеводу и хотели топить в Енисее. Однако в последний момент передумали и посадили царского наместника в лодку, отправив в Енисейск.

Примечательно, что, по мнению Н. Н. Оглоблина, «во время шатости только у меньшинства красноярцев бродили мечты о возможности устроиться самостоятельно навсегда… большинство же мечтало об одном – об избавлении от лихих воевод». «На свои же бунты, – утверждает автор, – оно смотрело как на протесты против воеводских насилий и разорения, и как на урок зарвавшимся воеводам» [8, с. 5].

Подобные проявления народного негодования одновременно с экономическим ущербом от расхищения пушной казны и различных сборов не могли остаться без внимания правительства. Уже со второй половины XVII столетия для проведения дознаний о злоупотреблениях в Сибири стали посылаться сыщики – отдельные доверенные лица с достаточно широкими полномочиями.

Первый известный нам сибирский розыск был организован в 1665–1668 гг. Для расследования «всех воевод и таможенных голов, неправды их и плутости» из Тайного приказа в Якутск, Мангазею, Сургут, Енисейск и Красноярск направили жильца Ф. Охлопкова [9, с. 180]. В материалах Сибирского приказа сохранилась «роспись» раскрытых сыщиком злоупотреблений якутских воевод Михаила Семеновича Ладыженского и Ивана Федоровича Голенищева-Кутузова [7, с. 5].

Спустя почти тридцать лет, 21 февраля 1696 года, был объявлен именной указ об организации сыска в сибирских городах думному дьяку Даниле Леонтьевичу Полянскому и дьяку Даниле Берестову. Известно, что ревизия проводилась по инициативе и под непосредственным контролем Петра I. Сыщикам предписывалось проводить следствие в отношении тех сибирских воевод, на которых падало подозрение о злоупотреблениях и расхищении казны, махинациях с таможенными и питейными сборами.

По сведениям Н. Н. Оглоблина, «правительство придавало большое значение этому розыску и всячески ему содействовало». Неслучайным поэтому являлось участие в «большом сыске» Д. Л. Полянского, имевшего, по сведениям Натальи Дмитриевны Зольниковой, «за плечами 32 года работы в важнейших приказах государства, в том числе 20 лет в чине думного дьяка» [9, с. 181]. Результаты розыска о воеводских злоупотреблениях в Сургуте, Нарыме, Красноярске, Енисейске, Илимске и Якутске выразились в обширном материале, состоящем из 16 отдельных «сысков».

По мнению Н. Н. Оглоблина, такая энергичная деятельность сыщиков вызвала страшную ненависть против них со стороны сибирских служилых людей, выразившуюся наконец в том, что на самих сыщиков посыпались обвинения в разных злоупотреблениях [7, с. 134]. Немаловажное значение при этом имело и то, что, по мнению российского исследователя Геннадия Фёдоровича Быкони, «по отношению к красноярцам он [Д. Л. Полянский] действовал традиционно, в духе сословной корпоративности и солидарности с прежней администрацией» [10, с. 145].

В результате по царскому указу 4 декабря 1701 года сами сыщики попали под следствие и были отправлены в Сибирский приказ для допроса «относительно взведенных на них обвинений» [7, с. 135].

Вместе с тем уже в начале XVIII столетия борьба с проявлениями должностной преступности начинает приобретать более действенные формы. Издается целый ряд царских указов, направленных на ужесточение государственной политики в области противодействия незаконному обогащению царских чиновников.

Указами от 5 марта 1711 года № 2331 и от 17 марта 1714 года № 2786 вводится своеобразная система надзора, опирающаяся на деятельность фискалов, изображавших в провинциях, по выражению В. А. Андриевича, «царское око» [11, с. 91]. Руководящая роль при этом отводилась обер-фискалу, который опирался в проведении дознаний

о тех или иных злоупотреблениях на подведомственных ему фискалов и провинциал-фискалов[3].

Фискальская служба, по мнению отечественных исследователей Дмитрия Олеговича Серова и Александра Вячеславовича Федорова, «стала, в современном понимании, еще и органом уголовного преследования, т. е. была правомочна осуществлять процессуальную деятельность в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Авторы утверждают, что именно фискальской службе и «майорским» канцеляриям довелось принять на себя основную тяжесть борьбы с должностными преступлениями в ходе непрерывных реформ [12, с. 387].

Как следствие, первые громкие разоблачения крупных случаев лихоимства среди сибирских чиновников в петровскую эпоху принадлежали царским фискалам. В этой связи современный исследователь Е. В. Самарина пишет о том, что «сибирский провинциал-фискал доносил: все служащие в Сибири чиновники, да и сам губернатор, а также его служители, берут взятки и чинят разорение народу» [13, с. 12]. Вероятно, по этой причине, по сведениям Виталия Иннокентьевича Зоркина, в 1718–1719 гг. в Иркутске побывал обер-фискал Нестеров [14, с. 159].

Дальнейшим развитием законодательной базы в борьбе с лихоимством являлся указ от 25 августа 1713 года № 2707, согласно которому у тех, кто «в чем ни есть, каким вымыслом или за взятку учинил преступление», изымалось все движимое и недвижимое имущество. Сами преступники подлежали казни. Такая же санкция ожидала и тех, кто «в подкупах или в подряде судей и всяких чинов к неправде скупят посулом». При этом не оставались без внимания надзорные и судебные органы, в отношении которых особо указывалось: «Ежели кто вышеописанные вины впадшего пощадит, то сам тою казнею казнен будет»[4].

Указом от 24 декабря 1714 года № 2871 «О запрещении взяток и посулов и о наказании за оные» вводился прямой запрет для всех «чинов, которые у дел приставлены больших и малых духовных, военных, гражданских, политических, купеческих, художественных» на сбор «посулов казенных и с народа собираемых денег торгом, подрядом и прочими вымыслами». Само преступное деяние в этом указе впервые стало называться «лихоимство». Наряду с уже сложившимися принципами наказания за лихоимство, помимо требования о всенародном оглашении, указ персонализировал ответственность должностных лиц, предписывая «всем у дела будучи к сему указу приложить руки»[5].

Для реализации требований вышеназванного указа 20 июня 1716 года в сибирские города Сургут, Нарым, Кетск, Томск, Кузнецк, Енисейск, Мангазею, Красный Яр, Иркутск, Нерчинск, Илимск и Якутск был командирован полковник Агеевич Ельчин Яков. «На него, – пишет В. И. Зоркин, – было возложено: выяснить – чем вызывается недобор в государевых податях и ясачном сборе» [14, с. 158].

Опубликованные в 1720 г. указ № 3601 «О разных Государственных сборах, о наказании хищников за взятки лишением имения и живота» и указ № 3648 «О рачительном сборе податей и наказании за взятки» отчасти дублировал требования указа 1713 г. «О пресечении грабительств в народных сборах…» как в определенной сфере административной деятельности, так и в области санкций о том, чтобы «у таких злодеев,

[3] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 4. С. 643; ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. С. 89.

[4] ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. С. 51.

[5] ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. С. 136.

имение их движимое и недвижимое отписывать на Великого Государя, а их казнить смертею»[6].

Такое пристальное внимание законодателей, уделявшееся проблеме распространения лихоимства, бесспорно, указывало на то, что взяточничество стояло в центре всех злоупотреблений должностных лиц петровской эпохи.

Вместе с тем, как отмечает главный научный сотрудник центра истории России XIX – начала XX века Института российской истории РАН Любовь Федоровна Писарькова, «обилие таких законов красноречиво свидетельствует как о распространенности должностных преступлений, так и безуспешности борьбы правительства с этим злом». По мнению автора, даже введение в 1715 г. фиксированного жалованья всем гражданским служащим не привело к искоренению злоупотреблений [15, с. 33].

К похожим выводам приходит и современный отечественный исследователь Анастасия Витальевна Прокопчук, которая отмечает в своей работе: «несмотря на развитие антикоррупционного законодательства, предупреждающие и контролирующие меры, предпринятые Петром Первым, не привели к существенным результатам» [16, с. 120].

Отчасти выводы Л. Ф. Писарьковой и А. В. Прокопчук подтверждаются дальнейшим развитием юридической казуистики, связанной с фактическим саботированием требований правительства на местах. В частности, как следовало из сенатского указа от 21 мая 1720 года, требования, содержавшиеся в указе от 24 декабря 1714 года № 2871, о «подписке по оному указу без всякого отлагательства» на местах не выполнялись. Сенаторы констатировали, что «из губерний такие ведомости в сенат присланы ли были, или не присланы, о том не ведомо, потому, что таких ведомостей (кроме одной Рижской губернии) в Сенате не сыскано». Таким образом, по прошествии шести лет после опубликования указа «О запрещении взяток и посулов и о наказании за оные» законодателям пришлось повторно требовать у чиновников на местах «приложения руки тем, кто у дел» к первоначально присланным указам и отсылке их в Сенат для хранения[7].

Примечательно, что саботирование требований метрополии со стороны местных администраций находило определенную поддержку в пассивном отношении самого податного населения. По сведениям Л. Ф. Писарьковой, «население, со своей стороны, безропотно воспринимало многочисленные поборы должностных лиц как обязанность кормить начальство» [15, с. 34].

В подобных условиях, как утверждал дореволюционный историк Сергей Александрович Князьков, «брали все, и комиссары, и камериры, и воеводы, и судьи, и все это признавали, когда дело доходило до следствия» [17, с. 234]. Таким образом, сложившиеся на востоке страны устои не претерпели особых изменений и в результате петровских реформ. Как отмечал П. М. Головачев, «с Петра, побор стал более утонченный и скрытый… нравы же прежних служилых людей перешли и к старым приказным, от бояр воевод к губернаторам» [5, с. 5].

Дело Сибирского губернатора князя М. П. Гагарина в этом отношении оказалось не только одним из самых крупных разоблачений петровской эпохи, но и своеобразным отражением отношения вновь вводимого чиновничьего аппарата к получению незаконных прибылей за счет службы.

---

[6] ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 6. С. 205; ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 6. С. 241.

[7] Законодательство Петра I, 1696-1725 годы / сост., авт. предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2014. С. 303.

В ходе следствия, инициированного сообщениями обер-фискала А. Я. Нестерова «о взятках и сибирскому народу разорении, учиненных сибирскими майорами, комендантами, комиссарами и губернатором М. П. Гагариным» [8], асессором следственной канцелярии гвардии майора И. И. Дмитриева-Мамонова, гвардии майором И. М. Лихаревым были выявлены доказательства по 35 эпизодам злоупотреблений властью, значительная часть которых заключалась в получении взяток и крупных хищениях [18, с. 27].

В этой связи современные исследователи П. П. Баранов и А. А. Шапошников указывают, что по результатам одной только проверки бухгалтерских книг за 1713–1717 гг. князю М. П. Гагарину была предъявлена недоимка по доходам от Сибирской губернии в сумме 305 554 руб. [19, с. 180], вследствие чего по совокупности с иными проступками «не ожидая окончания разборки дел, привезенных Лихаревым из Сибири «о худых делах» Гагарина, последовало другое высочайшее повеление «повесить Гагарина на четыре месяца», что и было исполнено 16 марта 1721 года», – сообщает дореволюционный историк Георгий Ефремович Катанаев [20, с. 129].

В дальнейшей работе следствия, помимо преступлений самого князя, оказались раскрыты злоупотребления большой группы сибирских чиновников. В связи с этим уже в 1719 г. в правительственном делопроизводстве майорскую канцелярию все чаще именовали «Сибирской».

Не менее трагично завершилась и карьера другого сибирского чиновника – Иркутского вице-губернатора Алексея Ивановича Жолобова. Выходец из московских дворян, добившийся, по сведениям отечественных исследователей, высокого положения в администрации Российской империи исключительно благодаря своим качествам офицера Петровской армии, статский советник А. И. Жолобов был назначен иркутским вице-губернатором 31 января 1731 года [21, с. 569].

За время своего правления в Иркутской провинции А. И. Жолобов оставил довольно неоднозначный след. Одним он запомнился тем, что «в канцелярских делах был заобычен, а в судных разсудителен, и во время правления его колодников имелось малое число, в собрании казенных сборов был радетелен и своим старанием соборную церковь застроил». Другие знали Жолобова как начальника, чинившего «к богатым прицепки по причинам, с коих и взятки брал, также и промышленникам, у коих сроки паспортам минули, за взятки новые давал» [22, с. 140].

По сведениям иркутского краеведа Вадима Петровича Шахерова, за свое трехлетнее пребывание в должности вице-губернатора Иркутской провинции он сумел «правдами и неправдами» нажить почти 35 тыс. руб. «Своих же противников, – пишет автор, – он пытал безвинно и при пытках жег огнем» [23, с. 70].

Достаточно разносторонний анализ деятельности вице-губернатора Жолобова содержится в исследовании Михаила Олеговича Акишина. Характеризуя личность вице-губернатора, ученый отмечает у него четкое для начала XVIII в. понимание принципа законности, в связи с чем приводит факты о преследовании Жолобовым за лихоимство подведомственных воевод. Так, в отношении Нерчинского воеводы И. С. Литвинцева в 1731 г. вице-губернатором было инициировано дознание о «поборах с ясачных тунгусов, казнокрадстве и приеме в российское подданство за взятки «мунгальских выходцев». При этом самого Литвинцева, по указанию Жолобова, держали «за караулом», а его «пожитки» были конфискованы.

[8] ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. С. 609.

Другого воеводу – Ф. И. Жадовского, управлявшего якутским уездом, вице-губернатор обвинил в получении взяток с таможенников и в том, что «…делал гражданству обиды, великия взятки, неповинно людей пытал, иныя невиныя с розысков и померли». За что первоначально, так же, как и Нерченского воеводу Жадовского арестовали и содержали в канцелярии «якобы сущего злодея в чепи и в железах». Однако в дальнейшем, как пишет М. О. Акишин, «подействовали «презенты»… и Жолобов даже стал оказывать покровительство Жадовскому» [21, с. 575].

Вышеуказанные факты достаточно хорошо характеризовали своеобразное отношение вице-губернатора к взяточничеству, когда Жолобов отрицал возможность личной наживы на гражданской службе, но готов был получать подарки от подчиненных. Оправдывал он такие поборы, по сведениям М. О. Акишина, следующим образом: «Да ни один воевода в Сибирь з дарами не езживал, все за подарками приезжали, только б не утратил кто интереса. Ай и в Москве у дел кто ни есть, и в Тобольску, и везде хлеб едят» [21, с. 576].

Подобная логика послужила тому, что, исходя из показаний воеводы И. С. Литвинцева, «Жолобов оставил в России около 1500 китайских перебежчиков и поселил в Нерчинскам ведомстве, взяв подношение в 86 верблюдов и 93 лошадей…от винных подрядчиков он взял 2 350 руб., с Гранина взял 500 руб. за укрывательство убийства, с Бренчалова взял от мировой челобитной 800 руб., собрал «больша тысичи рублев» с выборных крестьянских слобод, получил за снижение ясака с трех родов тунгусов взятку «немалую» [21, с. 590].

Все эти деяния Жолобова в числе прочих злоупотреблений легли в основу следствия, начатого летом 1733 г. бригадиром Алексеем Михайловичем Сухаревым. В 1736 г. бывший вице-губернатор был вначале заключен в Петропавловскую крепость, а затем 1 июля, согласно именному указу Анны Иоанновны, казнен через отсечение головы. В числе 16 пунктов обвинений, вменяемых Жолобову, фигурировали «немалые, великие и лихоимствующие взятки», через которые он нажил 34 821 руб.[9].

В современных исследованиях, посвященных деятельности первого вице-губернатора Иркутска, нет однозначных выводов о степени виновности А. И. Жолобова и причинах столь жесткого приговора. Тем не менее очевидно, что в некоторых случаях чиновник новой петровской формации Алексей Иванович Жолобов следовал старым, сложившимся со времен кормления обычаям получения излишних поборов с подведомственных ему лиц.

Традиции кормления, сохранявшиеся в XVIII столетии в служилой и чиновничьей среде, в Сибири усугублялись спецификой военных форм ее освоения. Спустя годы они нашли свое искаженное отражение в дальнейшем административном устройстве края. В результате лихоимство в сознании сибирских чиновников того времени представлялось естественным явлением, хотя и противоправным с точки зрения царских указов.

Практически неограниченные полномочия царских наместников, интегрированные жаждой наживы, вели к всеобъемлющим злоупотреблениям, когда большая часть административных ресурсов направлялась на личное обогащение. В связи с этим организация ясачного сбора, приносившего значительные прибыли даже рядовым исполнителям, превращалась на местах в личный источник доходов чиновников и выливалась не только в многочисленные взятки за саму возможность сбора налога, но и в опосредованный откровенный грабеж коренного населения.

[9] ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 9. – С. 877.

Предельное удаление от метрополии исключало как эффективный контроль за деятельностью царских наместников, так и своевременное реагирование на жалобы, что порождало полное ощущение безнаказанности. Сосредоточение в одних руках всей полноты властных полномочий позволяло последним не только увеличивать объемы незаконного обогащения, но и инициировало насильственные действия с целью принуждения к даче взятки.

Единственный легитимный способ изобличения лихоимства – подача челобитной в сибирских реалиях за дальностью расстояний был практически недейственным. Попытки жалоб на неправомерные действия воевод пресекались последними самым жестоким образом. В тех же случаях, когда информация о злоупотреблениях все-таки доходила до центральных властей, направляемые для смены и расследования преступлений воеводы нередко сами превосходили своих предшественников жаждой наживы.

Возникшее на основе кормления и выражавшееся первоначально в превышении установленных норм податных сборов лихоимство как способ незаконного получения доходов в сибирских реалиях приобрело наиболее агрессивные формы и оказало всеобъемлющее влияние на местное администрирование. Именно этот вид должностной преступности нашел наибольшее отражение в деятельности как царских наместников воевод, так и чиновников новой формации – губернаторов и вице-губернаторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анциферов К. Взяточничество в истории русского законодательства (до периода сводов) // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 2. С. 1–54.

2. Ширяев В. Н. Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях (уголовно-юридическое исследование). Ярославль, 1916. 570 с.

3. Грибовский В. М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй : ист.-юрид. исслед. (период 28 июня 1762 г. – 7 нояб. 1775 г.). СПб. : т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1901. 345 с.

4. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.

5. Головачев П. М. Сибирь в Екатерининской комиссии : этюд по истории Сибири XVIII века. М. : Типография В. Ф. Рихтер, 1889. 127 с.

6. Андриевич В. К. История Сибири : Ч. 2 : Период с 1660 года до воцарения императрицы Елисаветы Петровны : сост. по данным, представляемым Полн. собр. законов и актам Петровского царствования. СПб. : тип. и лит. В. В. Комарова, 1889. 487 с.

7. Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1. Документы воеводского управления. М., 1895. 422 с.

8. Оглоблин Н. Н. Красноярский бунт 1695–1698 годов : (Очерк из истории народных движений в Сибири). Томск : Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1902. 47 с.

9. Зольникова Н. Д. Сыск Д. Л. Полянского и «письма» Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 180–220.

10. Быконя Г. Ф. История Красноярска. Документы и материалы. XVII – первая половина XIX века. Издание 2-ое, дополненное и переработанное. Красноярск : Офсет, 2000. 846 с.

11. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым полным собранием законов : в 5 т. Т. 2 : (от 1700 до 1741 г.) / сост. В. К. Андриевич. Иркутск : Типография Окружного Штаба, 1886. 364 с.

12. Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I : науч. издание. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательская группа «Юрист», 2019. 432 с.

13. Самарина Е. В. Борьба сибирских острогов за право сбора ясака у коренных народов Южной Сибири в XVII в. // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 11. С. 12-–8.

14. Зоркин В. И. Иркутские градоначальники. Воеводы и вице-губернаторы (1661–1764). Кн. 1. Иркутск : «Репроцентр А1», 2011. 538 с.

15. Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» князей Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.

16. Прокопчук А. В. Антикоррупционная политика Петра Первого // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 4 (68). С. 116–122.

17. Князьков С. А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. Москва : Т-во И. Д. Сытина, 1909. 684 с.

18. Толочко А. П., Коновалов И. А. Борьба с коррупцией в верхних эшелонах власти в Сибири в первой половине XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 3 (35). С. 25–32.

19. Баранов П. П., Шапошников, А. А. Дело князя М. П. Гагарина: начало российского аудита // Экономическая история России. 2016. №10. С. 173–174.

20. Катанаев Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судия. Московский комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист): Сибирь эпохи Петра Великого / Государственное учреждение «Государственный архив Омской области» ; сост. Л.И. Огородникова. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. 208 с.

21. Акишин М. О. Честь, служба и домашний быт российских дворян в их личной переписке 1730-х гг. // Русское средневековье : сб. ст. в честь проф. Ю. Г. Алексеева / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М. : Древлехранилище, 2012. С. 569–598.

22. Первое столетие Иркутска : сб. мат-лов для истории города с «Введением» и заключит. ст. прив.-доц. П .М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Иркутска до 40-х годов XVIII в. В память 250-летия Иркутска». СПб. : В. П. Сукачев, 1902. 187 с.

23. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2002. 512 с.

REFERENCES

1. Antsiferov K. Vzyatochnichestvo v istorii russkogo zakonodatel'stva (do perioda svodov) [Bribery in the history of Russian legislation (before the period of codes)]. ZHurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava – Journal of Civil and Criminal Law. 1884, no. 2, pp. 1-54.

2. Shiryaev V. N. Vzyatochnichestvo i lihodatel'stvo v svyazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnyh prestupleniyah (ugolovno-yuridicheskoe issledovanie) [Bribery and fraud in connection with the general doctrine of official crimes (criminal law research)]. Yaroslavl, 1916, 570 p.

3. Gribovsky V. M. Vysshij sud i nadzor v Rossii v pervuyu polovinu carstvovaniya imperatricy Ekateriny Vtoroj: Ist.-yurid. issled. (Period 28 iyunya 1762 g. - 7 noyab. 1775 g.) [The Supreme Court and supervision in Russia in the first half of the reign of Empress Catherine the Second: Ist.-jurid. research. (Period June 28, 1762 - November 7, 1775)]. St. Petersburg, 1901, 345 p.

4. Yadrintsev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. Izd. 2-e, ispr. i dop. [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. 2nd edition, ispr. and add.]. St. Petersburg, 1892, 720 p.

5. Golovachev P. M. Sibir' v Ekaterininskoj komissii: etyud po istorii Sibiri XVIII veka [Siberia in the Catherine Commission: a study on the history of Siberia of the XVIII century]. Moscow, 1889, 127 p.

6. Andrievich V. K. Istoriya Sibiri: CH. 2: Period s 1660 goda do vocareniya imperatricy Elisavety Petrovny: sost. po dannym, predstavlyaemym Poln. sobr. zakonov i aktam Petrovskogo carstvovaniya [The history of Siberia: Part 2: The period from 1660 to the accession of Empress Elizabeth Petrovna: comp. according to the data provided by the Full Collection. laws and acts of Peter the Great's reign]. St. Petersburg, 1889, 487 p.

7. Ogloblin N. N. Obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592-1768 gg.). CH. 1. Dokumenty voevodskogo upravleniya [Review of columns and books of the Siberian order (1592-1768). Part 1. Documents of the voivodeship administration]. Moscow, 1895, 422 p.

8. Ogloblin N.N. Krasnoyarskij bunt 1695-1698 godov : (Ocherk iz istorii narodnyh dvizhenij v Sibiri) [Krasnoyarsk riot of 1695-1698: (An essay from the history of popular movements in Siberia)]. Tomsk, 1902, 47 p.

9. Zolnikova N. D. Sysk D. L. Polyanskogo i "pis'ma" Izbranta Idesa [Sysk D. L. Polyansky and the "letters" of Robert Ides]. Publicistika i istoricheskie sochineniya perioda feodalizma – Journalism and historical writings of the period of feudalism. Novosibirsk, 1989, pp. 180–220.

10. Bykonya G. F. Istoriya Krasnoyarska. Dokumenty i materialy. XVII- pervaya polovina XIX veka. Izdanie 2-oe, dopolnennoe i pererabotannoe [The history of Krasnoyarsk. Documents and materials. XVII- the first half of the XIX century. 2nd edition, expanded and revised]. Krasnoyarsk, 2000, 846 p.

11. Andrievich V. K. Historical sketch of Siberia according to the data provided by the Complete Collection of Laws: In 5 volumes [Historical sketch of Siberia according to the data provided by the Complete Collection of laws: In 5 volumes]. Irkutsk, 1886, vol. 2, 364 p.

12. Serov D. O., Fedorov A. V. Dela i sud'by sledovatelej Petra I: nauchnoe izdanie. 2-e izd., pererab. i dop. [The cases and fates of Peter the Great's investigators: a scientific publication. 2nd ed., reprint. and additional]. Moscow, 2019, 432 p.

13. Samarina E. V. Bor'ba sibirskih ostrogov za pravo sbora yasaka u korennyh narodov YUzhnoj Sibiri v XVII v. [The struggle of Siberian prisons for the right to collect yasak from the indigenous peoples of Southern Siberia in the XVII century]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya – Humanitarian scientific research. 2012, no. 11, pp. 12-18.

14. Zorkin V. I. Irkutskie gradonachal'niki: Voevody i vice-gubernatory (1661 – 1764). Kn.1. [Irkutsk mayors: Voivodes and vice-governors (1661-1764). Book 1]. Irkutsk, 2011, 538 p.

15. Pisarkova L. F. K istorii vzyatok v Rossii (po materialam «sekretnoj kancelyarii» knyazej Golicynyh pervoj poloviny XIX v.) [On the history of bribes in Russia (based on the materials of the "secret office" of the Princes Golitsyns of the first half of the XIX century.)]. Otechestvennaya istoriya – Russian History. 2002, no. 5, pp. 33-49.

16. Prokopchuk A. V. Antikorrupcionnaya politika Petra Pervogo [The anti-corruption policy of Peter the Great]. Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii – Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov. 2018, no. 4 (68), pp. 116-122.

17. Knyazkov S. A. Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni [Essays from the history of Peter the Great and his time]. Moscow, 1909, 684 p.

18. Tolochko A. P., Konovalov I. A. Bor'ba s korrupciej v verhnih eshelonah vlasti v Sibiri v pervoj polovine XVIII v. [The fight against corruption in the upper echelons of power in Siberia in the first half of the XVIII century]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» – Vestnik of Omsk University. The series "Historical Sciences". 2022, no. 3 (35), pp. 25-32.

19. Baranov P. P., Shaposhnikov A. A. Delo knyazya M. P. Gagarina: nachalo rossijskogo audita [The case of Prince M. P. Gagarin: the beginning of the Russian audit]. Ekonomicheskaya istoriya Rossii – The Economic History of Russia. 2016, no. 10, pp. 173–174.

20. Katanaev G. E. Knyaz' Matvej Petrovich Gagarin. General'nyj prezident Sibirskogo prikaza i sibirskih provincij sudiya. Moskovskij komendant i vseya Sibiri gubernator. (Pervyj sibirskij avtonomist): Sibir' epohi Petra Velikogo [Prince Matvey Petrovich Gagarin. The General President of the Siberian Order and the Siberian provinces is a judge. The Moscow commandant and the governor of all Siberia. (The first Siberian autonomist): Siberia of the era of Peter the Great]. Tyumen, 2005, 208 p.

21. Akishin M. O. CHest', sluzhba i domashnij byt rossijskih dvoryan v ih lichnoj perepiske 1730-h gg. [Honor, service and home life of Russian nobles in their personal correspondence of the 1730s.]. Russkoe srednevekov'e: sb. st. v chest' prof. YU.G. Alekseeva – Russian Middle Ages: collection of articles in honor of Prof. Yu. G. Alekseev. Moscow, 2012, pp. 569-598.

22. Pervoe stoletie Irkutska: Sb. materialov dlya istorii goroda s "Vvedeniem" i zaklyuchit. st. priv.-doc. P.M. Golovacheva: "Sostav naseleniya i ekonomicheskij byt Irkutska do 40-h godov XVIII v. V pamyat' 250-letiya Irkutska" [The first century of Irkutsk: Collection. materials for the history of the city with an "Introduction" and a conclusion. art. priv.-assoc. P.M. Golovacheva: "The composition of the population and the economic life of Irkutsk before the 40s of the XVIII century. In memory of the 250th anniversary of Irkutsk."]. St. Petersburg, 1902, 187 p.

23. Irkutsk v panorame vekov: ocherki istorii goroda [Irkutsk in the panorama of centuries: essays on the history of the city]. Irkutsk, 2002, 512 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сысоев Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sysoev Alexey Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training**.** East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 80–90.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no. 1 (112). Pp. 80–90.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РУСИ

Черных Владимир Васильевич
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, tchernykhsa@mail.ru

Введение. В силу первоначального влияния географического детерминизма на Руси сложилась культура строительства из дерева. Несмотря на то, что дерево – очень горючий материал, традиция и определенная изолированность от других строительных культур сдерживали переход на более пожаробезопасные строительные материалы. В статье исследовано осознание властями и населением этой проблемы и принятие законодательных мер как в области строительства, так и наказания за поджог. Рассмотрена история становления государственной структуры по обеспечению пожарной безопасности и пожарного дела. Обращено внимание на такой элемент, мешавший борьбе с пожарами, как религиозный синдром.

Материалы и методы. В работе использованы методы научного познания: диалектический, герменевтики, детерминизма, сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-системный, формально-юридический, а также принципы историзма, объективности.

Результаты исследования. В статье анализируются как объективные, так и субъективные факторы большого количества пожаров на Руси, сказывавшиеся на ее развитии и перманентном устранении этих причин. Одной из устоявшихся ментальных причин автор видит в наличии доставшихся народам Руси–России лесных массивов, ставших основным источником возведения всех сооружений русо-славян, от жилых домов до тротуаров. Лес в России, по мнению автора, являлся природным бесплатным ресурсом, да еще и с огромными потенциальными возможностями, выражавшимися в значительных социально-экономических функциях, главной из которых была строительная, ставшая главным качеством жизнеобеспечения. Особая привязанность населения к деревянному строительству заключалась в его доступности, легкости и быстроте возведения и т. п.

Выводы и заключения. Как показывает исторический опыт, несмотря на то, что Россия горела много, и ущерб от пожаров мог быть сравним с последствиями от войн, тем не менее борьба с пожарами долгий период времени на Руси велась недостаточно эффективно. Объективной причиной тому являлось наличие огромных запасов леса как строительного материала для возведения домов и сооружений. Несмотря на повышенную горимость, бесплатный материал многие столетия был основным в возведении городов и деревень. Жители были заложниками этого способа производства и невольными соучастниками пожаров. Второй особенностью, сдерживающей активизацию борьбы с пожарами, было достаточно лояльное отношение к поджигателям, смертная казнь которым появится только в Судебнике 1497 года. Третий фактор, повлиявший на высокую горимость, заключается в том, что первая организация по борьбе с пожарами была создана только в 1505 году, а до этого времени борьба была уделом самих жителей.

© Черных В. В., 2025

Ключевые слова: пожары, культура строительства, пожарные узаконения, становление структуры пожаротушения, религиозные предрассудки

Для цитирования: Черных В. В. Противоречивая обусловленность зарождения и развития системы пожарной безопасности на Руси // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 80–90.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

CONTRADICTORY CONDITIONALITY OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE FIRE SAFETY SYSTEM IN RUSSIA

Vladimir V. Chernykh
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation,
chernykhsa@mail.ru

Introduction. Due to the initial influence of geographical determinism, a culture of building with wood developed in Russia. Despite the fact that wood is a very flammable material, tradition and a certain isolation from other building cultures restrained the transition to more fire-safe building materials. The article explores the awareness of the authorities and the population of this problem and the adoption of legislative measures both in the field of construction and the punishment of arson. The history of the formation of the state structure for fire safety and firefighting is considered. Attention is drawn to such an element that hindered the fight against fires as religious syndrome.

Materials and Methods. The methods of scientific cognition used in the work: dialectical, hermeneutics, determinism, comparative-historical, historical-typological, historical-systemic, formal-legal, as well as the principles of historicism, objectivity.

The Results of the Study. The article analyses both objective and subjective factors of a great number of fires in Russia, which affected its development and permanent elimination of these reasons. One of the established mental reasons the author sees in the presence of forests delivered to peoples of Russia-Russia, which became the main source of erection of all constructions of Russo-Slavs, from dwelling houses to pavements. The forest in Russia, in the author's opinion, was a natural free resource, and even with huge potentialities, which were expressed in significant socio-economic functions, the main of which was construction, which became the main quality of life support. The special attachment of the population to wooden construction consisted in its availability, ease and speed of erection, etc.

Findings and Conclusions. So, as historical experience shows, despite the fact that Russia burned a lot and the damage from fires could be comparable to the consequences of wars, nevertheless, fighting fires for a long period of time in Russia was not conducted effectively enough. The objective reason for this was the availability of huge reserves of timber as a building material for the construction of houses and structures. Despite the increased burning, free material has been the mainstay in the construction of towns and villages for many centuries. The inhabitants were, as it were, hostages of this mode of production and unwitting accomplices of fires. The second feature that hindered the intensification of fire fighting was a fairly loyal attitude towards arsonists, whose death penalty would appear only in the Judicial Code of 1497. The third factor that influenced the high

burning rate is that the first fire fighting organization was established only in 1505, and before that, to a large extent, this struggle was the lot of the residents themselves.

Keywords: fires, the culture of construction, construction and fire regulations, formation of the fire extinguishing structure, religious prejudice

For citation: Chernykh V.V. Protivorechivaya obuslovlennost' zarozhdeniya i razvitiya sistemy pozharnoj bezopasnosti na Rusi [Contradictory conditionality of the origin and development of the fire safety system in Russia]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 80–90.

Первые пожары возникли на планете около 400 миллионов лет назад благодаря сочетанию нескольких элементов: топлива, кислорода и тепла, сформировавших «пожарный треугольник», что привело к появлению уникального ресурса, изменившего нашу планету [1, с. 16; 2, с. 13–14]. В первых пожарах были повинны отнюдь не люди, которых в это время еще не было, а извержение вулканов, молний, падение метеоритов, астероидов и т. п. Так как все это происходило до рождения человеческих цивилизаций, нас это интересует с точки зрения физико-химических особенностей априорных нюансов подготовки планеты к жизнедеятельности на ней людей. Вместе с тем большая часть истории древнего мира, вплоть до зарождения государств (10–8 тысяч лет до нашей эры) интересует антропологов и археологов больше как овладение людьми огня, но никак не пожары, несомненно, случавшиеся в тот период.

Процесс возникновения и развития системы противодействия пожарам противоречив. Не касаясь опыта иных стран, отметим, что применительно к Руси-России эта система состоит из следующих компонентов: изучения социоестественных факторов материальной культуры народов, правового нормотворчества, направленного на профилактическое противодействие пожарам, репрессивных мер в отношении к поджигателям и нарушителям пожарного законодательства, организации специальных структурных подразделений по борьбе с огнем и приобщения населения к этому процессу. Первый фактор подстегивал подключение к проблеме следующие, в свою очередь на каждый из факторов влияли атавизмы прошлого, консервативные тенденции, волюнтаризм. Отсюда большая горимость, которой всегда страдала Россия, усугублялась еще и данными факторами.

С появлением государств, в зависимости от того, где они возникают, в какой природно-климатической среде, люди все в большей и большей степени начинают страдать от пожаров. Первые стационарные городские образования появляются по берегам рек (Нил, Евфрат, Хуанхэ, Янцзы, Ганг) на территориях с субтропическим климатом, кустарниковой растительностью и отсутствием древостоев [3, с. 20; 4, с. 56]. Последнее наложило отпечаток на строительство жилья из камня, что в значительной степени предопределило меньшую противопожарную безопасность.

Русо-славянам досталась территория сплошных лесных массивов [5, с. 47], что естественным образом сказалось на возведении жилых строений крепостных стен из дерева. Исследование историка Ю. Д. Петухова убеждает нас, что русы-земледельцы, опираясь на строительные навыки русов-бореалов Костенок, строили дома из бревен длиной до 45 метров с IV–V тыс. до нашей эры, что соответствует эпохе неолита. Промежуток между домами составлял 10–20 метров, со временем он заполнялся иными строениями, поэтому при такой скученности пожар уничтожал полностью городище. В качестве строевого леса использовался в европейской части дуб и вяз, а ближе к северу и востоку – хвойные деревья [1, с. 175]. Вместе с тем на территориях, называемых ранее Малороссией, в период неолита имелись

относительно большие равнинные безлесные местности, на которых сложилась архитектура глинобитного типа. Для возведения домов использовался материал из смеси глины с соломой, менее пожароопасный, чем из дерева [6, с. 104]. Выбор строительного материала перед славяно-русами не стоял, обилие строевого леса определил на века возведение зданий и сооружений из него. Собственно, длительный период использования леса в качестве основного строительного материала стал тормозом в отношении каменного, более безопасного в противопожарном отношении возведения зданий и сооружений. Первые каменные здания появятся на Руси с принятием христианства и будут это церкви. Культура каменного строительства на Руси начнется в последней четверти XIV века, после известного пожара Москвы 1365 г., уничтожившего за два часа всю столицу. Именно тогда и было принято решение о строительстве каменного Кремля, но первый огнестойкий строительный материал – «кирпич ожиганный» был создан во второй половине XV века, из которого медленно, но начнут возводить присутственные каменные здания, более безопасные в противопожарном отношении [7, с. 100; 8, с. 90]. Тем не менее вплоть до XX века продолжали строить жилые дома из дерева. Связано это было с дешевизной леса и дороговизной каменного строительства. К тому же деревянные дома строились намного быстрее и правомерно считалось, что они теплее.

Таким образом, предпочтение деревянному строению связано, во-первых, с укоренившейся вековой строительной традицией, прагматичным представлением, что оно дешевле, доступнее, легче возводимое, комфортнее, лучше дышится (экологичнее), быстрее обогревается; во-вторых, предубеждение к каменному строению как антипод вышеперечисленных достоинств деревянных строений. Древние русские города и селения были деревянными: дома, тротуары, изгороди, мостовые и даже стоки для воды, причём плотность расположения увеличивалась с каждым годом пропорционально росту населения. Так что при пожарах выгорал весь город или село, о чём печально фиксировали летописцы. А учёные позже подсчитают, что города на Руси горели с постоянством в 9–11 лет, а сёла ещё чаще [9, с. 15; 10, с. 37; 11, с. 44; 8, с. 101–103; 12, с. 2; 13, с. 34–39]. Этнограф С. В. Максимов подчёркивал, что русские пожары так грандиозны, что хоть кого приведут в панический страх, а лесная и деревянная Россия находится в особом положении по сравнению с другими странами, она представляет собой неугасимый костёр, который внушил людям наследственный страх и гасит волю к сопротивлению [14, с. 198–199]. Понимая не защищённость своих домов от огня, жители вплоть до XI века не строили больших домов, а ценные вещи зачастую держали в погребах на отдалении от строительных сооружений.

Первым официальным письменным памятником Древней Руси является «Русская правда», которая составлена в значительной степени на основании обычного права и «Покона Русского», что позволяет нам расценивать статьи противопожарного характера в ней, включая наказания за поджог, коллективным трудом этих трёх видов нормотворчества. Одна из статей чётко подчёркивает правило талиона, присущее трактовке обычного права, а именно «Оже зажжет кто гумно, то на поток и на грабеж дом его, преж пагубу расплативше, а в проц князю поточиити и такоже аще кто двор зажжет» [15, с. 47].

И если в «Русской правде» поджог карался «потоком и разграблением», что означало изгнание из пределов государства и конфискацию имущества, то в «Новгородской ссудной грамоте», и в «Псковской ссудной грамоте» речь шла уже о смертной казни [16, с 119–124; 10, с. 214]. Но нельзя не отметить, что первые законодательные акты были мягче зарубежных, где за поджог следовало одно наказание – мучительная смерть.

Несмотря на всю противоречивость и неспешность взглядов наших предков на борьбу с пожарами, всё-таки предпосылки этой борьбы относятся к периоду Древней Руси.

Поняв, что каменные здания более безопасны и не имея возможности построить себе каменный дом, горожане стали хранить ценные вещи в каменных церквях, что послужило причиной целой серии пожаров. Так, в 1299 году в Новгороде сгорело сразу 12 церквей, волна подобных пожаров прокатилась и по другим церквям. Откликом на данные пожары стал законодательный акт, запрещающий держать в церквях какое-либо имущество горожан [7, с. 79]. Можно отнести данный указ к началу профилактической деятельности власти, что в свою очередь ставило задачу по организации контроля и принуждения за выполнением принимаемых противопожарных мер. Однако ордынский период был отмечен практически отсутствием законотворческих инициатив и только к середине XV века назревшие проблемы пожарной безопасности стали обретать систематическое оформление в виде указов и распоряжений, тем более, что мощные московские (и не только) пожары вынуждали правителей искать пути борьбы с ними. Так, после пожара 1365 г., спалившего всю Москву в течение двух часов, Дмитрий Иванович «со боярами» приняли решение о строительстве каменного Кремля; а в 1434 году Василий Тёмный выпускает Указ, регламентирующий особые условия обращения с огнём в быту и ремесленных производствах. Но наиболее продуманным стал Указ Ивана III 1472 года, в котором однозначно причиной многих пожаров названы не только неосторожное обращение с огнем, но и плотность застроек. Указ рекомендовал возводить ремесленные мастерские вдали от жилых построек и у водоёмов [7, с. 88].

Наконец, в 1505 году Иван III, последовательно проводивший объединение русских земель и заложивший начало государственной системы управления, с целью разрушения удельной системы и подчинения всех земель единым законам страны, наряду с другими управленческими структурами создаёт пожарно-сторожевую охрану (ПСО). Это второе противоречие для горящей из года в год страны, осознавшей судя по летописям и былинам, что пожары такое же бедствие как войны и тем не менее, только по прошествии почти семи веков создаётся подобие структуры по борьбе с пожарами. Конечно, и до ПСО существовали некоторые формы противодействия пожарам. Так, руководство тушением пожаров во дворце возлагалось на воеводу; в удельных княжествах с пожарами боролись «тысяцкие», «сотские», «десятские»; в населённых пунктах – воеводы вооружённой охраны. При больших пожарах привлекалось население. Но только с созданием ПСО стали прослеживаться как организационные, так и управленческие действия, способствовавшие зарождению профессиональных навыков пожаротушения в различных погодных условиях, вырабатываться формы и методы тушения различных строений и помещений. На улицах с этого времени появляются караулы в ночное время, на окраинах городов выставляются «решётки-рогатки», препятствующие проникновению разного люда из близлежащих лесов, которые поджигали дома с целью грабежа. В помощь «решёточным приказчикам», обеспечивающим охрану от воров и поджигателей, к несению караульной службы привлекалось местное население. Известно, что каждый взрослый житель мужского рода в столице трижды в месяц обязан был нести ночное дежурство. Появляется и ответственный за пожарное состояние города, он получил название – объезжий голова, а центром его обитания становится съезжий двор, в будущем он станет центром полицейской и пожарной службы. Над съезжим домом устанавливалась пожарная каланча. На ней дежурил караульный дозорный, при появлении дыма он вывешивал шары, означавшие пожарную тревогу.

С введением пожарно-сторожевой охраны количество пожаров сразу не уменьшилось, но была заложена основа организации действий каждого охранника при тушении пожаров, и это был шаг вперед.

Василий III продолжил политику централизации, начав создавать вертикаль власти в виде приказов, а при них съезжие дома (сооружения с каменными башнями (каланчами), где размещались местные полицейские управления и пожарные части). Василий Иванович учредил в Новгороде пожарную и ночную стражу, как в Москве.

Однако это не ускорило развитие пожарного дела, особенно по городам и селам молодой империи. Способы тушения пожаров на весь период средневековья практически не менялись: главным способом борьбы с огнем оставался снос ближайших к пожару строений или прикрытие их пока они не загорелись войлочными или брезентовыми щитами, которые поливали водой. С большими пожарами или лесными пожарами практически не боролись, в основном уповали на природу, ждали дождей. И тем не менее, плотность строений оставалась прежней, поэтому и пожары были опустошительными.

После пожара 1547 г., очередной раз спалившего Москву и унесшего 1700 жизней, царь Иван IV принимает ряд законов противопожарного характера с непременным их выполнением под угрозой серьёзных наказаний. В результате этого указа во дворах и на крышах москвичей появляются ёмкости с водой и веники на шестах. Это распоряжение сработало на организационные начала, заключающиеся в быстром сосредоточении жителей и ликвидации пожара в начальной стадии. Законодатели Указа сочли необходимым также запретить в летнее время отапливать помещения, для чего пищу разрешалось готовить пищу в отдалении от построек с соблюдением мер противопожарной безопасности. В 1583 г. действие данного указа было распространено на все государство.

Особым для безопасности России стал 1550 год. В этом году было учреждено стрелецкое войско, положившее начало регулярной армии, опередив тем самым подобные образования в других странах. Другой стороной проблемы безопасности стало использование стрельцов для борьбы с пожарами. Предыдущий исторический опыт использования княжеских дружин в этом деле поспособствовал привлечению к борьбе с пожарами вновь образованных регулярных воинских соединений. Стрельцы с их воинской организацией, немалой численностью, вооружением бердышами и топорами (в будущем на вооружении уже профессиональных пожарных крюки и топоры, будут основными инструментами при тушении пожаров) оказались той реальной силой, которая для того времени оказалась наиболее эффективной для борьбы с пожарами. К сожалению, это было применительно только для столицы. Россия стала первой страной в мире, использующей для борьбы с огнем воинские формирования. Этот опыт позднее будет взят на вооружение в Японии и Франции. Стрельцов при тушении пожаров использовали до конца XVII века, т. е. до ликвидации стрелецкого войска (1698 год) и создания петровских регулярных полков [4, с. 102]. Несомненно, привлечение воинских формирований для борьбы с огнём стало явлением прорывным в деле повышения пожарной безопасности и одной из эффективных форм противодействия не только пожарам, но и иным стихийным проявлениям, таким как наводнения, землетрясения, эпидемии и т. д. Однако каждое стихийное бедствие требует особых профессиональных навыков и сосредоточения зачастую узких специалистов в определённой специфической организации. Запоздалое появление в самой пожароопасной стране мира организации, занимающейся борьбой с пожарами произошло в 1782 году и получило название «Управа благочиния». Предтечей создания данного органа можно считать принятие документа, именуемого «Наказ о градском благочинии» от 6 апреля 1649 г. [8, с. 113], напоминавшего инструкцию по тушению пожаров. Большую роль сыграло Соборное Уложение 1649 года, ряд статей которого (202, 218, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228) определял четкое и недвусмысленное требование соблюдений правил пожарной безопасности и наказаний за их нарушение [17, с. 140]. В статьях появляются понятия умышленных и неумышленных пожаров

и наказания за них, примечательно, что впервые эти толкования распространялись не только на населённые пункты, но и на лесные массивы. Одной из причин такого позднего создания этого важного института безопасности являются религиозные предрассудки.

С древнейших времен русо-славяне с особым почитанием относились к домашнему очагу, а огонь очага считали божеством [18, с. 1; 14, с. 197; 19, с. 284]. Неслучайно один из самых могущественных славянских богов – Сварог являлся богом огня, а его сын Сварожич, слыл своеобразным поджигателем и находился в овине. Чтобы не попасть в немилость этим двум божествам, в крестьянской среде вплоть до XIX века существовали всевозможные запреты на плевание в горящую печь или костер и другие непотребные действия, оскорбляющие огонь. Славянское божество олицетворяло благополучие дома и охраняло прочность семейно-бытовых устоев жизни. О значении домашнего огня как средоточия идеи дома, семьи говорит то, что на Руси глава дома звался огнищанином. Отсюда сложились поверья, что пожары, вызванные ударом молнии, можно гасить только молоком, пасхальными яйцами и квасом, и вносить в дом такой огонь – к беде, а тушить водой нельзя, потому что огонь разгорится ещё больше. Таким образом, пожар рассматривался как наказание божье и тушить его порой считалось грехом. При пожаре сразу хватали иконы, в первую очередь, считавшуюся заступницей от огня икону Божьей Матери «Неопалимую Купину» и трижды, молясь обходили пожарище. Однако, если икона не помогала, у некоторых граждан появлялись признаки разочарования, подтверждением чего может служить случай, описанный Н. М. Никольским. В 1611 году во время взятия Новгорода шведами, когда город был охвачен огнем, один русский выставил икону св. Николая и молился перед ней, чтобы дом его уцелел от пожара. Однако молитва не помогла, и дом загорелся. Тогда раздраженный владелец иконы, недолго думая, бросил ее в огонь со словами: «Ты не хотела помочь мне, теперь помоги себе самой» [20, с. 172]. Эти предрассудки, зародившиеся ещё в языческий период, мешали осознанной и организованной борьбе с пожарами и просуществовали вплоть до появления науки о религии (начало XIX века) [7, с. 47–48; 7, с. 52-56.] и постановке борьбы с пожарами на профессиональную основу. А произошло это только в 1802 году с созданием Министерства внутренних дел, которое поставило цель создания пожарно-полицейский команд по всей стране. На первое место с этого времени стала ставится подготовка личного состава команд не только в деле овладения различными методами и технологиями пожаротушения, но и развенчания устоявшихся форм, рассматривающих пожар как бедствие, посылаемое человеку в наказание нарушения запретов, правил поведения, подавляющих его волю к борьбе с этим стихийным бедствием. Хотя простой народ ещё будет весь XIX век обходить многие пожары с иконой «Неопалимая Купина» и просить защиты у неё от этого бедствия и даже в настоящее время в день празднования этой иконы, МЧС проводит молебны. Но это уже дань традиции.

Переломным в борьбе с пожарами становятся XVIII и XIX века. Пётр I осознанно и целенаправленно воздвигает столицу Санкт-Петербург с учётом всех мер пожарной безопасности и одним из первых его распоряжений было «деревянного строения отнюдь не строить. А строить то каменное строение или, по крайней мере, мазанки, и строить не среди дворов, как бывало в старину, а линейно по улицам и переулкам»[1]. Здесь важно всё, в том числе и последняя фраза, обеспечивающая беспрепятственный подъезд пожарного обоза в любую точку города. Указ обязывал соответствующих чиновников и специалистов вести строительство новых городов по чертежам, упор делать на возведение домов из камня, учитывать наличие фундамента и утилизацию дождевых осадков [13, с. 82].

[1] Полный Свод Законов (ПСЗ). Собр. 1. Т. 4. № 1963. С. 243.

Конечно на изменение облика городов, их архитектуру и строительство пожары оказывали огромное влияние. Как это не парадоксально, но на месте стихийных бедствий, будь то пожары, наводнения, землетрясения вырастали постройки новых архитектурных стилей, в технологическом и эстетическом отношении более современные, комфортабельные и импозантные.

К началу XIX столетия накопилось немало законодательных актов и строительных норм, регулирующих пожарное дело и систему наказаний за различные виды поджогов. Так как многие из них возникли ещё до образования централизованного государства, в разных удельных княжествах и при различном государственном устройстве они с одной стороны во многом дублировали друг друга, а с другой стороны имели определённые отличия в силу разновременного географического, климатического, а также социального и экономического развития. Центростремительные силы сложившегося имперского государства и вертикаль власти требовали приведения к общему знаменателю всех законов страны с безукоризненным их исполнением для всех субъектов федерации. Весь XVIII век прошел под оформлением этой тенденции. В начале следующего века со становлением юридической школы и появлением в государственной структуре незаурядного правоведа-реформатора М. М. Сперанского была произведена кодификация российского законодательства. Это была не первая попытка кодификации законов Российской империи. Ещё при Петре Алексеевиче 18 февраля 1700 г. было принято узаконение о создании Комиссии по подготовке нового Уложения [21, с. 7–8], но ни условий ее реализации, ни подготовленных людей для его в тот период не нашлось. Работа по кодификации законов была выполнена под эгидой Второго отделения собственной его императорского величества Канцелярии под непосредственным руководством М. М. Сперанского и прямом патронаже, и надзоре Императора Николая I в течение всего лишь семи лет (1826–1833 гг.). Для данного сочинения особое значение имеют два документа, вошедшие в полный свод законов Российской Империи, это Строительный и Пожарный уставы. Изложенные в Пожарном уставе предупредительные меры носили в основном режимный характер, в Строительном –инструктивные. В целом же они дополняли друг друга и сыграли заметную роль в деле профилактики и тушения пожаров. С принятием этих нормативных документов явного и заметного отставания правовых установок от организационного и технического развития пожарного дела не наблюдалось и наоборот, что не скажешь о модели управления пожарами, когда в силу ранее принятых узаконений, руководство пожаротушения вплоть до революции 1917 года было возложено на полицеймейстера, а не на брандмейстера – начальника пожарной команды.

Исторический опыт нашей страны показывает, что тушение пожаров сродни с проявлением борьбы со стихийными бедствиями и требует больших организационных и материальных ресурсов. Поэтому не случайно руководители страны вполне осознанно пришли к мысли, что заниматься борьбой с пожарами должны армейские соединения. В древности этим занималась княжеская дружина, при Иване Грозном – стрельцы, при Петре Первом – регулярная армия. И даже тогда, когда в начале XIX века по велению времени начали создаваться во всех городах Российской Империи профессиональные пожарно-полицейские команды при больших пожарах по-прежнему привлекались армейские соединения. Однако бурный рост промышленности, вхождение страны в капитализм вызвал к жизни многие и разнообразные инициативы защиты зданий, сооружений и лесных массивов. Первая пожарная команда появилась при Михаиле Федоровиче Романове и называлась она «пожарный обоз». Но только в XIX веке повсеместно во всех городах страны появятся и пожарные обозы, и пожарные депо, и пожарные каланчи, и первые пожарные мастерские, где готовились технические кадры для пожарной охраны. Это позволяет делать вывод о том, что структура

пожарной безопасности сложилась. Вполне вписались в эту структуру помогавшие профессиональным пожарным ведомствам новообразования, такие как добровольные пожарные общества в значительной степени оттянувшие на себя профилактическую работу пожарных, но и участвовавшие эпизодически в тушении пожаров; страховые общества взаимного страхования от огня, за счёт финансирования которых содержались многие пожарные команды и проекты; муниципальные и частные пожарные команды, решавшие локальные задачи по охране своих ведомств и предприятий, но при больших пожарах активно подключавшиеся к спасению городов и лесных массивов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петухов Ю. Д. История древних русов М. : Вече, 2009. 464 с.
2. Pyne S. J. Fire: A Brief History Series: Weyerhaeuser Environmental Books – Publisher : University of Washington Press, 2001. 224 p.
3. Васильев Л. С. История Востока. Том I-II. М. : Высшая школа, 1994. 568 с.
4. Тураев Б. А. История Древнего Востока. Мн. : Харвест, 2004. 752 с.
5. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В трех книгах. Книга первая. Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1998. 608 с.
6. Островский Э. В. История философии науки: Учеб. пособие. М. : Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2013. 328 с.
7. Черных В. В. История пожарного дела России. Ч.1. С древнейших времён до конца XVIII века: Учебное пособие. Иркутск: ВСИ МВД России, 2003. 203 с.
8. Черных В. В. История борьбы с огнём в России. Иркутск : Оттиск, 2010. 592 с.
9. Савельев П. С. Пожары-катастрофы. – М.: Стройиздат, 1983. 431 с.
10. Соловьёв С. М. Сочинения. В 18 книгах. Книга первая. Том 3–4. «История России с древнейших времён», М. : Голос, 1993. 768 с.
11. Терещенко А.В. История культуры русского народа / А. В. Терещенко. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
12. Чехов А. П. Исторический очерк пожарного дела в России. СПб. : 1892. 196 с.
13. Щаблов Н. Н. Пылающая Русь. СПб. : 1996. 483 с.
14. Максимов М. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.,1993. 526 с.
15. Введение к законодательству Древней Руси / Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. Том 1. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. 432 с
16. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
17. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 томах. Том 3: Акты Земских соборов / под. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. 511 с.
18. Анучин Д. Н. Открытие огня и способы его добывания. М. : Государственное издательство, 1922. 24 с.
19. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М. : Эллис Лак, 1995. 416 с.
20. Никольский Н. М. История русской церкви. М. : Политиздат, 1983. 448 с.
21. Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов: Сост. из актов, хранящихся во 2 Отделении Собств. е. и. в. Канцелярии. Санкт-Петербург: тип. 2-го Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1833. 200 с.

REFERENCES

1. Petukhov Yu. D. Istoriya drevnih rusov [History of ancient Rus]. Moscow, 2009, 464 p.

2. Pyne S. J. Fire: A Brief History Series: Weyerhaeuser Environmental Books – Publisher: University of Washington Press, 2001, 224 p.

3. Vasiliev L. S. Istoriya Vostoka. Tom I-II [The History of the East. Volume I-II]. Moscow, 1994, 568 p.

4. Turaev B. A. Istoriya Drevnego Vostoka [The History of the Ancient East]. Moscow, 2004, 752 p.

5. Klyuchevsky V. O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. V tryoh knigah. Kniga pervaya [Russian History. A full course of lectures. In three books. The first book]. Rostov n/A, 1998, 608 p.

6. Ostrovsky E. V. Istoriya filosofii nauki [History of philosophy of science]. Moscow, 2013, 328 p.

7. Chernykh V. V. Istoriya pozharnogo dela Rossii. CH.1. S drevnejshih vremyon do konca XVIII veka [History of fire fighting in Russia. Part 1. From ancient times to the end of the XVIII century]. Irkutsk, 2003, 203 p.

8. Chernykh V. V. Istoriya bor'by s ognyom v Rossii [The history of fire fighting in Russia]. Irkutsk, 2010, 592 p.

9. Savelyev P. S. Pozhary-katastrofy [Fires and catastrophes]. Moscow, 1983, 431 p.

10. Solovyov S. M. Sochineniya. V 18 kn. Kn.1. T.3-4. «Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon» [Essays. In 18 books. Books 1. Vol.3-4. "The history of Russia since ancient times"], Moscow, 1993, 768 p.

11. Tereshchenko A. V. Istoriya kul'tury russkogo naroda [History of culture of the Russian people]. Moscow, 2007, 736 p.

12. Chekhov A. P. Istoricheskij ocherk pozharnogo dela v Rossii [Historical outline of fire fighting in Russia]. St. Petersburg, 1892, 196 p.

13. Shchablov N. N. Pylayushchaya Rus' [Flaming Russia]. St. Petersburg, 1996, 483 p.

14. Maksimov M. V. Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila [The unclean, the unknown and the power of the Cross]. St. Petersburg, 1993, 526 p.

15. Vvedenie k zakonodatel'stvu Drevnej Rusi / Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9 t. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi [Introduction to the legislation of Ancient Russia. Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 vols. Vol. 1. The legislation of Ancient Russia]. Moscow, 1984, 432 p.

16. Vladimirsky-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]. Moscow, 2005, 800 p.

17. Chistyakov O. I. (by Ed.) Sobornoe Ulozhenie 1649 g. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. V 9 t. – T. 3: Akty Zemskih soborov [The Cathedral Code of 1649. Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 volumes – vol. 3: Acts of the Zemsky Sobors]. Moscow, 1985, 511 p.

18. Anuchin D. N. Otkrytie ognya i sposoby ego dobyvaniya [Discovery of fire and methods of its production]. Moscow, 1922, 24 p.

19. Slavyanskaya mifologiya. Enciklopedicheskij slovar' [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]. Moscow, 1995, 416 p.

20. Nikolsky N.M. Istoriya russkoj cerkvi [The History of the Russian Church]. Moscow, 1983, 448 p.

21. Speransky M. M. Obozrenie istoricheskih svedenij o svode zakonov: Sost. iz aktov, hranyashchihsya vo 2 Otdelenii Sobstv. e. i. v. kancelyarii [Review of historical information about the code of laws: Comp. from the acts stored in the 2nd Department of the Proper E. I. V. Chancery]. St. Petersburg, Chancery, 1833, 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Черных Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. ORCID: 0000-0002-5607-2535.
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Chernykh Vladimir Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines. East Siberian Institute Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664071.
ORCID: 0000-0002-5607-2535.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 21.03.2025.
The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 11.02.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 91–99.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no. 1 (112). Pp. 91–99.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК: 340.1

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОНЯТИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА»

Чернегова Виктория Владимировна
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, 7pobeda7@mail.ru

Введение. Современное развитие правовой государственности характеризуется активизацией правотворческой деятельности. При этом на доктринальном уровне обсуждаются вопросы о кризисе законности, противоречиях, пробелах в законодательстве, изъянах в ведомственных нормативных актах, о необходимости обеспечения всех институтов гражданского общества качественным законодательством. Статья посвящена рассмотрению правовой категории «юридическая техника». Пристальное внимание уделяется формированию понятия юридической техники, ее сущности на разных исторических этапах развития общества.

Материалы и методы. Основу решения поставленных вопросов составляет исследование теоретических положений, позволяющих дать оценку понятию юридической техники, ее качественным выражениям, выявить общие и особенные черты исследуемого явления, базирующиеся на совокупности общенаучных и частнонаучных методов юридического познания, включая метод ретроспекции, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты исследования. Сформулированы выводы о различных подходах к пониманию юридической техники, которое подверглось существенному расширению и модернизации. Обозначены особенности понимания юридической техники на разных исторических этапах, ее сущности и содержания. Рассмотрена взаимосвязь юридической техники с понятиями законодательной техники, юридической технологии.

Выводы и заключения. Несмотря на достаточно большое количество исследований данного правового явления, юридическая техника считается молодым понятием, в настоящее время остается подвижным, не имеющим единого понимания, что в условиях глобализации и цифровизации права влечет необходимость научного внимания к уточнению границ этого правового явления. Проработка понятия юридической техники приведет к гармонизации нормативного массива, так как степень изученности юридической техники напрямую влияет на нормативное регулирование и уровень его развития. Знания в сфере юридической техники – это база для качественной работы юриста, а ее игнорирование приводит к дефектам в нормативных правовых актах: перегруженности, сложности для усвоения неспециалистами, противоречиям, пробелам и др.

© Чернигова В. В., 2025

Ключевые слова: юридическая техника, юридическая технология, законодательная техника, правотворчество, законодательство

Для цитирования: Теоретико-исторические основы в исследовании понятия «юридическая техника» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 91–99.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Original article

THEORETICAL AND HISTORICAL FOUNDATIONS IN THE RESEARCH OF THE CONCEPT «LEGAL TECHNIQUE »

Victoria V. Chernegova
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, 7pobeda7@mail.ru

Introduction. The modern development of legal statehood is characterised by the intensification of law-making activity. At the same time, at the doctrinal level the issues of crisis of legality, contradictions, gaps in legislation, defects in departmental regulations, the need to provide all institutions of civil society with quality legislation are discussed. in legislation, defects in departmental normative acts, the need to provide all institutions of civil society with quality legislation. The article is devoted to the consideration of the legal category ‘legal technique’. Close attention is paid to the formation of the concept of legal technique, its essence at different historical stages of society development.

Materials and Methods. The basis for solving the questions posed is the research of theoretical provisions that make it possible to evaluate the concept of legal technique, its qualitative expressions, to identify common and special features of the phenomenon under study, based on a combination of general scientific and private scientific methods of legal cognition, including the method of retrospection, comparative legal and formal legal methods.

The Results of the Study. Conclusions are drawn about various approaches to understanding legal technique, which has undergone significant expansion and modernization; the peculiarities of understanding legal techniques at different historical stages, its essence and content are outlined; the interrelation of legal technique with the concepts of legislative technique and legal technology is considered.

Findings and Conclusions. Despite a sufficiently large number of studies of this legal phenomenon, legal technique is considered a young concept, currently remains mobile, without a common understanding, which in the context of globalisation and digitalisation of law entails the need for scientific attention to clarify the boundaries of this legal phenomenon. The elaboration of the concept of legal technique will lead to the harmonisation of the normative array, as the degree of study of legal technique directly affects the normative regulation and the level of its development. Knowledge in the field of legal technique is the basis for quality work of a lawyer, and its ignoring leads to defects in normative legal acts: overload, difficulty for assimilation by non-specialists, contradictions, gaps and others.

Keywords: legal technique, legal technology, legislative technique, law-making, legislation

For citation: Chernegova V.V. Teoretiko-istoricheskie osnovy v issledovanii ponyatiya «yuridicheskaya tekhnika» [Theoretical and historical foundations in the research of the concept

«legal technique»]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 91–99.

Юридическая техника как отрасль знаний носит прикладной характер, выполняя вспомогательные функции по отношению к праву, при этом не теряя научной значимости. Инструменты юридической техники обобщаются учеными на основе практического опыта и знаний, что является в полной мере синергией фундаментального и прикладного знания. При этом ставится вопрос о выделении юридической техники как самостоятельной учебной дисциплины, что фактически уже реализовано в некоторых образовательных организациях высшего профессионального образования. Однако многообразие точек зрения в определении понятия, содержания юридической техники, ее видов и классификации свидетельствует как о многостороннем изучении проблемы, так и об отсутствии единого подхода к пониманию этой правовой категории.

С развитием общественных отношений менялся способ выражения властного императива: сначала отношения между людьми регулировались обычаями, традициями, религиозными нормами, которые впоследствии оформлялись в виде правового акта. Однако «изобретение закона не уничтожило ни регламента, ни обычая; закон просто установил над ними свое главенство» [1, с. 46]. М. Ориу отрицал саму необходимость понятия юридической техники, поскольку оно, по его мнению, неадекватно важности и значимости права. В отождествлении права и техники он видел опошление права [1].

Можно согласиться с позицией Г. И. Муромцева о том, что «юридическая техника возникает в истории одновременно с правом. Ее историческая обусловленность приводит к выводу о неодинаковости ее содержания в различные эпохи истории» [2, с. 13].

На определенных исторических этапах развития общества и права процесс подготовки и принятия нормативного акта тесно связан с вопросами его содержания, формальной определенности и эффективности.

Рудольф фон Иеринг, более ста лет назад исследуя римское право, в труде «Юридическая техника» писал, что пригодность права имеет чисто формальный характер. Немецкий правовед утверждал, что право, независимо от его содержания, устроено и образовано должно быть таким образом, чтобы оно могло благодаря своему механизму сколько возможно более упростить, облегчить и обеспечить применение правоположений к отдельному конкретному случаю [3, с. 186].

Римской классической юриспруденции удалось создать цельную правовую систему, включающую в себя такие правовые институты, как право собственности, владения, наследования и многие другие. Указанное могло быть достигнуто только при соблюдении основ юридической техники. Понятие юридической техники применимо к данному историческому периоду довольно условно ввиду отсутствия такой правовой категории, которая могла бы отразить зарождение и становление данного понятия. Как известно, долгое время римские ученые были ориентированы на решение практических задач – юридических казусов, которые подверглись анализу и позднее были систематизированы в виде знаменитого источника римского права – Дигест Юстиниана. Обобщая инструменты юридической техники, которыми пользовались юристы классического периода, можно отметить применение устоявшихся юридических категорий, приемов логического и грамматического характера, толкования права, аналогии и юридической фикции.

Т. В. Кашанина рассматривает историю развития юридической техники, выделяя несколько стадий развития права (следовательно, и юридической техники): юридическая

техника в древнем обществе (архаичное право), юридическая техника в традиционном обществе (сословное право), юридическая техника в индустриальном обществе (развитое, зрелое, общегосударственное право) [4, с. 49–73].

Если обратиться к этимологии понятия «юридическая техника», то можно узнать, что с греческого языка техника «techne» переводится как ремесло, мастерство, искусство, умение. С. С. Алексеев утверждал, что по своему содержанию юридическая техника складывается из двух элементов: технических средств и технических приемов, и сравнивал ее с материальной техникой, где тоже, с одной стороны, выделяются средства техники, т. е. машины, оборудование, а с другой – методы, приемы их использования, т. е. технология. В области права техническими средствами являются, в частности, юридические конструкции, терминология, правовой технологией – способы изложения норм, система отсылок [5].

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова содержит следующее определение техники:

1) круг наук, связанный с изучением и созданием средств производства и орудий труда;

2) совокупность средств труда, знаний, деятельности, служащих для создания материальных ценностей;

3) совокупность приемов, применяемых в каком-нибудь деле, мастерстве [6].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля указано, что техника – это знание, умение, приемы работы и приложение их к делу, обиход, сноровка [7].

Термин «техника», употребляющийся в словосочетаниях с понятиями «юриспруденция», «право», «закон», не раз подвергался критике. Так, некоторыми учеными предпринимались попытки переосмысления термина «юридическая техника». В. Н. Карташовым предложено рассматривать в первую очередь юридическую технологию как ядро юридической практики, а юридическую технику – как важнейший компонент юридической технологии. В полном смысле ученый понимает юридическую технологию как основанную на определенных принципах, прогнозах и планах систему мыслительных и внешне актуализированных действий и операций компетентных физических и должностных лиц (органов), связанную с изданием (толкованием, реализацией, систематизацией и т. п.) юридических решений (актов), в ходе которой оптимально используются необходимые ресурсы, общесоциальные, технические и специально-юридические средства, приемы, способы, методы и правила, процессуальные формы и соответствующие типы, виды и подвиды контроля за деятельностью субъектов и участников юридической практики [8, с. 17].

Не отрицая дискуссионности и вариативности научных подходов к пониманию юридической техники, а также существования отдельного понятия «юридическая технология», а также учитывая исторически сложившуюся традицию данного термина, достаточную сформированность одноименной учебной дисциплины, преподаваемую во многих юридических вузах, успешную работу с 2007 года журнала «Юридическая техника» и с 2012 года – Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» под руководством В. М. Баранова, мы будем придерживаться обозначенного в названии статьи термина.

Как самостоятельную правовую категорию юридическую технику вводят в теоретико-исторические правовые исследования в 60-ых гг. XX века [9]. До этого времени данное понятие чаще всего отождествлялось с понятием законодательной техники, которое по своему смыслу является более узким и специальным. Такое видение вопроса было обусловлено господством партийно-государственных методов правового регулирования. Однако юридическая техника уже вышла из категории формальной работы над текстом документа: понимание существа проблемы призвано было предупреждать согласованность с уже действующим законодательством.

И. Л. Брауде писал, что юридическая техника охватывает правила о характере, структуре и языке нормативных актов, правила толкования правовых норм, технику их применения судебными и административными органами. При этом законодательная техника как важнейшая часть юридической техники используется при разработке постановлений, решений, распоряжений, приказов, инструкций, правил, положений, уставов и других нормативных актов [10, с. 43]. Таким образом, уже в середине XX века учеными ставятся вопросы о сочетании в юридической технике науки и практики, соотношении юридической техники и законодательной (правотворческой) техники, о необходимости предвидения толкования правовой нормы. Несмотря на господствовавший в советское время классовый подход к праву и государству, работы ученых-правоведов того периода не теряют своей значимости, так как на тот момент отечественная юриспруденция получила достаточное развитие, чтобы рассматривать юридическую технику как автономное знание в юридической науке.

Современному понимаю юридической техники посвящены труды Т. В. Кашаниной, Н. А. Власенко, Т. Я. Хабриевой, В. М. Баранова, О. И. Шарно и др.

Так, с позиции Т. В. Кашаниной юридическая техника представляет собой отрасль знаний о правилах ведения юридической работы и создания в ее процессе различного рода юридических документов [11, с. 19].

Также юридическую технику определяют как совокупность технико-правовых средств, способов, приемов и методов, с помощью которых создается нормативный правовой акт или другой письменный документ, содержащий юридические нормы [12, с. 12].

А. А. Ушаков делит юридическую технику на внешнюю, охватывающую вопросы организации правотворческой деятельности, и внутреннюю, включающую вопросы, непосредственно связанные с результатом правотворческой деятельности [13].

При анализе многообразия взглядов на понятие юридической техники стоить отметить одну из главных особенностей, характеризующих данный термин. Юридическая техника представляет собой слияние теории и практики, сочетание науки и мастерства, знаний и умений. Это не просто совокупность теоретических рекомендаций, а инструмент, позволяющий в результате юридической деятельности получить качественный правовой документ.

Современные проблемы юридической техники, разрешение которых поможет углубиться в ее изучении, понять границы и сущность, могут состоять в следующем.

Несмотря на то, что право само по себе отличается системностью, упорядоченностью, внутренней согласованностью и иерархичностью, многообразие регулируемых общественных отношений неизбежно приводит к противоречиям, пробелам в праве. Законотворчество и правоприменение есть непосредственные формы реализации юридической техники.

Нормативные правовые акты – это основной источник права в Российской Федерации, а их систематизация как проблема, стоящая перед государством, является приоритетной в связи с активным ростом массива законодательства.

Верховным Судом Российской Федерации уточнено понятие нормативного правового акта с помощью признаков, характеризующих правовой акт: издание его в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо

на изменение и прекращение существующих отношений (п. 2 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 50)[1].

По информации, предоставленной территориальными органами Минюста России, с октября 2021 по октябрь 2022 года судами рассмотрено 1751 исковое заявление о признании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации не соответствующими федеральному законодательству или недействующими. В большинстве случаев в судах оспаривались региональные акты по некоторым основаниям: произвольное осуществление правового регулирования условий назначения или ограничения адресатов мерами социальной поддержки, незаконное осуществление полномочий по упразднению особо охраняемых природных территорий регионального значения, которое должно осуществляться соответствующим субъектом Российской Федерации, принятие диспозиции нормы об установлении административной ответственности, которая не содержит описания конкретных действий (бездействий), не отвечает общепринятому критерию формальной определенности[2].

Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным 1 июля 2022 года подписано распоряжение № 202-рп «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней»[3]. Министерством юстиции Российской Федерации отмечается, что «цель систематизации заключается в создании для граждан, бизнеса, органов власти и управления комфортных условий работы с массивом правовых актов, а также повышение эффективности государственного управления. Этот результат станет возможен, в том числе за счет простоты восприятия правовых актов и их юридико-технического качества» [4] . На Петербургском международном юридическом форуме в 2023 году заместителем Министра юстиции Российской Федерации Дмитрием Жуйковым было акцентировано внимание на следующем: «Необходимо наладить единую систему организации учета правовых актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также их актуальных редакций. Это одна из первоочередных задач, которые стоят перед нами сегодня»[5].

Следует отметить, что государством предпринимаются меры, направленные на совершенствование оформления законопроектов. Так, в настоящее время действуют Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов

---

[1] О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами : Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 50 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764/ (дата обращения: 24.12.2024).

[2] Обзор нормотворчества субъектов Российской Федерации : Министерство юстиции Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/uploaded/files/obzor-sud-praktiki-2022-po-npa. doc (дата обращения: 24.12.2024).

[3] О межведомственной рабочей группе по разработке проекта государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней : распоряжение Президента Российской Федерации от 1 июля 2022 года № 202-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.07.2022. № 27. ст. 4825.

[4] В России разработают программу систематизации правовых актов госорганов // Министерство юстиции Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/48969/ (дата обращения: 24.12.2024)

[5] В рамках ПМЮФ-2023 обсудили вопросы систематизации российского законодательства // Министерство юстиции Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/49513/ (дата обращения: 24.12.2024).

(в редакции 2021 года), рассчитанные на практическое применение субъектами законодательной инициативы, в целях соблюдения единообразия в оформлении. Однако считаем это начальным этапом внедрения основ юридической техники на нормативном уровне.

Полнота правового регулирования как базовое правило юридической техники важно не только на этапе правотворчества, но и на этапе правоприменения. Однако существуют общественные отношения, регламентация которых спорна и вызывает множество вопросов в правоприменительной практике.

Тексты нормативных правовых актов не лишены некоторых дефектов, выраженных как в конструкции правовых норм, так и в использовании юридической терминологии. Существуют термины, часто употребляющиеся в правовом поле, но до сих пор не закрепленные законодательно. Например, понятие «иждивенец». Нет четкой формулировки, кого именно можно относить к этой категории, какими признаками обладает такое лицо и какая помощь ему полагается. Учитывая правоприменительную практику и социальную политику государства, можно сказать, что иждивенец – это нетрудоспособный гражданин, которого материально обеспечивает другой человек, причем необязательно родственник. Между тем факт нахождения на иждивении не подлежит государственной регистрации, но есть ряд ситуаций, когда трудоспособному родственнику необходимо указать имеющихся иждивенцев. Также от количества иждивенцев зависит размер прожиточного минимума, который выделяется из конкурсной массы должника при банкротстве.

Приведем другой пример законодательно не закрепленного понятия. Жилищное законодательство Российской Федерации не имеет такого понятия, как «апартаменты». При этом апартаменты – это помещения, используемые в качестве жилья, но не относящиеся к жилым помещениям. Соответственно, не урегулирован вопрос о возможности использования таких помещений для постоянного проживания.

Что касается системы ведомственных нормативных актов Министерства внутренних дел Российской Федерации, несмотря на ее некоторую обособленность, в силу специфики необходимости соблюдения режима делопроизводства и режима охраны государственной тайны, она не является закрытой. Российскими исследователями отмечаются такие актуальные проблемы правовых актов органов внутренних дел, как наличие устаревших норм, противоречие их друг другу, дословное дублирование положений российского законодательства в ведомственном нормативном акте и другие вопросы юридической техники.

При подведении итогов в процессе исследования теоретико-исторических основ понятия юридической техники можно сказать, что до настоящего времени наука не объяснила в полной мере юридическую технику как правовой феномен. Многоаспектность и многослойность данного понятия влечет некоторую разноголосицу в научном сообществе.

Учитывая динамику развития политических и социально-экономических процессов на уровне национальных государственно-правовых систем, в целях опережающего правового регулирования, можно утверждать, что требуется активизация исследований, позволяющих своевременно определять негативные тенденции, препятствующие устойчивому развитию общества [14]. Такие исследования проблем теоретико-исторического становления понятия юридической техники заключаются в его глубокой научной проработке, конкретизации содержания и границ, а также выработке единого научного определения. При этом объектом данной работы являются общественные отношения, возникающие в процессе планирования, принятия нормативно-правовых актов и иных юридических документов, а также их дальнейшего правоприменения; методы и средства, используемые для совершенствования

правовых актов. Подобная работа поможет приблизить теоретические разработки к практической деятельности, предупредить появление юридических ошибок.

Однако самым важным является не достижение единственно верного, принятого и одобренного научным сообществом определения понятия юридической техники, а поиск возможностей внедрения накопленных научно-теоретических знаний о юридической технике в правоприменительную деятельность. Полагаем, что перспективное развитие юридической техники видится в нормативном закреплении отдельных ее положений, что станет основой совершенствования законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. 759 с.
2. Муромцев Г. И. Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты) // Правоведение. 2000. № 1. С. 9–20.
3. Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. СПб., 1996. 130 с.
4. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 496 с.
5. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. 359 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. 795 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990. С. 795.
8. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16–24.
9. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социальном государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 186 с.
10. Брауде И. Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. 160 с.
11. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. 496 с.
12. Юридическая техника : учеб. пособие / Н. А. Власенко, А. И. Абрамова, Г. Т. Чернобель [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮСТИЦИЯ, 2024. 320 с.
13. Ушаков А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1961. № 5. С. 73–85.
14. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 9–19.

REFERENCES

1. Oriu M. Osnovy publichnogo prava [Fundamentals of public law]. Moscow, 1929, 759 p.
2. Muromtsev G. I. Uridicheskaja tehnika (nekotorie teoreticheskie aspekty) [Legal technique (some theoretical aspects)]. Pravovedenie – Jurisprudence 2000, no. 1, pp. 9-20.
3. Iering R. Uridicheskaja tehnika [Legal technique]. St. Petersburg, 1996, 130 p.
4. Kashanina T. V. Uridicheskaja tehnika [Legal technique]. Moscow, 2011, 496 p.
5. Alekseev S. S. Obshhaja teoria prava [General theory of law]. Moscow, 1982, vol. 2. 359 p.
6. Ozhegov S. I. Slovarʹ russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1990, 795 p.

7. Dahl V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory dictionary of the alive Great Russian language]. Moscow, 1990, 795 p.

8. Kartashov V. N. Uridicheskaja tehnologia ili uridicheskaja tehnika? Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovania [Legal technology or legal technique? Some methodological aspects of the study]. Uridicheskaja tehnika – Legal technique. 2007, no. 1, pp. 16-24.

9. Alekseev S. S. Mechanism pravovogo regylirovaniya v socialisticheskom gosudarstve [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow, 1966, 186 p.

10. Braude I. L. Izbrannoe: Ocherki zakonodatelnoy tehniki/ Nekotorye voprosy sovetskogo prava [Selected works: Essays on legislative technique. Some issues of the Soviet legal system]. Moscow, 2010, 160 p.

11. Kashanina T. V. Uridicheskaja tehnika [Legal technique]. Moscow, 2011, 496 p.

12. Uridicheskaja tehnika: uchebnoe posobie [Legal technique: study guide]. Moscow, 2024, 320 p.

13. Ushakov A. A. O ponyatii uridicheskoi tehniki i eye osnovnyh problemah [On the concept of legal technology and its main problems]. Uchenye zapiski – Scientific notes. Perm', 1961, pp. 73–85.

14. Avdeeva O. A., Andreev V. A. Strategicheskie napravlenija pravovogo vozdejstvija v kontekste realizacii koncepcii ustojchivogo razvitija sovremennogo obshhestva [Strategic directions of legal influence in the context of the implementation of the concept of sustainable development of modern society]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 1 (100), pp. 9–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернегова Виктория Владимировна, адъюнкт. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernegova Victoria Vladimirovna, postgraduate student. East Siberian Institute the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.
The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 100–113.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 1 (112). Pp. 100–113.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342.9

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Власова Елена Львовна[1], Фидель Петр Михайлович[2]
[1,2] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
[1] vlasovael1963@gmail.com
[2] p-fidel@mail.ru

Введение. Статья посвящена рассмотрению зарубежного опыта административно-правового регулирования профилактики насилия в семье и возможности его использования в Российской Федерации. Делаются значимые для практического применения выводы, вносятся предложения.

Материалы и методы. Используются общенаучные принципы, подходы и методы. Теоретическую основу исследования составляют научные труды, издания, публикации и иные информационно-справочные материалы, содержащие сведения о зарубежном опыте административно-правового регулирования профилактики насилия в семье, законодательные и иные нормативно-правовые акты Российской Федерации, научные статьи последних лет, монографии, научно-практические пособия по исследуемой проблеме, научные доклады.

Результаты исследования. Проанализирован зарубежный опыт административно-правового регулирования профилактики насилия в семье и возможности его использования в Российской Федерации, что представляет научный интерес для дальнейших исследований по данному вопросу. Рассмотрены проблемы законодательной регламентации и изучены законодательные инициативы, в том числе проект, находящийся в настоящее время на рассмотрении Государственной Думы № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Авторы высказывают свою точку зрения по поводу преждевременности внесения данного законопроекта и на основе проведенного анализа вносят предложения по улучшению действующего законодательства в части административно-правового регулирования профилактики насилия в семье.

Выводы и заключения. Результаты исследования могут быть использованы в правоприменительной деятельности участников административно-правового регулирования профилактики насилия в семье, совершенствовании КоАП РФ

Ключевые слова: насилие в семье, жертва семейного насилия, профилактика, имплементация, страны Содружества Независимых Государств, общественный порядок, общественная безопасность

© Власова Е. Л., Фидель П. М., 2025

Для цитирования: Власова Е. Л., Фидель П. М. Зарубежный опыт административно-правового регулирования профилактики насилия в семье и возможности его использования в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 100–113.

5.1.2. Public law (state law) sciences

Original article

FOREIGN EXPERIENCE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF DOMESTIC VIOLENCE PREVENTION AND POSSIBILITIES OF ITS USE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena L. Vlasova[1], Petr M. Fidel[2]
[1,2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation
[1] vlasovael1963@gmail.com
[2] p-fidel@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the consideration of foreign experience of administrative and legal regulation of domestic violence prevention and the possibility of its use in the Russian Federation. Significant for practical application conclusions are drawn and suggestions are made.

Materials and Methods. General scientific principles, approaches and methods. The theoretical basis of the study is formed by scientific works, editions, publications and other information and reference materials containing information about on foreign experience of administrative-legal regulation of prevention of domestic violence, legislative and other normative-legal acts of the Russian Federation, scientific articles of recent years, monographs, scientific-practical manuals on the problem under study, scientific reports.

The Results of the Study. Foreign experience of administrative-legal regulation of prevention of domestic violence and the possibilities of its use in the Russian Federation have been analysed, which is of scientific interest for further research on this issue. The problems of legislative regulation are analysed and legislative initiatives are studied, including the project currently under consideration by the State Duma No. 1183390-6 'On the prevention of domestic violence in the Russian Federation'. The authors express their point of view on the prematurity of introducing this draft law and, based on the analysis, make proposals for improving the current legislation in terms of administrative and legal regulation of the prevention of domestic violence.

Findings and Conclusions. The results of the study can be used in law enforcement activities of participants of administrative-legal regulation of prevention of domestic violence, improvement of the CAO RF.

Keywords: Domestic violence, victim of domestic violence, prevention, implementation, Commonwealth of Independent States, public order, public safety

For citation: Vlasova E.L., Fidel P.M. Zarubezhnyj opyt administrativno-pravovogo regulirovaniya profilaktiki nasiliya v sem'e i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v Rossijskoj Federacii [Foreign experience of administrative and legal regulation of domestic violence prevention and the possibilities of its use in the Russian Federation]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD

Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 5 (112), pp. 100–113.

Анализ законодательства разных стран в сфере профилактики и предупреждения насилия в семье показывает, что одним из главных субъектов его реализации являются органы внутренних дел, прежде всего, полиция (милиция). Полиция (милиция) играет ключевую роль в предотвращении насилия в семье, так как именно на ее сотрудников возложены обязанности по незамедлительному реагированию на случаи такого рода. Именно полиция (милиция) самостоятельно или совместно с иными правоохранительными органами принимает участие в исполнении и реализации всех мер индивидуальной профилактики в отношении лиц, допускающих насилие в семье (агрессоров), предусмотренных предусмотренных законодательством. Исходя из специфики данного правонарушения (преступления), невозможно заранее планировать профилактические меры. Насилие может проявиться в любой момент, в любой семье, независимо от уровня социализации: и в маргинальной семье, и внешне благополучной, поэтому говорить о ранней профилактике и предупреждении данного правонарушения (преступления), думается, не имеет смысла. Полиция (милиция) принимает меры профилактики постфактум, уже после совершения преступления (правонарушения), после того как потерпевшим уже причинен непоправимый вред, и они вынужденно обращаются за помощью в правоохранительные органы.

Проведение сравнительного анализа административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД России) и других зарубежных стран в сфере профилактики насилия в семье обусловлен целью изучения мер противодействия данному явлению. Однако И. В. Важенина и А. В. Богданов справедливо считают, что «не стоит идеализировать зарубежные и международные правоохранительные институты. Только их пристальное и всестороннее изучение, понимание исторических условий их формирования, оценка социокультурного контекста их существования и серьезный анализ с точки зрения возможности их адаптации в условиях страны-реципиента позволят сделать вывод о необходимости их заимствования» [1, с. 4].

В связи с этим, используя результаты сравнительного анализа, необходимо адаптировать только те моменты, которые реально помогут повысить эффективность деятельности ОВД в сфере профилактики насилия в семье. Важно учитывать как внешние, так и внутренние факторы, влияющие на динамку этого процесса. Одной из ключевых задач является разработка комплексной программы, основанной на лучших мировых практиках, но приспособленной к специфике региональных особенностей. Инновационные подходы, такие как внедрение современных технологий и усиление межведомственного взаимодействия, могут существенно повысить уровень безопасности и благополучия семей.

В любой стране Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), уделяется большое внимание вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, что предполагает относительную общность принимаемых на государственном уровне в названных целях организационно-правовых мер [2, с. 91]. Профилактика насилия в семье является той сферой, в которой ОВД всех стран СНГ реализуют свою компетенцию, в том числе по применению мер государственного принуждения. Важность данной проблемы трудно переоценить, так как насилие в семье не только негативно сказывается на здоровье и психоэмоциональном состоянии жертв, но и представляет собой угрозу для общества в целом.

В зависимости от способов проведения сравнительно-правовых исследований выделяют нормативное и функциональное сравнение. В отличие от нормативного,

функциональное сравнение фокусируется на практическом применении и реальном влиянии законов на общественную жизнь. Этот подход позволяет выявить не только различия в законодательных актах разных стран, но и изучить, как эти акты воссоздаются в рамках культурных и социальных практик.

Принимая во внимание общие исторические и социальные корни законодательных актов разных стран, а также современные политические и экономические изменения, можно утверждать, что функциональное сравнение играет особенную роль в контексте изучения правовой системы стран СНГ. Поскольку законодательные системы этих стран формировались на базе советского права, которое в свою очередь представляло синтез разных правовых традиций, анализ их функциональной адаптации и эволюции в постсоветский период дает возможность выявить как закономерности, так и уникальность.

Исследование законодательства стран СНГ: Российской Федерации, Азербайджанской Республики [1], Республики Казахстан [2], Республики Молдова [3], Республики Беларусь [4], Республики Таджикистан[5], Республики Узбекистан[6] в сфере предупреждения и профилактики насилия в семье показывает, что к полномочиям ОВД как субъектов предупреждения и профилактики семейного насилия относятся, например, участие в разработке проектов нормативных правовых актов, осуществление мер по предупреждению семейного насилия путем выявления, регистрации и учета случаев семейного насилия, вынесение официальных предупреждений членам семьи, осуществление приема, рассмотрение заявлений и обращений граждан, вынесение защитного предписания или ходатайства перед судебными инстанциями о вынесении защитного предписания (в России нет такой меры профилактики), осуществление административного задержания агрессора, осуществление криминологического прогнозирования в области профилактики семейного насилия,

[1] О предотвращении бытового насилия : Закон Азербайджанской Республики от 22 июня 2010 года № 1058–111Q : послед. ред. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=32050 (дата обращения: 19.12.2024). Режим доступа: для зарегистр. пользователей.

[2] О профилактике бытового насилия : Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV ЗРК : послед. ред. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29844 (дата обращения: 19.12.2024). Режим доступа: для зарегистр. пользователей.

[3] О предупреждении и пресечении насилия в отношении женщин и насилия в семье : Закон Республики Молдова от 1 марта 2007 года № 45-XVI : послед. ред. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=22266 (дата обращения: 19.12.2024). Режим доступа: для зарегистр. пользователей.

[4] Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 122-З : послед. ред. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=64951 (дата обращения: 19.12.2024). Режим доступа: для зарегистр. пользователей.

[5] О предупреждении насилия в семье : Закон Республики Таджикистан от 19 марта 2013 года № 954 : послед. ред. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=59053 (дата обращения: 19.12.2024). Режим доступа: для зарегистр. пользователей.

[6] О защите женщин от притеснения и насилия : Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 : принят Законодательной палатой 17 августа 2019 года : одобрен Сенатом 23 августа 2019 года : послед. ред. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=118581 (дата обращения: 19.12.2024). Режим доступа: для зарегистр. пользователей.

информирование о праве на получение бесплатной юридической помощи лиц, в отношении которых совершены акты семейного насилия и др.

Анализ законов об ОВД (полиции) государств СНГ показывает, что в ряде из них закреплены полномочия полиции в области противодействия насилию в семье. Чаще всего они закрепляются в форме соответствующей юридической обязанности ОВД. Такие полномочия могут включать в себя обязательства по реагированию на сообщения о семейном насилии, проведение профилактических мероприятий, разработку и реализацию программ поддержки для жертв, а также сотрудничество с другими государственными и негосударственными организациями. Система правового регулирования в этой области может варьироваться от государства к государству. Однако общими чертами являются стремление к обеспечению безопасности граждан и защите их прав, а также признание важности межведомственного взаимодействия в борьбе с семейным насилием.

Например, в Республике Казахстан полиция обязана оперативно реагировать на сигналы о фактах насилия в семье, проводить профилактическую работу с семьями, где имеются признаки агрессии, и взаимодействовать с общественными организациями, оказывающими помощь жертвам насилия (Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях[7]). Вместе с тем в целях обеспечения безопасности жертвы семейного насилия и при отсутствии оснований для производства административного задержания в порядке, предусмотренном законодательством об административных правонарушениях, либо задержания в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, в соответствии со ст. 20 Закона Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия», начальником местной полицейской службы ОВД или участковым инспектором полиции по месту совершения домашнего насилия выносится защитное предписание с учетом мнения жертвы семейного насилия, которое вручается для исполнения агрессору под расписку.

В соответствии с ч. 2 ст. 54 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях «при установлении особых требований к поведению лица, совершившего административное правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, для охраны и защиты потерпевшего и членов его семьи суд в исключительных случаях вправе применить на срок до тридцати суток меру административно-правового воздействия в виде запрета лицу, совершившему бытовое насилие, проживать в индивидуальном жилом доме, квартире или ином жилище с потерпевшим в случае наличия у этого лица другого жилища».

В Республике Беларусь сотрудники ОВД обладают правом временного ограничения свободы передвижения лиц, подозреваемых в домашнем насилии, что позволяет предотвратить эскалацию конфликтной ситуации и защитить потенциальных жертв. Стоит также отметить, что в Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» названы меры индивидуальной профилактики правонарушений: профилактическая беседа, официальное предупреждение, профилактический учет, защитное предписание, иные меры, предусмотренные законом. Так, профилактическая беседа является самой распространенной мерой индивидуальной профилактики правонарушений и представляет собой диалог между правоохранительными органами и гражданином, в ходе которого обсуждаются причины и возможные последствия противоправного поведения, а также пути их предотвращения. Официальное предупреждение является важным инструментом

[7] Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК : послед. ред. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68438 (дата обращения: 19.12.2024). Режим доступа: для зарегистр. пользователей.

воздействия, так как оно фиксирует противоправные намерения и ставит перед гражданином задачу соблюдать нормы закона. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях[8] предусматривает, что лицу, привлеченному к административной ответственности за правонарушение, совершенное по отношению к члену семьи, органом внутренних дел выносится официальное предупреждение. Вместе с тем в течение года после объявления официального предупреждения агрессору может быть вынесено защитное предписание, которое применяется после вынесения постановления о наложении административного взыскания за правонарушение, совершенное по отношению к члену семьи. Защитное предписание предусматривает установление определенных ограничений для лица, чье поведение может представлять угрозу для окружающих, таких как запрет на приближение к потенциальной жертве или посещение определенных мест. Профилактический учет, в свою очередь, позволяет отслеживать и анализировать поведение лиц, склонных к правонарушениям, с целью своевременного вмешательства во избежание рецидивов.

Отметим, что согласно ст. 21 Закона Республики Таджикистан от 19 марта 2013 года № 954 «О предупреждении насилия в семье» основанием для вынесения ОВД защитного предписания является обращение по факту совершения акта насилия в семье или угрозы его применения. Защитное предписание может предусматривать следующие требования: запрещение всякого рода насилия в отношении потерпевшего осуществление вопреки ее желанию поиска, слежки, посещения, переговоров и других отношений, ограничивающих права и свободы жертвы, рекомендация о своевременном возвращении в жилище, запрещение употребления спиртных напитков и одурманивающих веществ на период действия защитного предписания.

Анализируя положения Закона Азербайджанской Республики от 22 июня 2010 года № 1058–111Q «О предотвращении бытового насилия» (далее – Закон АзР), обратим внимание, что законодатель оперирует понятием «бытовое насилие», определяя его как умышленное причинение физического либо морального вреда друг другу лицами, на которых распространяется закон, путем злоупотребления родственными отношениями, нынешним либо прежним совместным проживанием. Закон АзР в качестве административно-предупредительной меры предусматривает предупреждение о неповторении бытового насилия и выдачу краткосрочного охранного ордера. В случае несоблюдения краткосрочного охранного ордера может быть выдан долгосрочный охранный ордер. По принятым в феврале 2024 года поправкам к Закону Азербайджанской Республики от 22 июня 2010 года № 1058–111Q «О предотвращении бытового насилия» совершившему бытовое насилие лицу будетсделанописьменноепредупреждение от соответствующего органа исполнительной власти в течение 24 часов с момента получения жалобы от пострадавшего, также жертве будет выдан краткосрочный охранный ордер[9].

Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия» определяет строго установленный субъект – женщину, семейное положение которой в расчет не берется. Данный закон оперирует понятием «притеснение», определяя его как действие (бездействие), унижающее честь и достоинство женщин,

[8] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 года : одобрен Советом Республики 18 декабря 2020 года : послед. ред. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=129886 (дата обращения: 19.12.2024).

[9] О внесении изменений в Закон Азербайджанской Республики «О предотвращении бытового насилия» : Закон Азербайджанской Республики от 23 февраля 2024 года №1098-VIQD : послед. ред. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=158841 (дата обращения: 19.12.2024). Режим доступа: для зарегистр. пользователей.

домогательство, за совершение которых не предусмотрена административная или уголовная ответственность. В качестве правового средства предупреждения насилия используется охранный ордер[10], **основанием для выдачи** которого могут быть обращение пострадавшей или информация, поступившая от физических или юридических лиц, в том числе распространяемая в СМИ и социальных сетях[11].

С 27 августа 2024 года выдача охранного ордера в Узбекистане стала возможной через Единый портал интерактивных государственных услуг (далее – ЕПИГУ)[12]. Оформление и выдача ордера через ЕПИГУ осуществляются бесплатно[13].

При этом с 1 декабря 2024 года при выявлении ситуации притеснения и насилия два и более раза в течение одного календарного года выдача охранного ордера стала возможной по инициативе инспектора по профилактике[14].

В ряде стран СНГ (Таджикистан, Узбекистан) ОВД наделены полномочиями административно-юрисдикционного характера за нарушение законодательства о предотвращении бытового насилия, что открывает дополнительные возможности для оказания профилактического воздействия посредством применения мер административной ответственности. Как показало исследование, основными правовыми средствами профилактики насилия в семье, применяемыми ОВД, по праву являются: беседа воспитательного характера, защитное предписание (охранный (защитный) ордер), административное задержание. Эти меры, хотя и различаются по своей природе и степени вмешательства, демонстрируют стремление государств обеспечить защиту наиболее уязвимых слоев общества. Беседа воспитательного характера направлена на профилактику, обучение навыкам конструктивного решения конфликтов и предотвращение эскалации конфликтных ситуаций. Этот инструмент часто предлагается как первичная мера воздействия, позволяющая выявить проблемы на раннем этапе и предложить соответствующую помощь и поддержку. Защитное предписание или охранный ордер, в свою очередь, служит юридической гарантией безопасности жертвы. Оно ограничивает действия агрессора, запрещая ему приближаться к жертве, и является сигналом о недопустимости насилия. Административное задержание применяется в тех случаях, когда существует прямая угроза жизни или здоровью жертвы. Это временная мера, направленная на срочное устранение опасности, позволяющая государственным органам провести дальнейшее расследование и принять необходимые меры для защиты жертвы.

В России вопрос о принятии закона, который бы обеспечивал защиту жертв от семейного насилия, остается актуальным до сих пор. Несмотря на многолетние усилия правозащитников и активистов, законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» до настоящего времени

---

[10] В Узбекистане детям начнут выдавать охранный ордер // KUN.UZ : сайт. URL: https://kun.uz/ru/news/2024/08/15/v-uzbekistane-detyam-nachnut-vydavat-oxrannyy-order (дата обращения: 10.12.2024).

[11] Что такое охранный ордер и как его получить в Узбекистане. Главное // podrobno.uz : сайт. URL: https://podrobno.uz/cat/obchestvo/chto-takoe-okhrannyy-order-i-kak-ego-poluchit-v-uzbekistane-glavnoe-/ (дата обращения: 18.12.2024).

[12] Охранный ордер жертвам насилия будут выдавать онлайн // газета.uz : сайт. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2024/08/28/order/ (дата обращения: 15.12.2024).

[13] Абдуазимова, Л. Упрощена выдача охранного ордера // Norma : сайт. URL: https://www.norma.uz/novoe_v_zakonodatelstve/uproshchena_vydacha_ohrannogo_ordera (дата обращения: 19.12.2024).

[14] Там же.

не принят [15] . Замечания были и к определению семейно-бытового насилия, и к порядку применения мер, направленных на его профилактику [3, с. 44]. Новый законопроект вызвал оживленные дебаты в обществе, в ходе которых мнения разделились на два противоположных лагеря. Одни настаивали на том, что предложенные меры являются слишком строгими и могут нарушать личные права и свободы граждан, другие утверждали, что подобные меры необходимы для защиты самых уязвимых членов общества. Закон не был принят и в 2019 году после внесении соответствующих поправок.

12 июня 2024 года в Правительство Российской Федерации и Верховный суд Российской Федерации для получения заключения был в очередной раз направлен пакет законопроектов о комплексном регулировании домашнего насилия. **Законопроект включает в себя базовый проект Федерального закона «Об основах защиты граждан от насильственных действий в сфере семейно-бытовых отношений», а также поправки в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации**.

Законопроект содержит предложения об установлении повышенной уголовной ответственности для членов семьи за убийство, доведение до самоубийства, систематическое истязание, угрозы убийства и вымогательство в отношении друг друга. Для членов семьи предусматривается уголовная ответственность за клевету о совершении или угрозе совершения насилия с наказанием в виде штрафа до 1 млн рублей либо обязательными работами до 240 часов, а также административная ответственность за оскорбление и побои.

Прежде чем выразить свое отношение к данным законопроектам, необходимо сформировать понятийный аппарат по данному вопросу, в том числе путем определения юридического содержания терминов «семья», «быт», «насилие».

Если все-таки принимать во внимание, что органам внутренних дел отводится ведущая роль по профилактике и предупреждению такого вида правонарушения (преступления), как семейное насилие, то с учетом анализа законодательства стран СНГ по данному вопросу усматриваются широкие дискреционные полномочия ОВД, что согласно действующему российскому законодательству совершенно неприемлемо.

Понятие «семья» в современном семейном праве Российской Федерации отсутствует. Семью определяют, как правило, с точки зрения социологии и права. При этом формой выражения семьи является брак.

Под семьей понимается круг лиц, связанных семейными правоотношениями – юридическими правами и обязанностями, то есть получается, что к понятию «семья» относятся только юридически оформленные отношения.

Под семейным насилием понимается только насилие, которое совершается в семье при наличии брачных отношений. В связи с этим может возникнуть вопрос о квалификации насилия, которое встречается в незарегистрированных с юридической точки зрения браках («гражданских браках»). В отношении лиц, состоящих в таких браках, также осуществляется насилие. Получается совершенно два разных вида насилия – семейное и бытовое.

[15] О профилактике семейно-бытового насилия : законопроект № 1183390-6 : внесен депутатом Гос. Думы С. Ш. Мурзабаевой, членом Совета Федерации А. В. Беляковым 28 сентября 2016 года // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6 (дата обращения: 21.12.2024).

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева бытовыми называют такие события, явления, которые часто происходят в обычной, повседневной жизни людей[16].

По мнению В. П. Ревина, «под бытовыми преступлениями обычно понимают умышленные посягательства на жизнь, здоровье, свободу, честь, достоинство и половую неприкосновенность личности, нормальное развитие несовершеннолетних, а также на личную собственность граждан, совершенные по бытовым мотивам, на почве неприязненных отношений между виновными и потерпевшими» [4, с. 9]. В. П. Ревин считает, что «можно принять за основу дефиницию, в соответствии с которой бытовое преступление представляет собой результат разрешения семейного конфликта, возникшего между людьми, состоящими в определенных бытовых отношениях, преступным путем» [4, с. 10].

Следует отметить, что еще в советский период ряд ученых отмечали, что «семейно-бытовая сфера включает в себя не только личные внутрисемейные, но и другие разнообразные неформальные отношения» [5, с. 55]. Бытовые отношения тесно связаны с семейными, но полностью совпадающими их назвать нельзя. Категория быта включает в себя как отношения семейно-бытового характера, так и некоторые другие: коммунально-бытовые, досугово-бытовые, производственные. При этом, как справедливо отмечается в научной литературе, «разобраться в существе бытовых преступлений можно лишь хорошо понимая процессы, которые характеризуют сферу быта, особенности возникающих в ней противоречий» [6, с. 43]. «Бытовое преступление – это преступление, совершенное в сфере бытовой жизнедеятельности людей по мотивам, возникающим на почве личностно-бытовых взаимоотношений виновного и потерпевшего» [7, с. 1]. Таким образом, можно констатировать, что семейно-бытовое преступление в России – это общественно опасное, виновное, противоправное, наказуемое деяние, представляющее собой результат разрешения семейного конфликта, возникшего между людьми, состоящими в определенных бытовых отношениях. Бесспорно, семейно-бытовая преступность есть составляющая бытовой преступности. Бытовые преступления всегда совершаются именно по бытовым мотивам (хотя по бытовым мотивам могут совершаться и небытовые преступления). Мотив бытовых преступлений всегда конкретен и имеет причинно-следственную связь с условиями быта. Конкретными проявлениями мотива являются чаще всего корысть, месть, зависть, ревность и т. п. Возникновение мотива бытового преступления, его формирование и реализация органически связаны с бытовыми отношениями, ими он и детерминирован. Следовательно, определяя бытовое преступление, нужно указывать характеристику объекта и мотив.

Субъектом семейно-бытового насилия (кто причиняет насилие) может быть любой член семьи (общества) – агрессор. Объектом (в отношении кого применяется насилие) также может быть любой член семьи (общества) – жертва. Считаем целесообразным закрепить данную терминологию на законодательном уровне, в целях единообразного применения законодательства.

Что касается термина «домашнее насилие», считаем его неприемлемым по причине невозможности охвата всех составов правонарушений, совершаемых с применением насилия на бытовой почве (к примеру, тот же сталкинг). Согласно словарю С. И. Ожегова термин «домашний» означает «относящийся к дому, к семье, частному быту» [8, с. 847].

---

[16] Словари и энциклопедии на Академике. Бытовой // Академик : сайт. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/420/%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9 (дата обращения: 19.12.2024).

Официальное понятие «домашнее насилие» закреплено в Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11 мая 2011 года (далее – Стамбульская конвенция)[17]. Следует пояснить, что Россия не подписала Стамбульскую конвенцию, но в стране ведутся дискуссии по поводу домашнего насилия.

Согласно Стамбульской конвенции термин «домашнее насилие» включает «все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту, или между бывшими либо нынешними супругами, или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва».

Кроме того, Стамбульская конвенция содержит определение понятия «насилие в отношении женщин», под которым понимается «нарушение прав человека и форма дискриминации в отношении женщин, а также все акты насилия по гендерному признаку, которые приводят или могут привести к физическому, сексуальному, психологическому или экономическому ущербу или страданиям в отношении женщин, включая угрозы таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, независимо от того, происходит ли это в публичной или частной жизни»[18].

Мы исходим из того, что насилие в семье представляет собой сложную динамику отношений между двумя или более активными агентами, а никак не односторонний процесс. Насилие может совершаться и в отношении мужчин, детей, престарелых родителей, приемных детей, иных родственников. Однако единого подхода к пониманию термина «домашнее насилие» на сегодняшний день в юридической науке не выработано. Считаем домашнее насилие частью семейно-бытового насилия.

По нашему мнению, понятие «семейно-бытовое насилие» должно содержать все признаки противоправного деяния, то есть формулировка должна быть следующей: семейно-бытовое насилие» – это общественно опасное, противоправное, виновное действие, представляющее собой принудительное воздействие одного лица (агрессора) в отношении любого другого лица – жертвы, совершаемое в форме преследования, а также физической, сексуальной, психологической, экономической формах, которое причиняет физические и нравственные страдания последнему и является наказуемым по законодательству Российской Федерации.

Полагаем, что данная дефиниция может служить основой для универсального определения насилия в семье при условии его адаптации к национальным системам стран – участниц СНГ.

При этом Постановление Пленума Верховного Суда от 15 ноября 2022 года № 33 (далее – Пленум ВС № 33) [19] дает разъяснения, что следует понимать под физическими и нравственными страданиями.

В соответствии с Пленумом ВС № 33 к физическим страданиям можно отнести:

– физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья;
– либо заболевание, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий;

[17] Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11 мая 2005 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: http://docs.cntd.ru/document/420206767 (дата обращения: 19.12.2024).

[18] Там же.

[19] О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2.

– ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья;

– неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы.

Под нравственными страданиями понимаются страдания, относящиеся к душевному неблагополучию, то есть нарушению душевного спокойствия человека:

– чувство страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования;

– осознание своей неполноценности из-за ограничений, обусловленных причинением увечья;

– переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав;

– другие негативные эмоции.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о преждевременности принятия Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Считаем целесообразным принятие Федерального Закона «О государственных (муниципальных) органах по профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации и их ответственности», в котором признается наличие данного вида правонарушения, дается официальное определение семейному насилию и его видам, мерам и способам профилактики, определяется перечень уполномоченных государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, принимающих участие в обеспечении общественной безопасности, в том числе занимающихся профилактикой насилия в семье, их компетенция, ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей, устанавливается единый координирующий орган по профилактике насилия в семье. Считаем, что таким органом должна стать Генеральная прокуратура Российской Федерации и ее территориальные подразделения. Предложение основано на изучении полномочий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, которые определены **Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №** 2201-1)[20]**.**

Генеральный прокурор Российской Федерации руководит системой прокуратуры, издает обязательные для исполнения всеми работниками органов и организаций прокуратуры приказы, указания, распоряжения, положения и инструкции. Исходя из этого рекомендуем дополнить часть 2 статьи 1 **Федерального закона** № 2201-1 положением «координировать деятельность государственных (муниципальных) органов по профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», а также внести соответствующие изменения в статью 8 Федерального закона № 2201-1 «Координация деятельности по борьбе с преступностью и семейно-бытовым насилием».

Считаем, что **следующим шагом совершенствования административно-правового регулирования ОВД России в сфере профилактики насилия в семье будет разработка специальных компьютерных программ** и внедрение их в практику применения ОВД России. Программы будут определять наличие и вид насилия в семье, в соответствии с заданными параметрами ситуации, и выдавать возможные варианты средств и форм административной деятельности индивидуально по каждому обращению.

---

[20] О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17 января 1992 года № 2202-1 : послед. ред. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

Помимо этого, предлагаем **ввести в действие единую интегрированную федеральную информационно-аналитическую базу данных «Семейное насилие»**, в которой должна быть сосредоточена информация о лицах, совершавших ранее насильственные деяния в отношении близких на почве конфликтных ситуаций в сфере семейного быта. Считаем необходимым за счет средств регионального бюджета **обеспечить службу участковых уполномоченных полиции новейшими достижениями техники**. Например, персональными планшетными компьютерами и программным обеспечением доступа к федеральным базам данных.

Кроме того, по делам, связанным с семейным насилием, необходимо совершить переход от карательного правосудия к восстановительному [9, с. 106].

В связи с тем, что выдача защитных предписаний носит принудительный характер, а ее применение не сопровождается должными процессуальными гарантиями [10, с. 215], авторы не поддерживают данную практику. Считаем институт защитных предписаний малоэффективной мерой, не отражающей реалий сегодняшнего дня, ведущей общество к регрессии и способствующей возникновению правового произвола по следующим причинам:

1) выдача защитного предписания осуществляется должностным лицом органа внутренних дел – начальником ОВД или его заместителем, т. е. вне судебной процедуры;

2) практика применения защитных предписаний не идет по пути предоставления расширенного перечня процессуальных гарантий лицам, к которым эти меры применяются;

3) защитное предписание – это мера административного принуждения, не наказания, хотя по своему характеру, продолжительности, способу исполнения наносит ощутимый ущерб;

4) государственное регулирование общественной и частной жизни в целях обеспечения безопасности личности или общества. С одной стороны, общество и государство признают, что семейное насилие существует и наносит ущерб гражданам страны, считают данную проблему глобальной и требующей немедленного реагирования, с другой – государство предусматривает право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, вот поэтому можно предположить, что реальные меры по противодействию насилию в семье остаются лишь вопросом превенции.

Если говорить в общем об основных направлениях совершенствования административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, то на основании Приоритетных направлений правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России на период с 2022 по 2026 год[21], принятых во исполнение **Концепции общественной безопасности в Российской Федерации,** утвержденной Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 года № Пр-2685 (далее – Концепция общественной безопасности в Российской Федерации), **приоритетной задачей** обеспечения общественной безопасности является защита жизни, здоровья, конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Для совершенствования административно-правового регулирования ОВД России в сфере профилактики насилия в семье, согласно Концепции общественной безопасности в Российской Федерации**, необходимо улучшить административное законодательство** и разработать четкий механизм контроля за его соблюдением [9, с. 105].

[21] Правовое информирование // Министерство внутренних дел по Республике Карелия : офиц. сайт. URL: 10.мвд.рф›citizens/Pravovoe_prosveshhenie (дата обращения: 21.12.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Важенина И. В., Богданов А. В. Организационно-правовые основы деятельности сил обеспечения внутренней безопасности зарубежных стран : учеб. пособие. М. : АУ МВД РФ, 2023. 167 с.

2. Редкоус В. М. Предпосылки осуществления сравнительно-правового анализа законодательств государств-участников СНГ в области обеспечения национальной безопасности // Журнал Российского права. 2007. № 11. С. 91–98.

3. Аблятипова Н. А. Соотношение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» с принципами семейного права // Крымский научный вестник. 2021. № 1 (30). С. 42–50.

4. Ревин В. П. Профилактика преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. М. : Норма, 1985. 231 с.

5. Гордон Л. Понятие быта и бытовых отношений. Человек и общение. М. : Проспект, 1986. 204 с.

6. Серебрякова В. А. Криминологические аспекты изучения сферы быта // Советское государство и право. 1982. № 5. С. 42-48.

7. Безызвестных Н. В. Причины и условия совершения бытовых преступлений // Трибуна ученого. 2021. № 2. С. 1–8.

8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1994. 907 с.

9. Струков В. А. Оптимизация административно-правового регулирования деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1 (84). С. 102–108.

10. Гуринская А. Л. Конфликты ценностей в правотворчестве: политико-правовая природа и эффективность охранных ордеров как инструмента профилактики семейно-бытового насилия // Политическая наука. 2020. № 3. С. 215–242.

REFERENCE

1. Vazhenina I. V., Bogdanov A. V. Organizacionno-pravovye osnovy deyatel'nosti sil obespecheniya vnutrennej bezopasnosti zarubezhnyh stran: uchebnoe posobie [Organizational and legal foundations of the activities of internal security forces of foreign countries: a tutorial]. Moscow, 2023, 167 p.

2. Redkous V. M. Predposylki osushchestvleniya sravnitel'no-pravovogo analiza zakonodatel'stv gosudarstv-uchastnikov SNG v oblasti obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Prerequisites for the implementation of a comparative legal analysis of the legislation of the CIS member states in the field of national security]. ZHurnal Rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2007. no. 11, pp. 91-98.

3. Ablyatipova N. A. Sootnoshenie zakonoproekta «O profilaktike semejno-bytovogo nasiliya v Rossijskoj Federacii» s principami semejnogo prava [Correlation of the draft law "On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation" with the principles of family law]. Krymskij nauchnyj vestnik – Crimean Scientific Bulletin. 2021, no. 1 (30), pp. 42-50.

4. Revin V. P. Profilaktika prestuplenij v sfere semejno-bytovyh otnoshenij [Prevention of crimes in the sphere of family and domestic relations]. Moscow, 1985, 231 p.

5. Gordon L. Ponyatie byta i bytovyh otnoshenij. CHelovek i obshchenie [The concept of everyday life and everyday relations. Man and communication]. Moscow, 1986, 204 p.

6. Serebryakova V. A. Kriminologicheskie aspekty izucheniya sfery byta [Criminological aspects of studying the sphere of everyday life]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law. 1982, no. 5, pp. 42-48.

7. Bezyzvestnykh N. V. Prichiny i usloviya sovershenіya bytovyh prestuplenij [Reasons and conditions for committing domestic crimes]. Tribuna uchenogo – Tribune of a scientist. 2021, no. 2, pp. 1-8.

8. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1994, 907 p.

9. Strukov V. A. Optimizaciya administrativno-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii po profilaktike pravonarushenij v sfere semejno-bytovyh otnoshenij [Optimization of administrative and legal regulation of the activities of the district police officer in the prevention of offenses in the sphere of family and domestic relations]. YUrist"-Pravoved – Jurist-Pravoved. 2018, no. 1 (84), pp. 102-108.

10. Gurinskaya A. L. Konflikty cennostej v pravotvorchestve: politiko-pravovaya priroda i effektivnost' ohrannyh orderov kak instrumenta profilaktiki semejno-bytovogo nasiliya [Conflicts of values in lawmaking: the political and legal nature and effectiveness of protection orders as a tool for the prevention of domestic violence]. Politicheskaya nauka – Political science. 2020, no. 3, pp. 215-242.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власова Елена Львовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. ORCID: 0000-0003-0929-8176

Фидель Петр Михайлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. ORCID:0000-0002-3097-4522

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vlasova Elena Lvovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074. ORCID: 0000-0003-0929-8176

Fidel Petr Mikhailovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074. ORCID: 0000-0002-3097-4522

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 114–128.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 1 (112). Pp. 114–128.

**5.1.2. Публично- правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья
УДК 342.924

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ): ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Миннигулова Динара Борисовна
Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
minnidinara@mail.ru

Введение. Публичные закупки представляют собой публичную функцию, обеспечивающую реализацию полномочий государственного аппарата, и оформляются посредством государственного контракта. Возникающие при этом общественные отношения играют важную роль в условиях многоукладной российской экономики, например позволяют реализовывать государственные программы, удовлетворять ведомственные нужды государственных органов и т. п., одновременно с этим требуют качественной институциональной (экономической, организационной, правовой, управленческой) поддержки. Экономистами предпринималось множество попыток создать унифицированную систему оценки эффективности контрактной системы, но на данный момент официальной методики определения эффективности государственных закупок так и не существует, поэтому сохраняется необходимость разработки такой методики, которая позволила бы оценить как эффективность отдельной закупки или комплекса процедур закупок, так и комплексную эффективность закупочного механизма. Детерминация методического и критериального аппаратов эффективности публичных закупок влияет на оценку качества соответствующей системы, а также на развитие организационной архитектуры закупок для государственных, в том числе ведомственных нужд системы МВД России.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, нормы российского законодательства, в том числе ведомственные акты: МВД России, Минобороны России, ФАС России, Росархива, Роснедра, ФНС России, Минэкономразвития России, отчет Счетной палаты Российской Федерации, практика стран ОЭСР в области бюджетирования, ориентированного на результат, материалы практики Европейского союза в сфере публичных закупок. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, международных и нормативно-правовых источников, использованы приёмы обобщения и группировки данных, а также герменевтический, дескриптивный, формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и эвристический методы.

© Миннигулова Д. Б., 2025

Результаты исследования доказывают насущную потребность в унификации правового регулирования методологии оценки эффективности исполнения государственного контракта для нужд системы МВД России, констатируют отсутствие ведомственного нормотворчества в указанной сфере. Автор предлагает использовать определенные в статье современные научные концепции и парадигмы, а также лучшие международные и российские практики, которые могут стать методической основой для создания ведомственной системы оценочных критериев, характеризующих эффективность государственных закупок для нужд системы МВД России, для издания соответствующих приказов и внедрения системы автоматизации процесса оценки эффективности исполнения государственных контрактов, заключённых для нужд органов внутренних дел и организаций, входящих в систему МВД России.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил выявить существующие пробелы ведомственного нормотворчества в контексте методологии оценки эффективности исполнения государственного контракта для нужд системы МВД России, вносить предложения по разработке и нормативному закреплению методики оценки эффективности закупок для нужд системы МВД России и ее критериев, активно реализовывать потенциал динамично развивающейся цифровой трансформации и применить его к автоматизации процесса оценки эффективности закупок для нужд системы МВД России посредством создания информационно-аналитической системы с использованием алгоритмов «искусственного интеллекта» для оценки эффективности исполнения государственных контрактов, заключенных для нужд органов внутренних дел и иных организаций, входящих в систему МВД России.

Ключевые слова: государственные закупки, ведомственные нужды, система МВД России, оценка эффективности, критерии оценки эффективности, исполнение государственного контракта.

Для цитирования: Миннигулова Д. Б. Правовое регулирование оценки эффективности исполнения государственных контрактов (на примере системы МВД России): постановка проблемы / Д. Б. Миннигулова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.- практ., журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 114–128.

5.1.2 Public law (State law) sciences

Original article

LEGAL FRAMEWORK FOR ASSESSING THE SUCCESS OF GOVERNMENT CONTRACTS (ILLUSTRATED BY THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS SYSTEM): PROBLEM STATEMENT

Dinara B. Minnigulova
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, minnidinara@mail.ru

Introduction. Public procurement is a public function that ensures the implementation of the powers of the state apparatus and is executed through a government contract. The social relations that arise in this case play an important role in the conditions of a multilayered Russian economy, for example, they allow implementing state programs and meeting the departmental needs of government bodies, etc. At the same time, they require high-quality institutional (economic, organizational, legal, managerial) support. Economists have made numerous attempts to create a unified system for evaluating the effectiveness of contract systems, but at the moment there is no official method for determining the efficiency of public procurement. Therefore, there is a need to develop such a method

that would allow assessing both the effectiveness of individual purchases or a setoff procurement procedures and the integrated effectiveness of procurement mechanisms. The determination of methodological criteria for the efficiency of government procurement affects the assessment of the quality of relevant systems and the development of organizational procurement architecture for government, including the departmental requirements of the Ministry of Internal Affairs.

Materials and Methods. The research materials were scientific articles by scientists, norms of Russian legislation, departmental acts: the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Minister of Defense of the Russian Federation, the Federal Antimonopoly Service of Russia, Rosarchiv, Rosnedra, the Federal Tax Service, the Ministry of Economic Development, the report of the Accounting Chamber of the Russian Federation, the practice of OECD countries in the field of result-oriented budgeting, materials of the practice of the European Union in the field of public procurement. In the course of the study, a dialectical method was applied, an analysis of scientific, international and regulatory sources was carried out, methods of generalization and grouping of data were used, as well as hermeneutic, descriptive, formal-logical, formal-legal, comparative-legal, systemic-structural and heuristic methods.

The Results of the Study prove the urgent need to unify the legal regulation of the methodology for evaluating the effectiveness of the execution of a state contract for the needs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and state the absence of departmental rulemaking in this area. The author suggests using the modern scientific concepts and paradigms defined in the article, as well as the best international and Russian practices, which can become a methodological basis for creating a departmental system of evaluation criteria characterizing the effectiveness of public procurement for the needs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, for issuing appropriate orders and implementing a system for automating the process of evaluating the effectiveness of government contracts concluded for the needs of internal affairs bodies and organizations that are part of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Findings and Conclusions. The analysis made it possible to identify existing gaps in departmental rulemaking in the context of the methodology for evaluating the effectiveness of the execution of a state contract for the needs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, proposals are being made for the development and regulatory consolidation of a methodology for evaluating the effectiveness of procurement for the needs of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its criteria. At the same time, actively realize the potential of a dynamically developing digital transformation and apply it to automating the process of evaluating the effectiveness of purchases for the needs of the Ministry of Internal Affairs of Russia by creating an information and analytical system using "artificial intelligence" algorithms to evaluate the effectiveness of the execution of government contracts concluded for the needs of internal affairs bodies and other organizations included in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: public procurement, departmental needs, the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, efficiency assessment, criteria for evaluating efficiency, execution of a government contract.

For citation: Minnigulova D. B. Pravovoe regulirovanie ocenki effektivnosti ispolneniya gosudarstvennyh kontraktov (na primere sistemy mvd rossii): postanovka problemy [Legal framework for assessing the success of government contracts (illustrated by the russian ministry of internal affairs system): problem statement]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 114–128.

Публичные закупки являются важной государственной функцией, обеспечивающей реализацию полномочий государственного аппарата, и оформляются посредством государственного контракта. Возникающие при этом общественные отношения играют

важную роль в условиях многоукладной российской экономики, к примеру, позволяют реализовывать государственные программы, удовлетворять ведомственные нужды государственных органов и т. п., одновременно с этим, требуют качественной институциональной (экономической, организационной, правовой, управленческой) поддержки. Экономистами предпринималось множество попыток создать унифицированную систему оценки эффективности контрактной системы, но на данный момент официальной методики определения эффективности государственных закупок так и не существует, поэтому сохраняется необходимость разработки такой методики, которая позволила бы оценить, как эффективность отдельной закупки или комплекса процедур закупок, так и комплексную эффективность по отрасли или по региону [1, с. 108-109]. Детерминация методического и критериального аппаратов эффективности публичных закупок влияет на оценку качества соответствующей системы, а также на развитие организационной архитектуры закупок для государственных, в том числе ведомственных нужд системы МВД России. Результаты масштабного опроса заказчиков и поставщиков, проведенного в 2020 году в России и посвященного ключевым проблемам функционирования системы госзакупок определили, что респонденты считают основными целями оптимального регулирования закупок – «эффективность закупок для конкретного заказчика» и «борьбу с коррупцией» [2, с. 83–103]. Эффективность выступает в качестве ключевого показателя, используемого для измерения степени достижения целей и оптимизации ресурсов в рамках любой человеческой деятельности [3, с. 36–49]. Таким образом, характеризуя публичные закупки, ученые используют знания как минимум экономических [4, с. 34], правовых [5, с. 41–51] и политических наук [6, с. 203–207]. Даже в рамках правовых наук нет единства, например, по вопросу определения отраслевой принадлежности государственного контракта [7, с. 34–40]. Вместе с тем для целей данной статьи определим, что так как в конечном итоге заключается государственный контракт, как оболочка гражданско-правовых взаимоотношений государственного заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя), то все административно-правовые, бюджетно-правовые и иные публично-правовые аспекты данного гражданско-правового договора являются лишь особенностями обозначенных обязательственных отношений, входящих в контрактную систему российского государства. Данная позиция согласуется с мнением экспертов-практиков в сфере госзакупок, которые утверждают, что для непосредственных участников рынка госзаказа наиболее важны конечные результаты закупки [2, с. 83–84].

Логично, что эффективность исполнения государственного контракта предполагает использование определенной системы оценок, критериев, которые являются элементом государственной закупочной системы [1]. Определить, эффективна ли закупка, возможно, только оценив каждый из ее этапов в отдельности или полученный после исполнения государственного контракта результат. Вместе с тем система государственных закупок, в том числе закупок для ведомственных нужд системы МВД России, включает в себя такие элементы как: планирование, нормирование и реализацию государственных закупок, заключение, исполнение, изменение и расторжение государственного контракта, мониторинг закупок, контроль и аудит в рассматриваемой сфере, в том числе критерии оценки эффективности процесса закупок. Все указанные элементы закупочной системы опосредуют, прежде всего, экономические отношения, поэтому важным является то, как оценить результат конкретной государственной, в том числе ведомственной, закупки. Для целей настоящей

[1] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон № 44-ФЗ : принят Гос. Думой 22 марта 2013 г. : одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 19.10.2024).

статьи определим в качестве основного элемента оценки эффективности закупочной деятельности – исполнение государственного контракта.

Итак, система оценки эффективности публичных закупок и ее критериальный аппарат являются важными элементами удовлетворения государственных нужд, однако, правовому регулированию оценки эффективности закупочной деятельности, в том числе для нужд системы МВД России, не уделяется достаточное внимание, особенно в рамках ведомственной науки.

Для формирования полной картины обозначенного для изучения явления используются: диалектический метод, анализ научных, международных и нормативно-правовых источников, приёмы обобщения и группировки данных, а также герменевтический, дескриптивный, формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и эвристический методы.

Текущее российское законодательство активно применяет термины «эффективность» и «результативность». Например, ст. 30 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» называется «Оценка результативности и эффективности деятельности контрольных (надзорных) органов», или один из данных терминов фигурирует в законодательных наименованиях Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федерального закона от 13.07.2015 № 225-ФЗ «О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», либо в названии Указа Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» и т. д.

Как отмечает О. В. Романовская, в настоящее время происходит определенный поворот к вовлечению категории «эффективность» в российский юридический оборот [8, с. 13].

Однако сущность данного явления, по нашему мнению, определяется, прежде всего, экономистами и управленцами, так по мнению Т. В. Антиповой и Н. В. Фадейкиной понятие «эффективность» многогранно, а русскому пониманию указанного термина в английском языке соответствуют такие эквиваленты как effectiveness и efficiency. Причем, если effectiveness это способность достигать поставленных целей (независимо от того, какой ценой), то efficiency – оптимальное соотношение затраченных ресурсов и полученных результатов (независимо от того, достигнута поставленная цель или нет) [9, с. 141-142]. Таким образом, заключает Н. В. Кандыбко, выделяются целевая и затратно-результативная составляющие категории эффективности [10]. При этом на законодательном уровне методики оценок эффективности государственных закупок в целом или исполнения государственных контрактов не закреплены.

По мнению А. Э. Катвалян, принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок, закрепленный в ст. 12 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон о контрактной системе), не раскрывает сущность данного принципа. Исследователь полагает, что в законодательстве о государственных закупках принцип эффективности необходимо определить, исходя из формулировки принципа эффективности использования бюджетных средств, предусмотренного в Бюджетном кодексе Российской Федерации, в котором эффективность включает экономность и результативность. Принцип эффективности осуществления закупок относится не только к результату, но и к процессу осуществления закупок [11, с. 78].

Изложенное свидетельствует об активной легитимации категории «эффективность». Вместе с тем ее применение в различных отраслях законодательства предполагает разное смысловое наполнение (понимание и толкование), что характеризует научно-практическую потребность изучения эффективности в рамках оценки закупочной деятельности и ее правовой регламентации.

Обратимся к нормативно-правовым основам оценки (критериям) эффективности исполнения государственного контракта, заключенного для удовлетворения ведомственных нужд системы МВД России.

I. Основополагающим стратегическим актом в контексте оценки эффективности любой государственной деятельности, в том числе оценки деятельности государственных заказчиков по осуществлению закупок для государственных нужд, является Указ Президента Российской Федерации[2], который закрепляет национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, а именно:

а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;

б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;

в) комфортная и безопасная среда для жизни;

г) экологическое благополучие;

д) устойчивая и динамичная экономика;

е) технологическое лидерство;

ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

Данные цели реализуются, в том числе в рамках национальных проектов, государственных программ. Например, МВД России является ответственным исполнителем Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [3] и выстраивает свою деятельность в соответствии с профильными для органов внутренних дел национальными стратегиями (концепциями), из которых можно выделить следующие:

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации[4];
- Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года[5];

---

[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 19.10.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[3] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности : Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162172/ (дата обращения: 10.09.2024).

[4] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 10.10.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[5] Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/ (дата обращения: 19.09.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

- Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года[6];
- Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы[7];
- Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года[8];
- Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы[9] и др.

Указанные цели, национальные стратегии (концепции), государственные программы являются ориентиром для государственных органов в рамках своей компетенции при осуществлении соответствующих ведомственных закупок. Таким образом, МВД России через призму национальных целей России, учитывая их при определении методик и критериев эффективности, должно оценивать всю осуществляемую закупочную деятельность, в том числе исполнение государственных контрактов.

II. Следующим актом, закрепляющим основу системы оценки эффективности исполнения государственных контрактов, заключенных для нужд системы МВД России, является Федеральный закон о контрактной системе. По утверждению Н. В. Кандыбко, реализация принципа эффективности обеспечивается различными инструментами, предусмотренными в данном законе, такими как планирование, нормирование, использованием конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей). При этом она отмечает, что оценка эффективности закупочной деятельности в первую очередь опирается на экономическую эффективность, включающую экономию средств, наиболее выгодные условия исполнения контракта, улучшение качества товаров, работ, услуг, снижение стоимости расходов на обслуживание и т. д. [10].

На надлежащее исполнение государственного контракта влияет оценка каждого этапа закупочной деятельности, в том числе планирование, нормирование государственных закупок (преддоговорный этап) и т. п. Например, в ст. 32 Федерального закона о контрактной системе определяется порядок оценки заявок участников государственной, в том числе ведомственной, закупки и критерии (характеристики) такой оценки.

Также Федеральный закон о контрактной системе регулирует вопросы мониторинга, аудита и контроля государственных закупок. Во исполнение соответствующих положений данного закона приняты и подзаконные акты в контексте темы исследования, например,

---

[6] О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 19.09.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[7] Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы : распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288413/ (дата обращения: 01.08.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[8] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/ (дата обращения: 01.09.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[9] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы : Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (дата обращения 10.08.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

Постановление Правительства Российской Федерайии от 27.05.2021 № 814 «О мониторинге закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, а также об оценке эффективности деятельности органов, осуществляющих контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации».

Соответственно, в ходе проведения оценки эффективности исполнения государственного контракта, либо каждого этапа закупочной деятельности, а также в процессе мониторинга, аудита и контроля государственных закупок требуется определить релевантную систему показателей (критериальный аппарат оценки).

Современные учёные-экономисты справедливо критикуют критериальный аппарат оценки эффективности процесса закупок для государственных нужд, в том числе для ведомственных нужд системы МВД России, который не нашел свое законодательное закрепление в действующих нормативных правовых актах.

Н. В. Кандыбко, анализируя методические подходы к оценке эффективности государственных оборонных закупок, заключает, что существующие методики ориентированы на оценку экономической эффективности и не учитывают целевую и организационную эффективность, а также содержат субъективные критерии оценки [10]. Считаем, что данное утверждение справедливо и в отношении методических подходов к оценке эффективности ведомственных закупок, осуществляемых органами внутренних дел.

III. Ведомственные акты, регулирующие вопросы и критерии оценки эффективности закупок для нужд системы МВД России, включая исполнение государственных контрактов на настоящий момент отсутствуют. В то же время другие ведомства ведут нормотворческую работу по определению показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг для своих нужд.

К правовым актам по оценке эффективности исполнения государственных контрактов, заключенных для удовлетворения нужд различных ведомств, возможно отнести следующие:

1. Приказ Минобороны России от 29.04.2019 № 231 «Об утверждении Перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг Министерства обороны Российской Федерации, территориальных органов Министерства обороны Российской Федерации, подведомственных ему федеральных государственных казенных, бюджетных и автономных учреждений, федеральных государственных унитарных предприятий», устанавливает три основных показателя эффективности закупок и формулы их расчета: показатель эффективности расходования бюджетных средств заказчиком по отраслевым направлениям; показатель соблюдения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок; комплексный показатель эффективности закупок заказчика. Данный правовой способ оценки весьма универсален и мог быть применим в системе МВД России.

2. Приказ ФАС России от 12.11.2018 № 1523/18 «Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными организациями Федеральной антимонопольной службы» определяет иные показатели: экономия расходования средств бюджета по результатам конкурентных процедур; среднее количество заявок участников закупки, поданных для участия в конкурентных процедурах; доля заявок, допущенных к участию в конкурентных процедурах; доля освоенных бюджетных средств к доведенным лимитам бюджетных обязательств за отчетный период; доля обоснованных жалоб на действия (бездействие) заказчика при проведении конкурентных процедур.

3. Приказ ФНС России от 23.11.2018 № ММВ-7-5/655@ (ред. от 10.04.2024) «Об утверждении показателей, характеризующих эффективность закупок, и порядка их применения» закрепляет следующие показатели: среднее количество заявок; процент экономии при заключении государственных контрактов, рассчитанный относительно начальных (максимальных) цен контрактов; процент решений о признании жалобы обоснованной по отношению к общему количеству закупок, осуществляемых конкурентными способами; доля закупок, осуществленных у субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций, в совокупном годовом объеме закупок.

4. Приказ Росархива от 14.02.2020 № 14 «Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг для нужд Росархива и подведомственных ему учреждений» определяет в качестве показателей: доля закупок, при проведении которых допущены нарушения порядка планирования; среднее количество заявок, поданных на участие в конкурентных процедурах; доля контрактов, заключенных по результатам состоявшихся конкурентных процедур; доля контрактов, заключенных по НМЦК; экономия по результатам конкурентных процедур; доля контрактов, при исполнении которых имели место нарушения исполнения обязательств по контракту; доля обоснованных жалоб на действия (бездействие) заказчика при проведении конкурентных процедур.

5. Приказ Росстата от 15.11.2018 № 672 «Об утверждении Перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг федеральной службой государственной статистики, ее территориальными органами и подведомственными организациями» закрепляет следующие показатели: количество изменений плана-графика закупок в пересчете на одну опубликованную закупку; доля неиспользованных на конец отчетного года бюджетных ассигнований на закупки товаров, работ, услуг; относительная экономия бюджетных средств по результатам осуществления закупок товаров, работ, услуг конкурентными способами; среднее количество заявок, поданных на участие в процедурах определения поставщика, подрядчика, исполнителя; доля несостоявшихся закупок; доля контрактов с ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом; итоговый показатель эффективности закупок в отчетном году.

6. Приказ Роснедра от 30.10.2018 № 482 «Об утверждении Порядка оценки эффективности закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых Федеральным агентством по недропользованию, его территориальными органами и подведомственными ему организациями» устанавливает такие критерии оценки, как: использование средств, выделенных на осуществление закупок; экономия средств, выделенных на осуществление закупок; планирование закупок; объем закупок, осуществленных у субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций; осуществление закупок малого объема; соблюдение законодательства Российской Федерации при осуществлении закупок.

7. Приказ Минэкономразвития России от 16.11.2018 № 629 «Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг для нужд Министерства экономического развития Российской Федерации, закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых подведомственными Министерству экономического развития Российской Федерации федеральными государственными учреждениями» определяет в качестве показателей эффективности государственных закупок следующие: доля закупок с нарушениями установленного порядка планирования (осуществление закупок, не предусмотренных планом закупок и (или) планом-графиком; не осуществление закупок, предусмотренных планом закупок и (или) планом-графиком закупок); экономия расходования средств бюджета по итогам осуществления закупок; доля контрактов, заключенных по результатам состоявшихся закупок конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей); среднее количество заявок участников закупок, поданных

на участие в закупках конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей); доля контрактов, при исполнении которых допущены нарушения исполнения обязательств по контракту, доля жалоб, признанных обоснованными, на действия (бездействие) заказчика, комиссии по осуществлению закупок и ее членов, должностных лиц контрактной службы заказчика при осуществлении закупок.

На основе анализа российской и зарубежной экономической литературы Н. С. Павлова и Л. С. Плеханова выделяют следующие наиболее распространенные критерии оценки эффективности государственных закупок:

А) основные критерии:

1) ценовой критерий (показатель относительной экономии);

2) по уровню конкуренции, выраженной в количестве участников торгов.

Б) альтернативные или дополнительные критерии:

3) средняя цена закупки определенного типа товара организацией;

4) доля заказов, выполненная по результатам состоявшихся конкурентных процедур;

5) задержки исполнения контракта;

6) перерасход средств [5, с. 49–50].

Практически все указанные критерии, но в разных формулировках, нашли свое отражение в правовых актах различных государственных ведомств, касающихся определения перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг для собственных нужд.

Анализ приведенных выше ведомственных актов демонстрирует комплексное использование показателей эффективности закупок, прежде всего, таких, которые связаны с экономией бюджетных средств при осуществлении закупок, соблюдением законодательства Российской Федерации при осуществлении закупок. Остальные критерии, обозначенные в ведомственных актах, отражают, по нашему мнению, реализацию принципа ответственности за результативность обеспечения государственных нужд, эффективность осуществления закупок (ст. 12 Федерального закона о контрактной системе). При этом эффективность осуществления закупок ставится в зависимость от необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных, в том числе ведомственных, нужд либо от требований мониторинга закупочной деятельности[10].

По мнению Л. С. Плехановой и Н. С. Павловой одним из существенных недостатков наиболее распространенных подходов к оценке эффективности закупочной деятельности является отсутствие учета качества выполнения соответствующих контрактов, что может сказываться как на благосостоянии конечных потребителей закупаемых благ, так и на итоговой стоимости выполнения работ, изменяющейся в силу возникновения не предвиденных на этапе закупки проблем [5, с. 48]. Развивая данную концепцию, В.Л. Кожухов справедливо определил ряд общих требований, на основе которых можно создавать локальные

[10] О мониторинге закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, а также об оценке эффективности деятельности органов контроля, осуществляющих контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 814 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386229/ (дата обращения 10.08.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

системы измерения эффективности, в частности, для целей проведения контрактного аудита: устойчивость, учет особенностей организации, комплексность измерений, изменяемость, динамика и статика, оптимальность усилий и конечных результатов, инструментальность, регулярный бенчмаркинг, полезность, привлечение внимания, надежность, обратная связь [12, с. 112–114].

Вместе с тем считаем возможным адаптировать зарубежный опыт оценки системы ведомственных закупок на основе универсальной методологии оценки систем государственных закупок (Methodology for Assessing Procurement Systems - MAPS), разработанной Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая включает в себя 3 основные категории показателей:

1. Показатели соответствия (Compliance indicators, Compliance KPI).
2. Показатели эффективности (Efficiency indicators, Efficiency KPI).
3. Стратегические показатели (Strategic indicators, Strategic KPI)[11].

Указанная система может использоваться в симбиозе с практикой Европейской комиссией (European Commission) по оценке публичных закупок, которая в качестве показателей оценивает следующие аспекты закупок:

1. Закупка у единственного участника торгов (Single bidder).
2. Закупки без торгов (No calls for bids).
3. Стоимостная доля опубликованных извещений о закупках (Publication rate).
4. Совместные закупки (Cooperative procurement).
5. Критерии выбора победителя (Award criteria).
6. Скорость принятия решения (Decision speed).
7. Контракты, заключенные с малыми и средними предприятиями (SME contractors).
8. Заявки со стороны МСП (SME bids).
9. Разделение контрактов на лоты (Procedures divided into lots).
10. Предоставление неполной (нечеткой) информации в извещениях о проведении торгов (Missing calls for bids).
11. Неуказание регистрационного номера поставщика в закупочной документации (Missing seller registration numbers).
12. Неуказание регистрационного номера заказчика в закупочной документации (Missing buyer registration numbers)[12].

Кроме указанных международных организаций унификацией критериев эффективности публичных закупок и методических подходов к системе их оценки занимается ИНТОСАИ, которая популяризирует парадигму аудита эффективности (performance или value-for-money) или аудита отдачи на вложенные деньги (value-formoney audit). Данному направлению уделяется значительное внимание в стандартах и руководствах ИНТОСАИ, в частности, в ISSAI 3000-3200 (General Auditing Guidelines on Performance Audit). Концептуально же основные принципы и подходы реализации аудита эффективности рассмотрены в ISSAI 300 – Fundamental Principles of Performance Auditing [12, с. 114].

Обозначенные показатели эффективности подразумевают обязательность их для оценки эффективности полного цикла закупочной деятельности. Вместе с тем не стоит

[11] Methodology for Assessing Procurement Systems (MAPS) // MAPS: сайт. URL: https://www.mapsinitiative.org/methodology/MAPS-Methodology-ENG.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

[12] Public procurement and non-EU participation // European Commission: сайт. URL: https://commission.europa.eu/document/download/c35dc565-896f-4ad4-b53c-b848e754dc57_en?filename=2019. 3911_en_07.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

забывать и о Целях устойчивого развития, и формирования в соответствии с ними зеленой экономики, и, следовательно, особых экологических требований к закупкам, которые, к примеру, в Европе носят добровольный характер [13]. Полагаем, что со временем приоритетными станут зеленые закупки и будет введен соответствующий критерий оценки эффективности как экологичность [13, с. 75-76] в качестве приоритетного.

Полный цикл закупочной деятельности как ведомственное полномочие является сложным и ресурсоемким процессом, что побуждает искать способы её оптимизации. Учитывая, что цифровые технологии определяют общественные изменения на актуальном этапе социального развития, одним из самых действенных вариантов становится автоматизация закупочного процесса и его оценки на ведомственном уровне.

В современных реалиях цифровой трансформации общественных отношений разрабатываются алгоритмы автоматизации процесса оценки экономической эффективности государственных и муниципальных закупок. В качестве примера можно привести «Программу оценки эффективности функционирования контрактной системы в сфере закупок при осуществлении продовольственного обеспечения спецпотребителей» [14], разработанную для использования должностными лицами силовых государственных органов. Идеи создания машиночитаемого и алгоритмизированного правового регулирования [14, с. 5–6], внедрение интеллектуально-аналитической системы оценки эффективности и качества государственных закупок для нужд полиции [15, с. 8] и применения иных технологий к процессу оценки эффективности государственных закупок [16, с. 74] порождают регулярные дискуссии в научных кругах.

Современный уровень развития общественных отношений и государственного строительства в России основывается на идеях бюджетирования, ориентированного на результат [15], программно-целевого управления и, следовательно, требует ведомственной регламентации оценки эффективности государственных закупок в целом и, в частности, исполнения государственных контрактов, в том числе для нужд системы МВД России, путем определения критериального аппарата такой оценки и его правового закрепления ведомственными актами.

Таким образом, предлагаем разработать и нормативно закрепить методику оценки эффективности закупок для нужд системы МВД России и ее критерии. При этом активно реализовывать потенциал динамично развивающейся цифровой трансформации и применить его к автоматизации процесса оценки эффективности закупок для нужд системы МВД России посредством создания информационно-аналитической системы с использованием алгоритмов «искусственного интеллекта» для оценки эффективности исполнения государственных

---

[13] Green Public Procurement Criteria and Requirements // European Commission : сайт. URL: https://green-business.ec.europa.eu/green-public-procurement/gpp-criteria-and-requirements_en (дата обращения: 01.08.2024).

[14] Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021619348 Российская Федерация. Программа оценки эффективности функционирования контрактной системы в сфере закупок при осуществлении продовольственного обеспечения спецпотребителей : № 2021618583 : заявл. 01.06.2021 : опубл. 08.06.2021.

[15] См.: Бюллетень Счетной палаты. Спецвыпуск. 30 мая 2024 // Счетная палата Российской Федерации : сайт. URL: https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-2024-spetsvypusk (дата обращения: 01.08.2024); Передовая практика стран ОЭСР в области бюджетирования, ориентированного на результат // PEMPAL : сайт. URL: https://www.pempal.org/sites/pempal/files/event/2019/Мероприятия%20Бюджетного%20Сообщества/Nov05_Париж%2C%20Франция/files/oecd_good_practices_in_performance_budgeting_final_rus.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

контрактов, заключенных для нужд органов внутренних дел и иных организаций, входящих в систему МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кравченко М. В., Толстова А. З. Проблематика оценки эффективности контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок // Научные горизонты. 2017. № 3. С. 108–113.
2. Яковлев А. А., Балаева О. Н., Родионова Ю. Д., Ткаченко А. В. Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников // ЭКО. 2020. № 11 (557). С. 83–103.
3. Архиреев А. В. Генезис понятия эффективности. Структура, состояние, оценка // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12, № 10-1. С. 36–49.
4. Нечаев А. С. Огнев Д. В., Буинцева Н. В. Методические аспекты оценки эффективности государственных закупок // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 3 (109). С. 34.
5. Павлова Н. С., Плеханова Л. Критерии эффективности государственных закупок: неучтенные эффекты // Закон. 2021. № 8. С. 41-51.
6. Суровцева С. В. Актуальные вопросы мониторинга государственных закупок и оценки эффективности контроля // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6-2 (57). С. 203–207.
7. Абдуллаев Р. Р. К вопросу о гражданско-правовой природе государственного контракта на выполнение подрядных работ для нужд системы МВД России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 3. С. 34–40.
8. Романовская О. В. Правовое регулирование эффективности деятельности организаций, осуществляющих государственно-властные полномочия // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 4 (16). С. 13–19.
9. Антипова Т. В., Фадейкина Н. В. Оценка эффективности деятельности бюджетополучателей - субъектов государственного сектора экономики // Сибирская финансовая школа. 2008. № 5 (70). С. 141–146.
10. Кандыбко Н. В. Теоретико-методологические аспекты оценки эффективности процесса государственных оборонных закупок // Военно-экономический вестник. 2021. № 4. URL: https://voenvestnik.ru/PDF/01ECVV421.pdf (дата обращения: 01.08.2024).
11. Катвалян А. Э. Принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8 (117). С. 75–83.
12. Кожухов В. Л. Построение системы показателей оценки эффективности в целях проведения аудита эффективности государственных закупок // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2015. № 6 (84). С. 107–115.
13. Миннигулова Д. Б., Абдуллаев Р. Р. Перспективы правового регулирования зеленых (устойчивых) государственных закупок в Российской Федерации (на примере подрядных работ для нужд системы МВД России) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1 (103). С. 74–84.
14. Шмелева М. В. Пересмотр понятийного наполнения в сфере цифровых госзакупок в целях повышения эффективности закупок // Право. Законодательство. Личность. 2019. № 1 (28). С. 5–9.
15. Абдуллаев Р. Р. О некоторых аспектах цифровизации подрядных правоотношений в сфере государственных закупок для нужд полиции / Гражданские правоотношения в цифровой среде: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 6-11.
16. Землин А. И., Шибанова А. А. Актуальные вопросы обеспечения эффективности государственных закупок для нужд обороны // Военное право. 2021. № 1 (65). С. 70–77.

REFERENCES

1. Kravchenko M. V., Tolstova A. Z. Problematika ocenki effektivnosti kontraktnoj sistemy v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok [Problematics of assessing the effectiveness of the contractual system in the sphere of state and municipal procurement]. Scientific Horizons - Nauchnye gorizonty. 2017, no. 3, pp. 108–113.

2. Yakovlev A. A., Balaeva O. N., Rodionova Yu. D., Tkachenko A. V. Problemy i effektivnost' goszakupok glazami ih uchastnikov [Problems and efficiency of public procurement through the eyes of its participants]. ECO - EKO. 2020, no. 11 (557), pp. 83–103.

3. Arhireev A. V. Genezis ponyatiya effektivnosti. Struktura, sostoyanie, ocenka [Genesis of the concept of efficiency. Structure, State, Evaluation]. Context and Reflexion: Philosophy about the World and Man - Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2023, vol. 12, no. 10-1, pp. 36–49.

4. Nechaev A. S. Ognev D. V., Buinceva N. V. Metodicheskie aspekty ocenki effektivnosti gosudarstvennyh zakupok [Methodological aspects of assessing the effectiveness of public procurement]. Management of economic systems: electronic scientific journal - Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2018, no. 3 (109), pp. 34.

5. Pavlova N. S., Plekhanova L. S. Kriterii effektivnosti gosudarstvennyh zakupok: neuchtennye effekty [Criteria of efficiency of public procurement: unaccounted effects]. Law - Zakon. 2021, no. 8, pp. 41-51.

6. Surovceva S. V. Aktual'nye voprosy monitoringa gosudarstvennyh zakupok i ocenki effektivnosti kontrolya [Actual issues of monitoring of public procurement and evaluation of control efficiency]. International Journal of Humanities and Natural Sciences -Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2021, no. 6-2 (57), pp. 203–207.

7. Abdullaev R. R. K voprosu o grazhdansko-pravovoj prirode gosudarstvennogo kontrakta na vypolnenie podryadnyh rabot dlya nuzhd sistemy MVD Rossii [On the issue of the civil-law nature of the state contract for the performance of contract works for the needs of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vestnik of the South Ural State University. Series: Law - Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023, vol. 23, no. 3, p;p. 34–40.

8. Romanovskaya O. V. Pravovoe regulirovanie effektivnosti deyatel'nosti organizacij, osushchestvlyayushchih gosudarstvenno-vlastnye polnomochiya [Legal regulation of the effectiveness of organisations exercising state-power]. Science. Society. State. - Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2016, vol. 4, no. 4 (16), pp. 13–19.

9. Antipova T. V., Fadejkina N. V. Ocenka effektivnosti deyatel'nosti byudzhetopoluchatelej - sub"ektov gosudarstvennogo sektora ekonomiki [Assessment of the efficiency of budget recipients - subjects of the public sector of the economy]. Siberian Financial School - Sibirskaya finansovaya shkola. 2008, no. 5 (70), pp. 141–146.

10. Kandybko N. V. Teoretiko-metodologicheskie aspekty ocenki effektivnosti processa gosudarstvennyh oboronnyh zakupok [Theoretical and methodological aspects of assessing the effectiveness of the process of state defence procurement]. Military Economic vestnik - Voenno-ekonomicheskij vestnik. 2021, no. 4, URL: https://voenvestnik.ru/PDF/01ECVV421.pdf (data obrashcheniya: 01.08.2024).

11. Katvalyan A. E. Princip otvetstvennosti za rezul'tativnost' obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd, effektivnost' osushchestvleniya zakupok [The principle of responsibility for the effectiveness of ensuring state and municipal needs, the efficiency of procurement]. Actual problems of Russian law - Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020, vol. 15, no. 8 (117), pp. 75–83.

12. Kozhuhov V. L. Postroenie sistemy pokazatelej ocenki effektivnosti v celyah provedeniya audita effektivnosti gosudarstvennyh zakupok [Building a system of performance evaluation indicators to audit the efficiency of public procurement]. Vestnik of the Plekhanov Russian

University of Economics - Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova. 2015, no. 6 (84), pp. 107–115.

13. Minnigulova D. B., Abdullaev R. R. Perspektivy pravovogo regulirovaniya zelenyh (ustojchivyh) gosudarstvennyh zakupok v Rossijskoj Federacii (na primere podryadnyh rabot dlya nuzhd sistemy MVD Rossii) [Prospects of legal regulation of green (sustainable) public procurement in the Russian Federation (on the example of contractual works for the needs of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia)]. Vestnik of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia - Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024, no. 1 (103), pp. 74–84.

14. Shmeleva M. V. Peresmotr ponyatijnogo napolneniya v sfere cifrovyh goszakupok v celyah povysheniya effektivnosti zakupok [Revision of conceptual content in the field of digital public procurement in order to increase the efficiency of procurement]. Law. Legislation. Personality. - Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'. 2019, no. 1 (28), pp. 5–9.

15. Abdullaev R. R. [On Some Aspects of the Digitalisation of Contracting Legal Relationships in Public Procurement for Police Needs]. Grazhdanskie pravootnosheniya v cifrovoj srede: voprosy teorii i praktiki: sbornik statej po materialam vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 21 oktyabrya 2022 goda [Civil legal relations in the digital environment: issues of theory and practice: a collection of articles on the materials of the All-Russian scientific-practical conference, St. Petersburg, 21 October 2022.]. St. Petersburg, 2022, pp. 6-11.

16. Zemlin A. I., Shibanova A. A. Aktual'nye voprosy obespecheniya effektivnosti gosudarstvennyh zakupok dlya nuzhd oborony [Topical issues of ensuring the effectiveness of public procurement for the needs of defence]. Military Law - Voennoe pravo. 2021, no. 1 (65), pp. 70–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миннигулова Динара Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Санкт-Петербург, улица Летчика Пилютова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Minnigulova Dinara Borisovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure. Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1 Pilot Pilyutov St., St. Petersburg, 198206.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 129–138.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025 Vol. no. 1 (112). Pp. 129–138.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342.9

УНИФИКАЦИЯ ПРОЦЕДУР ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Новичкова Елена Евгеньевна[1], Иванова Светлана Ивановна[2]
[1]Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
[2]Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Тюмень, Российская Федерация
[1]qwerpoiu07@rambler.ru
[2]ivanova-svetaa@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются вопросы освидетельствования граждан на состояние алкогольного и иного вида опьянения в случаях, предусмотренных законодательством об административной ответственности. Проводится анализ правовых норм, регулирующих порядок направления и порядок проведения освидетельствования при установлении признаков опьянения. Уделяется внимание отсутствию унифицированного подхода при подготовке нормативных актов, регулирующих рассматриваемую сферу общественных отношений, и предусмотренной законодательством административной ответственности за отказ от прохождения освидетельствования.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составляет законодательство, регулирующее основания и порядок применения мер государственного принуждения, направленных на получение доказательств нахождения лица в состоянии опьянения, когда такое доказательство играет решающую роль при квалификации деяния. При проведении исследования использовались материалы правоприменительной практики, ранее опубликованные научные работы.

Результаты исследования. По результатам исследования определены пробелы и коллизии административно-деликтного законодательства в части получения доказательств о состоянии лица при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях.

Выводы и заключения. В заключение автор формулирует предложения о внесении изменений в действующее законодательство, направленные на устранение проблем, связанных с отсутствием единого правового регулирования оснований и порядка обследований граждан на состояние опьянения.

Ключевые слова: медицинское освидетельствование, состояние опьянения, административная деятельность, полиция, административные правонарушения

Для цитирования: Новичкова Е. Е, Иванова С. И. Унификация процедур освидетельствования на состояние опьянения при производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 129–138.

© Новичкова Е. Е., Иванова С. И., 2025

5.1.2. Public law (state law) sciences

Original article

UNIFICATION OF PROCEDURES FOR EXAMINING THE STATE OF INDUCTION IN PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Elena E. Novichkova[1], Svetlana I. Ivanova[2]
[1]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation
[2]Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russian Federation
[1]qwerpoiu07@rambler.ru
[2]ivanova-svetaa@mail.ru

Introduction. The article deals with the issues of examination of citizens for alcoholic and other types of intoxication in cases stipulated by the legislation on administrative responsibility. On the state of alcohol and other types of intoxication in cases provided by the legislation on administrative responsibility. The article analyses the legal norms regulating the procedure for referral and the procedure for conducting an examination when establishing signs of intoxication. Attention is paid to the absence of a unified approach in the preparation of normative acts regulating the considered sphere of public relations and the administrative responsibility provided for by the legislation for refusing to undergo examination.

Materials and Methods. The normative basis of the study is the legislation regulating the grounds and procedure for applying state coercive measures aimed at obtaining evidence that a person is intoxicated, when such evidence plays a decisive role in qualifying the act. When conducting the study, materials from law enforcement practice and previously published scientific works were used.

The Results of the Study. Based on the results of the study, gaps and conflicts in administrative-tort legislation were identified in terms of obtaining evidence about the condition of a person during proceedings on administrative offenses.

Findings and Conclusions. In conclusion, the author formulates proposals for amending the current legislation aimed at eliminating problems associated with the lack of uniform legal regulation of the grounds and procedure for examining citizens for intoxication.

Keywords: medical examination, state of intoxication, administrative activities, police, administrative offenses

For citation: Novichkova E.E., Ivanova S.I. Unifikaciya procedur osvidetel'stvovaniya na sostoyanie op'yaneniya pri proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah [Unification of procedures for examining the state of induction in proceedings on cases of administrative offenses]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), Pp. 129–138.

Одной из основных причин совершения гражданами противоправных деяний является нахождение их в состоянии опьянения. Статистика состояния правопорядка неумолимо свидетельствует о том, что примерно 60 % административных правонарушений совершается в состоянии опьянения, что является предметом доказывания при производстве по делам об административных правонарушениях. На данный факт указывает А. С. Дугенец, приводя сведения официальной статистики состояния правопорядка. [1, с. 90]. В Иркутской области к числу наиболее распространенных правонарушений, по официальным данным, относятся:

появление в общественном месте в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ[1]) – 11 148 (удельный вес 15 %), распитие алкогольных напитков в общественных местах (ст. 20.20 КоАП РФ) – 9 879 (13 %)[2].

Состояние опьянения может являться как квалифицирующим признаком (ст.12.8, ч.4.1 ст.20.8, 20.21, 20.22 КоАП РФ), так и отягчающим обстоятельством, в первом случае доказывание состояния лица, в отношении которого ведется производство по делу, обязательно.

КоАП РФ предусматривает в качестве мер обеспечения производства по делам освидетельствование на состояние алкогольного опьянения (ст. 27.12 КоАП РФ) и медицинское освидетельствование на состояние опьянения (ст. 27.12, 27.12.1 КоАП РФ). Порядок направления на освидетельствование установлен Правительством Российской Федерации и ведомственным актом Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Казалось бы, все процедуры по направлению на освидетельствование на состояние опьянения и непосредственно порядок освидетельствования регламентированы должным образом, однако в правоприменительной практике постоянно возникают проблемы как правового, так и организационного характера.В соответствии со статьей 27.12 КоАП РФ установлено одно из оснований направления лиц на освидетельствование на состояние опьянения – «основание полагать, что лицо находится в состоянии опьянения», при этом признаки опьянения, которые непосредственно свидетельствуют о данном «достаточном» основании содержатся в п. 2 Правил освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2022 года № 1882 (далее – постановление № 1882)[3], а именно: запах алкоголя изо рта, и (или) неустойчивость позы, и (или) нарушение речи, и (или) резкое изменение окраски кожных покрововлица, и (или) поведение, не соответствующее обстановке. Заметим, что указанный нормативный акт регламентирует порядок направления на освидетельствование только лиц, управляющих транспортными средствами, следовательно, и признаки, предусмотренные Правительством Российской Федерации, распространяются в отношении водителей.

Учитывая, что порядок направления на освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и на медицинское освидетельствование на состояние опьянения урегулированы были с момента вступления КоАП РФ в законную силу и распространялось в отношении водителей транспортных средств, а также была предусмотрена ответственность за отказ от прохождения освидетельствования казанных категорий лиц (ст. 12.26 КоАП РФ), исполнение порядка не представляло особых проблем в правоприменении, поскольку

---

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП : принят Гос.Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года : ред. от 26 декабря 2024 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 04.11.2024).

[2] СООП ИСОД МВД России «Административная практика». Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

[3] О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения : постановление Правительства Российской Федерации от 21 октября 2022 года № 1882 // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=429693&cacheid=14EF62B3A9514CCCE7948D51EB8C371B&mode=splus&rnd=0.04934402072512478#MKGCzbUoGMoXZfJo (дата обращения: 04.11.2024).

за достаточно длительный период действия указанных нормативных актов сложилась устоявшаяся практика[4], вопросы, требующие взаимодействия заинтересованных органов, были соответственно урегулированы.

Иное положение складывалось при направлении лиц, которые появляются или находятся в состоянии опьянения, в том числе в общественных местах, и для доказательства их состояния необходимо проведение освидетельствования. Федеральным законом «О полиции»[5] (п. 14 ст. 13) предоставлено право полиции направлять граждан на медицинское освидетельствование, а также проводить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения для установления факта совершения преступления или административного правонарушения.

Противоречия в процедурах направления на обследование водителей автотранспортных средств и иных лиц очевидна. Как было замечено ранее, признаки опьянения для водителей содержатся в постановлении № 1882, в аналогичном документе 2015 года признаки не прописаны, однако часть 6 статьи 27.12.1 КоАП РФ содержит отсылочную информацию о критериях, достаточных для наличия оснований полагать, что лицо находится в состоянии опьянения любого вида, которые устанавливаются федеральным органом исполнительной власти в сфере здравоохранения. Таковым является приказ Минздрава Российской Федерации от 18 декабря 2015 года № 933н[6], согласно которому наряду с порядком проведения обследования утверждены лишь четыре критерия, в отличие от установленных Правительством Российской Федерации.

Отмечая особую юридическую силу ведомственного нормативного акта, его подзаконный характер и место в соответствующей иерархии, справедливо утверждать, что нормы ведомственного уровня не могут подменять нормы большей юридической силы. К таким выводам приходит Ю. Г. Арзамасов, рассуждая о вопросах делегирования

---

[4] Об утверждении Правил медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов : постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2002 года № 930 : документ утратил силу с 1 июля 2008 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=51732&cacheid=543E45A7EF04401 14EEFFF21BD418D9C&mode=splus&rnd=0.04934402072512478#IdmNzbUZHGT48Gz5 (дата обращения: 04.11.2024) ; Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и Правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством : постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 года № 475 : документ утратил силу с 1 марта 2023 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=qUXU0Q&base=LAW&n=204631&dst=100009&fiel d=134#yEPPzbUUJxtj8vcO1 (дата обращения: 04.11.2024).

[5] О полиции : Федер. закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 января 2011 года : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 04.11.2024).

[6] О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) : приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 года № 933н : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195274/ (дата обращения: 04.11.2024).

законодательства и опровергающий мнение о возможности подмены норм законов подзаконными актами меньшей юридической силы, правилами поведения, которые должны соответствовать нормам законов [2].

Отсутствие унифицированного подхода к формированию правовой конструкции ответственности за отказ от обследования на состояние опьянения создает некоторую неопределенность в правоприменении. Составы правонарушений, объективной стороной которых является отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние наркотического и токсического опьянения, содержат в качестве оснований направления на обследование «наличие признаков наркотического или иного токсического опьянения» (ч. 2 ст. 6.9, 20.20 КоАП РФ).

Обращаясь к ранее обозначенным нормативным актам, заметим, что ни один из них не содержит признаков непосредственно наркотического опьянения, Правительством Российской Федерации и Министерством здравоохранения Российской Федерации закреплены лишь общие критерии.

Вопросам обследования на состояние непосредственно наркотического опьянения посвящено диссертационное исследование Р. Ю. Кохана, справедливо отмечающего тот факт, что законодательное закрепление нескольких разновидностей медицинского освидетельствования, а также повсеместное его применение не получило надлежащего освещения особенностей медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения. Автор обращает внимание на несогласованность нормативных актов, регулирующих порядок направления и проведения такого вида обследования, отсутствие единого подхода в правоприменительной практике [3].

Отсутствие законодательно закрепленных критериев, по которым можно установить нахождение лица в состоянии наркотического опьянения, а также различия представленных перечней в указанных выше нормативных актах показывают двусмысленность самого их применения. Как было замечено, ведомственный нормативный акт (приказ Минздрава Российской Федерации) предлагает в качестве критериев всего четыре признака, исключая «поведение, не соответствующее обстановке», тогда как в различных научных и методических источниках медицинского характера приводятся в качестве признаков наркотического опьянения изменения в поведении человека – повышение двигательной активности, либо, наоборот, заметное снижение ее, эйфория, восторг, либо вялость, агрессия. При этом поведение лица будет зависеть от того, какое наркотическое средство им потреблялось.

На отсутствие общих признаков наркотического опьянения и проблемы выявления фактов потребления и нахождения в состоянии наркотического опьянения, связанные с их отсутствием, обращают внимание Н. Н. Цуканов и Н. С. Железняк: «В отличие от алкогольного опьянения наркотическое опьянение может сопровождаться совершенно различными внешними проявлениями, в ряде случаев понятными лишь специалистам – утверждают авторы, – в том числе поэтому в административно-деликтной сфере вопреки требованиям ст. 26.11 КоАП РФ, устанавливающей принцип свободной оценки доказательств, правоприменительная практика видит положительный результат медицинского освидетельствования на состояние опьянения обязательным доказательством при применении статей КоАП РФ, связанных с нахождением лица в состоянии наркотического опьянения» [4, с. 30].

Часто в качестве признаков наркотического опьянения в целях направления лица на медицинское освидетельствование по ст. 6.9 КоАП РФ указываются: расширенные зрачки, нарушение речи, сухость во рту, поведение, не соответствующее обстановке, утверждает А. В. Горелик, однако перечень признаков не является исчерпывающим и может быть дополнен относительно вещества, которое потреблялось лицом. Автор отмечает отсутствие критериев,

закрепленных на законодательном уровне, которые могут служить основанием для направления на освидетельствование состояния именно наркотического опьянения [5, с.138].

При составлении процессуальных документов с указанием признаков опьянения возникает вполне обоснованный вопрос, будет ли законным основанием направления на медицинское освидетельствование лица на состояние наркотического опьянения указание тех критериев, которые уполномоченное должностное лицо определит по своему усмотрению.

Из материалов судебной практики следует, что при отсутствии единого подхода и нормативного закрепления признаков наркотического опьянения дела об административных правонарушениях рассматриваются и решения принимаются независимо от того, соответствуют ли указанные должностными лицами признаки в качестве основания для направления на обследование или нет. Например, решением по делу № 12-18/2023, вынесенным судьей Шемышейского районного суда Пензенской области по жалобе, оставлено без изменения постановление о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ (потребление наркотического средства без назначения врача), где основанием направления на медицинское обследование явились такие признаки, как «резкое изменение окраски кожных покровов лица, поведение, не соответствующее обстановке»[7]. Принимая во внимание вышесказанное, последний признак предусмотрен Правительством Российской Федерации в целях определения опьянения лиц, управляющих транспортным средством. В приведенном примере речь идет о лице, потребившем вещество без назначения врача в домашних условиях.

В постановлении об административном правонарушении по делу № 5-667/2023[8] в качестве признаков наркотического опьянения указаны: «вялая речь, расширенные зрачки, шаткая походка, припухлости рук», при этом в отношении иностранного гражданина судья принимает решение по ч. 2 ст. 6.9 КоАП РФ о привлечении к административной ответственности за отказ от прохождения обследования на состояние наркотического опьянения, подтверждая наличие достаточных оснований полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача.

Более простым и эффективным способом получения доказательств о состоянии лица является применение обеспечительной меры, предусмотренной ст. 27.12 КоАП РФ, – освидетельствование на состояние алкогольного опьянения. Однако такое обследование проводится должностным лицом только для лиц, управляющих транспортными средствами, в порядке, предусмотренном постановлением № 1882, на месте совершения правонарушения специальным техническим устройством, которое показывает количество алкоголя в выдыхаемом воздухе. К иным лицам данная мера не применяется.

Заметим, что правоприменительная практика в данной сфере складывается по-разному и решения по делам об административных правонарушениях также значительно отличаются даже при равнозначных обстоятельствах совершенного деяния, что не может приводить к выводу о необходимости совершенствования законодательства в целях обобщения процедуры доказывания и привлечения к административной ответственности. Например, мировым судьей г. Надым вынесено постановление по делу об административном правонарушении в отношении лица, находящегося с признаками опьянения в общественном месте.

---

[7] Решение Шемышейского районного суда Пензенской области № 12-18/2023 от 14 июля 2023 года по делу № 12-18/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PCen4rJWh8mg/ (дата обращения: 04.11.2024).

[8] Постановление Шпаковского районного суда Ставропольского края № 5-667/2023 от 21 июля 2023 года по делу № 5-667/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tlKNkxqcODYo/ (дата обращения: 04.11.2024).

В материалах дела имеется протокол о направлении на медицинское освидетельствование с отметкой об отказе лица от его прохождения, следовательно, доказательства по факту нахождения лица в состоянии опьянения в деле отсутствуют. Однако должностное лицо квалифицирует деяние по ст. 20.21 КоАП РФ, а мировой судья признает гражданина виновным и принимает решение о наказании в виде административного штрафа. В постановлении по делу судья при принятии правового решения опирается на свидетельские показания о том, что последний видел, как указанный гражданин находился в состоянии опьянения[9].

К иному мнению приходит судья Мещанского районного суда при пересмотре дела об административном правонарушении по ст. 20.21 КоАП РФ, в котором был представлен протокол о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения с отметкой «от освидетельствования отказался». Судья указывает на «отсутствие сведений о проведении в отношении лица медицинского освидетельствования, по результатам которого у него установлено состояние опьянения», на основании чего перечисленные должностным лицом в материалах дела признаки не считает доказательством состояния лица[10].

Заметим, что должностными лицами наработана практика привлечения граждан за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при нахождении в общественных местах по ст. 19.3 КоАП РФ либо по ст. 17.7 КоАП РФ, но данная квалификация также оспариваема.

Налицо отсутствие общей концепции при рассмотрении аналогичных по составу дел об административных правонарушениях, общая практика в данном случае зависит от совершенного законодательства и решения всех проблемных вопросов в данной сфере.

Невозможно не согласиться с мнением авторов, утверждающих о необходимости законодательно закрепить для должностных лиц, выявляющих и пресекающих административные правонарушения, проводить освидетельствование на месте совершения правонарушения при помощи технического устройства, позволяющего измерить количество алкоголя в выдыхаемом воздухе [6, с. 160]. Вполне объективное и обоснованное мнение выражает А. С. Дугенец, указывая на более эффективное противодействие правонарушениям, особенно связанным с совершением их в состоянии алкогольного опьянения, влекущих причинение вреда, представляющих опасность для окружающих при возможности использовать указанный прибор в целях получения доказательств состояния опьянения физического лица, обнаруженного в общественных и иных местах [1, с. 91].

К аналогичному мнению приходит А. В. Равнюшкин, отмечая отсутствие единого подхода при определении нормы КоАП РФ, согласно которой наступает ответственность за отказ от освидетельствования от прохождения медицинского освидетельствования на

---

[9] Мировые судьи Ямало-Ненецкого автономного округа. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-1-712/2022 // Портал мировых судей Ямало-Ненецкого автономного округа : сайт URL : https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://mirsud.yanao.ru/files/docs/DecisionTextsAS/05-0712_1_2022_89RS0003_Postanovlenie_o_naznachenii_administrativnogo_nakazaniya.docx&ved=2ahUKEwimiITeoZyLAxXoUlUIHYh6IpIQFnoECDEQAQ&usg=AOvVaw3WKPIIACExEXo99uFAnm3w (дата обращения: 04.11.2024).

[10] Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. Решение по делу об административном правонарушении № 12-19/2024. УИД: 77RS0016-02-2023-026343-33 URL : https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/cases/docs/content/8b7de480-d544-11ee-af55-01125f1b4c78&ved=2ahUKEwiuq5f-ppyLAxWDUVUIHbemIn0QFnoECEQQAQ&usg=AOvVaw1xfAthvCAiOQcidMrP-2oS

состояние опьянения при совершении правонарушений в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Автор справедливо отмечает необходимость закрепления общего порядка проведения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, значительно сокращающего процедуру обследования, предлагая проводить его при помощи технического устройства, как в случаях с водителями [7, с. 28].

Таким образом, проведя анализ действующего законодательства, можно сделать выводы об отсутствии унифицированного подхода к конструированию правового поля, регулирующего сбор доказательств о состоянии опьянения лиц при различных юридических ситуациях, а также применения к таким лицам мер карательного характера за неисполнение законных требований должностных лиц при исполнении правоохранительных функций. Следует согласиться с мнением О. А. Дизера, утверждающего, что КоАП РФ должен предусматривать специальную норму, посвященную ответственности всех физических лиц за отказ от прохождения медицинского освидетельствования [8, с. 33].

Следовательно, в целях формирования единого правового алгоритма применения мер государственного принуждения, в частности мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, необходимо сформировать единую норму, предусматривающую административную ответственность за отказ от его прохождения при наличии оснований полагать, что лицо находится в опьянении любого вида.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дугенец А. С. Проблемы направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-napravleniya-na-meditsinskoe-osvidetelstvovanie-na-sostoyanie-opyaneniya-lits-sovershivshih-administrativnye (дата обращения: 31.01.2024).

2. Арзамасов Ю. Г. Правовая природа ведомственных нормативных правовых актов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 3. С. 413–428. Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

3. Кохан Р. Ю. Административно-правовые основы применения полицией медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения : дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 260 с.

4. Цуканов Н. Н., Железняк Н. С. Наркотическое опьянение: особенности административно-правового значения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 28–32.

5. Горелик А. В. Медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения и экспертиза в производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.9 КоАП РФ: соотношение процессуальных инструментов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2015. № 4 (21). С. 138–143.

6. Новичкова Е. Е. О проблемах направления граждан на медицинское освидетельствование на состояние опьянения // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 1 (6). С. 20–24.

7. Равнюшкин А. В. Проблема привлечения правонарушителей, имеющих признаки опьянения, к ответственности за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 26–32.

8. Дизер О. А. Административная ответственность за совершение правонарушений, связанных с потреблением наркотических средств или психотропных веществ // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3 (54). С. 32–35.

REFERENCES

1. Dugenec A. S. Problemy na pravleniya na medicinskoe osvidetel'stvovanie na sostoyanie op'yaneniya lic, sovershivshih administrativnye pravonarusheniya [Problems of regulation of medical examination on the state of operation of persons who have committed administrative violations]. Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie – Siberian legal review. 2020. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-napravleniya-na-meditsinskoe-osvidetelstvovanie-na-sostoyanie-opyaneniya-lits-sovershivshih-administrativnye (data obrashcheniya: 31.01.2024).

2. Arzamasov Yu. G. Pravovaya priroda vedomstvennyh normativnyh pravovyh aktov [Legal nature of federal regulatory legal acts]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: YUridicheskie nauki – Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Yuridicheskie nauki. 2019, vol. 23, no. 3, ;pp. 413-428. doi: 10.22363/2313-2337-2019-23-3-413-428 (for registered users).

3. Kohan R. Yu. Administrativno-pravovye osnovy primeneniya policiej medicinskogo osvidetel'stvovaniya na sostoyanie narkoticheskogo op'yaneniya. Avtoreferat diss. kand.yurid.nauk [Administrative and legal principles of applying medical examination policies in the context of drug addiction. Abstract of diss. cand. yur. science]. 2021. 260 p.

4. Cukanov N. N., ZHeleznyak N. S. Narkoticheskoe op'yanenie: osobennosti administrativno-pravovogo znacheniya [Narcotic operation: features of administrative-legal significance]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Justice of Russia. 2018, no. 3 (32), pp. 28-32.

5. Gorelik A. V. Medicinskoe osvidetel'stvovanie na sostoyanie narkoticheskogo op'yaneniya i ekspertiza v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah, predusmotrennyh stat'ej 6. 9 KoAP RF: sootnoshenie processual'nyh instrumentov [Medical witness on the state of drug testing and examination in proceedings on administrative violations, preliminary articles 6.9 of the AP RF: relationship of procedural instruments]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Siberian Law Institute of the MVD of Russia. 2015, no. 4 (21), pp. 138-143.

6. Novichkova E. E. O problemah napravleniya grazhdan na medicinskoe osvidetel'stvovanie na sostoyanie op'yaneniya [On the problems of directing citizens to medical witness on the state of testing]. Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii – Vestnik of the Tyumen Institute for Advanced Studies of MVD Employees of Russia. 2016, no. 1 (6), pp. 20-24. – EDN XCBWQF.

7. Ravnyushkin A. V. Problema privlecheniya pravonarushitelej, imeyushchih priznaki op'yaneniya, k otvetstvennosti za otkaz ot prohozhdeniya medicinskogo osvidetel'stvovaniya na sostoyanie op'yaneniya [Problems of treating lawbreakers who have signs of an operation, and liability for refusing to conduct a medical examination on the state of an operation]. YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice. 2018, no. 2 (44), pp. 26-32.

8. Dizer O. A. Administrativnaya otvetstvennost' za sovershenie pravonarushenij, svyazannyh s potrebleniem narkoticheskih sredstv ili psihotropnyh veshchestv [Administrative responsibility for committing violations of law related to the use of narcotic drugs or psychotropic substances]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogics in legal bodies. 2013, no. 3 (54), pp. 32-35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
Новичкова Елена Евгеньевна, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
Иванова Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, начальник кафедры административной деятельности ОВД. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Novichkova Elena Evgenievna, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.
Ivanova Svetlana Ivanovna, Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Administrative Affairs of the Department of Internal Affairs. Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 75 Amurskaya St., Tyumen, 625049.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 139–152.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no. 1 (112). Pp. 139–152.

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342

ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ ЗАЩИТЫ НРАВСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КОНСТИТУЦИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Фомичев Андрей Андреевич
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация
andry2453@yandex.ru

Введение. Термин «защита нравственности», закрепленный в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, содержится в конструкции конституционно-правовой нормы, посвященной ограничению прав и свобод человека. Понимание и применение данного термина в юридической практике вызывает множество вопросов, связанных с неопределенностью его общего смысла и содержания. Автор предпринимает попытку исследования защиты нравственности на основе проведения сравнительно-правового анализа Конституции Российской Федерации и конституций (основных законов) зарубежных государств. Отмечается, что большинство конституций стран мира в той или иной формулировке содержат аналогичные термины, схожие по своему смыслу и значению. Выявляются общие принципы защиты нравственности, тенденции в построении соответствующих юридических норм, посвященных данной защите. Демонстрируются национальные особенности в ее реализации.

Материалы и методы. В статье исследованы нормы Конституции Российской Федерации и конституций (основных законов) зарубежных государств, рассмотрены исторические правовые акты отечественного законодательства. Проанализированы международные правовые акты. Применены общие (диалектический, структурно-функциональный, системный) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой) методы познания.

Результаты исследования. Нравственность является конституционно охраняемой ценностью и объектом конституционно правовой защиты, одновременно служащим основанием для ограничения прав и свобод личности. Юридическая фиксация данного значения нравственности в тексте Конституции Российской Федерации – не случайное, а закономерное явление, обусловленное тенденциями развития национального законодательства России, международного права, конституционного права России и зарубежных государств. Подавляющее большинство конституций (основных законов) зарубежных государств содержат термин «защита нравственности» или аналогичные ему термины («охрана морали», «обеспечение общих интересов», соблюдение добрых нравов» и др.). Несмотря на внешнее различие данных терминов и юридическую конструкцию конституционных норм, в которых они закреплены, их общий смысл идентичен.

Выводы и заключения. На основании исследования норм Конституции Российской Федерации и конституций (основных законов) зарубежных государств выявлены общие принципы защиты нравственности, тенденции в построении соответствующих юридических норм. Демонстрируются национальные особенности в ее реализации.

© Фомичев А. А., 2025

Ключевые слова: защита нравственности, правовые ограничения, добрые нравы, общее благо, публичные интересы, преемственность поколений, соционормативная система, единство народа

Для цитирования: Фомичев А. А. Об общих принципах защиты нравственности в Конституции Российской Федерации и конституциях зарубежных государств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 139–152.

5.1.2 Public law (State law) sciences

Original article

THE GENERAL PRINCIPLES OF THE PROTECTION OF MORALITY IN THE CONSTITUTION OF RUSSIAN FEDERATION AND THE CONSTITUTIONS OF FOREIGN STATES

Andrey A. Fomichev
Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, andry2453@yandex.ru

Introduction. The term ‘protection of morality’, enshrined in Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, is contained in the construction of the constitutional and legal norm on the restriction of human rights and freedoms. Understanding and application of this term in legal practice raises many questions related to the uncertainty of its general meaning and content. The author tries to study the protection of morality on the basis of comparative legal analysis of the Constitution of the Russian Federation and constitutions (basic laws) of foreign states. It is noted that most of the constitutions of the countries of the world in one or another formulation contain similar terms, similar in their meaning and significance. General principles of morality protection, trends in the construction of relevant legal norms devoted to this protection are revealed. National peculiarities in its realisation are demonstrated.

Methods and Materials. The article examines the norms of the Constitution of the Russian Federation and the constitutions (basic laws) of foreign countries, examines historical legal acts of domestic legislation. The international legal acts are analyzed. General (dialectical, structural-functional, systemic) and special (formal-legal, comparative-legal, historical-legal) methods of cognition are applied.

The Results of the Study. Morality is a constitutionally protected value and an object of constitutional legal protection, at the same time serving as a basis for restricting individual rights and freedoms. The legal fixation of this meaning of morality in the text of the Constitution of the Russian Federation is not accidental, but a natural phenomenon due to the trends in the development of national legislation of Russia, international law, constitutional law of Russia and foreign countries. The vast majority of constitutions (basic laws) of foreign countries contain the term «protection of morality» or similar terms («protection of morality», «ensuring common interests», «observance of good morals», etc.). Despite the external difference between these terms and the legal structure of the constitutional norms in which they are enshrined, their general meaning is identical.

Findings and Conclusions. Based on the study of the norms of the Constitution of the Russian Federation and the constitutions (basic laws) of foreign countries, general principles of moral

protection and trends in the construction of relevant legal norms have been identified. National peculiarities in its implementation are demonstrated.

Keywords: protection of morality, legal restrictions, good morals, common good, public interests, continuity of generations, socionormative system, unity of the people

For citation: Fomichev A. A. Ob obshchih principah zashchity nravstvennosti v konstitucii rossii i konstituciyah zarubezhnyh gosudarstv [The general principles of the protection of morality in the Constitution of the Russian Federation and the constitutions of foreign states]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2025, no. 1 (112), pp. 139–152.

В ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации [1] содержится положение, в соответствии с которым права и свободы личности могут быть ограничены в целях защиты публичных интересов, одновременно выступающих конституционными ценностями. К одной из таких ценностей, наряду с основами конституционного строя, безопасностью и обороноспособностью страны, относится нравственность. Защита нравственности является одним из оснований ограничения прав и свобод человека, а сама нравственность – объектом конституционно-правовой защиты. В юридической литературе данное положение подверглось неоднозначной оценке. Высказываются самые разносторонние точки зрения: от отрицания правомерности применения правоограничительных мер по мотивам защиты нравственности [1, 26–27; 2, с. 18] до недопустимости сужения духовной категории «нравственность» до понятия «средство правового ограничения» [3, с. 94–95]. Вместе с тем судебная практика, связанная с использованием данной категории в качестве основания ограничения прав и свобод личности, является достаточно устоявшейся. При этом весьма широкое и глубокое содержание нравственности как юридического средства и конституционно-правовой категории позволяет констатировать ее существенный потенциал в преобразовании государственно-правовой действительности. Этот потенциал до конца не раскрыт и по пути дальнейшего эволюционного движения России его еще только предстоит исследовать и осмыслить.

Следует подчеркнуть, что «нравственность» – вовсе не случайный термин, появившийся в Конституции Российской Федерации по необъяснимой прихоти конституционного законодателя. Напротив, ее юридическая фиксация в основном законе России вполне обоснованна.

Во-первых, нравственность охранялась и защищалась на протяжении всей истории развития отечественного государства и права. В каждый исторический период действовал блок правовых норм, ограждавший от внешнего деструктивного воздействия особый перечень общественных отношений, обобщенно именуемых нравственностью. Например, уже в X–XI вв. статья 9 Устава князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных» («Устав Святого князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о Церковных судех») [2] накладывала запрет на скотоложство, людоедство (каннибализм), половые сношения между родственниками (свойственниками), прелюбодеяние, изнасилование и внебрачные связи, аборт, физическое посягательство на родителей, колдовство и различные посягательства

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Гарант : сайт. URL: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения: 22.12.2024).

[2] Российское законодательство X–XX веков : в девяти томах. Т. I. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит. 1984. 432 с. С. 149. URL: https://www.prlib.ru/item/1874382 (дата обращения: 22.12.2024).

на церковь. Аналогичные правовые нормы впоследствии закреплялись в самых разнообразных отечественных юридических источниках: Уставе князя Ярослава «О церковных судах» (XI–XII вв.), «Стоглавом соборе» (1551 г.), «Соборном Уложении» (1649 г.) [4, с. 32], «Артикуле воинском» (1715 г.), «Учреждении для управления губерниями» (1775 г.), «Уставе благочиния» (1782 г.), «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.), «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (1864 г.), «Уголовном уложении» (1903 г.), Конституции СССР 1977 г. и в иных документах.

Во-вторых, защита (охрана) нравственности, как и возможность ограничения прав личности по соответствующему мотиву, предусматривается значительным количеством международных правовых актов. Например, такую возможность в целях удовлетворения справедливых требований морали допускает ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.). Аналогичные положения содержатся и в целом ряде норм Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), а также в Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.).

В-третьих, защита (охрана) нравственности весьма распространена в мировой конституционно-правовой практике. Несмотря на социально-экономическое развитие, исторические, политические и культурные особенности зарубежных государств, конституции (основные законы) большинства стран мира содержат нормы, так или иначе охраняющие и защищающие нравственность [5, с. 80; 6, с. 27]. При этом выявление общих принципов данной охраны (защиты) путем исследования зарубежных конституций (основных законов) позволит определить более глубокие закономерности в ее осуществлении, а также сильнее раскрыть юридический потенциал самой категории «нравственность». Как указывает Е. В. Киричёк, осмысление зарубежного опыта профилактирует многие ошибки и заблуждения, упрощает и повышает эффективность нормотворческого процесса [7, с. 77].

Так, применительно к нравственности в конституциях (основных законах) зарубежных государств термины «охрана» и «защита» используются одинаково часто, что свидетельствует об их синонимичном содержании. Например, термин «защита нравственности» присутствует в ст. 16 Конституции Хорватской Республики 1990 г.[3], в ст. 24 Конституции Республики Эстония 1992 г. [4], в ст. 13 Конституции Турецкой Республики 1982 г. [5] Об «охране нравственности» говорится в ч. 5 ст. 53 Конституции Польской Республики 1997 г.[6], в ст. 206 Конституции Португалии 1976 г.[7]

Нередко в зарубежных конституциях вместо понятия «нравственность» используется термин «мораль», что также говорит об их синонимичном использовании. Например, о морали

[3] Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. С. 224.

[4] Там же. С. 450.

[5] Конституция Турецкой Республики : введена в действие 7 ноября 1982 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=84 (дата обращения: 28.01.2025).

[6] Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. С. 694.

[7] Там же. С. 810.

говорится в Конституции Кувейта 1962 г. (ст. 35)[8], Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. (ст. 22)[9], Конституции Республики Македонии 1991 г. (ст. 42)[10].

В конституциях зарубежных государств, как и в Конституции Российской Федерации, защиту нравственности следует рассматривать в узком и широком смысле. В узком (позитивистском) смысле «нравственность» есть юридический термин, закрепленный в конкретной правовой норме, содержание которой уточняется связанным с ней действующим законодательством. В широком (идеалистическом, естественно-правовом) смысле нравственность – это не только соответствующий юридический термин, но и этико-моральное наполнение конституционных норм и преамбул, определенный ключ к пониманию духа той или иной конституции, а также совокупность зафиксированных в конституции и взаимосвязанных между собой этических категорий (добро, любовь, честь, достоинство и др.).

Между пониманием и толкованием нравственности в узком и в широком смысле важно учитывать разницу, так как она имеет методологическое значение. Несмотря на тесную взаимосвязь между аспектами нравственности, необходимо понимать, что они несут различную смысловую нагрузку и обусловливают получение разного исследовательского результата, поэтому уточнение исследуемого аспекта нравственности необходимо для того, чтобы избежать существенных смысловых противоречий, касающихся ее содержания.

Так, в узком смысле защита нравственности присутствует в Конституции Японии 1947 г. (ст. 12)[11], Конституции Греции 1975 г. (п. 1 ст. 5)[12], Конституции Польши 1997 г. (ч. 3 ст. 31)[13], которые, как и российская Конституция, предусматривают возможность ограничения прав и свобод личности в целях защиты нравственности.

В данном случае нравственность выступает в качестве самостоятельного объекта конституционно-правовой защиты, с одной стороны, и основания ограничения прав и свобод человека – с другой стороны.

В некоторых конституциях уточняется, что защите подлежит именно общественная нравственность. Например, Конституция Иорданского Хашимитского Королевства 1952 г. допускает ограничение свободы религии и вероисповедания, художественного, литературного и культурного творчества для защиты общественной нравственности (ст. 14, 15) [14]. Конституция Румынии 1991 г. также защищает общественную нравственность, устанавливая запрет на непристойные проявления, которые противоречат укладу общественной жизни

[8] Конституция государства Кувейт : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=91 (дата обращения: 28.01.2025).

[9] Конституция Арабской Республики Египет : проект конституции одобрен в ноябре 2013 года : новый Конституционный документ после изменения отмененной Конституции 2012 года : одобрена на референдуме 14 и 15 января 2014 года // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=1013 (дата обращения: 28.01.2025).

[10] Конституция Республики Македония от 17 ноября 1991 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=113 (дата обращения: 28.01.2025).

[11] Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. проф. В. В. Маклаков. М. : Волтерс Клувер, 2003. С. 419.

[12] Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. С. 647.

[13] Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 2. С. 697.

[14] Конституция Иорданского Хашимитского Королевства от 8 января 1952 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=732 (дата обращения: 28.01.2025).

(ч. 7 ст. 30)[15]. В ст. 35 Конституции Кувейта 1962 г. указано, что право проповедовать религию не должно нарушать общественную мораль[16]. Из приведенных примеров также видно, что в целях защиты нравственности и морали могут предусматриваться ограничения конкретных прав и свобод человека, а не правовой свободы личности в целом, как это указано в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Наряду с охраной общественной нравственности ряд зарубежных конституций предусматривает защиту индивидуальной нравственности. Данная защита прямо не оговаривается, однако вытекает из смысла конституционно-правовых норм. Конституция Арабской Республики Египет 2014 г., к примеру, гарантирует охрану моральных прав учителям (ст. 22) [17] . Конституция Республики Македония 1991 г. запрещает нанимать несовершеннолетних на рабочие места, где может быть причинен ущерб их морали (ст. 42)[18]. Приведенные нормы ориентированы на охрану отдельных социальных групп, а не всего населения. При этом конструкции данных норм позволяют их применять в определенных ситуациях, угрожающих нравственности не всех учителей или несовершеннолетних, а конкретных их представителей, что и позволяет обеспечить защиту именно индивидуальной нравственности.

Примечательно, что защита нравственности в узком смысле, то есть в позитивистском понимании, сопряжена с установлением правовых запретов, ограничений и ответственности за их нарушение [8, с. 18]. Данная защита связана с проявлением «жесткой» силы. Она выражается в принудительном воздействии на участников общественных отношений. Конституция Республики Исландия 1944 г. устанавливает запрет на религиозные проповеди, которые противоречат нравственности (ст. 63)[19]. Конституция Итальянской Республики 1947 г. запрещает печатные произведения, манифестации и зрелища, противные добрым нравам (ст. 21)[20]. Конституция Чешской Республики 1992 г. допускает ограничение прав человека в целях защиты нравственности (ст. 16, 19) [21] . Данные нормы служат основанием для непосредственной защиты нравственности от совершенных посягательств, причиняющих вред обществу.

Рассматривая защиту нравственности в конституциях зарубежных государств в широком смысле, С. С. Сулакшин, Е. С. Сазонова, А. И. Хвыля-Олинтер связывают ее с конституционным закреплением таких этических ценностей, как «традиционная мораль», «нравственное наследие», «духовные ценности», а также с воспитанием и религией в целом [9, с. 192–193]. Аналогичным образом, признавая связь данных норм с защитой нравственности, Ю. В. Коровина называет их мировоззренческими основами общественного и государственного устройства [5, с. 80–84]. Ш. Р. Магадов по этому поводу также отмечает, что в концентрированном виде подобные нормы, как и содержащиеся в них этические категории (ценности), отражают накопленный опыт предшествующих поколений

---

[15] Новые Конституции стран Восточной Европы и Азии (1989–1992) / под ред. Д. Л. Златопольского. М, 1996. С. 143.

[16] Конституция государства Кувейт.

[17] Конституция Арабской Республики Египет 2014 г.

[18] Конституция Республики Македония от 17 ноября 1991 года.

[19] Конституция Республики Исландия от 17 июня 1944 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=150 (дата обращения: 28.01.2025).

[20] Конституции зарубежных государств. С. 183.

[21] Новые Конституции стран Восточной Европы и Азии (1989-1992) / под ред. Д. Л. Златопольского. М., 1996. С. 218.

и представляют собой идеал должного поведения, поддерживаемый большинством населения. Конституционная фиксация данных категорий формирует политическую культуру, обусловливает социально-правовую активность и мировоззрение граждан [10, с. 83–84].

Конституция Никарагуа 1986 г. приостанавливает действие гражданских прав детей, проявивших неблагодарность к родителям, а также права родителей, несправедливо оставивших своих малолетних детей (п. 8 ст. 34)[22]. Ни нравственность, ни мораль здесь прямо не оговариваются. Однако речь идет о преемственности поколений и правильной для народа Никарагуа социализации личности. В данном случае охраняемую нравственность следует рассматривать в широком смысле в качестве мировоззренческой основы общества, обеспечивающей его идентичность.

Аналогичным образом Конституция Ирландии 1937 года признала семью нравственным институтом и объединяющей первоосновой общества (ст. 41, 42)[23]. Несмотря на отсутствие прямого упоминания защиты нравственности, тем не менее она осуществляется в широком смысле посредством конституционно-правовой фиксации и охраны нравственных ценностей, в данном случае – семьи.

Защита нравственности в широком смысле, то есть в естественно-правовом и идеалистическом понимании, выражается в «мягком» воздействии на общественные отношения. Такое воздействие сопряжено с правовыми нормами, имеющими воспитательный, просветительный или интегративный характер. Например, Конституции Китайской Народной Республики 1982 г. предписывает распространение нравственного и культурного воспитания, высоких идеалов, усиление духовной культуры и общественной морали (ст. 24) [24] . Конституция Арабской Республики Египет 1971 г. обязывает общество соблюдать и защищать нормы морали, заботиться о религиозном воспитании, сохранении нравственных ценностей, норм поведения и общественной этики (ст. 12) [25] . Конституция Филиппин 1987 года определяет ведущую роль искусства, культуры и образования в развитии патриотизма, ускорении социального прогресса, во всеобщем освобождении и развитии человечества (ст. 17)[26].

Интегративный характер конституционных норм, направленных на защиту нравственности, выражается в этическом подчеркивании общности и единства народа, принявшего ту или иную конституцию. Особенно ярко интегративный характер присущ конституционным преамбулам, в которых присутствует морально-этические формулировки, объединяющие и сплачивающие народ. Например, преамбула Конституции Словакии 1992 года провозглашает общее стремление словацкого народа к развитию духовной культуры[27].

---

[22] Политическая Конституция Республики Никарагуа от 9 января 1987 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=3013 (дата обращения: 28.01.2025).

[23] Конституция Ирландия от 29 декабря 1937 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https:// https://worldconstitutions.ru/?p=975 (дата обращения: 28.01.2025).

[24] Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов. М. : Зерцало-М, 2004. С. 32.

[25] Конституция Арабской Республики Египет 2014 г.

[26] Конституция Республики Филиппины 1987 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=36 (дата обращения: 28.01.2025).

[27] Новые Конституции стран Восточной Европы и Азии (1989-1992) / под ред. Д. Л. Златопольского. М, 1996. С. 175.

В преамбуле Конституции Кубы 1976 года, основанной на единстве кубинского народа, указаны общие исторические ценности созидательного труда, стойкости, героизма, самопожертвования, закреплено намерение «глубочайшего уважения кубинцев к человеческому достоинству во всей его полноте»[28].

В некоторых зарубежных конституциях защита нравственности, понимаемая в широком смысле, сопряжена с установлением целей и принципов государственного развития. Например, Конституция Бразилии 1988 г. основной целью признает построение справедливого и солидарного общества, а также содействие благосостоянию населения (п. 1, 4 ст. 3)[29]. В Конституции Непала 2007 г. в качестве цели государства указано создание благоприятных условий жизни общества на основе обеспечения справедливости и морали (ч. 1, 5 ст. 34)[30]. Защита нравственности в данном случае является обобщенным результатом, а закрепленная в конституциях цель – предпосылкой этого результата. То же самое касается принципов, устанавливающих исходные начала функционирования государственной власти. Они устанавливают рамки, внутри которых эта власть осуществляется. Конституция Венесуэлы 1999 г. признает принципами государственного развития и функционирования справедливость, общность интересов, социальную ответственность (ст. 2)[31]. Конституция Княжества Андорры 1993 г. объявляет принципами государства справедливость, равенство и достоинство личности[32]. Указанные и подобные им конституционные принципы этического характера связывают государственную власть с нравственно-ориентированной деятельностью, в конечном итоге направленной на защиту нравственности.

В некоторых конституциях защита нравственности сопряжена с возложением обязанностей. Например, Конституция Португалии 1933 года предписывает государству содействовать моральному единству нации, устанавливать социальную гармонию, подчинять частные интересы общественным (п. 1, 2 ст. 6)[33]. Конституция Княжества Лихтенштейн 1921 года обязывает государство обеспечивать общественное благосостояние, заботиться о нравственных интересах народа (ст. 14)[34]. Другие конституции, напротив, накладывают

[28] Конституция Кубы : принята на референдуме 15 февраля 1976 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=1248 (дата обращения: 28.01.2025).

[29] Конституция Бразилии от 5 октября 1988 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт.URL: https://worldconstitutions.ru/?p=563 (дата обращения: 28.01.2025).

[30] Переходная Конституция Непала от 15 января 2007 года // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=320 (дата обращения: 28.01.2025).

[31] Конституция Боливарианской Республики Венесуэла от 30 декабря 1999 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=3004 (дата обращения: 28.01.2025).

[32] Конституция Княжества Андорра от 14 марта 1993 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=158 (дата обращения: 28.01.2025).

[33] Политическая Конституция Португальской Республики от 19 марта 1933 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=1084 (дата обращения: 28.01.2025).

[34] Конституция Княжества Лихтенштейн от 5 октября 1921 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=147 (дата обращения: 28.01.2025).

морально-этические обязанности на население (конституции Вьетнама, Алжира, КНДР) [9, с. 193].

Что касается общих тенденций защиты нравственности в конституциях зарубежных государств, то здесь необходимо сказать о ее тесной взаимосвязи с такими институтами, как семья, детство, религия, образование и средства массовой информации (далее – СМИ).

Например, во взаимосвязи с институтом образования защита нравственности присутствует в Конституции Ливанской Республики 1926 г.[35], предписывающей соответствие преподавательской деятельности добрым нравам (ст. 10). Конституция Перу 1993 г. предусматривает обязательное этическое обучение в гражданском и военном образовательном процессе (ст. 14) [36]. Конституция Республики Греция 1975 г. провозглашает образование важного института становления и развития морального и духовного сознания личности (п. 2 ст. 16) [37]. В целях обеспечения общего блага Конституция Ирландии 1937 г. требует обеспечения обязательного нравственного воспитания и образования (ч. 3.2, 4 ст. 42)[38].

Взаимосвязь защиты нравственности с институтом религии прослеживается в следующих конституциях: Конституции Омана 1996 г. (ст. 28)[39], Конституции Польши 1997 г. (ст. 53)[40], Конституции Греции 1975 г. (ч. 2 ст. 13)[41], Конституции Италии 1947 г. (ст. 19)[42]. Все они обеспечивают соответствие религии добрым нравам, запрещая не соответствующие им культы и обряды.

С институтом семьи защита нравственности переплетается в Конституции Ирландии 1937 г., которая провозглашает семью нравственным институтом, естественным первоисточником и объединяющей основой общества (п. 1.1 ст. 41). Указанный основной закон государства также юридически закрепляет ключевую роль матери для достижения общего блага (п. 2.1 ст. 41), тщательно охраняет институт брака, на котором основана семья (п. 3.1, 3.2 ст. 41), утверждает право и обязанность родителей по моральному, религиозному и прочему воспитанию детей (ч. 1 ст. 42), возлагает на государство обязанность помощи родителям в вопросах морального и религиозного формирования личности для достижения общего блага (ч. 4 ст. 42)[43]. Ст. 10 Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. признает семью основой общества, базирующейся на морали и религии. При этом на государство возлагается обязанность обеспечения ее сплоченности, стабильности и защиты[44].

Связь защиты нравственности с институтом детства наблюдается в следующих конституциях. В Конституции Индии 1950 г. указывается, что дети должны развиваться

---

[35] Конституции Ливанской Республики от 23 мая 1926 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=90 (дата обращения: 28.01.2025).

[36] Конституция Республики Перу от 9 апреля 1933 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=740 (дата обращения: 28.01.2025).

[37] Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 1. С. 651.

[38] Конституция Ирландия от 29 декабря 1937 года.

[39] Конституции Султаната Оман : принята 6 ноября 1996 года : послед. ред. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа : сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=88 (дата обращения: 28.01.2025).

[40] Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 2. С. 694.

[41] Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 1. С. 646.

[42] Конституции зарубежных государств. С. 185.

[43] Конституция Ирландия от 29 декабря 1937 года.

[44] Конституция Арабской Республики Египет 2014 года.

в условиях, обеспечивающих их достоинство и защиту от моральной заброшенности (ст. 39)[45]. Конституция Польши 1997 г. защищает детей от деморализации (ч. 1 ст. 72)[46]. В Конституции Испании 1978 г. (ч. 4 ст. 20)[47], Конституции ФРГ 1949 г. (ст. 11)[48], Конституции Румынии 1991 г. (ч. 3 ст. 45)[49] защита нравственности детей непосредственно зафиксирована и служит основанием для ограничения прав и свобод личности.

Взаимосвязь института СМИ с защитой нравственности прослеживается, например, в Конституции Перу 1993 г., закрепляющей принцип сотрудничества СМИ с государством в вопросах образования, морального и культурного развития (ст. 14)[50]. Конституция Испании 1978 г. предписывает недопустимость противоречий между требованиями морали и свободой СМИ (ст. 20)[51]. Аналогичное положение содержится в ч. 2 ст. 19 Конституции Индии 1950 г., в соответствии с которым свобода слова и СМИ не должна вступать в конфликт с моралью[52].

Несмотря на различия между институтами семьи, детства, религии, образования и СМИ, все они имеют общие черты. Каждый из указанных институтов принимает непосредственное участие в социализации и интеграции личности в соционормативную систему общества, связывающую граждан невидимыми нитями единых ценностей, стандартов, восприятий, норм и правил поведения. Данная система действует в каждом обществе. Она возникает и развивается вместе с ним самим. Соционормативная система характеризует индивидуальность этноса (народа) как самостоятельного коллектива людей, противопоставляющего себя другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности – подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы – они» и деление на «своих» и «чужих» [11, с. 10–11]. Думается, что именно такую систему и охраняют конституционно-правовые нормы, посвященные защите нравственности. Иными словами, исторически формирующаяся, отличающаяся индивидуальными чертами и присущая каждому народу соционормативная система есть конституционно охраняемая нравственность.

Проследим связь соционормативной системы общества с институтами семьи, детства, религии, образования и СМИ. Институт детства представляет собой новое поколение граждан, которым в будущем только предстоит стать полноценными членами общества. Прежде чем они этого достигнут, им необходимо полностью социализироваться, то есть усвоить исторически сложившуюся систему ценностей, норм и правил поведения. Новые члены общества должны стать частью действующей соционормативной системы, присущей народу. Вместе с тем дети наиболее сильно подвержены не только позитивным, но и негативным воздействиям, в том числе нарушающим процесс социализации личности. Отсюда вытекает повышенная опасность в нарушении преемственности поколений и разложении соционормативной системы общества, что обусловливает повышенную потребность в принятии государством соответствующих охранительных и защитных мер, направленных на ограждение детей от внешних деструктивных воздействий.

Институт семьи выступает первичной и основной ячейкой соционормативной системы, где личность начинает свой путь формирования, становления и созревания

[45] Конституции зарубежных государств С. 185.
[46] Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 2. С. 698.
[47] Конституции зарубежных государств. С. 231.
[48] Конституции зарубежных государств. С. 104.
[49] Новые Конституции стран Восточной Европы и Азии (1989-1992). С. 146.
[50] Конституция Республики Перу от 9 апреля 1933 года.
[51] Конституции зарубежных государств. С. 231.
[52] Конституции зарубежных государств. С. 182.

в качестве полноценного члена общества. Семья играет неоценимую роль в процессе социализации нового поколения в целом и отдельного ребенка в частности. Именно в семье формируются первичные ценностные ориентации, поведенческие модели, психологические установки личности, и потому она требует особой государственной поддержки и защиты.

Являясь самостоятельными социальными институтами, образование и религия также оказывают существенное воздействие на процесс социализации и интеграции личности в соционормативную систему общества. С помощью различных подходов и методов они воспроизводят господствующие ценности, нормы и правила поведения, а также обеспечивают их освоение человеком. При этом в отсутствие государственного контроля данные институты нередко становятся инструментами деструктивного воздействия на общество и его отдельных членов. Это не только нарушает процесс социализации личности, но и разрушает саму соционормативную систему народа, что также требует охранительных и защитных мер со стороны государства.

Указанное в полной мере относится и к институту СМИ, который непрерывно и целенаправленно воздействует как на общество в целом, так и на отдельные его группы. Являясь инструментом различных социальных объединений, преследующих самые разнообразные, в том числе корыстные и деструктивные интересы, СМИ транслируют определенную информацию в нужном контексте и тем самым оказывают воздействие на сознание граждан. Такое воздействие может как укреплять соционормативную систему общества, социализацию и интеграцию личности, так и разрушать их. В указанных условиях вполне естественной оказывается конституционная охрана данной системы и связанных с ней интегративных процессов от деструктивных воздействий СМИ.

Таким образом, сравнительное исследование защиты нравственности в Конституции Российской Федерации и конституциях зарубежных государств позволяет сделать следующие выводы:

1. Исходя из содержания ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, нравственность является конституционно охраняемой ценностью и объектом конституционно правовой защиты, одновременно служащим основанием для ограничения прав и свобод личности.

2. Юридическая фиксация термина «защита нравственности» в тексте Конституции Российской Федерации есть закономерное явление, обусловленное тенденциями развития национального законодательства России, международного права, конституционного права России и зарубежных государств.

3. Подавляющее большинство конституций (основных законов) зарубежных государств содержат термин «защита нравственности» или аналогичные ему термины («охрана морали», «обеспечение общих интересов», соблюдение добрых нравов» и др.). Несмотря на внешнее различие данных терминов и юридическую конструкцию конституционных норм, в которых они закреплены, их общий смысл идентичен.

4. Имеющееся в конституциях понятие нравственности является абстрактным отражением фундаментальных установок и ценностей, присущих каждому народу. В данном случае нравственность следует понимать как соционормативную систему, то есть исторически сложившуюся систему ценностей, норм и правил поведения, объединяющих народ в качестве единого самостоятельного коллектива людей, противопоставляющего себя другим таким же коллективам, исходя из подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности, определяющей противопоставление «мы – они» и деление на «своих» и «чужих». Данная система лежит в основе социальных взаимодействий и общественного функционирования, обеспечивает единство и целостность народа, а также непрерывную преемственность поколений. Вследствие фундаментального характера и обширного содержания нравственность не может быть сведена к отдельным ценностям, нормам

и правилам поведения. Однако в конституционных текстах она приобретает юридическое содержание, которое используется для регулирования общественных отношений.

5. В конституционном праве смысловое значение нравственности, как и имеющихся в зарубежных государствах терминов «мораль», «добрые нравы», «общее благо», может рассматриваться как в узком (позитивистском), так и в широком (естественно-правовом) ключе. В узком значении нравственность представляет собой юридический термин, конкретное содержание которого раскрывается в национальном законодательстве и правоприменительной практике отдельно взятого государства. Данный термин, как правило, содержится в различных конституционно-правовых нормах и конкретизирующих их нормах отраслевого законодательства. В зависимости от национальных особенностей он подразумевает, обобщает и охватывает собой определенный набор публичных интересов и благ. Широкая (естественно-правовая) интерпретация нравственности сопряжена с неограниченным и неисчерпаемым морально-этическим наполнением конституционных текстов, а также составляющих их норм и преамбул. Толкование нравственности в широком значении позволяет понять дух той или иной конституции.

6. В зависимости от того, в каком значении рассматривается нравственность (узком или широком), соответствующим образом изменяется содержание конституционно-правового термина «защита нравственности». В узком смысле он тесно переплетается с наложением правовых ограничений на участников общественных отношений, которые своими действиями причиняют вред определенным публичным интересам и ценностям. Центральное место при этом занимает государственно-правовое принуждение. В широком смысле защита нравственности не сводится к принудительному воздействию, а подразумевает использование «мягкой силы», направленной на воспитание, просвещение, социализацию и интеграцию участников общественных отношений.

7. Являясь объектом конституционно-правовой защиты (охраны), нравственность может принимать три формы: общественную, индивидуальную и универсальную, каждая из которых охватывает определенный набор базовых ценностей общесоциального (справедливость, благопристойность) или личностного (честь, достоинство) характера. Форма охраняемой нравственности в национальном законодательстве зависит от юридического содержания конституционно-правовых норм и иных конкретизирующих их норм отраслевого законодательства, где содержится данное понятие («нравственность»). Кроме того, форма охраняемой нравственности может определяться содержанием конкретного правоотношения, в рамках которого, с одной стороны, происходит посягательство на ценности, относимые законодателем к категории базовых (духовно-нравственных), а с другой стороны – данное посягательство пресекается и применяются правовые нормы, направленные на возмещение причиненного ущерба. Иными словами, форма конституционно охраняемой нравственности в национальном законодательстве зависит как от буквы закона, так и от сложившейся правоприменительной практики.

8. Универсальная форма нравственности как объекта конституционно-правовой защиты (охраны) совмещает в себе как индивидуальную, так и общественную нравственность. Она подразумевается в тех конституционных нормах, где форма нравственности не уточняется. Типичным примером такой обобщенной юридической формулировки служит ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, что позволяет констатировать универсальный характер конституционно охраняемой нравственности в отечественном законодательстве.

9. Сущность защиты нравственности сводится к обеспечению сплоченности, идентичности, целостности и единства народа, образующего то или иное государство.

10. В конституциях большинства государств мира защита нравственности рассматривается в контексте охраны институтов семьи, детства и религии, с одной стороны, а также тесно сопряжена с регулированием образовательной деятельности и СМИ – с другой

стороны. Данные институты непрерывно транслируют участникам общественных отношений ценности, нормы и правила поведения (семья, религия, образование, СМИ), воздействуют на сознание населения и формируют в нем психологические установки. Транслируемая информация может носить как позитивный (созидательный, объединяющий, сплачивающий), так и негативный (деструктивный) характер. При этом наибольшему влиянию подвержены несовершеннолетние граждане и дети, которые формируют будущие поколения народа, образующего то или иное государство. Защита нравственности позволяет урегулировать подобного рода информационно-ценностное воздействие на население и тем самым гарантировать национальную идентичность, целостность и единство народа в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стародубцева А. В. Существуют ли юридические основания для ограничения прав человека по мотивам защиты нравственности // Труды института государства и права Российской академии наук. 2008. № 5. С. 15–27.

2. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Государства и право. 2013. № 2. С. 14–24.

3. Сазонникова Е. В. О нравственных основах в конституционном праве и процессе // Конституционные чтения. 2014. № 6. С. 92–98.

4. Гарина О. В. Отдельные аспекты генезиса объектов государственной защиты (X-XVIII вв.) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4. С. 29–36.

5. Коровина Ю. В. Конституционные основы охраны нравственного здоровья населения Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 184 с.

6. Левакин И. В. Исторические закономерности конституционной нравственности // Журнал российского права. № 3. 2017. С. 21-29.

7. Киричёк Е. В. Полиция и институты гражданского общества в организационно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: устоявшиеся постулаты, реалии и перспективы взаимодействия : монография. М. : «Типография ТЕЛЕР», 2015. 176 с.

8. Алексеева Л. А., Каплунов А. И. Этические основы принципов юридической ответственности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 1. С. 13-19.

9. Сулакшин С. С., Сазонова Е. С., Хвыля-Олинтер А. И. Государственная политика защиты нравственности и СМИ. Рабочая книга для законодателя. М. : Наука и политика, 2014. 358 с.

10. Магадов Ш. Р. Нравственность как конституционная ценность в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 228 с.

11. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М. : Изд-во АСТ, 2022. 512 с.

REFERENCES

1. Starodubceva A. V. Sushchestvuyut li pravovye osnovaniya dlya ogranicheniya prav cheloveka na osnove zashchity nravstvennosti [Are there legal grounds for restricting human rights based on the protection of morality]. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2008, no. 5, pp. 15-27.

2. Lapaeva V. V. Kriterii ogranicheniya prav cheloveka i grazhdanina v Konstitucii Rossijskoj Federacii [Criteria for the restriction of human and civil rights in the Constitution of the Russian Federation].Gosudarstvo i pravo – States and Law. 2013, no. 2, pp. 14-24.

3. Sazonnikova E. V. O nravstvennyh osnovah konstitucionnogo prava i processa [On the moral foundations in constitutional law and process]. Konstitucionnye chteniya – Constitutional Readings. 2014, no. 6, pp. 92-98.

4. Garina O. V. Otdel'nye aspekty genezisa ob"ektov gosudarstvennoj zashchity (X-XVIII vv.) [Selected aspects of the genesis of objects of state protection (X-XVIII centuries)] – Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova – Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024, no. 4, pp. 29-36.

5. Korovina Yu. V. Konstitucionnye osnovy ohrany nravstvennogo zdorov'ya naseleniya Rossijskoj Federacii: dis....kand. yurid. nauk.. kand. tekhn. nauk. Yurid. [The constitutional foundations of the protection of the moral health of the population of the Russian Federation: dis. ... kand. jurid. sciences']. Moscow, 2009, 184 p.

6. Levakin I. V. Istoricheskie zakonomernosti konstitucionnoj morali [Historical patterns of constitutional morality]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2017, no. 3, pp. 21-29.

7. Kirichek E. V. Policiya i instituty grazhdanskogo obshchestva v organizacionno-pravovom mekhanizme obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii: ustoyavshiesya postulaty, realii i perspektivy vzaimodejstviya [Police and civil society institutions in the organizational and legal mechanism for ensuring human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: well-established postulates, realities and prospects of interaction]. Moscow, 2015, 176 p.

8. Alekseeva L. A., Kaplunov A. I. Eticheskie osnovy principov yuridicheskoj otvetstvennosti [Ethical foundations of the principles of legal responsibility]. Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova – Scientific Vestnik of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023, no. 1, pp. 13-19.

9. Sulakshin S. S., Sazonova E. S., Hvylya-Olinter A. I. Gosudarstvennaya politika v oblasti zashchity nravstvennosti i SMI. Rabochaya tetrad' dlya zakonodatelya [State policy for the protection of morality and the media. A workbook for the legislator]. Moscow, 2014. 358 p.

10. Magadov S. R. Nravstvennost' kak konstitucionnaya cennost' v Rossijskoj Federacii: dis....kand. yurid. nauk. .. kand. tekhn. nauk. Yurid. [Morality as a constitutional value in the Russian Federation: dis. ... kand. jurid. sciences']. Moscow, 2012, 228 p.

11. Gumilev L. N. Ot Rusi k Rossii [From Russia to Russia]. Moscow, 2022, 512 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фомичев Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, Орел, ул. Игнатова 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fomichev Andrey Andreevich, Candidate of Legal Sciences, Senior lecturer at the Department of Criminology and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 2 Ignatova St., Oryol, Russian Federation, 302027

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 153–163.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025 Vol. no. 1 (112). Pp. 153–163.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.9

МЕХАНИЗМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Шестак Валентин Сергеевич[1], Введенская Виктория Владимировна[2]
[1,2]Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России, г. Донецк, Российская Федерация
[1,2]v.s.shestak@mail.ru

Введение. В Российской Федерации как правовом государстве право вообще и административное право в частности должны предоставлять новые возможности для правового регулирования функций государства. Необходимо учитывать и отображать в методах и способах регулирования современные тенденции, которые имеют место в сфере публичного управления с целью его совершенствования, развития взаимодействия государства и общества. Культурная функция государства и культурные права и свободы граждан являются отдельными явлением общественной жизни и объектом обеспечения со стороны государства. Признание двоякого характера культурной функции (внешнего и внутреннего) имеет принципиальное значение для совершенствования механизмов ее реализации, в рамках которых должны быть сосредоточены новые средства и процедуры выполнения внешних и внутренних культурных задач государства. В статье определяются особенности, свойственные механизму административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, составляющие этого механизма относительно сферы культуры, формулируются предложения по его совершенствованию.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные труды российских ученых относительно предмета исследования и нормативная правовая база Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, анализа источников, историко-правовой и другие методы.

Результаты исследования позволили раскрыть сущность механизма административно-правового обеспечения культурной функции государства, представляющего собой систему, направленную на упорядочение правовых отношений в сфере культуры, их регламентацию и обеспечение взаимодействия государственных органов с иными субъектами правоотношений.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что для повышения эффективности реализации культурной функции государства необходимо минимизировать административное воздействие на объекты культуры, создавая условия для их самостоятельного развития в рамках правового регулирования. Государство должно сосредоточиться на поддержке и стимулировании культурной сферы, избегая излишнего управленческого вмешательства.

Ключевые слова: государство, функции государства, культурная функция, административное право, административно-правовое обеспечение

Для цитирования: Шестак В. С., Введенская В. В. Механизм административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.- практ., журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 153–163.

© Шестак В. С., Введенская В. В., 2025

**5.1.2. Public law (State law) sciences
(legal sciences)**

Original article

THE MECHANISM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION OF THE CULTURAL FUNCTION OF THE STATE

Valentin S. Shestak[1], Viktoria V. Vvedenskaya[2]
[1,2]Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Donetsk, Russian Federation
[1,2]v.s.shestak@mail.ru

Introduction. In the Russian Federation, as a state based on rule of law, laws in general and, in particular, administrative law should provide new opportunities for the legal regulation of state functions. It is necessary to consider and reflect modern trends in public administration methods and ways in order to improve them, develop interaction between the government and society. The cultural functions of the State, cultural rights, and freedoms are separate aspects of social life that are the object of government support. Recognition of dual nature (external and internal) of cultural functions is fundamental for improving mechanisms for their implementation, where new means and methods for fulfilling external and internal state cultural tasks should be focused. The article identifies features inherent in the administrative and legal mechanism for implementing the cultural functions of government, components of this system in relation to culture, and formulates proposals to improve it.

Materials and Methods. The research materials included scientific works by Russian scientists on the topic of the study, as well as the regulatory legal framework of the Russian Federation. The methodological foundation of the study consisted of the dialectical approach, analysis of historical and legal sources, and other methods.

The Results of the Study made it possible to reveal the essence of the mechanism of administrative and legal support for the cultural function of the state, which is a system aimed at streamlining legal relations in the field of culture, regulating them and ensuring the interaction of state bodies with other subjects of legal relations.

Findings and Conclusions. The analysis has led to the conclusion that, in order to improve the efficiency of the cultural functions of the state, it is necessary to minimize the administrative impact on cultural institutions, creating conditions for their autonomous development within the legal framework. The state must focus on supporting and promoting the cultural sector, avoiding excessive management interference.

Keywords: state, functions of the state, cultural function, administrative law, administrative and legal support

For citation: Shestak V. S., Vvedenskaya V. V. Mehanizm administrativno-pravovogo obespecheniya realizacii kul'turnoj funkcii gosudarstva [The mechanism of administrative and legal support for the implementation of the cultural function of the state]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No 1 (112), pp. 153–163.

Культура того или иного народа – уникальное, неповторимое, многогранное явление. Возрождение России как независимого и суверенного государства с собственным прошлым, настоящим и будущим невозможно без объективизации в той или иной форме тех достижений, благодаря которым можно рассматривать нашу страну, ее культуру и историю как неотъемлемые составляющие цивилизационного развития человечества. Государственная политика в области культуры – один из приоритетов экономического процветания, государственного суверенитета и самобытности России. Существующее состояние культуры в Российской Федерации (далее РФ) требует новых политических подходов, программ и механизмов их реализации, о чем прямо подчеркивается в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р.

В современном государстве среди многих отраслей права административное право играет довольно важную роль, поскольку способствует упорядочению целого ряда важных общественных отношений в различных сферах публичного управления, определяет порядок реализации соответствующими субъектами отдельных функций государства, в том числе и реализации культурной функции.

Осуществление административным правом этой роли, на наш взгляд, связано с системным влиянием этой отрасли на соответствующие общественные отношения, что происходит благодаря определенным правовым явлениям, которые образуют механизм административно-правового обеспечения соответствующей функции государства. В этом контексте заслуживает внимания вопрос определения сущности и структуры этого механизма, решение которого может быть положено в основу его совершенствования. Указанная проблема является актуальной, поскольку ее решение непосредственно касается таких задач административных реформ в России, начавшихся в 2003 г. и продолжающихся в настоящее время в связи с конституционными новеллами, как формирование новых институтов, организационных структур и инструментов осуществления публичного управления, в т. ч. и в сфере культуры.

На недостатки реализации государственной политики в сфере культуры указывают и ученые, отмечая несоответствие провозглашенных целей государственной политики в сфере культуры современным тенденциям культурного развития общества.

Как отмечает Б. В. Россинский, «происходящая в последние 12—13 лет не всегда последовательная, но осторожная, избегающая резких движений модернизация структуры федеральных органов исполнительной власти во многом объясняется как слабой теоретической проработкой этого вопроса, явно недостаточным обобщением имеющейся практики организации работы различных отраслей хозяйства, так и главным образом необходимостью во что бы то ни стало сохранить стабильность государственного управления, которая может нарушиться при непродуманных, поспешных преобразованиях системы и структуры данных органов» [1, с. 31-38].

Следовательно, вопросы формирования новых институтов, организационных структур и инструментов осуществления государственного управления в сфере культуры требуют своего решения, в том числе и относительно механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства.

Исследованиями проблематики механизма административно-правового обеспечения соответствующих функций государства в правовой науке занимались многие ученые. В частности, над этими проблемами работали такие ученые, как И. А. Адмиралова, [2] С. С. Алексеев [3], Г. В. Атаманчук [4], С. В. Барабанова [5], Д. Н. Бахрах [6, 8], Н. И. Матузов [7], А. В. Малько [7], Б. В. Россинский [1, 8], Ю. Н. Старилов [8] и др.

Как показывает обобщение научной литературы, изучению проблематики, связанной с механизмом административно-правового обеспечения соответствующих функций государства, в науке административного права было посвящено немало трудов ученых.

Однако анализ последних научных исследований в этой сфере свидетельствует о том, что этот вопрос преимущественно прорабатывался в общетеоретическом плане, где исследованию механизма административно-правового обеспечения отдельных функций государства не всегда уделялось достаточного внимания. Например, таким отдельным направлением, которое требует своего более глубокого исследования, является проблематика механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства. Важность таких узконаправленных исследований, как мы полагаем, объясняется тем, что механизм административно-правового обеспечения функций государства как общее явление, при его направлении на конкретную сферу публичного управления, в нашем случае сферу культуры, получает собственную специфику, что делает его явлением особенным. Именно особенности, которые присущи механизму административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, должны стать объектом научного исследования, что и обуславливает цель этой статьи. Такой подход не только обеспечит выявление содержания составляющих этого механизма в его направлении на сферу культуры, но и будет способствовать разработке соответствующих предложений по его совершенствованию, что обеспечит как надлежащую реализацию конституционных норм, имеющих отношение к определению системы обязанностей государства в сфере культуры, так и культурных прав и свобод граждан. С методологической точки зрения выявление особенностей структуры механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства и установление его содержательного наполнения предоставит нам возможность проработать типовые формы характеристики этого правового явления в его непосредственном применении к отдельным направлениям реализации этой функции.

Прежде всего, выразим свое отношение к пониманию понятия «культурная функция государства». Культурная функция относится к перечню основных внутренних функций государства, а ее содержание составляет сегодня государственная поддержка развития культуры – литературы, искусства, театра, кино, музыки, живописи, архитектуры, телевидения и других средств массовой информации; сохранение историко-культурных памятников, исторических комплексов, архивов, музеев, библиотек и тому подобное

В период существования Советского государства соответствующая деятельность воплощалась в рамках культурно-воспитательной (идеологической) функции, которая, как отмечал В. Ф. Погорелко, по своему содержанию включала: деятельность государства по руководству народным образованием; деятельность государства в области науки; деятельность государства в области издательского дела, полиграфии и книжной торговли; деятельность государства в области культуры, культурно-просветительской работы, литературы, профессионального искусства, художественной самодеятельности, библиотечного и музейного дела, охраны памятников истории и культуры; деятельность государства по обеспечению развития и надлежащего функционирования средств массовой информации - прессы, радио, телевидения [9].

Разногласия во взглядах ученых по этому поводу имеют место и сейчас. Можем отметить, что в научной литературе отсутствует единая точка зрения относительно содержания культурной функции государства. Существует широкий и узкий подход к ее толкованию. В первом случае авторы, рассматривая культурную функцию, отмечают, что в ее пределах осуществляется государственная поддержка развития не только собственно культуры (узкий подход), но и образования и науки, охраны культурного наследия и т.д. (широкий подход). Как свидетельствует анализ действующего законодательства, в частности ст. 43, 44, 71, 72 Конституции Российской Федерации, для столь широкого понимания этого понятия есть все основания.

Анализируя указанные точки зрения, подчеркнем, что, на наш взгляд, более логично взвешенным является именно широкий подход к толкованию культурной функции, поскольку он позволяет под одним знаменателем объединять все направления государственной деятельности, которые тесно связаны с нематериальным (духовным) состоянием человека. Исходя из этого мы склонны определить культурную функцию государства как такой вид деятельности его органов и других уполномоченных субъектов, направленной на поддержку реализации частными лицами своих духовных (нематериальных) интересов, связанных с собственно культурой (узкий подход), образованием, наукой, охраной культурного наследия и т. п.

Продолжая исследование основного вопроса статьи, определим наше отношение к общему понятию «механизм административно-правового обеспечения». Раскрытие сущности и значения этого понятия, его структурного строения позволит нам на основании учета его признаков, выяснить те существенные особенности, которые будут иметь место при применении его для реализации культурной функции государства.

Анализ научной литературы свидетельствует о происхождении понятия «механизм административно-правового обеспечения» от государства и его неотъемлемого атрибута – государственной власти, а по своему характеру связано с осуществлением публичного управления. Уточним, что административно-правовое регулирование имеет дело именно с государственно-властными полномочиями, полномочиями государственно-властного характера, которые по своему назначению направлены на обеспечение надлежащего уровня стабильности особой социальной системы – общества.

Воплощение государственной власти в деятельность органов государственной власти через такие средства ее осуществления, как политика, административные акты, правовые нормы, экономическое стимулирование, идеологическое влияние, способы принуждения, обеспечивает функционирование государственно-властного механизма, частью которого является механизм административно-правового обеспечения культурной функции государства.

Характеризуя понятие «механизм административно-правового обеспечения», вполне возможно выделить следующие основные признаки, которые и будут его определять. К их числу, на наш взгляд, следует отнести:

- неразрывную связь с государством;
- характеристика его как средства реализации государственной власти, определяющая управленческую направленность механизма;
- существование в виде взаимосвязанной системы средств, имеющих правовую форму опосредования;
- направленность на упорядочение не только общественных отношений, но и отношений в сфере исполнительной деятельности государственных органов;
- реализация механизма через управленческую деятельность органов государственной власти;
- наличие соответствующего объекта обеспечения (управления), которым, как правило, обязательно выступают определенные права, потребности лица, группы лиц, общества, а также функция государства, которая их касается;
- одновременное выполнение функций правотворчества и правореализации.

Таким образом, механизм административно-правового обеспечения является способом осуществления государственно-властных полномочий при административно-правовом регулировании общественных отношений, возникающих в соответствующей сфере. Они осуществляются уполномоченными на то государственными органами с целью обеспечения функций государства. Следует отметить, что задачей административного права в данном

случае является не только легитимизация властных полномочий при заложении правовых основ публичного управления, направленного на реализацию функций государства, в частности в сфере культуры.

Как задачей административного права нами также рассматривается правовое обеспечение регламентации порядка реализации отдельных функций государства субъектами публичного управления. И это замечание является довольно важным, потому что в таком случае этот механизм выступает не только как нечто направленное на упорядочение определенных общественных отношений, но и как средство упорядочения государственной власти, которая осуществляется через деятельность соответствующих государственных органов. В таком случае мы получаем соответствующее функциональное и правовое единство, которое воплощается в этом развитии механизма правового регулирования, где единство составляет правовая основа и организационная структура исследуемого нами механизма.

Рассматривая с таких позиций механизм административно-правового обеспечения, то можно выделить ряд важных моментов. Их выделение не только дает нам возможность комплексно рассмотреть основной вопрос этой статьи, но и способствует формированию более полного представления о взаимосвязи между деятельностью государственных органов и обеспечением надлежащего выполнения культурной функции государства. При этом обратим внимание на такое обстоятельство, что право, в пределах которого существует этот механизм и которым он непосредственно зафиксирован в общественно-государственном бытии, является «физически» неделимым, саморазвивающимся целым, и это проявляется в его системности и внутренней юридической согласованности. Соответственно, это свойство распространяется на те явления, которые имеют правовую природу. С этих позиций мы рассматриваем механизм административно-правового обеспечения функции государства как системное образование, имеющее собственную структуру.

Обобщая вышесказанное, к моментам, которые определяют содержание исследуемого нами механизма, можно отнести следующие:

– во-первых, в структуре механизма административно-правового обеспечения находятся две взаимосвязанные подсистемы средств упорядочения отношений (общественных отношений и государственно-властных отношений), которые в своей совокупности и образуют указанный механизм;

– во-вторых, в целом, выступая как средство реализации государственной власти по управлению общественными отношениями вообще, этот механизм не исключает возможности его деления, специализации с целью наилучшего обеспечения отдельных однородных групп общественных отношений, которые охватываются конкретными функциями государства, например, культурной функцией;

– в-третьих, при таком разделении общего механизма административно-правового обеспечения реализации функции государства на отдельные видовые механизмы, то, соответственно, в пределах этих видовых механизмов (например, обеспечение реализации экономической, экологической, культурной функции государства и т. п.), выделенные нами подсистемы характеризуются собственным, особым содержанием, определяемым как объект обеспечения (культура), так и спецификой обусловленной этим объектом функции государства – культурной функции государства.

Установив основные характерные черты и содержательные признаки механизма административно-правового обеспечения как общего родового явления, рассмотрим видовые особенности и специфику этого механизма в части реализации его относительно культурной функции государства.

Нами уже было отмечено, что именно объект обеспечения, каким выступает сфера культуры (образование, наука, искусство, средства массовой информации, историко-культурные объекты и т. п.), а также характер и специфика осуществления отдельной функции государства и определяют особенности механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства. Поэтому рассмотрим каждое из этих явлений отдельно с целью установления их взаимосвязи и взаимодействия с этим механизмом. Что касается объекта обеспечения, то мы, поддержав широкий подход к определению содержания культурной функции государства, считаем, что сферу культуры в обществе и государстве составляют соответствующие правоотношения, возникающие в процессе реализации частными лицами или их объединениями прав, свобод и законных интересов, связанных с удовлетворением потребностей в образовании, науке, искусстве, получении информации, пользовании историко-культурными объектами и т. п. То есть можно вести речь, что основным объектом обеспечения со стороны государства являются правоотношения в сфере культуры.

Рассматривая правоотношения в целом, следует иметь в виду, что это правовое явление имеет собственную структуру, которую составляют соответствующие элементы. Так, в теории права к структурным составляющим правоотношений относят субъекты (физические и юридические лица), объекты (то, по поводу чего возникает и осуществляется деятельность его субъектов) и содержание (субъективные права и обязанности, которые выражают связь между субъектами правоотношений [7, с. 348]. Из приведенных элементов структуры правоотношений, как мы полагаем, специфика сферы культуры больше всего воплощается в объекте и обусловленных его существованием субъективных правах и обязанностях субъектов правоотношений.

Способствуя обеспечению правоотношений в сфере культуры, государство основное внимание должно направлять именно на эти явления (блага, ценности, субъективные права физических и юридических лиц), а сам механизм административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, формы и методы упорядочения правоотношений в этой сфере, которые применяются в пределах этого механизма, должны учитывать их специфику и соответствовать современным взглядам на роль и функции государства.

По поводу того, что механизм административно-правового обеспечения функций государства должен учитывать современное состояние развития общественных отношений в государстве, в том числе и в сфере культуры, обратим внимание, что в современных условиях государство не должно отказываться от участия в развитии культуры, а наоборот - должно отказываться от упрощенных подходов, где переход от «управления» к поддержанию культуры означает создание условий максимального обеспечения этой сферы. Именно поэтому акцентируем внимание на усовершенствовании, в котором нуждается также структура публичного управления, в частности, путем уменьшения административного влияния государства в культурной сфере. По нашему глубокому убеждению управленческое влияние на сферу культуры, т. е. соответствующие правоотношения, должно быть максимально минимизированным, поскольку культура, как и рыночная экономика, должна развиваться по собственным законам. Необходимость такого шага не должна вызывать никаких сомнений, поскольку реалии сегодняшнего дня требуют создания таких условий для реализации культурной функции государства, при которых исключалось бы любое прямое управленческое воздействие на объекты культуры.

В этом контексте учитывая основные положения Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., необходимо ввести государственно-общественную модель управления в сфере культуры, которая обеспечивает максимальное привлечение

общественных структур к выработке и принятию обоснованных, согласованных управленческих решений с учетом культурных запросов всех субъектов культурной деятельности, и способствует оптимизации государственной политики в сфере культуры. По нашему мнению, исключение прямого управленческого влияния на объекты культуры, а также децентрализация и демократизация управления сферой культуры связаны и с характером современного состояния развития этой сферы. Учитывая изложенное, относительно взаимосвязи объекта влияния (правоотношений в сфере культуры) и определения особенностей механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, мы можем сделать следующие выводы:

во-первых, характер правоотношений (публичный, частный или частно-публичный), способ их упорядочения (принудительное воздействие или обеспечение прав личности), значение объекта правоотношений (конституционное право или иной уровень правового регулирования) определяют то, каким образом будет построен этот механизм, какие формы и методы достижения стоящих перед ним задач в него будут включены;

во-вторых, признание объектами влияния правоотношений в сфере культуры, а также наличие взаимосвязи между ними и механизмом обеспечения указывает на то, что в состав указанного механизма входят те правовые явления, с помощью которых государство упорядочивает те или иные общественные отношения.

Раскрыв характер взаимосвязи правоотношений в сфере культуры и механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, обратим внимание на то, какое влияние на этот механизм оказывает характер осуществления функции государства, реализацию которой и обеспечивает этот механизм.

При исследовании этого вопроса вновь отметим, что механизм административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, прежде всего, должен упорядочить деятельность соответствующих государственных органов, которая обусловлена реализацией этой функции. Но, с другой стороны, и сама функция оказывает обратное влияние на механизм ее реализации. Так, культурная функция государства, имея собственную специфику как относительно особенное и самостоятельное явление общественного бытия, в современных условиях существования нашей страны, должна воплощаться в иных, чем были присущими командно-административной системе, формах и методах обеспечения ее реализации, на что мы уже обратили внимание. Именно поэтому от того, признана ли в праве соответствующей страны сфера культуры и корреспондирующая ей функция государства как отдельное общественное явление, каким образом они упорядочиваются, зависит определение тех средств (способов), которые опосредуют их обеспечение. В частности, как указывает С. В. Барабанова, содержание реализации такой комплексной функции, как функция развития культуры, науки и образования, заключается в государственной поддержке, их приоритетном развитии, создании благоприятных условий для творческой деятельности и т. п. [10, с. 68-88].

В позиции С. В. Барабановой, на наш взгляд, и находит свое проявление тот момент, на который мы указывали как на фактор, который, наряду с правоотношениями в сфере культуры, определяет особенность механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства. Мы имеем в виду то, что специфика реализации указанной функции государством, которое считает себя демократическим, социальным, правовым, а также то, каким образом и на каких принципах оно осуществляет ее реализацию, в определенной части влияет на содержание механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства. Это влияние касается характера упорядочения государственно-властных отношений, что проявляется в правовой

регламентации порядка реализации отдельных функций государства субъектами публичного управления.

Таким образом, если мы ведем речь о том, что отношение государства к сфере культуры должно строиться на иных, чем до сих пор, принципах, то характер выполнения соответствующей функции также должен претерпевать соответствующую трансформацию. В свою очередь, это должно отразиться в особенностях механизма реализации государственной власти, которая находит свое осуществление через деятельность соответствующих государственных органов, в том числе и в сфере управления культурой. В частности, характеризуя правовое регулирование социально-культурной сферы, можно выделить следующие его направления: закрепление основных принципов организации и деятельности органов государства, совершенствование системы органов управления, оптимальное распределение компетенции между ними, улучшение процедурной работы аппарата управления, порядка осуществления возложенных на него задач и функций.

Из этого можно сделать вывод, что рассматриваемый нами механизм административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, поскольку он базируется на нормах права и включает в себя деятельность соответствующих государственных органов, должен отражать те направления развития, что характерно для современного публичного управления. Мы считаем, это находит свое проявление в том, что указанный механизм в присущих ему формах и присущими ему средствами в сфере культуры должен: определять основы деятельности государственных органов; способствовать формированию целостной и непротиворечивой их системы; оптимизировать распределение компетенции между ними; формировать наиболее эффективную процедуру работы субъектов управления.

Признание влияния характера и особенностей самой культурной функции государства на механизм ее обеспечения указывает на то, что в состав указанного механизма, в качестве его подсистемы входят те правовые явления, с помощью которых государство упорядочивает реализацию государственно-властных отношений (деятельность органов государственной власти). В их состав, можно отнести: политику в соответствующей сфере, административные акты, правовые нормы, стимулирование, идеологическое влияние, способы принуждения и т. п.

Что же касается механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, то можно отметить следующее: он является средством реализации государственно-властных полномочий в этой сфере и который представляет собой целостную систему влияния на сферу культуры; в состав этого механизма входит две взаимосвязанные подсистемы средств упорядочения отношений (общественных отношений и государственно-властных отношений); на определение содержания и особенностей реализации этого механизма влияют объект обеспечения (правоотношения в сфере культуры (образование, наука, искусство, средства массовой информации, историко-культурные объекты и т. п.), а также характер и специфика осуществления культурной функции государства; признание объектом влияния правоотношений в сфере культуры, а также наличие взаимосвязи между ними и механизмом обеспечения указывает на то, что в состав указанного механизма входят те правовые явления, с помощью которых государство упорядочивает общественные отношения.

Таким образом, системный взгляд на механизм административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, а также выявление диалектической взаимосвязи между ним и правоотношениями в этой сфере и спецификой реализации культурной функции государства в современных условиях раскрывает те формы, в которых происходит сочетание и согласование государственных и частных интересов в этой сфере.

Исходя из этого, необходимо признать, что повышение эффективности действия механизма административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства может быть осуществлено только при условии дальнейшего совершенствования отдельных его подсистем. Это касается как усовершенствования средств упорядочивания общественных отношений в этой сфере, так и усовершенствования административно-правового регулирования деятельности органов государственной власти в этой сфере.

Именно поэтому, дальнейшие научные исследования, касающиеся административно-правового обеспечения реализации культурной функции государства, должны быть направлены на установление системы юридических средств, которые входят в состав этого механизма, а также на особенности его применения относительно отдельных направлений реализации культурной функции государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский Б. В. Реализация концепций административной реформы // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 1 (4). С. 31-38.

2. Адмиралова И. А. Актуальные проблемы предмета административного права : монография / И. А. Адмиралова, М. В. Костенников, А. В. Куракин. М. : ИНФРА-М, 2023. 204 с.

3. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М.: Юрид. лит. 1982. 359 с.

4. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: учебник. 2-е изд., М.: Омега-Л, 2011. 525 с.

5. Барабанова С. В. Государственное регулирование высшего образования Российской Федерации: административно-правовые вопросы. Казань: Изд-во Казанского государственного университета. 2004. 340 с.

6. Бахрах Д. Н. Административное право: Учебник. М.: Изд-во БЕК, 1993. 622 с.

7. Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А. В. Малько. М. : Юристъ, 2004. 512 с.

8. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2005. 800 с.

9. Погорелко В. Ф. Местные Советы в механизме осуществления функций Советского общенародного государства/ В. Ф. Погорелко. Киев : Наукова думка, 1986. 236 с.

10. Барабанова С.В. Государственное регулирование высшего образования как социокультурная функция государства / С. В. Барабанова // Право и образование. 2004. № 3. С. 68-88.

REFERENCE

1. Rossinskij B. V. Realizaciya koncepcij administrativnoj reformy [Implementation of concepts of administrative reform]. Vestnik Universiteta im. O.E.Kutafina – Vestnik of the O. E. Kutafin University. 2018, no 1 (4), pp. 31–38.

2. Admiralova I. A. Aktual`ny`e problemy` predmeta administrativnogo prava [Actual problems of the subject of administrative law]. Moscow, 2023, 204 p.

3. Alekseev S. S. Obshhaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, 1982, vol. 2, 359 p.

4. Atamanchuk G. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya [Theory of public administration]. Moscow, 2011, 525 p.

5. Barabanova S. V. Gosudarstvennoe regulirovanie vy`sshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii: administrativno-pravovy`e voprosy` [State regulation of higher education in the Russian Federation: administrative and legal issues]. Kazan, 2004, 340 p.

6. Baxrax D. N. Administrativnoe pravo [Administrative law]. Moscow, 1993, 622 p.

7. Matuzov N. I. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of the state and law]. Moscow, 2004, 512 p.

8. Baxrax D. N., Rossijskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo [Administrative law]. Moscow, 2005, 800 p.

9. Pogorelko V. F. Mestny`e Sovety` v mexanizme osushhestvleniya funkcij Sovetskogo obshhenarodnogo gosudarstva [Local Councils in the mechanism of exercising the functions of the Soviet national state]. Kyiv, 1986, 236 p.

10. Barabanova S. V. Gosudarstvennoe regulirovanie vy`sshego obrazovaniya kak sociokul`turnaya funkciya gosudarstva [State regulation of higher education as a socio-cultural function of the state]. Pravo i obrazovanie – Law and education. 2004, no. 3, pp. 68–88.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шестак Валентин Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России. 283054, г. Донецк, пр. Засядько, 13.

Введенская Виктория Владимировна, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника (по учебной и научной работе). Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России 283054, г. Донецк, пр. Засядько, 13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shestak Valentin Sergeevich, Doctor of Law, Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Donetsk branch Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 13 Zasyadko Ave., Donetsk, 283054.

Vvedenskaya Viktoria Vladimirovna, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic and Scientific work). 13 Zasyadko Ave., Donetsk, 283054.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 164–175.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 1 (112). P. 164–175.

5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Научная статья
УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вытовтов Александр Евгеньевич
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
alek.vytovtov@yandex.ru

Введение. Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов в сфере противодействия налоговым преступлениям. Рассматриваются изменения, произошедшие в связи либерализацией уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сфере выявления налоговых преступлений. Анализируется статистическая отчетность о деятельности оперативных подразделений, показатели работы налоговых органов. Изучаются и прогнозируются возможные тенденции в сфере противодействия налоговым преступлениям. В связи с существующими доктринальными противоречиями рассматриваются возможные направления осуществления оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями органов внутренних дел в обозначенной теме путем негласного участия в выездных налоговых проверках.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составляет законодательство в области оперативно-розыскной деятельности, налогового законодательства, а также иные законы и нормативные правовые акты по исследуемой теме. Методологической основной выступил метод материалистической диалектики, а также анализ, синтез, сравнительно-правовой и другие.

Результаты исследования позволили выявить снижение количества преступлений налоговой направленности, при том что сформировавшаяся экономическая ситуация предполагает увеличение нагрузки на лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, что качественно может отразиться на росте латентных налоговых преступлений как наиболее скрытых. И выступающее в роли потерпевшего государство через существующие фискальные органы не всегда способно выявить умысел на совершение рассматриваемой категории преступлений, что препятствует достижению целей восстановления социальной справедливости, и соответственно побуждает к использованию разрешенных методов и средств оперативно-розыскной деятельности во взаимодействии с налоговыми органами с целью эффективного противодействия налоговым преступлениям.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило привести доводы к изменению подхода участия в выездных налоговых проверках оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации, и подготовить предложения по изменению совместного ведомственного нормативного правового акта.

© Вытовтов А. Е., 2025

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов, оперативно-розыскная деятельность, либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства, оперативно-розыскные мероприятия, налоговые органы

Для цитирования: Вытовтов, А. Е. Проблемы при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности по выявлению налоговых преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 164–175.

5.1.4. Criminal law sciences
(legal sciences)

Original article

PROBLEMS IN CARRYING OUT THE TASKS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES TO IDENTIFY TAX CRIMES BY OPERATIONAL UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander E. Vitovtov
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, alek.vytovtov@yandex.ru

Introduction. The article is devoted to consideration of topical issues in countering tax crimes. It considers the changes that have taken place in connection with the liberalization of criminal and criminal procedural legislation in the field of detection of tax crimes. Statistical reports on operational units' activities and performance indicators of tax authorities have been analyzed. Possible trends for countering tax crime are being studied and predicted. Due to existing doctrinal conflicts, possible ways of implementing operational investigative actions by operational units of internal affairs bodies in designated areas through covert participation in on-site tax audits are under consideration.

Materials and Methods. Legislation in the fields of operational and investigative activity, taxation, as well as other relevant laws and regulations form the normative basis of the study. The methodical basis was formed by the method of dialectical materialism, as well as methods of analysis, synthesis and comparative law, among others.

The Results of the Study showed a decrease in tax-related crime, while the current economic situation indicates an increase in pressure on people engaged in business activities, which can be qualitatively reflected in an increase in latent tax crime as the most concealed. And the government, acting as a victim, through existing fiscal authorities, is not always capable of identifying the intention to commit these offenses, which hampers the achievement of social justice goals, and therefore prompts the use of permissible methods and means for operational and investigative activity in cooperation with the tax authorities to effectively combat tax crimes.

Findings and Conclusions. The conducted research made it possible to argue for a change in the approach of participation in on-site tax audits of the operational units of economic security and anti-corruption of the internal affairs bodies of the Russian Federation, and to prepare proposals for changing the joint departmental regulatory legal act.

Keywords: tax evasion, operational investigative activities, criminal law, criminal proceedings, liberalization of criminal and criminal procedure legislation, operational investigative measures, tax authorities

For citation: Vytovtov, A. E. Problemy pri vypolnenii zadach operativno-rozysknoj dejatel'nosti po vyjavleniju nalogovyh prestuplenij operativnymi podrazdelenijami organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Problem of fulfilling the tasks of operational investigative activities for the detection of tax crimes by operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MinisterstvaVnutrennih Del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2025, no.1 (112), pp. 164–175.

Вопросы налогообложения всегда стояли остро в деятельности любого общества, и вопросы о важности налогов в жизни и развитии государства неоднократно рассматривались в научной литературе. Поэтому не случайно государство, беспокоясь о наполнении бюджетов различных уровней, предусмотрело организационную форму противодействия уклонению от уплаты налогов. Так, через три месяца после создания Государственной налоговой службы (в декабре 1991 года) Указом Президента Российской Федерации от 18 марта 1992 г. № 262 было создано Главное управление налоговых расследований при Государственной налоговой службе Российской Федерации[1]. Пережив за последующие годы ряд реорганизаций: это и Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации, просуществовавшая с 1993 по 2003 годы, и Главное управление по налоговым преступлениям, прекратившее свою деятельность в период реформы Министерства внутренних дел 2011 года, – в настоящее время эта служба функционирует в составе отделов либо отделений (в зависимости от штатного расписания) в оперативных подразделениях по экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации (ОЭБиПК).

Обращает на себя внимание очевидное сокращение ранга существовавшей службы. Как представляется, связано это с либерализацией уголовного законодательства по «налоговым» статьям Уголовного кодекса Российской Федерации[2]. Так, существенно были увеличены суммы неуплаченных налогов, образующих преступность деяния. В 2022 году введена новая процедура возбуждения уголовных дел по ст.ст. 198–199.2 УК РФ, в соответствии с которой поводом для принятия процессуального решения служат материалы, направленные налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Кроме того, в 2023 году в УК РФ были внесены изменения, направленные на уменьшение максимального срока наказания в виде лишения свободы за совершение преступлений, предусмотренных статьями 199, 199.1, 199.2 и 199.4 УК РФ, что влечет за собой переход указанных деяний из категории тяжких преступлений в категорию средней тяжести, а также срока давности привлечения к уголовной ответственности. В 2024 году вступили в силу очередные изменения в УК РФ, касающиеся увеличения суммы денежных средств, сокрытой от налогообложения, и суммы иных платежей, что привело в свою очередь к увеличению порога крупного и особого крупного размера, в соответствии с которыми ответственность по указанным составам преступлений переходит из административной в уголовную. Для наглядности отобразим суммы ущерба, установленные законодателем

[1] О создании Главного управления налоговых расследований при Государственной налоговой службе Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 18 марта 1992 г. № 262 : утратил силу // Кодекс. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт: URL: https://docs.cntd.ru/document/901607800?ysclid=m35j1ts8q4154009503 (дата обращения: 05.01.2025).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.01.2025).

в настоящее время по рассматриваемым составам преступлений, необходимые для привлечения к уголовной ответственности, а именно:

- Физического лица (ст. 198 УК РФ) – сумма сокрытых налогов, сборов, страховых взносов, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд два миллиона семьсот тысяч рублей, составляет крупный ущерб, а сумма, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд тринадцать миллионов пятьсот тысяч рублей, – особо крупный.
- Организации (ст. 199 УК РФ) – сумма сокрытых налогов, сборов, страховых взносов, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд восемнадцать миллионов семьсот пятьдесят тысяч рублей, является крупным ущербом, а сумма, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд пятьдесят шесть миллионов двести пятьдесят тысяч рублей, – особо крупным.
- При неисполнении в личных интересах обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов, подлежащих в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (ст. 199.1 УК РФ), крупным ущербом будет являться сумма в размере, превышающем за период в пределах трех финансовых лет подряд восемнадцать миллионов семьсот пятьдесят тысяч рублей, особо крупным – сумма, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд пятьдесят шесть миллионов двести пятьдесят тысяч рублей.
- В случае сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам, сборам, страховым взносам (ст. 199.2 УК РФ), лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, если крупный размер превышает три миллиона пятьсот тысяч рублей, особо крупный – тринадцать миллионов пятьсот тысяч рублей.
- В случае уклонения страхователя (ст. 199.3 УК РФ) – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд крупный размер в пределах трех финансовых лет подряд должен превысить два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, особо крупный – одиннадцать миллионов двести пятьдесят тысяч рублей в пределах трех финансовых лет, если такие действия совершает организация (ст. 199.4 УК РФ), крупный размер – сумма, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд семь миллионов пятьсот тысяч рублей, особо крупный размер – сумма, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд тридцать семь миллионов пятьсот тысяч рублей.

Анализ статистических сведений ФКУ «ГИАЦ МВД России», форма «5-БЭП», за период с 2021 по 2023 годы и за девять месяцев 2024 года о результатах деятельности оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по борьбе с налоговыми преступлениями по России позволяет сделать выводы о тенденции общего снижения количества выявленных преступлений как следствии внесенных в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство изменений («Отчет о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации»).

Так, в 2021 году было выявлено всего 3 864 преступления налоговой направленности, из них возбуждено 3 442 уголовных дела, 382 дела прекращено за отсутствием состава и события преступления и направлено в суд 1 305 уголовных дел.

В 2022 году выявлено всего 3 824 преступления (АППГ – 1,03 %), возбуждено 3 418 уголовных дел, прекращено в связи с отсутствием состава преступления – 318, направлено в суд – 1 662 уголовных дела.

В 2023 году выявлено всего 3 623 преступления (АППГ - 5,25 %), возбуждено 3 057 уголовных дел, прекращено в связи с отсутствием состава и события преступления – 357, направлено в суд – 1 519 уголовных дел.

В 2024 году за девять месяцев выявлено всего 3 248 преступлений, возбуждено 2 634 уголовных дела, прекращено в связи с отсутствием состава и события преступления – 250, направлено в суд – 1 419 уголовных дел.

Анализируя статистику за девять месяцев 2024 года, можем сделать вывод о том, что снижение показателей по выявленным преступлениям незначительно, а по возбуждению уголовных дел разница с 2023 годом более заметна. Причем за весь рассматриваемый период не было выявлено ни одного преступления по ст.ст. 199.3, 199.4 УК РФ.

Если рассматривать составы выявленных преступлений, то можно увидеть, что преобладают составы ст. 199 УК РФ, а именно:

– в 2021 году – выявлено 1 107 преступлений, их них крупный и особо крупный ущерб – 1 100 преступлений, возбуждено 1 035 уголовных дел;

– 2022 год – выявлено 944 преступления, их них крупный и особо крупный ущерб – 939 преступления, возбуждено 869 уголовных дел;

– 2023 год – выявлено 1 341 преступление, их них крупный и особо крупный ущерб – 1 331 преступление, возбуждено 1 080 уголовных дел;

– за девять месяцев 2024 года – выявлено 1 025 преступлений, из них крупный и особо крупный ущерб – 1 020 преступлений, возбуждено 882 уголовных дела.

Следует отметить, что ст. 199.2 УК РФ также выделяется из общего количества показателей. Так, в 2021 году выявлено 556 преступлений, возбуждено 542 уголовных дела, в 2022 году выявлено – 458, возбуждено 446, в 2023 году выявлено – 366, возбуждено – 349, за девять месяцев 2024 года выявлено – 375, возбуждено – 358 уголовных дела. Минимально присутствуют в статистике показатели по ст. 199.1 УК РФ: по данной статье в 2021 году выявлено 15 преступлений, в 2022 году – 5 преступлений, в 2023 году – 6 преступлений и за девять месяцев 2024 года выявлено 7 преступлений[3].

Как следует из анализа данных статистки, предпринимаемые меры по минимизации давления на предпринимательскую деятельность путем изменения норм Уголовного и Уголовного-процессуального кодексов Российской Федерации [4] позволяют реализовать намеченные цели, количество возбужденных уголовных дел снижается, и по предположительным итогам 2024 года эта тенденция сохранится. И уже сейчас видна разница с предыдущими годами по возбужденным уголовным делам от всех выявленных преступлений в процентном соотношении, которая составляет 81 % (в 2021 году такая разница составляла 93 %, в 2022 году – 89 %, в 2023 году – 84 %).

[3] Отчет о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации – форма «5-БЭП» : утв. Приказом МВД России от 28 февраля 2012г. № 134.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.01.20255).

С другой стороны, в настоящее время формируются риски в связи с усугублением экономического положения по следующим причинам:

- повышение ставки налога на прибыль до 25 %;
- высокая закредитованность коммерческой сферы;
- снижение оборотных средств;
- возрастающая инфляция;
- изменение уголовной ответственности за налоговые преступления.

Все это позволяет прогнозировать рост числа латентных налоговых преступлений.

Внесение законодателем изменений в УК РФ по преступлениям с налоговыми составами, в сущности, перенесло вектор оперативного интереса на предпринимателей и организации с крупным оборотом капитала, прямо или косвенно участвующих в государственных закупках и оказывающихся перед необходимостью коррупционной финансовой заинтересованности. Связано это с назревающим с 2014 года отказом России от построения финансово-экономической модели капитализма западного образца, фактически оформившимся после начала специальной военной операции в 2022 году, т. к. санкции и выставляемые западными странами условия для доступа к технологиям, капиталам, товарам и услугам, вынуждающие отказаться от национального суверенитета, заставили государство сконцентрировать в своих руках экономические процессы.

О поиске эффективной экономической модели развития России говорил Глава государства Владимир Путин на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2024 года: «Мы должны смотреть, что в мире происходит. Допустим, китайская модель экономики многими экспертами признается более эффективной, чем существовавшие до сих пор, в том числе североамериканская или европейская. Надо исходить всегда из реалий, из реалий нашей страны». По его словам, когда на разные страны «накладываются общие мерки», то модели развития не работают или работают плохо. «Причем здесь все очень важно – и история, и культура наша, и внутреннее состояние общества. Очень важно реальное развитие – что эффективно в нашем обществе работает, что нет. Конечно, есть базовые вещи, мы их учитываем», – отметил Президент[5].

Но сложившаяся ситуация стала причиной очередного этапа криминальной активности «беловоротничковой преступности» с энергичным участием представителей государственной власти. Трансформация российской экономической системы и современные реалии ожидаемо заставили увеличить долю участия государственных структур в экономике, что привело к возрастанию значимости бюрократического аппарата в сфере распределения финансовых ресурсов. По мере выстраивания организации государственного капитализма путем увеличения доли государственных корпораций в различных сферах экономики страны создавалась и линия коррупционного распределения ресурсов, заключающаяся в способе использования должностными лицами своих властных полномочий для представления контролируемым либо заинтересованным коммерческим структурам возможности получения бюджетных денежных средств за какие-либо работы (услуги) в целях личной выгоды, как правило за какое-то вознаграждение. В. В. Лунеев называл такие коррупционные действия «коррупционный лоббизм» [1, с. 521]. В свою очередь такие коррупционные действия порождают цепочку принимаемых решений на уровне коммерческих организаций, являющихся по своей сути латентными экономическими преступлениями (начиная

[5] Путин ответил на вопрос о модели авторитарного капитализма в России // РБК новости : сайт. URL: https://www.rbc.ru/economics/07/06/2024/66630fc89a794753c092c514 (дата обращения: 05.01.2025).

от уклонения от уплаты налогов), наносящими вред социальному, экономическому и общественному устройству нашего государства. Связано это с необходимостью перемещения финансовых ресурсов в нелегальную сферу экономическо-коррупционных схем с минимальными рисками для субъектов предпринимательской деятельности.

Представляется, сфера налогообложения является оптимальным участком для этого по ряду причин:

1) латентный характер уклонения от уплаты налогов, т. к. потерпевшим в первую очередь выступает государство (в обезличенной форме);

2) налоговые органы, осуществляющие фискальную функцию, не всегда имеют возможность оперативно задокументировать факты нарушения налогового законодательства;

3) отсутствие страха за криминальные действия по уклонению от уплаты налогов, т. к. уголовное и уголовно-процессуальное законодательство по соответствующим статьям дает возможность избежать привлечения к уголовной ответственности за совершенные криминальные деяния.

Также хотелось бы отметить возникающие противоречия в деятельности государства по совершенствованию фискальной системы. С одной стороны, налицо наличие послаблений для лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, что, как указано выше, ослабляет чувство уважения перед законом, пусть и основанном на страхе, и влечет риск совершения противоправных деяний, опасных как для общества, так и для государства. А с другой стороны – государству необходимо увеличивать контроль за соблюдением законности с целью предотвращения возможных негативных последствий для национальной экономики и устранять факторы, создающие косвенную угрозу устойчивому развитию российской экономики, в соответствии со стратегией национальной безопасности, в том числе путем уменьшения доли теневого и криминального секторов экономики, а также уровня коррупции в предпринимательской среде[6].

Более того, П. И. Иванов отмечает имеющиеся противоречия между потребностями совершенствования правоохранительной деятельности территориальных органов МВД России на региональном уровне по оперативно-розыскному обеспечению налоговой безопасности и современным состоянием защищенности налоговой сферы от преступлений налоговой направленности, причиняющих значительный материальный ущерб бюджетной системе страны [2, с. 109].

В связи с вышесказанным и учитывая имеющиеся на доктринальном уровне проблемы полноценного функционирования оперативных подразделений отделов экономической безопасности и противодействия коррупции в противостоянии налоговым преступлениям, необходимо совершенствовать правовое, организационное и тактическое обеспечение деятельности оперативных подразделений.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»[7] в качестве первостепенной задачи определяет выявление, раскрытие преступлений, а также установление лиц, их совершивших, совершающих или подготавливающих. Связано это с принципами оперативно-розыскной деятельности – как верно замечают М. В. Кондратьев и Р. Г. Драпезо, основным

---

[6] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 05.01.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[7] Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 05.01.2025).

содержанием и характерной чертой этой правоохранительной функции является её разведывательно-поисковая сущность, заключающаяся в преимущественно негласном характере при её проведении и необходимости получения информации, использующейся в основном при выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений [3, с. 171–172].

Но, в настоящее время с учетом изменений законодательства выявление и раскрытие налоговых преступлений без взаимодействия с налоговыми органами невозможно. На это обращает внимание и М. Л. Родичев, отмечая, что органы, осуществляющие ОРД, и налоговые органы Российской Федерации тесно взаимодействуют друг с другом, и это взаимодействие обусловлено необходимостью комплексного использования информационных, правовых и иных возможностей, находящихся в арсенале указанных структур [4, с. 66].

Поэтому важно использовать имеющиеся законодательные инструменты с целью решения задач оперативно-розыскной деятельности, а также реформировать их с целью эффективного противодействия налоговым и экономическим преступлениям в целом.

Основанием для указанного выше взаимодействия является статья 36 Налогового кодекса Российской Федерации[8], которая регламентирует совместное участие сотрудников ОЭБиПК в проводимых должностными лицами налоговой инспекции выездных налоговых проверках, а также обязывает при наличии обстоятельств, входящих в компетенцию налогового органа, направить соответствующие этим обстоятельствам материалы в соответствующий налоговый орган. На это обращают внимание В. Д. Ларичев и А. Н. Панкратьев, отмечая, что оперативные подразделения, лишившись самостоятельности в вопросе возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям, расширили границы задач, закрепленных в ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», и решение вопроса о преступной деятельности проверяемых перестает быть основополагающим ориентиром при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. На первый план выходит установление более широких признаков нарушения налогового законодательства [5, с. 105]. Представляется, что данный тезис в настоящее время подчеркивает сложившееся в результате неоднократного реформирования положение, при котором с целью выявления и документирования налогового преступления оперативному сотруднику необходимо принимать гласное, (а эффективнее – негласное), участие в проведении выездной налоговой проверке. Фактически среди множества способов уклонения от уплаты налогов как юридического, так и физического лица, основными способами остаются дробление бизнеса, использование фирм-однодневок, выплата «серой» заработной платы. О первых двух упоминается в методических рекомендациях, подготовленных Федеральной налоговой службой России и Следственным комитетом Российской Федерации [9], как примеры наличия намерения на совершение налогового правонарушения. При этом возможность установления умысла на совершение преступления, а не правонарушения, сотрудниками налоговой инспекции в рамках проверок вызывает сомнение.

---

[8] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : НК : принят Гос. Думой 16 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. : послед. ред. // Консультант плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 05.01.2025).

[9] О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов) (вместе с "Методическими рекомендациями "Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора) : письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220597/ (дата обращения: 05.01.2025).

В этом плане любопытно исследование В. В. Ефимовой, в рамках которого было проведено анкетирование следователей Следственного комитета Российской Федерации, следователей и сотрудников оперативных подразделений ОВД, экспертов и судей по вопросам, связанным с расследованием налоговых преступлений и рассмотрением указанных категорий дел (преступлений) в суде. Было установлено что на первоначальном этапе расследования налоговых преступлений возникают следующие следственные ситуации:

– представленные материалы не дают очевидной картины события налогового преступления, на это вопрос ответили 56 % респондентов;

– требуется организация проведения ОРМ в целях установления события преступления, на это вопрос ответили 56 % респондентов;

– имеет место недостаточность документов, содержащих криминалистически значимую информацию, для постановки вывода о схеме налогового преступления, на это вопрос ответили 62 % респондентов [6, с. 280].

Кроме того, В. В. Ефимовой были изучены уголовные дела и материалы доследственных проверок по преступлениям, направленные для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, предусмотренным ст.ст. 198, 199 УК РФ, и установлено, что только 10 % таких материалов имели достаточную аргументацию об умысле налогоплательщика на совершение налогового правонарушения. При этом только по 23 % материалов были проведены ОРМ на первоначальном этапе расследования. ОРМ, наиболее часто проводимые в ходе расследования налоговых преступлений:

- опрос и наведение справок – 100 %;
- исследование предметов и документов – 99 %;
- наблюдение – 83 %;
- обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – 83 %;
- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений – 15 %; прослушивание телефонных переговоров – 29 %;
- снятие информации с технических каналов связи – 4 %;
- получение компьютерной информации – 40 % [5, с. 291].

Опираясь на эмпирические данные, полученные В. В. Ефимовой, представляется возможным сделать выводы о незначительной информационной составляющей в поступающих материалах для принятия правового решения в рамках ст.ст. 144, 145 УПК РФ в следственные органы от налоговых инспекций о наличии состава налогового преступления. При этом активность оперативных подразделений ЭБиПК незначительная. Представляется что такая ситуация развивается в связи с указанными выше фактами ослабления фискального контроля за различными видами коммерческой деятельности.

Так, в соответствии с индикаторами деятельности ФНС России, по состоянию на 1 ноября 2024 г., количество выездных проверок составило 3 931 (меньше, чем в 2023 году на 10,3 %), соответственно сокращается и участие оперативных подразделений в совместных с ФНС России проверках, и доначисленные суммы[10]. Так, согласно отчету по форме № 2-НК по состоянию на 01.10.2023 и 01.10.2024, в целом по Российской Федерации, сумма доначисленных налогов по выездным проверкам составила в 2023 – 224 329 481тыс. руб.,

[10] Аналитический портал ФНС России : сайт. URL: https:// analytic.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 05.01.2025).

в 2024 – 203 563 115 тыс. рублей[11]. Дополнительным нормативным правовым актом к ст. 36 НК РФ, регламентирующим взаимодействие налоговых и правоохранительных органов, является совместный Приказ МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. [12] Данный приказ утверждает инструкцию о порядке организации и проведения налоговыми органами с участием органов внутренних дел выездных налоговых проверок налогоплательщиков, плательщиков сборов, налоговых агентов, оформления и реализации результатов этих проверок. Ни в НК РФ, ни в указанной инструкции нет конкретного наименования подразделения ОВД, имеющего право участвовать в совместных мероприятиях с налоговыми органами, но учитывая, что в п. 4 рассматриваемой инструкции кроме ФЗ «О полиции»[13], указан ФЗ «Об ОРД» как нормативная основа при взаимодействии с налоговыми органами, то соответственно в этой части, исходя из компетенции оперативные подразделения ЭБиПК имеют возможность проводить оперативно-розыскные мероприятия в рамках таких проверок.

Основанием для участия в выездных налоговых проверках оперативных сотрудников будут являться данные, свидетельствующие о возможных нарушениях законодательства о налогах и сборах, и необходимость проверки таких данных с участием сотрудников ОВД, а также необходимость конкретных действий по осуществлению налогового контроля (выемка документов, проведение исследования, опроса, осмотра помещений и т. д.), обеспечение безопасности должностных лиц налогового органа (п. 8 данного совместного приказа от 30 июня 2009 г.).

Возникает впечатление, что для деятельности оперативных аппаратов ЭБиПК указанные функции недостаточно интересны с точки зрения их эффективности по нескольким причинам.

Во-первых, срок проведения выездной проверки, как правило, составляет не менее года, а с учетом всех обжалований может растянуться до нескольких лет.

Во-вторых, неизвестены результаты такой проверки и ее последствия: будет ли направлен ли материал в следственный комитет, будут ли возмещены доначисленные суммы налогов, будет ли погашен возможный ущерб. Более того, проверка проводится за период, не превышающий трех календарных лет, что также затрудняет поиск сведений в связи с давностью некоторых событий.

---

[11] Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов – Форма № 2-НК (ежемесячная, квартальная), утв. приказом ФНС России от 28 октября 2022 г. № ЕД-7-1/998@ : послед. ред. // Сайт : URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 05.01.2025).

[12] «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» (вместе с «Инструкцией о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при организации и проведении выездных налоговых проверок», «Инструкцией о порядке направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, для принятия по ним решения», «Инструкцией о порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления») : Приказ МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91290/ (дата обращения: 05.01.2025).

[13] О полиции : Федер. закон № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 января 2011 года : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 05.01.2025).

В-третьих, законодательство о налогах и сборах не ставит задач по выявлению преступлений в этой сфере, а определяет формы и методы контроля, ответственность за совершение налоговых правонарушений, т. е. отсутствует цель по установлению наличия состава преступления в понимании уголовного законодательства, поэтому и поступают материалы выездных налоговых проверок в следственные органы с минимальным обоснованием об умысле на совершение криминального деяния, что нарушает права таких налогоплательщиков, т. к. вызывает к необходимости без наличия состава преступления проводить процессуальную проверку следственными органами.

В-четвертых, сам порядок проведения таких проверок предусматривает вынесение решения о проверке и вручении его налогоплательщику, т. е. уведомление его об основных подробностях проведения проверки, что нивелирует фактор конспиративности, который является принципом ОРД, давая время подготовиться к проверке, выстраивая в случае нарушения налогового законодательства правдоподобную схему финансово-хозяйственной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, сложно согласиться с мнением М. Л. Родичева, согласно которому в рамках взаимодействия субъектов ОРД и налоговых органов Российской Федерации решаются задачи ОРД. В том, что решаются задачи, стоящие перед налоговыми органами, Максим Леонидович, несомненно прав [4, с. 70]. Фактически ОЭБиПК в данном случае находится на вторых ролях по отношению к налоговым органам, не взирая на самостоятельность при выборе методов и средств, применяемых в рамках своей компетенции.

Таким образом, считаем, что необходимо менять подход к механизму проведения совместных проверок налоговых органов и оперативных подразделений ЭБиПК с учетом преимущественно негласного характера ОРД. Для этого п. 5 приказа МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 года дополнить п. 5.1 следующего содержания: «Сотрудники оперативных подразделений ЭБиПК соответствующих территориальных ОВД имеют право негласно участвовать в выездных налоговых проверках, путем скрытой от налогоплательщика возможности ознакамливаться с ходом проверки, документами проверяемой организации или физического лица, в том числе составляющими налоговую тайну. При необходимости на основании совместного решения налогового органа и оперативного подразделения проверяемому лицу может быть сообщено об участии в проверке представителя органа внутренних дел».

Представляется, что негласное участие сотрудников оперативных подразделений позволит повысить эффективность выявления фактов уклонения от уплаты налогов и избавит как предпринимателей, так и следственные органы от ненужных процессуальных проверок. Данный механизм, конечно, требует доработки, для оптимизации совместной деятельности налоговых, следственных органов, и оперативных подразделений ЭБиПК ОВД в противодействии налоговым и иным экономическим преступлениям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции : монография. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912с.

2. Иванов П. И. Оперативно-розыскное обеспечение налоговой безопасности (вопросы теории и практики) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 107-118.

3. Кондратьев М. В., Драпезо Р. Г. Об актуальности оперативно-розыскной деятельности на современном этапе развития государства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-2 (62). С. 170–176.

4. Родичев М. Л. Взаимодействие налоговых органов и оперативных подразделений: основные проблемы и возможные пути их решения // Научный портал МВД России. 2023. № 1 (61). С. 65–71.

5. Ларичев В. Д., Панкратьев А. Н. Привлечение к налоговой ответственности как достижение задач оперативно-розыскной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 2 (48). С. 102–108.

6. Ефимова В. В. Расследование современных схем налоговых преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 369 с.

REFERENCES

1. Luneev V. V. Prestupnost' HH veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii : monografija. [Crime of the twentieth century: global, regional and Russian trends: a monograph]. Moscow, 2005, 912 p.

2. Ivanov P. I. Operativno-rozysknoe obespechenie nalogovoj bezopasnosti (voprosy teorii i praktiki) [Operational investigative tax security (issues of theory and practice)]. Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii - Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 1 (57), pp. 107-118.

3. Kondratiev M. V. Ob aktual'nosti operativno-rozysknoj dejatel'nosti na sovremennom jetape razvitija gosudarstva [On the relevance of operational investigative activities at the present stage of state development]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta - Vestnik of Kemerovo State University. 2015, no. 2-2(62), pp. 170-176.

4. Rodichev M. L. Vzaimodejstvie nalogovyh organov i operativnyh podrazdelenij: osnovnye problemy i vozmozhnye puti ih reshenija [The interaction of tax authorities and operational units: the main problems and possible solutions]. Nauchnyj portal MVD Rossii -The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 1 (61), pp. 65-71.

5. Larichev V. D. Privlechenie k nalogovoj otvetstvennosti kak dostizhenie zadach operativno-rozysknoj dejatel'nosti [Bringing to tax responsibility as achieving the objectives of operational investigative activities]. Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. 13, no. 2(48), pp. 102-108.

6. Efimova V. V. Rassledovanie sovremennyh skhem nalogovyh prestuplenij : dis. ... kand. yurid. nauk. [The Investigation of modern tax crime schemes: dissertation ... candidate of law]. Moscow, 2023, 369 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вытовтов Александр Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники в ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitovtov Alexander Evgenyevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Operative and Investigative Activity and Special Techniques in Internal Affairs. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664074.

Статья поступила в редакцию 22.01.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 16.03.2025.
The article was submitted 22.01.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 16.03.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 176–186.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no.1 (112). Pp. 176–186.

5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Научная статья
УДК 343.9.01

ВЫБОР ИНТЕРВАЛА НАБЛЮДЕНИЯ ДЛЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРВАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Деменченок Олег Гениевич[1], Баранов Сергей Александрович[2]
[1]Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
[2]Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Российская Федерация
[1] asksystem@yandex.ru
[2] barss1962@mail.ru

Введение. В статье отмечается, что известные исследования не дают однозначных указаний по выбору интервала наблюдения для интервального прогнозирования. Отдельные исследования содержат общую рекомендацию – принимать длину периода прогнозирования, т. е. срока удаления прогнозируемого уровня во времени от конца базы расчета тренда не более трети длительности интервала наблюдения. Исследована значимость влияния интервала наблюдения
на ошибку прогноза и возможность повышения точности интервального прогнозирования путем подбора оптимальной величины интервала наблюдения.

Материалы и методы. Исследование основывается на данных о состоянии преступности в России и методах математической статистики.

Результаты исследования. Предложен подход к выбору интервала наблюдения для криминологического интервального прогнозирования, основанный на проведении расчетов на базе различных моделей при переменной длине интервала наблюдения с последующим выбором пригодного для прогнозирования варианта модели по критерию достижения минимальной ошибки прогноза.

Предложенный подход реализован для решения задачи краткосрочного прогнозирования количества зарегистрированных преступлений в Забайкальском крае. Полученные в ходе решения задачи результаты свидетельствуют о существенном влиянии длины интервала наблюдения на ошибку прогноза – для различных трендовых моделей на интервале наблюдения от 3 до 14 лет отмечено изменение ошибки прогноза в 3,3–3,6 раза.

Выводы и заключения. Длина интервала наблюдения может оказывать значительное влияние на ошибку прогноза, в отдельных случаях приводя к кратному изменению ее величины. Правильный выбор интервала наблюдения способен существенно повысить точность интервального прогноза. Выбор длины интервала наблюдения рекомендуется проводить на основании результатов пробных расчетов с переменной длиной интервала наблюдения, приняв в качестве критерия выбора условие достижения минимального значения ошибки прогноза.

© Деменченок О. Г., Баранов С. А., 2025

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование, интервальное прогнозирование, ошибка прогноза

Для цитирования: Деменченок О. Г. Выбор интервала наблюдения для криминологического интервального прогнозирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.- практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 176–186.

5.1.4. Criminal Law Sciences
(legal sciences)

Original article

SELECTION OF THE OBSERVATION INTERVAL FOR CRIMINOLOGICAL INTERVAL FORECASTING

Oleg G. Demenchenok[1], Sergej A. Baranov[2]
[1]East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation
[2]Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation
[1] asksystem@yandex.ru
[2] barss1962@mail.ru

Introduction. The article notes that well-known studies do not provide unambiguous guidance on the choice of an observation interval for interval forecasting, limiting themselves to a general recommendation to take the length of the forecasting period, i.e., the period of removal of the predicted level in time from the end of the trend calculation base to no more than a third of the duration of the observation interval. The article examines the significance of the influence of the observation interval on the forecast error and the possibility of improving the accuracy of interval forecasting by selecting the optimal value of the observation interval.

Materials and Methods. The study is based on data on the state of crime in Russia and methods of mathematical statistics.

The Results of the Study. an approach to the selection of the observation interval for criminological interval forecasting is proposed, based on calculations based on various models with a variable length of the observation interval, followed by the selection of a model variant suitable for forecasting according to the criterion of achieving a minimum forecast error.

The proposed approach is implemented to solve the problem of short-term forecasting of the number of registered crimes in the Trans-Baikal Territory. The results obtained in the course of solving the problem indicate a significant influence of the length of the observation interval on the forecast error – for various trend models, a 3.3–3.6-fold change in the forecast error was noted over the observation interval from 3 to 14 years.

Findings and Conclusions. The length of the observation interval can have a significant impact on the forecast error, in some cases changing its value multiple times. The correct choice of the observation interval can significantly improve the accuracy of the interval forecast. It is recommended to select the length of the observation interval based on the results of trial calculations with a variable length of the observation interval, taking as the selection criterion the condition of achieving the minimum value of the forecast error.

Keywords: criminological forecasting, interval forecasting, forecast error.

For citation: Demenchenok O. G., Baranov S. A. Vy`bor intervala nablyudeniya dlya kriminologicheskogo interval`nogo prognozirovaniya [Selection of the observation interval for criminological interval forecasting]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 176–186.

Прогноз лежит в основе любого планирования и проектирования [1, с. 355]. Чем точнее прогноз, тем более обоснованны принимаемые на его основе решения. Востребованная для составления краткосрочных и среднесрочных криминологических прогнозов технология трендового прогнозирования является одним из вариантов статистической экстраполяции. Прогноз основывается на распространении закономерности развития изучаемого социального явления за пределы интервала времени, на котором зафиксированы известные данные (за пределы интервала наблюдения).

Преступность, как и любое социальное явление, подчиняется социологическим закономерностям [2, с. 106]. Поскольку преступность – это социальное явление, то на нее оказывают влияние различные социально-экономические факторы: социальные нормы и культура, ситуация в экономике, правоохранительная деятельность, совершенствование уголовного законодательства, деятельность средств массовой информации, общественное мнение и другие факторы. Изменение каждого из указанных факторов происходит не мгновенно, а относительно медленно. Все эти факторы в совокупности создают достаточно большую инерционность изменения уровня преступности.

Исходными данными для криминологического прогнозирования на основе тренда служат, как правило, сведения статистических учетов и официальной отчетности. Такие данные несложно подобрать для любого интересующего интервала наблюдения.

Известные исследования не дают однозначных указаний по выбору интервала наблюдения для интервального прогнозирования. Отдельные исследования содержат общую рекомендацию – принимать длину периода прогнозирования, т. е. срока удаления прогнозируемого уровня во времени от конца базы расчета тренда не более трети, в крайнем случае – половины длительности интервала наблюдения [3, с. 187; 4, с. 124]. Если следовать этой рекомендации, то для прогноза на два года нужен интервал наблюдения не менее шести лет. Однако интервал наблюдения «не менее 6 лет» может иметь следующие значения: 6 лет, 10 лет и 20 лет. Из математической статистики известно, что объем выборки (количество используемых для составления прогноза данных) оказывает значительное влияние на точность оценки статистических показателей, ширину доверительных интервалов и статистическую значимость трендовых моделей [5, с. 126]. При прочих равных условиях увеличение объема выборки приводит к более точным и надежным результатам, но также важно учитывать особенности анализируемых данных.

Данное исследование проводится с целью определения значимости влияния интервала наблюдения на ошибку прогноза и выработки рекомендаций по выбору интервала наблюдения для криминологического прогнозирования на основе тренда.

Для исследования значимости влияния интервала наблюдения на ошибку прогноза рассмотрим задачу краткосрочного прогнозирования количества преступлений в Забайкальском крае (далее – количество преступлений). Сведения о количестве

зарегистрированных в Забайкальском крае преступлений доступны в отчетах «Состояние преступности в России», размещенных на официальном сайте МВД России[1].

Для исследования выбран интервал наблюдения с 2010 по 2023 год. Исходные данные приведены в табл.1.

Таблица 1

Исходные данные

Год	Количество преступлений	Год	Количество преступлений	Год	Количество преступлений
2010	28991	2015	33373	2020	22703
2011	30485	2016	29658	2021	21707
2012	31287	2017	26992	2022	20816
2013	35001	2018	24341	2023	18441
2014	32150	2019	23573	–	–

На представленной на рис. 1 графической интерпретации исходных данных отмечается как рост, так и снижение количества преступлений, а также имеются локальные экстремумы – в 2013, 2014 и 2015 годах меняется направление изменения данных (после роста отмечается снижение или начинается рост после снижения).

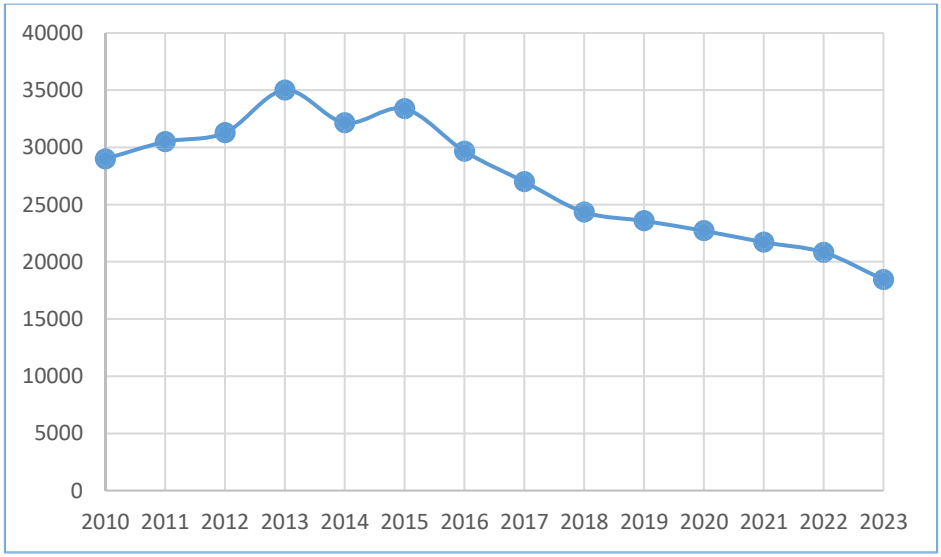

Рис.1. Графическая интерпретация исходных данных

О. Г. Деменченком, С. А. Барановым показано, что интервальное прогнозирование по сравнению с точечной оценкой предоставляет более полную и надежную информацию для принятия решений и оценки рисков, поэтому оно предпочтительнее точечной оценки прогноза [6, с. 175]. В связи с этим в данном исследовании ограничимся трендовыми моделями, которые дают возможность интервального

[1] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://media.mvd.ru/files/application/5095078 (дата обращения: 07.12.2024).

прогнозирования: линейной, квадратичной, кубической и показательной (показательная модель приводится к линейному виду при помощи логарифмирования):

$y = a \cdot x + b$,

$y = a \cdot x^2 + b \cdot x + c$,

$y = a \cdot x^3 + b \cdot x^2 + c \cdot x + d$,

$y = a \cdot b^x$,

где y – количество преступлений (в тысячах), x – номер года ($x = 1$ для самого раннего года интервала наблюдения).

При решении практических задач важно оценить погрешность прогноза [7, с. 28]. Одно из преимуществ статистического подхода к анализу временных рядов состоит в том, что в нем оценка неопределенности рассчитывается по строгим аналитическим формулам [8, с. 405]. Так, интервальная оценка погрешности прогноза основана на расчете ошибки прогноза. Для линейной, квадратичной и кубической модели эта ошибка находится по формулам [9, с. 138]:

$$\Delta = t_\alpha \cdot \sigma \sqrt{1 + \frac{1}{n} + \frac{k^2}{\sum t^2}},$$

$$\Delta = t_\alpha \cdot \sigma \sqrt{1 + \frac{k^2}{\sum t^2} + \frac{\sum t^4 - (2\sum t^2)k^2 + n \cdot k^4}{n\sum t^4 - (\sum t^2)^2}},$$

$$\Delta = t_\alpha \cdot \sigma \sqrt{1 + \frac{k^2}{\sum t^2} + \frac{\sum t^4 - (2\sum t^2)k^2 + n \cdot k^4}{n\sum t^4 - (\sum t^2)^2} + \frac{(\sum t^6 - 2\sum t^4)k^2 + (\sum t^2)\,k^6}{\sum t^2 \sum t^6 - (\sum t^4)^2}},$$

где t_α – критическое значение t-статистики Стьюдента, σ – среднеквадратическое отклонение модели от фактических данных, n – длина интервала наблюдения (количество лет, составляющих интервал наблюдения), k – отсчитываемый от середины интервала наблюдения номер года, на который составляется прогноз, Σt^2 – сумма квадратов номеров годов интервала наблюдения, отсчитываемых от его середины, Σt^4 и Σt^6 – сумма возведенных соответственно в четвертую и шестую степень номеров годов интервала наблюдения, отсчитываемых от его середины.

При сравнении формулы ошибок прогноза для разных видов моделей легко заметить, что увеличение числа параметров регрессионной модели при равной величине среднеквадратического отклонения модели от фактических данных приводит к увеличению ошибки прогноза [10, с. 78].

Коэффициенты трендовых моделей находятся методом регрессионного анализа. Удобно использовать программу для работы с электронными таблицами Microsoft Excel, поскольку она не только автоматизирует трудоемкие вычисления, но и выдает значения многих показателей, характеризующих качество полученной модели, в том числе:

1. Коэффициент детерминации R^2 (R-квадрат) равен доли вариации исходных данных, которую объясняет модель. Чем ближе R^2 к единице, тем точнее модель описывает фактические значения. В данном исследовании модели с коэффициентом детерминации $R^2 < 0{,}8$ будем отклонять ввиду недостаточной точности описания данных.

2. Значимость критерия Фишера (значимость F) – вероятность справедливости гипотезы о равенстве коэффициента детерминации нулю (т. е. модель не обеспечивает статистически значимого объяснения зависимой переменной и непригодна для использования). Модели со значимостью критерия Фишера более 0,1 будем исключать

из рассмотрения ввиду недостаточной статистической значимости уравнения модели (примем уровень значимости 10 % или $\alpha = 0,1$).

3. Вероятность принятия нулевой гипотезы для коэффициентов модели (P-значение) – вероятность справедливости гипотезы о равенстве коэффициента модели нулю (т. е. данное слагаемое уравнения модели не обеспечивает статистически значимого объяснения зависимой переменной, модель непригодна для использования). Будем считать непригодной для прогнозирования любую модель, если хотя для одного из ее коэффициентов P-значение окажется больше 0,1 (уровень значимости 10 %).

Для выявления значимости влияния интервала наблюдения на ошибку прогноза проведем расчеты с использованием разных интервалов наблюдения. Начнем с интервала наблюдения в три года, затем постепенно будем увеличивать интервал на один год.

Для интервала наблюдения в три года невозможно провести регрессионный анализ квадратичной и кубической модели ввиду того, что степень свободы (разность между количеством наблюдений и количеством коэффициентов модели) меньше единицы. По той же причине невозможно провести регрессионный анализ кубической модели для интервала наблюдения в четыре года.

Результаты регрессионного анализа приведены в табл. 2. В таблицу включены результаты для интервалов наблюдения длиной 3, 4, 5, 6 и 7 лет, а также оценка ошибки прогноза на один год. Используемое в расчете ошибки прогноза критическое значение t-статистики Стьюдента зависит от принятого уровня значимости $\alpha = 0,1$ и степени свободы. Следует отметить, что с ростом длины интервала наблюдения увеличивается степень свободы (разность между количеством наблюдений и количеством коэффициентов модели), что приводит к уменьшению критического значения t-статистики Стьюдента. Таблицы критических значений t-статистики Стьюдента можно найти в справочниках по статистике (также эти значения можно рассчитать в Microsoft Excel с помощью функции СТЬЮДРАСПОБР).

Все полученные регрессионные модели обеспечивают высокую точность описания исходных данных – значения коэффициента детерминации находятся в пределах от 0,93 до 0,99. Это означает, что любая из приведенных в табл. 2 моделей объясняет более 90 % изменений исходных данных. В рамках регрессионного анализа предполагается, что оставшиеся 1–7 % вариации данных вызваны неучтенными в модели случайными факторами. Справедливость этого предположения подтверждена путем проверок гипотез о равенстве нулю суммы ошибок аппроксимации, а также о соответствии распределения ошибок аппроксимации нормальному закону распределения.

Полужирным шрифтом в табл. 2 выделены значения показателей, обусловившие исключение модели из рассмотрения. Значимость критерия Фишера превысила 10 % для линейной модели при длине интервала наблюдения $n = 3$ и квадратичной модели при $n = 4$, и эти модели были исключены. Увеличение объема выборки, который для рассматриваемой задачи совпадает с длиной интервала наблюдения, повышает статистическую значимость трендовых моделей. Это несложно заметить по приведенным в табл. 2 численным значениям: значимость критерия Фишера (т. е. вероятность того, что модель статистически незначима) существенно снижается с ростом интервала наблюдения.

Также исключен из рассмотрения ряд квадратичных и кубических моделей из-за того, что вероятность справедливости гипотезы о равенстве отдельных коэффициентов модели нулю превысила уровень значимости 10 %. Это объясняется тем, что в рассматриваемой задаче указанные модели по сравнению с линейной не всегда обеспечивают статистически значимое повышение точности описания исходных данных.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Длина интервала наблюдения	Модель	R^2	Значимость F	Коэффициенты модели	Р-значение	Ошибка прогноза при α=0,1
3	линейная	0,94	**0,16**	–	–	–
3	показательная	0,99	0,01	-0,043 3,165	0,01 0,0004	6,33
4	линейная	0,94	0,03	-1,368 24,33	0,03 0,0008	2,53
4	квадратичная	0,99	**0,11**	–	–	–
4	показательная	0,93	0,04	-0,067 3,204	0,04 0,0001	3,06
5	линейная	0,95	0,005	-1,215 25,09	0,005 0,00002	1,80
5	квадратичная	0,99	0,01	-0,207 0,03 23,64	**0,15** **0,96** 0,001	–
5	кубическая	0,99	0,07	-0,113 0,811 -2,641 25,54	**0,30** **0,36** **0,31** 0,03	–
5	показательная	0,93	0,01	-0,058 3,235	0,01 0,000002	2,46
6	линейная	0,95	0,001	-1,108 25,81	0,001 0,000001	1,53
6	квадратичная	0,99	0,002	-0,145 -0,093 24,45	0,07 **0,82** 0,00003	–
6	кубическая	0,99	0,007	-0,058 -1,918 0,459 25,90	**0,18** **0,26** **0,18** 0,001	–
6	показательная	0,93	0,002	-0,052 3,264	0,002 0,000000	2,22
7	линейная	0,96	0,0001	-1,235 27,59	0,0001 0,000000	1,61
7	квадратичная	0,96	0,002	0,006 -1,283 27,67	**0,94** **0,10** 0,00001	–
7	кубическая	0,99	0,0005	-0,088 1,059 -4,882 30,83	0,01 0,01 0,01 0,00003	2,99
7	показательная	0,96	0,0001	-0,055 3,334	0,0001 0,000000	2,09

В этой задаче квадратичная и кубическая модели в целом оказались малопригодны для прогнозирования, а отдельные подходящие для прогнозирования варианты моделей приводят к относительно большой ошибке прогноза. Так, для интервала наблюдения 7 лет ошибка прогноза кубического тренда составила 2,99, что больше соответствующих ошибок для линейного и показательного тренда – 1,61 и 2,09, поэтому квадратичная и кубическая модели исключены из рассмотрения.

Минимальной оказалась ошибка прогноза линейной модели при длине интервала наблюдения 6 лет – 1,53. Дальнейшее увеличение длины интервала наблюдения от 8 до 14 лет не привело к уменьшению ошибки прогноза. Зависимость ошибки прогноза по линейной и показательной модели при $\alpha = 0{,}1$ от длины интервала наблюдения представлена на рис. 2.

Полученные в ходе решения задачи результаты свидетельствуют о существенном влиянии длины интервала наблюдения на ошибку прогноза – для различных трендовых моделей на интервале наблюдения от 3 до 14 лет отмечено изменение ошибки прогноза в 3,3–3,6 раза:

ошибка прогноза линейного тренда изменяется в 3,6 раза в пределах от 5,52 при n = 14 до 1,53 при n = 6;

ошибка прогноза показательной модели изменяется в 3,3 раза в пределах от 6,33 при n = 2 до от 1,91 при n = 11.

Следовательно, изменение интервала наблюдения способно кратно изменить ошибку прогноза.

Следуя общим рекомендациям, для прогноза на один год нужно выбрать интервал наблюдения не менее трех лет. Ошибка прогноза для интервала из трех лет составила 6,33, что в 4,1 раза превышает минимальное значение. Линейная модель для интервала наблюдения три года оказалась статистически незначимой, а для интервала наблюдения четыре года ошибка прогноза на 65 % больше минимального значения. Следовательно, правильный выбор интервала наблюдения может существенно повысить точность интервального прогноза.

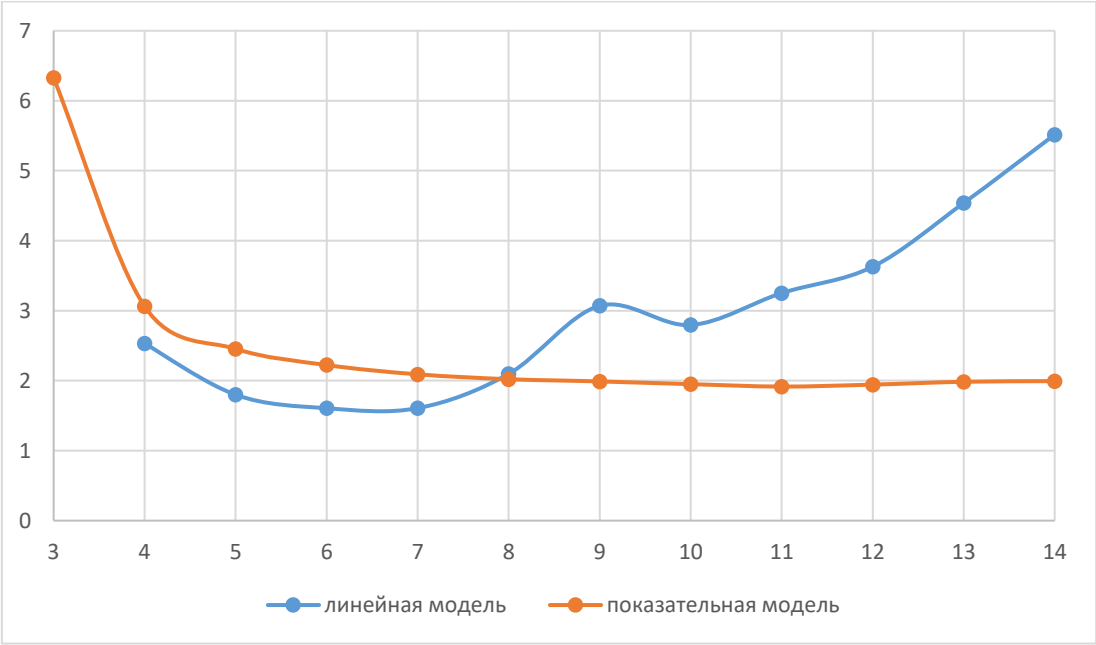

Рис. 2. Зависимость ошибки прогноза на один год при $\alpha = 0{,}1$ от длины интервала наблюдения

В рассматриваемой задаче наиболее точный прогноз обеспечивает линейный тренд, полученный на интервале наблюдения 6 лет.

Точечная оценка прогноза получается при подстановке в уравнение модели номера года $x = 7$ (номер года, следующего за интервалом наблюдения):

$$y = -1{,}108\,x + 25{,}81 = -1{,}108 \cdot 7 + 25{,}81 = 18{,}054.$$

Тогда интервальный прогноз будет соответствовать интервалу:

$$y \pm \Delta = 18{,}054 \pm 1{,}53 = 16{,}524 \ldots 19{,}584.$$

Прогнозируем, что количество преступлений в Забайкальском крае в 2024 году с вероятностью 90 % окажется в интервале от 16,524 до 19,584 тысячи.

Авторы полагают, что оптимальная длина интервала наблюдения зависит от характера исходных данных и используемой модели прогнозирования. Для получения наиболее точного интервального прогноза рекомендуется провести расчеты с переменной длиной интервала наблюдения на основе различных моделей и выбрать пригодный для прогнозирования вариант по критерию достижения минимальной ошибки прогноза.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

длина интервала наблюдения может оказывать значительное влияние на ошибку прогноза, в отдельных случаях приводя к кратному изменению ее величины;

правильный выбор интервала наблюдения способен существенно повысить точность интервального прогноза;

выбор длины интервала наблюдения рекомендуется проводить на основании результатов пробных расчетов с переменной длиной интервала наблюдения, приняв в качестве критерия выбора условие достижения минимального значения ошибки прогноза.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агамиров К. В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика : монография ; под науч. ред. Р. В. Шагиевой. М. : Юркомпани, 2015. 408 с.

2. Старков О. В. Криминология. Общая, Особенная и Специальная части : учебник. 2-е изд. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2024. 1048 с. // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : сайт. URL: https://www.iprbookshop.ru/137020.html (дата обращения: 04.10.2024). Режим доступа : для авторизир. пользователей.

3. Афанасьев В. Н. Анализ временных рядов и прогнозирование : учебник Саратов : Ай Пи Ар Медиа, 2020. 310 с. // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : сайт. URL: https://www.iprbookshop.ru/90196.html (дата обращения: 04.10.2024). Режим доступа : для авторизир. пользователей.

4. Ларина Т. Н., Выголова И. Н., Беньковская Л. В. Статистическое исследование кадрового потенциала регионального рынка труда : монография Оренбург : Оренбургский ГАУ, 2017. 216 с. // Лань : сайт. URL: https://e.lanbook.com/book/134510 (дата обращения: 07.10.2024). Режим доступа : для авториз. пользователей.

5. Башина О. Э. Агентова Г. В., Давлетшина Л. А. Краткий курс общей теории статистики : учебник ; под ред. О. Э. Башиной. М. : МосГУ, 2020. 263 с. // Лань : сайт. URL: https://e.lanbook.com/book/403079 (дата обращения: 04.10.2024). Режим доступа : для авториз. пользователей.

6. Деменченок О. Г., Баранов С. А. Криминологическое прогнозирование на основе тренда при недостаточном качестве описания исходных данных // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 166–177.

7. Катаргин Н. В., Качалина Е. А. Анализ временных рядов : учебник для вузов СПб. : Лань, 2024. 180 с. // Лань : сайт. URL: https://e.lanbook.com/book/433307 (дата обращения: 07.10.2024). Режим доступа: для авториз. пользователей.

8. Нильсен Э. Практический анализ временных рядов: прогнозирование со статистикой и машинное обучение : пер. с англ. СПб. : ООО «Диалектика», 2021. 544 с.

9. Бучацкая В. В. Методика определения интервальных оценок при прогнозировании методами экстраполяции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2012. № 3 (106). С. 136–140.

10. Статистическое моделирование и прогнозирование : учеб. пособие / авт.-сост.: Д. Ю. Фраймович, М. Л. Быкова ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023. 209 с. URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/10798/1/02538.pdf (дата обращения 07.10.2024).

REFERENCES

1. Agamirov K. V. Problemy yuridicheskogo prognozirovaniya: metodologiya, teoriya, praktika [Problems of legal forecasting: methodology, theory, practice]. Moscow, Yurkompanie, 2015, 408 p.

2. Starkov O. V. Kriminologiya. Obshchaya, Osobennaya i Special'naya chasti [Criminology. General, Special and Special parts]. St. Petersburg, 2024, 1048 p. URL: https://www.iprbookshop.ru/137020.html (date of request: 04.10.2024). Access mode: for authorization. users.

3. Afanasyev V. N. Analiz vremennyh ryadov i prognozirovanie [Time series analysis and forecasting]. 2020, 310 p. URL: https://www.iprbookshop.ru/90196.html (date of application: 04.10.2024). – Access mode: for authorization. users.

4. Larina T. N., Vygolova I. N., Ben'kovskaja L. V. Statisticheskoe issledovanie kadrovogo potenciala regional'nogo rynka truda [Statistical study of the personnel potential of the regional labor market]. Orenburg, 2017, 216 p. ISBN 978-5-88838-999-7. URL: https://e.lanbook.com/book/134510 (date of application: 07.10.2024). Access mode: for authorization. users.

5. Bashina O. E., Agentova G. V., Davletshina L. A. Kratkij kurs obshchej teorii statistiki [A short course in the general theory of statistics]. Moscow, 2020, 263 p. URL: https://e.lanbook.com/book/403079 (date of application: 04.10.2024). Access mode: for authorization. users.

6. Demenchenok O. G., Baranov S. A. Kriminologicheskoe prognozirovanie na osnove trenda pri nedostatochnom kachestve opisaniya iskhodnyh dannyh [Criminological forecasting based on a trend with insufficient quality of description of the initial data]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 1 (108), pp. 166-177.

7. Katargin N. V., Kachalina E. A. Analiz vremennyh ryadov [Time series analysis]. St. Petersburg, 2024, 180 p. URL: https://e.lanbook.com/book/433307 (date of application: 07.10.2024). Access mode: for authorization. users.

8. Nielsen E. Prakticheskij analiz vremennyh ryadov: prognozirovanie so statistikoj i mashinnoe obuchenie [Practical analysis of time series: forecasting with statistics and machine learning]. St. Petersburg, 2021, 544 p.

9. Buchatskaya V. V. Metodika opredeleniya interval'nyh ocenok pri prognozirovanii metodami ekstrapolyacii [Methodology for determining interval estimates in forecasting by extrapolation methods]. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki – Vestnik of the Adygea State University. Series 4: Natural, mathematical and Technical sciences. 2012, no. 3(106), pp. 136-140.

10. Statisticheskoe modelirovanie i prognozirovanie [Statistical modeling and forecasting]. Vladimir, 2023, 209 p. URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/10798/1/02538.pdf (accessed 07.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
Деменченок Олег Гениевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
Баранов Сергей Александрович, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин. Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Demenchenok Oleg Genievich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Technology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, Russian Federation, 664074.
Baranov Sergey Alexandrovich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Information Sciences. Irkutsk Institute (branch) VSU (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 187–196.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no.1 (112). Pp. 187–196.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.7

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СЛУЖБ СОБСТВЕННОЙ (ВНУТРЕННЕЙ) БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Завьялов Александр Николаевич[1], Юрковский Алексей Владимирович[2]
[1,2]Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация
[1]zavyalov.61@bk.ru
[2]avyurkovsky@mail.ru

Введение. Представленная работа создана на основе обобщения российских и зарубежных материалов по проблемам правового государства, гражданского общества, противодействия коррупции. В работе представлены материалы как научного, так и практико-прикладного характера. В статье предпринята попытка теоретико-правового и эстологического анализа места и роли служб собственной (внутренней) безопасности в противодействии коррупции в правоохранительных органах в современной России. Авторами отражены исследовательские ракурсы функции обеспечения противодействия коррупции службами собственной (внутренней) безопасности, происходит дополнительная аргументация разделения функции обеспечения безопасности на внутреннюю и внешнюю, (в сегменте противодействия коррупции).

Материалы и методы. Методологической основой исследования является диалектический метод познания, формально-юридический, эстологический, а также историко-правовой методы, позволившие выявить особенности функционирования служб собственной (внутренней) безопасности в профилактике противодействию коррупции в правоохранительных органах.

Результаты исследования позволили определить, что функция обеспечения безопасности правоохранительными органами внутри самих правоохранительных органов, хотя и имеет научную интерпретацию, но представляется недостаточно изученной и популяризированной в научном правоохранительном дискурсе. Необходимо не просто выявить критерии для определения перечня государственных органов, служб и учреждений, в которых предусматривается прохождение правоохранительной службы, но и установить правовой статус, задачи и функции подразделений внутренней безопасности, которые, по мнению авторов, наряду с другими задачами, должны выполнять функции по профилактике проступков и преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов в процессе несения правоохранительной в сфере обеспечения безопасности общества и государства, проявлений экстремистских и террористических угроз, выявить личностные деформации отдельных сотрудников, обуславливающие возможное затруднение исполнения обозначенной функции.

© Завьялов А. Н., Юрковский А. В., 2025

Выводы и заключения. Антикоррупционная функция служб собственной (внутренней) безопасности правоохранительных органов, по нашему мнению, должна заключаться в повышенном внимании к деятельности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих как законность в действиях граждан и организаций, так и коммуникаторов, оказывающих активное влияние на формирование правового сознания участников общественных отношений. Профилактическая функция служб собственной (внутренней) безопасности должна быть направлена на воспитание у сотрудников неприязни к коррупции и отсутствие коррупционной мотивации при исполнении ими основных служебных функций. Деформационные проявления институционального искажения правового сознания сотрудников правоохранительных органов, отражаются на результативности государственного управления, посягают на принципы равенства и социальной справедливости.

Ключевые слова: коррупция, регулирование, коррупционные риски, коррупциогенные факторы, гражданское общество, внутренняя безопасность, собственная безопасность, обеспечение безопасности, правоохранительные органы, служба, служащие правоохранительных органов, сотрудники правоохранительных органов

Для цитирования: Завьялов А. Н., Юрковский А. В. Роль и значение служб внутренней безопасности в противодействии коррупции в правоохранительных органах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.- практ. журн. 2025. № 1 (112). С. 187–196.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

THE ROLE AND IMPORTANCE OF INTERNAL SECURITY SERVICES IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Alexander N. Zavyalov [1], Alexey V. Yurkovsky [2]
[1,2] Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation
[1]zavyalov.61@bk.ru
[2]avyurkovsky@mail.ru

Introduction. The paper is based on a generalisation of materials from Russian and foreign sources on the issues of the rule of law, civil society and anti-corruption. The paper contains materials of both a scientific and practical nature. The article presents a theoretical, legal, and aesthetic analysis of the role and place of internal security services in fighting corruption in law enforcement bodies in modern Russia. The authors explore the functions of internal security agencies in ensuring anti-corruption measures and provide arguments for dividing the security function between internal and external agencies.

Materials and Methods. The methodological basis for the research was the dialectical approach to cognition, as well as formal-legal, aesthetic and historical-legal methods. These methods allowed us to identify specific features of the operation of internal security agencies in preventing corruption within law enforcement bodies.

The Results of the Study allow us to determine the function of law enforcement agencies in providing security within themselves. Although this function has a scientific basis, it seems to be under-researched and under-publicized in the academic discourse on law enforcement. It is not only necessary to identify the criteria for including state bodies, agencies, and institutions that provide law enforcement services, but also establish the legal standing, objectives, and responsibilities of internal security divisions. These divisions, in addition to other duties, should also perform the tasks of preventing misconduct and crimes committed by police officers during law enforcement activities in the areas of public and state security, extraterritorial threats, and protection of human rights.

Findings and Conclusions. The anti-corruption function of internal security services of law enforcement agencies should consist in increasing attention to the actions of law enforcement officials who ensure legality in citizens' and organizations' actions, as well as communicators who actively influence the formation of the legal awareness of participants in social relations. The preventive role of internal security should aim to foster aversion to corruption among employees and prevent corruption motivation from influencing their official duties. Deformations in the institutional distortion of legal awareness among law enforcement personnel affect the efficiency of public administration and violate the principles of equity and social justice.

Keywords: rule of law, corruption, mechanism of state power, mechanism of legal regulation, corruption risks, corruption-causing factors, civil society. internal security function, internal security, self-security, security assurance, law enforcement agencies, law enforcement service, law enforcement officers, law enforcement officers

For citation: Zavyalov A.N., Yurkovsky A.V. Rol' i znachenie sluzhb sobstvennoj (vnutrennej) bezopasnosti v protivodejstvii korrupcii v pravoohranitel'nyh organah [The role and importance of internal security services in the fight against corruption in law enforcement agencies]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 187–196.

Очевидно, что коррупция как явление и противодействие ей как деятельность общества и государства неразрывно связаны.

Современная юридическая наука, накопила множество исследований, в которых обсуждаются общетеоретические вопросы противодействия коррупции. В плане разработки концептуально-категориальных оснований и методологии изучения противодействия коррупции несомненный интерес вызывают труды таких современных исследователей, как: В. В. Астанин, А. А. Аслаханов, А. Я. Аснис, О.Н. Ведерникова, Б. В. Волженкин, Л. Д. Гаухман, М. Б. Горный, А. С. Горелик, Г. Н. Горшенков, С. А. Денисов, А. И. Долгова, В. И. Карасев, П. А. Кабанов, А. П. Калинин, А. И. Кирпичников, И. М. Клямкин, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, Д. А. Липинский, В. Н. Лопатин, Н. А. Лопашенко, И. И. Лукашук, Н. А. Лунеев, С. В. Максимов, А. В. Малько, И. М. Мацкевич, Т. В. Милушева, В. А. Номоконов, С. Ю. Новиков, М. П. Петров, Е. И. Панова, В. М. Полтерович, Г. А. Сатаров, Н. В. Сатаров, В. К. Сенчагов, А. И. Селиванов, В. Л. Смирнов, С. В. Степашин, В. Е. Чиркин, Н. Д. Эриашвили и др.

Согласно мнению ряда исследователей противодействие коррупции, в том числе в структурах правоохранительных органов, рассматривается как сознательная, целенаправленная, последовательная, систематическая и планомерная профессиональная деятельность, направленная на уменьшение воздействия, оказываемого другими действиями (в нашем случае проявлениями коррупции).

Противодействие коррупции, как известно, является одной из функций правоохранительных органов. Противодействие коррупции как функция правоохранительных

органов состоит из действия или совокупности действий, но направлено оно на действия или деятельность других субъектов, в качестве которых может выступать отдельный индивид, группа, государство или общество. Очень часто из общего контекста исследований по проблемам коррупции исключается такой объект как коррупционные изъяны деятельности самих правоохранительных органов.

Противодействие коррупции внутри правоохранительных органов является одним из главных условий возникновения конфликта внутри правоохранительных органов и имеет шкалу интенсивности, пределом которой может стать общее ослабление правового порядка.

Когда противодействие коррупции внутри правоохранительных органов невелико по своей интенсивности, оно проявляется как потенциальная угроза ослабления режима законности.

Самая высокая отметка шкалы интенсивности противодействия коррупции в правоохранительных органах может свидетельствовать о выборе страной стратегии войны с коррупцией и означать переход к тотальным чисткам рядов правоохранительных органов, применение карательных инструментов и иных средств и мер физической активности.

Очевидно, что ни одна из стратегий противодействия коррупции, ее последствия, последствия ее применения последствия не поддаются прогнозу. Кроме того, стратегии противодействия коррупции порождают рождает ответные реакции коррупционеров, которые умеют мыслить и приспосабливаться к условиям. Известны исторические примеры, когда коррумпированная часть общества может значительно превосходить первоначальное здоровое, свободное от коррупции количество действующих правоохранителей, иными словами, коррупционные интересы лиц их действия, могут быть по своей интенсивности выше, чем интересы государства и общества. Достаточно вспомнить исторические примеры кормления на государственной службе в средние века, или период начала приватизации и передела экономики в 90-х годах XX века.

Поэтому, по нашему мнению, в качестве актуальной темы научного и практико-прикладного внимания к проблемам коррупции должна стать тема о роли и значении служб собственной (внутренней) безопасности в противодействии коррупции в правоохранительных органах.

На страницах журнала «Вестник Восточно-Сибирского института МВД России» нами уже рассматривалась смежная проблема о роли и значении служб собственной (внутренней) безопасности в противодействии экстремизму в правоохранительных органах. Основываясь на материалах предыдущей публикации, полагаем необходимым акцентированно повторить мысль о том, что наиболее актуальной, по нашему мнению, является проблема выделения такой функции государственного управления и правоохранительной деятельности, которая предполагает самообеспечение безопасности функционирования правоохранительных органов (устранение потенциально опасных фактов противоправного поведения сотрудников правоохранительных органов) – функция обеспечение безопасности внутри правоохранительных органов [1].

По мнению М. Б. Горного противодействие коррупции можно отождествлять с понятием антикоррупционной политики государства, согласно данного мнения антикоррупционная политика – меры государства и общества, направленные на устранение причин коррупции [2]. Аналогичную позицию высказывают и другие ученые, например, В. Ю. Качалов, А. Н. Казаков [3].

С точки зрения реализации внутренней функции обеспечения безопасности общества и государства важно отметить, что роль и значение служб собственной (внутренней) безопасности в противодействии коррупции в правоохранительных органах связаны со всеми

основными направлениями государственной правовой политики в сфере противодействия коррупции, а именно в сфере профилактики коррупции, в сфере борьбы с коррупцией, в сфере устранения либо) минимизации вреда, причиненного коррупционными правонарушениями.

Применительно к такому направлению государственной правовой политики в сфере противодействия коррупции как профилактика коррупционных правонарушений, службы собственной (внутренней) безопасности, как и другие структурные подразделения правоохранительных органов, в равной степени, должны обращать внимание на воспитание и привитие целого ряда личностных качеств сотрудников правоохранительных органов, предусматривающих активное неприятие коррупционных проявлений, качеств, способных наиболее оптимально реализовывать внешнюю управленческую функцию обеспечения безопасности общества и государства.

Относительно участия служб собственной (внутренней) безопасности в борьбе с коррупционной преступностью и расследовании коррупционных преступлений сотрудников правоохранительных органов, возникает ряд проблем, потенциально связанных с их выявлением (по причине заинтересованности выявляющей стороны), адекватной уголовно-правовой характеристикой, отделением признаков каждого из преступлений, анализом особенностей проявления их множественности, включая идеальные и реальные совокупности преступлений различного вида, установлением конкретных форм соучастия вовлеченных в них субъектов, характер их коррупционных связей, уровень коррумпированности.

Полагаем, что отдельного исследования требует вопрос о роли и значении служб собственной (внутренней) безопасности в противодействии коррупции в правоохранительных органах в контексте выявления и констатации субъективных детерминант деформации сознания и поведения чаще всего уже бывших сотрудников правоохранительных органов, вовлеченных в коррупционную преступность.

По нашему мнению, из аналитических документов, прогнозов и программ по борьбе с общественно опасными явлениями, из статистических данных, свидетельствующих о негативном воздействии коррупционной преступности на перспективы развития и модернизации государства, общества, каждого гражданина можно выделить такие обстоятельства как искажение и деформация ценностных ориентиров у отдельных сотрудников правоохранительных органов, парадоксальная подмена восприятия ценности правоохранительной службы, личной заинтересованность в использовании административного ресурса, лукавое позиционирование деятельности по обеспечению безопасности общества и государства, фальшивое, видимое, формальное, искусственное, избирательное отношение к противодействию преступности и поддержанию режима законности; отсутствие внутренних страхов перед возможным возмездием, отвесностью и наказанием, демонстративная индифферентность к обнаруживаемым деформациям собственных личностных качеств сотрудников правоохранительных органов, при исполнении ими служебных обязанностей.

Очевидно, что наличие перечисленных качеств не является исчерпывающим, и не охватывает, должным образом, негативных детерминант и личностных деформаций отдельных сотрудников правоохранительных органов.

Тем не менее, полагаем возможным заострить внимание читателя на выдвинутом тезисе, который предполагает необходимость интенсификации внимания к данному вопросу и требует отдельного самостоятельного исследования, незамедлительного принятия мер по предотвращению потенциальных коррупционных угроз и коррупционных рисков.

Можно перечислить десятки, если не сотни примеров, получивших широчайший общественный резонанс, освещение и отклики в средствах массовой информации и в различных мессенджерах информационно-телекоммуникационной сети интернет.

Назовем лишь немногие из них.

В 2008 году бывший начальник Главного следственного управления при прокуратуре Российской Федерации Дмитрий Довгий пытался получить взятку от владельца Инвестсоцбанка Руслана Валитова в размере €750 000 и должен был отказать в возбуждении уголовного дела против банкира, оставить того в статусе свидетеля в рамках расследования хищений в компании «Томскнефть».

Бывший руководитель 2-го отдела управления «К» ФСБ Российской Федерации Кирилл Чекалин обвинялся в получении в период с 2013 по 2015 год взятки в размере 850 000 долларов США.

В 2019 году Дмитрию Захарченко, бывшему руководителю управления «Т» Главного управления по экономической безопасности и противодействию коррупции МВД России была инкриминирована взятка в размере 800 000 долларов США.

Можно привести примеры и не из правоохранительной сферы.

Одним из самых громких коррупционных дел, может рассматриваться дело Алексея Улюкаева, бывшего министра экономического развития России, который был приговорен к восьми годам колонии и штрафу в 130 млн рублей.

В 2007 году прикомандированный к Счетной палате полковник бронетанковых войск Министерства обороны Юрий Гайдуков провел в колонии 5 лет за попытку получить взятку в несколько миллионов евро.

Например, 14 февраля 2024 года Тайшетский городской суд Иркутской области удовлетворил административное исковое заявление Тайшетской межрайонной прокуратуры о досрочном прекращении полномочий мэра Тайшетского района Александра Величко[1].

Судом установлено, что в 2022 году главой муниципального образования «Тайшетский район» заключено трехстороннее концессионное соглашение с теплоснабжающей организацией, учредителями которой являются его родственники. Однако в нарушение Федерального закона «О противодействии коррупции» он <…> не направил уведомление о возникновении ситуации, которая может привести к конфликту интересов, а также не принял мер по предотвращению или урегулированию

конфликта интересов, стороной которого он являлся. В этом случае в соответствии с требованиями закона выборное должностное лицо подлежит освобождению от должности в связи с утратой доверия». Тайшетской прокуратурой Иркутской области было внесено представление в районную Думу и направлен иск о досрочном прекращении полномочий главы района в связи с утратой доверия в суд. Требования прокуратуры суд Тайшета удовлетворил.

Осмысливая роль служб собственной (внутренней) безопасности в противодействии коррупции в правоохранительных органах, полагаем возможным проанализировать отдельные представления ученых и основные научные подходы к предполагаемой деятельности.

Полагаем возможным сопоставить мысль о роли служб собственной (внутренней) безопасности в сфере противодействия коррупции с рассуждениями О. И. Хамазиной,

[1] Суд отстранил от занимаемой должности мэра Тайшетского района Александра Величко // Твой Иркутск : новостной сайт. URL: http://www.irk.ru/news/20240214/mayor/ (дата обращения 05.12.2024).

утверждающей, что антикоррупционная политика есть последовательная и системная деятельность институтов государства и гражданского общества, направленная на разработку и постоянное осуществление разносторонних мер профилактического, предупредительного, ограничивающего и ликвидирующего характера, с целью устранения и минимизации проявлений, причин и условий, порождающих коррупцию. В своей основе антикоррупционная политика, прежде всего правовая политика, направленная на формирование и реализацию норм антикоррупционного законодательства в сфере борьбы с преступлениями и правонарушениями, решающая задачу системного противодействия коррупции [4, с. 96–107].

В данной связи мы можем утверждать, что службы собственной (внутренней) безопасности правоохранительных органов осуществляют государственную антикоррупционную политика внутри правоохранительных органов и являются особыми субъектами рассматриваемой политики.

Х. А. Умаров [5], В. В. Астанин [6], Ю. Б. Мельников [7], Г. Н. Горшенков [8] и другие, давая различающиеся авторские трактовки, тем не менее рассматривают противодействие коррупции как деятельность органов государственной власти и общественных организаций по предупреждению (профилактике коррупционных правонарушений), уголовно-правовой борьбе с коррупцией (выявление, пресечение, раскрытие, расследование коррупционных правонарушений) и устранению последствий, связанных коррупцией.

Именно поэтому, все три указанных направления в равной степени должны быть отнесены, по нашему мнению, к должностному регламенту служб собственной (внутренней) безопасности правоохранительных органов.

Можно расширить точку С. Ю. Новикова, дополнив ее рассматриваемым контекстом о роли службы собственной (внутренней) безопасности правоохранительных органов, рассматривать ее как деятельность по разработке и осуществлению разносторонних и последовательных мер по устранению причин и условий, порождающих и стимулирующих коррупцию в разных сферах жизни, а также мер по привлечению коррупционеров к гражданско-правовой и уголовной ответственности [9].

Помимо научных подходов, существует официальный государственный правовой подход к определению понятия противодействия коррупции, который ранее, помимо всего, должен учитываться при определении роли службы собственной (внутренней) безопасности правоохранительных органов.

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дает официальную интерпретацию понятия противодействие коррупции.

Согласно Федеральному закону противодействие коррупции – деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

a) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

b) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

c) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Антикоррупционная функция служб внутренней безопасности правоохранительных органов, по нашему мнению, должна заключаться в повышенном внимании к деятельности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих антикоррупционную правовую

государственную политику на добросовестность исполнения обязанностей и отсутствие коррупционной мотивации в процессе:

- воспрепятствования неправомерному поведению подконтрольных субъектов;
- выявления потенциальных нарушителей;
- пресечения попыток совершения коррупционных правонарушений;
- выявления, ликвидации либо минимизации возможных последствий совершения коррупционных правонарушений;
- обеспечения защиты служебной информации ограниченного распространения;
- организации взаимодействия с территориальными органами МВД России и территориальными органами Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации или подразделениями вневедомственной охраны, войск национальной гвардии Российской Федерации и иными правоохранительными органами по вопросам противодействия коррупции;
- выявления фактов соблюдения служащими ограничений, связанных с прохождением государственной службы;
- производства ведомственных нормативных правовых актов с целью недопущения (либо минимизации) в них коррупциогенных фактов.

К основным задачам проведения первоочередных мероприятий по пресечению коррупционных проявлений в деятельности сотрудников правоохранительных органов отделами собственной (внутренней) безопасности правоохранительных органов, по нашему мнению, относится проверка полученной из всех имеющихся доступных источников информации и уточнение обстоятельств возникновения угрозы или совершения коррупционных проступков или преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Завьялов А. Н., Юрковский А. В. Роль и значение служб внутренней безопасности в профилактике противодействию экстремизма в правоохранительных органах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. 2024. № 1 (108). С. 94–105.

2. Горный М. Противодействие коррупции. URL: https://www.hse.ru/data/2015/03/11/1106911686/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8%20.pdf (05.05.2024).

3. Качалов В. Ю., Казаков А. Н. Антикоррупционная политика как функция государства // Коррупция как социально-правовая проблема современной России : мат-лы круглого стола (21 апреля 2004 года). Казань, 2004. 108 с.

4. Хамазина О. И. Правовые средства противодействия коррупции: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 200 с.

5. Умаров Х. А. Противодействие коррупции в Республике Таджикистан: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 179 с.

6. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 37 с.

7. Мельников Ю. Б. Противодействие организованной преступности и роль прокуратуры в этом процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. 26 с.

8. Горшенков Г. Н. Политика противодействия коррупции // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 2. С. 62-67.

9. Новиков С. Ю. Антикоррупционная политика российского государства в современных условиях: автореф. дис. … канд. полит. наук. Ставрополь, 2009. 179 с.

REFERENS

1. Zavyalov A. N., Yurkovsky A. V. Rol' i znachenie sluzhb vnutrennej bezopasnosti v profilaktike protivodejstviyu ekstremizma v pravoohranitel'nyh organah [The role and importance of internal security services in preventing and countering extremism in law enforcement agencies]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 1 (108), pp. 94–105.

2. Gorny M. Protivodejstvie korrupcii [Anti-corruption]. URL: http://www.anticor.wildfield.ru/analit/ protiv_korr.html (05.05.2024).

3. Kachalov V. Yu., Kazakov A. N. [Anti-corruption policy as a function of the state] Korrupcija kak social'no-pravovaja problema sovremennoj Rossii: mat-ly kruglogo stola (21 aprelja 2004 goda). [«Corruption as a socio-legal problem of modern Russia» (April 21, 2004)]. Kazan, 2004, 108 p.

4. Khamazina O. I. Pravovye sredstva protivodejstviya korrupcii: problemy teorii i praktiki: dissertaciya ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.01 [Legal means of combating corruption: problems of theory and practice: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.01]. Saratov, 2008. 200 p.

5. Umarov H. A. Protivodejstvie korrupcii v Respublike Tadzhikistan: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty : dissertaciya ... kandidata yuridicheskih nauk : 12.00.08. [Combating corruption in the Republic of Tajikistan: criminal-legal and criminological aspects: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.08]. Moscow, 2008. 179 p.

6. Astanin V. V. Antikorrupcionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk [Anti-corruption policy of Russia: criminological aspects: author's abstract. dis. ... doctor of law]. Moscow, 2009. 37 p.

7. Melnikov Yu. B. Protivodejstvie organizovannoj prestupnosti i rol' prokuratury v etom processe : avtoref. dis. … kand. yurid. nauk [Combating organized crime and the role of the prosecutor's office in this process: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences]. Vladivostok, 2003. 26 p.

8. Gorshenkov G. N. Politika protivodejstviya korrupcii [Anti-corruption policy]. Biznes. Obrazovanie – Pravo.Business. Education. Law. 2014, no. 2, pp. 62-67.

9. Novikov S. Yu. Antikorrupcionnaya politika rossijskogo gosudarstva v sovremennyh usloviyah: avtoref. dis. … kand. polit. nauk [Anti-corruption policy of the Russian state in modern conditions: author's abstract. dis. ... candidate of political sciences]. Stavropol, 2009, 179 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Завьялов Александр Николаевич, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Юрковский Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, Иркутск, ул. Шевцова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Zavyalov Alexander Nikolaevich, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of General Humanitarian and Socio-economic Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1 Shevtsov St., Irkutsk, 664035.
Yurkovsky Alexey Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1 Shevtsov St., Irkutsk, 664035.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 09.01.2025; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 197–207.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (112). Pp. 197–207.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК: 343.988

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИХ ЛИЧНОСТИ

Ивушкина Ольга Викторовна
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
Grigorievao86@mail.ru

Введение. В настоящей статье автором исследованы детерминанты преступности несовершеннолетних как делинквентного поведения их личности. Особую роль в совершении противоправных деяний среди несовершеннолетних играет образ жизни окружение и общество в целом, условия проживания, воспитания, социально-экономические факторы, отсутствие положительных примеров для подражания, влияние сверстников, наличие достаточного влияния со стороны государства и общества в целом, а также характер и условия воспитания, формируемые на уровне семьи. В целях эффективного противодействия преступности несовершеннолетних, необходимо обращение пристального внимания на факторы, детерминирующие исследуемое негативное социальное явление среди несовершеннолетних.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Исследование проведено с использованием сравнительно-правового метода, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что образ жизни окружающих молодежь людей, условия проживания и воспитания, социально-экономические факторы, отсутствие положительных примеров, влияние сверстников и роль во всем этом государства определяют формирование личности несовершеннолетних, в том числе делинквентного характера. В процессе проведения воспитательной работы возникают такие трудности, как недостаток культурно-просветительских программ и низкий уровень вовлеченности несовершеннолетних в эти мероприятия, что требует дополнительного изучения и разработки новых подходов для повышения эффективности предупредительной деятельности.

Выводы и заключения. Анализ детерминант преступности несовершеннолетних показывает, что свое непосредственное влияние оказывает множество факторов, включая социально-экономические условия и семейное окружение. Условия для вовлечения молодых людей в преступную деятельность создают и такие факторы как бедность, социальная незащищенность, ограниченные возможности получения образования.

Ключевые слова. Преступность, несовершеннолетний, детерминанты, факторы, делинквентное поведение

© Ивушкина О. В., 2025

Для цитирования: Ивушкина О. В. Детерминанты преступности несовершеннолетних как делинквентного поведения их личности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 197–207.

5.1.4. Criminal Law Sciences
(legal sciences)

Original article

DETERMINANTS OF JUVENILE DELINQUENCY AS DELINQUENT BEHAVIOR OF THEIR PERSONALITY

Olga V. Ivushkina
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, Grigorievao86@mail.ru

Introduction. In this article, the author explores the factors that contribute to juvenile delinquency. The focus is on the individual characteristics of those engaging in delinquent behaviour. The author highlights the significant role of the environment and society in shaping the behaviour of minors. Living conditions, upbringing, socio-economic factors, lack of positive role models, influence of peers and lack of influence from the state, as well as the nature and upbringing conditions within the family, all contribute to delinquent behaviours among minors. To address this issue effectively, it is essential to carefully examine these factors.

Materials and Methods. The normative basis for the study was Federal Law No. 120-FZ dated06/24/1999, "On the Basics of the system for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency", Federal Law No. 182-FZ dated on June 23rd, 2016, "On Fundamentals of the Prevention System of Offences in the Russian Federation", and the National Security Strategy of the Russian Federation. The study used the comparative legal method, generalization and description.

The Results of the Study led to the conclusion that the lifestyle of the people around the youth, living conditions and upbringing, socio-economic factors, the lack of positive examples, the influence of peers and the role of the state in all this determine the formation of the personality of minors, including delinquent character.

The processes of educational work face such difficulties as the lack of cultural and educational programs and the naturally low level of involvement of minors in these activities, which requires additional study and the development of new approaches to improve the effectiveness of preventive activities.

Findings and Conclusions. Analysis of the determinants of juvenile delinquency shows that many factors have a direct impact, including socio-economic conditions and family environment. Conditions for the involvement of young people in criminal activities are also created by such factors as poverty, social insecurity, and limited educational opportunities.

Keywords: Crime, juvenile, determinants, factors, delinquent behavior

For citation: Ivushkina O. V. Determinanty prestupnosti nesovershennoletnih kak delinkventnogo povedeniya ih lichnosti [Determinants of juvenile delinquency as delinquent behavior of their personality]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 197–207.

Преступность несовершеннолетних является одной из самых актуальных социальных проблем в нашей стране. В научных исследованиях пристальный интерес вызывает именно подростковая делинквентность, что связано с ростом числа деликтов, совершаемых несовершеннолетними. Одними из основных причин возрастания в последнее время делинквентного поведения среди подростков может быть резкое расслоение в обществе, различного рода давление на подростка, недостатки образовательной системы, разрушение привычных ценностей, кризис института семьи, сложности в воспитании, проявления индивидуализма, воздействие массовой культуры на рост агрессии. В настоящее время семья переживает серьезный упадок, нередко родители пренебрежительно относятся к детям, игнорируют их или же, наоборот, осуществляют гиперопеку над ними. В результате этого при неправильном воспитании усиливаются отклонения в психическом развитии, увеличивается агрессивность.

Причины рассматриваемого в нашем исследовании вида преступности являются неотъемлемой частью общих причин преступности в Российской Федерации. При этом, как справедливо отмечает Ю. М. Антонян, сама преступность несовершеннолетних и молодежи активно способствует развитию преступности в целом. По мнению профессора, «негативные явления и процессы экономического, идеологического, социально психологического, культурно-воспитательного, демографического характера наиболее болезненно отражаются на подростках и являются базовыми причинами их преступной деятельности» [1, с. 188].

По мнению С. Е. Смирных, международный опыт противодействия преступности несовершеннолетних способствовал выявлению общих для данного вида преступности, причин: «быстрый рост населения, бедность, безработица и неполная занятость, снижение авторитета родителей, перенаселенность бедных городских районов, дезинтеграция семьи и неэффективные системы образования» [2, с. 16].

А. И. Полуничев выделяет внутренние и внешние причины преступности несовершеннолетних. По его мнению, «к внутренним причинам следует отнести: несформированность моральных установок и принципов; стремление к самоутверждению; врожденная склонность к агрессии. Внешними причинами преступности являются: деструктивное воздействие ближайшего окружения, в первую очередь семьи; особенности воспитания, а именно слишком жесткий (деспотический) или крайне мягкий (попустительский) стили воспитания; влияние субкультур; опыт пребывания в специальных учреждениях; конфликты; проблемы в семье» [3, с. 374].

Рассмотрим основные причины преступности несовершеннолетних и молодежи, которые предложены А. И. Долговой и Т. М. Чапурко.

Прямое деструктивное (отрицательное) влияние семьи (грубость, жестокость, садизм, алкоголизм родителей, привитие и воспитание в семье правового нигилизма и криминальных традиций). Это субъективный семейный фактор, влияющий на личность будущего преступника.

Объективные факторы негативного влияния семьи, объясняющие причинный комплекс подростковой и молодежной преступности. К ним относятся: «отсутствие у родителей возможности обеспечить минимальные потребности детей, недостаток внимания, воспитания, общения, отсутствие помощи со стороны родителей, которые порождают безнадежность, озлобленность и безнадзорность и как следствие преступную мотивацию» [4, с. 793].

С. М. Мальков выделяет общесоциальные и специально-криминологические детерминанты преступности несовершеннолетних. По мнению исследователя, общесоциальные причины включают в себя «экономический, социальный, политический и духовно-нравственные аспекты» [5, с. 102]. Спад производства, инфляция, постоянная нужда и нехватка денежных средств, недоступность досуговой и спортивной среды способствуют тому, что подростки

начинают находить нелегальные или неофициальные источники дохода. «Это заставляет около 40 % несовершеннолетних подрабатывать в неформальном секторе занятости» [6, с. 75].

Социально-экономические факторы неблагополучия населения способствуют постоянному увеличению количества подростков, которые уходят из дома и становятся беспризорными. Данное явление характерно для крупных мегаполисов. Подростки объединяются в группы, которые имеют иерархическую структуру, направленную на подчинение коллектива и выживания его в условиях крупного города. Подростки создают свою субкультуру. В основном данные молодые люди попрошайничают, а также занимаются различного рода хищениями.

Следует сказать, что одним из серьезных факторов, существенно влияющих на развитие и поддержание высокого уровня преступности среди несовершеннолетних, является подростковая алкоголизация. В данном случае очень опасным становится пивной алкоголизм, который распространен повсеместно. Большое количество пивных баров-магазинов способствует вовлечению подростков в употребление алкогольной продукции. И стоит отметить, что они практически всегда употребляют алкоголь в компаниях. После употребления спиртных напитков существует большая вероятность возникновения конфликтных ситуаций, и соответственно, подросток в большинстве случаев выбирает деструктивный способ разрешения конфликта, а именно общественно опасным способом. А как известно, делинквентное поведение рассматривается как поведение, направленное против существующих норм и законов.

На преступную среду несовершеннолетних существенно влияют политико-идеологические процессы, которые происходят в обществе. Правовой нигилизм, идеологический плюрализм, практически неограниченная свобода самовыражения создают новые условия для социализации молодого человека. Духовные (интеллектуальные) искания определенной части подростков вполне закономерно заканчиваются их вовлечением в экстремистские организации, религиозные и оккультные секты деструктивной направленности. В последние годы участились случая, когда молодые люди становятся активными членами террористических сообществ. Возрастные особенности и неустойчивость психики подростков способствуют упрощенной системе их вербовки профессиональными преступниками и террористами.

Отдельно следует остановиться на деструктивных субкультурных сообществах, которые переросли в разряд экстремистских. Они будут относиться к специальным криминологическим причинам преступности среди несовершеннолетних. Возьмем в качестве примера международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (другие используемые наименования «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) – запрещено в России и признано экстремистским по решению Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 года[1].

Для данного сообщества нормой поведения стали понятия и неписаные правила, которые обусловили межгрупповые взаимоотношения подростков по принципу преступной иерархии. В целом происходит распространение криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних. Следует отметить, что, находясь в преступной группе молодые люди, реализуют свои морально-психологические потребности в уважении, самоутверждаются и вступают в борьбу за лидерство в коллективе. Они стремятся показать и доказать свое неоспоримое превосходство перед сверстниками и тем самым постепенно приобщаются к криминальной субкультуре, проецируя

[1] См. п. 78 Перечня общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции Российской Федерации. офиц. сайт URL https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата обращения: 15.01.2025).

у себя в сознании как культуру взрослого мира, который их принял и дал и возможность проявить себя. Для молодежи преступный авторитет сильно романтизируется и предстает в образе сильного, дерзкого и правильного человека, в том числе с обостренным чувством справедливости.

Процессы демократизации в обществе определили потребность поиска решения вопросов для эффективного взаимодействия семьи, органов системы профилактики, общества и государства в целом, однако без анализа детерминант возникновения такого направления как преступность несовершеннолетних невозможно выстроить грамотную и всеобъемлющую работу в данном направлении. Подростковый возраст является узловым, так как присущие ему особенности и психологические изменения при определенных условиях жизни, деятельности и воспитания становятся устойчивыми чертами личности человека. Для несовершеннолетних характерна ориентация на личное материальное благополучие, на жизнь по принципу «как хочется», на самоутверждение, на собственную «совесть», содержание которой часто противоречит принципам общественной морали и права. По мере возрастного развития у несовершеннолетних неуклонно повышается роль сознания в деятельности и поведении, зачастую делинквентной направленности. Ситуативное поведение все более сменяется поведением, обусловленным сложившимися устойчивыми нравственными нормами [7, с. 157].

Рассмотрение детерминант возникновения преступности несовершеннолетних, неотделимо от изучения существующих факторов, способствующих совершению преступлений. Остановимся на них более подробно.

1. Социально-экономические факторы. Бедность, социальное и имущественное неравенство[2] и отсутствие доступа к образованию и возможностям трудоустройства могут повысить вероятность участия несовершеннолетних в преступной деятельности. Молодые преступники часто происходят из неблагополучных социально-экономических слоев, сталкиваются с бедностью, безработицей и ограниченным доступом к ресурсам. Указанные обстоятельства могут способствовать возникновению чувства безнадежности, разочарования и отсутствия возможностей, повышая вероятность участия в преступной деятельности. Данное направление изучается в таком разделе науки, как «социология преступности», которое рассматривает причины и условия преступности в контексте проблем криминологии, условий, которые создаются обществом отнюдь не умышленно. Исследование социальных причин в данном случае, основывается на социологии в целом. Ухудшение социально-экономической ситуации, снижение доходов населения и рост безработицы тесно взаимосвязаны с динамикой преступности несовершеннолетних [8, с. 99].

2. 2.Семейное окружение. Дисфункциональная семейная динамика, недостаточный родительский надзор, злоупотребление алкоголем, а в настоящее время и психоактивными веществами родителями и подверженность домашнему насилию могут играть роль в преступности несовершеннолетних. Семейное неблагополучие может проявляться в различных формах, таких как насилие в семье, развод, семейные конфликты, нарушение законов и правил, алкогольная или наркотическая зависимость, финансовые проблемы и т. д. [9, с. 173].

Недостаток взаимопонимания, определенного контроля и заинтересованности в жизни ребенка (круг общения, занятия, его досуг и т. д.) со стороны родителей могут стать

[2] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 15.01.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

предикторами делинквентного поведения [10, с. 114]. Со стороны семьи необходимо уделять больше времени детям, разговаривать с ними, вовремя замечать изменения в поведении, настроении, понимать и принимать переживания подростков, поддерживать их, ценить их проявления индивидуальности, чтобы им не пришлось искать внимание и поддержку на стороне, в том числе в асоциальной среде [11, с. 138].

Отсутствие родительского надзора, положительных примеров для подражания увеличивает вероятность преступной деятельности. И наоборот, чрезмерная забота родителей, приводит к инфантилизации личности, в то время как недостаток заботы и правил поведения и строгого воспитания также часто приводят к криминализации. Насилие в семье, развод, малообеспеченность семьи являются важными аспектами, подталкивающими подростков к «поиску себя» в опасных, радикальных сообществах.

3. Влияние сверстников. Негативное давление со стороны сверстников и общение со сверстниками-правонарушителями могут привести к участию в преступлении. Для взрослых людей основным кругом общения является работа, а для подростков таким кругом является общество сверстников – школа, улица, секции и т. д., и впоследствии возрастает вероятность оказаться подверженными негативному влиянию. В силу индивидуальных особенностей личности (ведомость, неуверенность в себе, поиск поддержки в более сильных сверстниках, а в более позднем возрасте – общий, противоправный интерес) молодые преступники часто находятся под влиянием сверстников, ища признания в своих социальных кругах. Давление со стороны сверстников может побудить к участию в преступной деятельности, с целью формирования уважения или для того, чтоб вписаться в общество.

А. И. Долговой сделан вывод о том, что «...для несовершеннолетних характерно, что большинство преступлений, как отмечают многие исследователи, совершаются в группах, что обусловлено их возрастными особенностями».

Так, М. И. Слинько утверждает, что «в основном неформалы, относящиеся к условно агрессивному типу, – это дети малообеспеченных родителей из неблагополучных семей, растущие в атмосфере отчуждения и неприязни со стороны более благополучных сверстников и даже взрослых. Не имея достаточных стартовых возможностей утвердиться в жизни законопослушным путем, путем труда, они, для самоутверждения и получения материальных благ, используют, с их точки зрения, наиболее веский аргумент – силу: силу кулаков, силу команды, силу оружия» [12, с. 62].

4. Злоупотребление психоактивными веществами. Злоупотребление психоактивными веществами, включая наркотическую и алкогольную зависимость, может способствовать вовлечению молодых людей в преступную деятельность. Состояние измененного сознания зачастую становится фактором совершения противоправных деяний в связи с появлением нужды получить больше эмоций, необходимости добыть финансы для приобретения новой дозы алкоголя или более тяжелых наркотических веществ, а также состояние опьянения не дает возможности контролировать границы дозволенного, адекватного поведения. Злоупотребление психоактивными веществами и зависимость имеют широкое распространение среди молодых преступников. Употребление наркотиков может служить механизмом преодоления трудностей или давать чувство принадлежности, что еще больше усугубляет их участие в преступном поведении.

Анализ материалов, размещенных на интернет-портале ГАС РФ «Правосудие», позволил заключить, что преступления и правонарушения, связанные с незаконными действиями с наркотическими средствами и психотропными веществами, в большинстве своем совершаются молодежью, т. е. лицами, входящими в социально-возрастную группу от 16 до 18 лет [13, с. 776]. Данная группа является наиболее сложно подвергаемой профилактике.

5. Отсутствие положительных образцов для подражания. Отсутствие положительных образцов для подражания делает подростков уязвимыми к негативному влиянию. Например, просмотр блогов доступных в интернет ресурсах 24/7 с кумирами, не имеющими образования, транслирующих недостойное поведение, способствует жестокости, популяризации потребления запрещенных веществ и превозношению таких «ценностей» как деньги, отсутствие культуры речи, неуважение ко всему кроме себя. Это притупляет желание стремиться к высоким ценностям, общепринятым в здоровом обществе, «...вечные ценности закладываются в семье, образовательных учреждениях и социальных институтах, работа которых должна быть более целенаправленна на духовно-нравственные основы человека». Однако приведенный пример, это только малая часть проблемы данного направления.

В группе риска могут оказаться люди, которые подвержены чужому влиянию и им нужны примеры для подражания.

6. Проблемы психического здоровья. Психические расстройства, такие как расстройство поведения или оппозиционно-вызывающее расстройство, могут повысить риск вовлечения несовершеннолетних в преступное поведение.

Аномалии психического здоровья, такие как отставание в развитии (что встречается наиболее часто), невменяемость, олигофрения, Р. С. Белкин определяет психическую аномалию как «временное расстройство душевной деятельности, слабоумие или иное болезненное состояние, хроническую душевную болезнь» [14, с. 102].

О непосредственном влиянии вопросов психического здоровья и их актуальности, нам говорят данные исследователей полученные еще в 90-х годах, рассматривающих проблему распространенности психических аномалий у правонарушителей, свидетельствуют об их наличии более чем в половине случаев. Так, Ю. М. Антонян, М. В. Виноградов, Ц. А. Голумб утверждают, что «среди совершивших убийства, хулиганство, изнасилования, кражи, грабежи и разбои с нанесением тяжких телесных повреждений более половины имеют расстройства психики, не лишающие их вменяемости» [15, с. 98].

7. Проблемы с образованием. Плохая успеваемость, прогулы и вынуждение переводы из одной школы в другую (например, в школу вечернего типа) и отчисление из школы повышают вероятность участия в преступной деятельности. Проблемы могут возникнуть также из-за отсутствия интереса, неспособности к обучению, негативного опыта.

Важно отметить, что эти факторы часто взаимодействуют и влияют друг на друга, что приводит к сложным детерминантам преступности несовершеннолетних.

Доступ к образованию и занятости, создание возможностей для образования и работы может помочь подросткам избежать соблазна совершать преступления. Программы образования, учебные стипендии, профессиональная ориентация и поддержка трудоустройства могут помочь подросткам достигнуть успеха и избежать преступного поведения.

Дальнейшее снижение, или напротив, повышение уровня делинквентного поведения несовершеннолетнего зависит от усиления или ослабления рассмотренных социальных факторов. Государственная политика, направленная на снижение преступности, должна отслеживать и учитывать новые тренды изменений в молодежной среде. Основываясь на этих знаниях, с помощью рычагов государственного воздействия, можно ослаблять негативные и усиливать позитивные тенденции в сфере преступности несовершеннолетних.

Решать описанные выше проблемы предстоит как родителям, так и школе, и государству. Функционирование социальной системы оценки качества криминализации и риска возникновения криминогенной среды у подростков выражают позицию Правительства Российской Федерации по формированию таких значимых качеств личности, как патриотизм,

гражданская солидарность и идентичность, социальная ответственность, приверженность традиционным ценностям.[3]

В результате исследования детерминант возникновения преступности несовершеннолетних как делинкветного поведения их личности, можно сделать вывод о том, что процессы демократизации в обществе направляют нас в сторону комплексного подхода к решению проблем. Анализ причин данного явления показывает, что свое непосредственное влияние оказывает множество факторов, включая социально-экономические условия и семейное окружение. Условия для вовлечения молодых людей в преступную деятельность создают и такие факторы как бедность, социальная незащищенность, ограниченные возможности получения образования. В то же время проблемы в семье, такие как недостаток внимания, со стороны родителей, злоупотребление алкоголем (вполне вероятно и психоактивными веществами), проявление насилия как психологического, так и физического, непосредственным образом способствуют формированию криминального поведения подростков. Семья является изначальной базовой системой и средой нормального (полноценного) формирования и развития личности подростка. Именно семья, а затем уже дошкольные учреждения, школа и иные образовательные организации способны повлиять или скорректировать девиантное (преступное) поведение несовершеннолетнего правонарушителя. Для рассматриваемого вида преступности, семья и процесс воспитания подростка в семье, будут главными факторами, которые определяют преступное поведение несовершеннолетнего.

Для эффективной профилактической работы с несовершеннолетними, необходимо объединение усилий общества и государства, основа - улучшение социально-экономических условий жизни молодых людей и поддержки их семей.

Отдельного внимания требует разработка программ поддержки и реабилитации для детей из неблагополучных семей (социальная поддержка, психологическая помощь, образовательные программы [4] , меры по повышению доступности образования и трудоустройства молодежи, создание безопасной среды, системный мониторинг ситуации). При помощи данных мер будет создаваться более стабильная среда для развития детей, способствуя их интеграции в общество и снижению риска попадания в трудные жизненные ситуации.

---

[3] Российская Федерация. Конституция : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, принятыми в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (в редакции указов Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 18.01.2025).

[4] Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон № 273-ФЗ : принят Гос. Думой 21 декабря 2012 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 18.01.2025 г.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М. : Логос, 2004. 448 с.
2. Смирных С. Е. Международно-правовые аспекты противодействия преступности несовершеннолетних // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 15–18.
3. Полуничев А. И. Причины преступности несовершеннолетних // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 373–378.
4. Криминология : учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 912 с.
5. Мальков С. М. Криминология и предупреждение преступлений : курс лекций. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. 172 с.
6. Савельев А. И. Обеспечение криминологической безопасности несовершеннолетних на национальном уровне // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 3. С. 73–77.
7. Писаревская Е. А. Групповая преступность несовершеннолетних и её предупреждение // СибСкрипт. 2010. № 1. С. 157–162.
8. Жегусов Ю. И., Корякина З. И. Социальные факторы снижения преступности молодежи в Республике Саха (Якутия) // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 93–104.
9. Кагилева А. В. Подростковая преступность в российском обществе // «Россия-Евразия-Мир. Интеграция-развитие-перспектива» : мат-лы XIV Евразийского экономического форума молодежи / Екатеринбург, 22–26 апреля 2024 г. : в 4 т. Екатеринбург : Уральский гос. эконом. ун-т, 2024. С. 173–177.
10. Хасанова Р. Р., Середкина Е. А. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних: анализ экспертных интервью // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. № 4 (204). С 114–119.
11. Ромашин Д. Ю. Особенности профилактики преступлений несовершеннолетних // Молодой ученый. 2019. № 39 (277). С. 138–141.
12. Слинько М. И. Неформальные молодежные объединения и организованные преступные группы // Вестник Московского государственного университета. Серия 11. Право. 1992. № 2. С. 62–67.
13. Дизер О. А. О мерах по противодействию наркотизации среди молодежи. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. ст. по мат-лам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения / Санкт-Петербург, 25 марта 2022 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 775–777.
14. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд., доп. 334 с.
15. Антонян Ю. М., Виноградов М. В., Голумб Ц. А. Преступность и психические аномалии // Советское государство и право. 1997. Вып. 7. С. 96–103.

REFERENS

1. Antonyan Yu. M. Kriminologiya. Izbrannye lekcii [Criminology. Selected lectures]. Moscow. 2004, 448. p.

2. Smirnykh S. E. Mezhdunarodno-pravovye aspekty protivodejstviya prestupnosti nesovershennoletnih [International legal aspects of combating juvenile delinquency]. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya – International criminal law and international justice. 2021, no. 3, pp. 15–18.

3. Polunichev A. I. Prichiny prestupnosti nesovershennoletnih [Causes of juvenile delinquency]. Voprosy rossijskoj yusticii – Issues of Russian Justice. 2023, no. 26, pp. 373–378.

4. Dolgova A.I. Kriminologiya [Criminology]. Moscow. 2005, pp. 912.

5. Malkov S. M. Kriminologiya i preduprezhdenie prestuplenij: kurs lekcij [Criminology and crime prevention: a course of lectures]. Krasnoyarsk. 2020, pp. 172.

6. Savelyev A. I. Kriminologicheskaya bezopasnost' nesovershennoletnih [Criminological safety of minors]. Moscow, 2017, pp. 73–77.

7. Pisarevskaya E. A. Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnih i eyo preduprezhdenie [Group juvenile delinquency and its prevention]. SibSkript, 2010, pp. 157–162.

8. Zhegusov Yu. I., Koryakina Z. I. Social'nye faktory snizheniya prestupnosti molodezhi v Respublike Saha (YAkutiya) [Social factors of reducing youth crime in the Republic of Sakha (Yakutia)]. Sociologicheskie issledovaniya – Sociological researches. 2022, no. 4, pp. 93–104.

9. Kagileva A. V. [Juvenile crime in Russian society]. Rossiya - Evraziya - mir: integraciya - razvitie - perspektiva: Materialy XIV Evrazijskogo ekonomicheskogo foruma molodezhi. V 4-h tomah [Russia - Eurasia - the World: Integration - Development - Perspective: Proceedings of the XIV Eurasian Economic Youth Forum. In 4 volumes]. Yekaterinburg, 2024, pp.173–177.

10. Khasanova R. R., Seredkina E. A. Vliyanie sem'i na prestupnost' nesovershennoletnih: analiz ekspertnyh interv'yu [The influence of family on juvenile delinquency: an analysis of expert interviews]. News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social Sciences – Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. 2019, no. 4 (204), pp. 114–119.

11. Romashin D. Y. Osobennosti profilaktiki prestuplenij nesovershennoletnih // [Features of prevention of juvenile delinquency]. Molodoj uchenyj – Young scientist. 2019, no. 39 (277), pp. 138–141.

12. Slinko M. I. Neformal'nye molodezhnye ob"edineniya i organizovannye prestupnye gruppy [Informal youth associations and organized criminal groups]. Vestnik MGU. Seriya 11. Pravo – Vestnik of the Moscow State University. Episode 11. Right. 1992, no. 2, pp. 62–67.

13. Dizer O. A. [On measures to counteract drug addiction among young people]. Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati doktora yuridicheskih nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federacii Avrutina YUriya Efremovicha v svyazi s 75-letiem so dnya rozhdeniya [Actual problems of Administrative and Administrative procedural law (Sorokin Readings): a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Yuri Efremovich Avrutin, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation on the occasion of his 75th birthday]. St. Petersburg, 2022, pp. 775-777.

14. Belkin R. S. Kriminalisticheskaya enciklopediya [Criminalistic encyclopedia]. Moscow, 2000, 2nd ed. Supplement, 334 p.

15. Antonyan Yu. M., Vinogradov M. V., Golumb C. A. Prestupnost' i psihicheskie anomalii [Crime and mental anomalies]. 1997, vol. 7, pp. 96–103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Ивушкина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, улица Лермонтова, 110.
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Ivushkina Olga Viktorovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 208–221.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no.1 (112). Pp. 208–221.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 323.21: 351

АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСВТИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР И НАСЕЛЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Кобец Петр Николаевич
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Российская Федерация, pkobets37@rambler.ru

Введение. Проведение комплексного исследования зарубежных особенностей взаимодействия полицейских и граждан является вполне актуальным требованием современности. Кроме того, в настоящее время анализ данной работы зарубежных полицейских подразделений имеет большую научную и практическую значимость. Исследование зарубежного положительного опыта, а также анализ негативных факторов данной деятельности позволит отечественным ученым и практикам выработать более эффективную правоохранительную модель обеспечения общественного порядка с участием граждан.

Материалы и методы. В качестве эмпирических данных автор использовал: зарубежную законодательную и правоохранительную практику; научные исследования, выполнение как в нашей стране, так и за рубежом по теме настоящей работы; а также иные информационные материалы, раскрывающие особенности совместной борьбы с преступностью полиции и населения за рубежом. В рамках научно-исследовательской работы все полученные эмпирическим путем данные по обозначенной проблематике были обобщены, проанализированы и послужили основой сделанных научных выводов. В качестве методов данного исследования применялся системный подход, логический анализ, систематизация, системно-структурный метод и метод обработки информационных данных. Применение подобной стратегии и данного научного подхода позволило автору успешно справиться с поставленной задачей.

Результаты исследования. Вопреки отсутствию сходства в государственных, политических и правовых системах стран мира, большинство из них стремятся к поддержанию в своих государствах устойчивого правопорядка и прилагают все необходимые усилия, чтобы минимизировать всевозможные правонарушения и противодействовать преступным проявлениям. Как правило, основные задачи по поддержанию правопорядка входят в функциональные обязанности полицейских подразделений. Также важно отметить, что в конце прошлого столетия в большинстве государств мира стали придерживаться подхода в нутренней коллективной безопасности, которая достигается на основе тесного сотрудничества полицейских структур и общественности. Кроме того, вместо репрессивных механизмов правоохранительными структурами стала применяться политика партнерских отношений с общественностью, что, в свою очередь, позволило существенно поднять престиж полицейских структур и сконцентрироваться на активизации мер противодействия преступным проявлениям. Важно отметить, что в первую очередь подобный правоохранительный подход стал внедряться в ряде мировых держав, согласно удовлетворению потребности гражданского общества, и позднее стал широко распространяться в остальных государствах.

© Кобец П. Н., 2025

Выводы и заключения. С учетом компаративистского анализа, а также комплексного исследования опыта анализируемой деятельности за рубежом автором убедительно доказано, что участие общественности в обеспечении правопорядка становится важнейшим способом в повышении эффективности этой работы в большинстве мировых держав. Проведенный анализ особенностей сотрудничества общественности и полицейских формирований за рубежом свидетельствует о хорошо налаженной, организованной и выстроенной работе по данному направлению в различных иностранных государствах. Проанализировав зарубежную положительную деятельность в сфере обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью, в дальнейшем было бы логично провести изучение всех положительных аспектов данной работы отечественными правоохранителями с возможным их внедрением в практику, в том числе было бы правильным принятие более результативных мер по взаимодействию правоохранительных органов с общественностью в совместной деятельности.

Ключевые слова: зарубежная правоохранительная практика, повышение общественной безопасности, новый положительный опыт, снижение преступности, правоохранительные органы, современные научные разработки, обеспечение правопорядка, взаимодействие с обществом, помощь полиции, предупреждение преступности

Для цитирования: Кобец П. Н. Анализ взаимодействия зарубежных правоохранительных структур и населения по обеспечению общественной безопасности и профилактике преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 208–221.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

ANALYSIS OF INTERACTION BETWEEN FOREIGN LAW ENFORCEMENT STRUCTURES AND THE POPULATION IN ENSURING PUBLIC S AFETY AND CRIME PREVENTION

Peter N. Kobets
All-Russian Scientific Research Institute of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, pkobets37@rambler.ru

Introduction. Conducting a comprehensive study of foreign peculiarities of interaction between police officers and citizens is quite an urgent requirement of our time. In addition, at present, the analysis of this work of foreign police units is of great scientific and practical importance. The study of foreign positive experience, as well as the analysis of negative factors of this activity will allow domestic scientists and practitioners to develop a more effective law enforcement model of ensuring public order with the participation of citizens.

Materials and Methods. As empirical data, the author used: foreign legislative and law enforcement practice; scientific research carried out both in our country and abroad on the topic of this work; as well as other information materials revealing the features of the joint fight against crime by the police and the population abroad. Within the framework of the research work, all empirically obtained data on the identified issues were summarized, analyzed and served as the basis for the scientific conclusions made. The methods of this study were a systems approach, logical analysis,

systematization, systemic-structural method and processing of information data. The use of such a strategy and this scientific approach allowed the author to successfully cope with the task.

The Results of the Study. Despite the lack of similarity in the state, political and legal systems of the countries of the world, most of them strive to maintain stable law and order in their countries and make every effort to minimize all kinds of offenses and counteract criminal manifestations. And as a rule, the main tasks of maintaining law and order are included in the functional responsibilities of police units. It is also important to note that at the end of the last century, most countries of the world began to adhere to the approach of internal collective security, which is achieved on the basis of close cooperation between police structures and the public. In addition, instead of repressive mechanisms, law enforcement agencies began to apply a policy of partnership with the public, which in turn allowed to significantly raise the prestige of police structures and concentrate on activating measures to counteract criminal manifestations. It is important to note that, first of all, such a law enforcement approach began to be introduced in a number of world powers in accordance with the needs of civil society, and later began to spread widely in other states.

Findings and Conclusions. Taking into account the comparative analysis, as well as a comprehensive study of the experience of the analyzed activity abroad, the author convincingly proved that public participation in ensuring law and order is becoming the most important way to improve the effectiveness of this work in most world powers. The conducted analysis of the features of cooperation between the public and police forces abroad indicates a well-established, organized and structured work in this area in various foreign countries. Having annotated foreign positive activities in the field of ensuring law and order and combating crime, it would be logical in the future to study all the positive aspects of this work by domestic law enforcement agencies with their possible implementation in practice. In particular, it would be correct to take more effective measures for the interaction of law enforcement agencies with the public in joint activities.

Keywords: foreign law enforcement practice, increasing public safety, new positive experience, reducing crime, law enforcement agencies, modern scientific developments, ensuring law and order, interaction with society, assistance to the police, crime prevention

For citation: Kobets P.N. Analiz vzaimodeistviya zarubezhnikh pravookhranitelnikh struktur i naseleniya po obespecheniyu obshchestvennoi bezopasnosti i profilaktike prestupnosti [Analysis of the interaction of foreign law enforcement agencies and the population to ensure public safety and crime prevention]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 208–221.

Совершенно очевидно, что комплексный анализ положительного опыта взаимодействия зарубежных правоохранителей и населения по обеспечению общественной безопасности и профилактике преступности, многие годы нарабатываемого в различных государствах, вполне поможет способствовать развитию отечественных позитивных тенденций в сфере совместной деятельности полицейских подразделений и общества. Все начиналось с того, что во многих государствах начало второй половины прошлого столетия прошло под эгидой борьбы с преступностью, в результате которой правительствами многих стран предпринимались многочисленные попытки решения данной проблемы путем ужесточения мер уголовной ответственности за совершенные правонарушения и увеличение штатной численности правоохранителей. Тем не менее проделанные разного рода правительственные шаги не принесли желаемого эффекта. В результате за рубежом взамен прежней авторитарной полицейской политики борьбы с преступностью постепенно пришла новая политика, связанная с налаживанием взаимодействия между общественностью и правоохранителями по вопросам совместной борьбы с криминальными угрозами.

Так, в Австрийской Республике (далее – Австрия) обеспечение безопасности возложено на следующие государственные структуры – полицию и жандармерию. Вместе они являются единой федеральной полицией. На основе изучения организационных и правовых основ функционирования структурных подразделений полиции и жандармерии Австрии отечественными специалистами отмечается, что эти подразделения обладают чрезвычайно высоким социальным рейтингом среди населения своей страны, который выступает в качестве объективной оценки общества относительно их результативности в сравнении с остальными государственными структурами. Как правило, профилактическая работа в этой стране проводится в отношении умышленной преступности, причем акцент в рассматриваемой деятельности сделан на ранние профилактические меры. Особым новшеством, а также отличительной особенностью профилактической работы в данной стране является применение правоохранителями соцсетей и онлайн-сервисов. В каждом из управлений полиции австрийских городов функционируют страницы соцсетей, а полицейские структуры федерального уровня пользуются собственно разработанными мобильными приложениями для взаимодействия с гражданами. Особенности воспитания, сознательность и менталитет австрийского населения оказывают положительное влияние на работу по взаимодействию полиции с общественностью, поэтому неслучайно в этой стране один из самых невысоких индексов преступности [1, с. 118].

В то же время в Королевстве Дания (далее – Дания) существуют собственные подходы для добровольного призыва граждан к поддержанию правопорядка. Примечательно, что данная страна реализует собственно разработанную государственную программу, которая носит название «Следопыт». По условиям данного программного документа для участия в оказании помощи датским полицейским органам в большинстве своем привлекаются именно сознательные граждане этой страны, вышедшие на заслуженный отдых. За оказание посильной помощи сотрудникам полиции им выплачиваются небольшие денежные вознаграждения. При этом согласно условиям о сотрудничестве граждан и полиции в функциональные обязанности датских полицейских помощников входит регулярный обход закрепленных за данными лицами жилых участков местности, внешний осмотр автотранспортных средств в местах их патрулирования на предмет выявления различных подозрительных ситуаций и информирование полицейских нарядов о совершаемых противоправных деяниях. В то же время при возникновении ситуаций, когда у датских следопытов возникают предположения в том, что подозрительное автотранспортное средство может быть угнано, ему разрешается спустить у него колеса [2, с. 23].

Продолжая комплексный анализ положительного опыта зарубежных правоохранителей и населения по социальному партнерству, следует отметить, что основным субъектом борьбы с преступными проявлениями в Итальянской Республике (далее – Италия) «являются полицейские подразделения, для которых характерна узкая специализация, многоуровневая структура и полная военизированность. Согласно правовым основам борьбы с преступностью полицейские функции в этой стране выполняются корпусом карабинеров, государственной полицией, финансовой гвардией, пенитенциарной полицией, провинциальной полицией, а также муниципальной полицией. Руководят борьбой с преступностью в Италии Минюст и Министерство внутренних дел» [3, с. 60]. В то же время важно отметить, что особое значение в своей работе правоохранители отводят мерам по ранней профилактике преступлений, причем вместе с общественностью. При этом борьба с преступностью строится на дифференцированном подходе, а субъекты ранней профилактики отличаются узкой специализацией, которая делает возможным сосредоточение

на недопущении совершения преступлений. Немаловажно, что универсальным субъектом ранней профилактики в этой стране является семья.

Еще в одной европейской стране, Королевстве Нидерландов (далее – Нидерланды), осуществляя деятельность, которая направлена на сближение полицейских и общественности, правительство стремится к тому, чтобы полицейские в процессе совместного выполнения правоохранительных функций оказывали различную помощь и поддержку лицам из числа граждан, принимающих активное участие не только в работе общественных формирований, но и при проведении остальных полицейских мероприятий. В целом следует отметить, что представители общественных формирований, которые прошли необходимую подготовку в полицейских участниках, впоследствии задействуются правоохранителями в выполнении некоторого полицейского функционала, но при этом, как правило, совершенно несложных для гражданских лиц мероприятий, связанных с охраной правопорядка. Чрезвычайно важно отметить, что согласно проведенным в этой стране социологическим исследованиям основная часть населения этого государства считает профессию полицейского особо престижной.

Специально хотелось бы остановиться на том, что в Нидерландах активно работает программа «Соседский надзор», суть которой состоит в том, что живущие на одних улицах домовладельцы, а также жители многоквартирных домов интегрируются при поддержке местных полицейских для совместной работы, направленной на борьбу с ворами и уличными преступниками. Получив необходимые рекомендации от полицейских, граждане, прибегая к повышенным мерам бдительности, заняты присмотром за жильем каждого из соседей во время их отсутствия. Подробные меры взаимопомощи позволяют создать иллюзию постоянного присутствия граждан в своих домах. Кроме того, соседи постоянно изымают поступающую почтовую корреспонденцию из почтовых ящиков, поливают цветы, обращают внимание на появление подозрительных лиц на прилегающих к домовладениям территориях и сразу же оповещают патрульных полицейских о возникновении любых тревожных ситуаций. В результате можно с уверенностью констатировать, что партнерские отношения между населением и полицейскими существенно снижают возможность разного рода криминальных рисков. Ориентирование полицейских в борьбе с преступностью на соседское окружение постепенно начинает превращаться в новый стиль деятельности полицейских формирований. Большинство населения этой страны уважительно относятся к полицейским, считая их одними из авторитетнейших граждан, постоянно сообщая об этом в разного рода общественных опросах. Помимо выполнения различного служебного функционала в соответствии с должностными инструкциями, правоохранителям этой страны вменено решение задач по оказанию любой помощи местному населению, поэтому полицейские настолько уважаемы гражданами, что ими, в свою очередь, на добровольной основе оказывается содействие в охране общественного порядка и общественной безопасности. При этом сами правоохранители, также являясь составной частью нидерландского общества, активно укрепляют позиции по взаимодействию с гражданами [4, с. 21].

Непременно следует указать на то, что в настоящее время за рубежом совершенствование правоохранительной работы связано «с обновленной концепцией национальной безопасности, которая выстраивается на принципах коллективной ответственности за совместное производство безопасности» [5, с. 56]. Также «в этих странах реализуется концепция community policing, суть которой состоит в аудите правоохранительных органов, выступающей традиционным инструментом контроля общества за соблюдением законов со стороны полиции и администрации» [6, с. 89]. В настоящее время во многих зарубежных странах, как, например, в Королевстве Швеция (далее – Швеции), эффективно реализуют эту концепцию. В этой стране, как и в ряде скандинавских государств,

полицейские пользуются большим уважением. По большей части это обусловлено интеллектуализацией данных лиц, а также повышением до больших размеров их заработной платы. Подобный подход способствовал появлению у лиц данной профессии чрезвычайно высокого социального статуса. Примечательно и то, что это первое из скандинавских государств, в котором были изучены закономерности между высоким индексом образования и общей культуры полицейских. Деятельность таких правоохранителей стала более эффективной и полезной для граждан. В этой стране присутствует проблемно ориентированный подход «problem oriented policing», выражающийся в постоянном анализе причин, по которым население вынуждено обращаться в полицейские структуры. Власти Швеции добились очень высокого доверия населения к полиции – порядка 98 %. Подобное доверие выражено в поддержке законопослушности населения, оказании помощи полиции гражданами по многим вопросам [7, с. 16].

Кроме того, Швеция придерживается этической стороны данного вопроса, основанного на принципе, суть которого можно выразить следующим образом: уважение к соблюдению законности начинается с уважения к обществу. Повышение уровня интеллектуальности в работе полицейских вместе с заработной платой существенно улучшили имидж шведских правоохранителей. С этого момента профессия полицейского становится популярной и, соответственно, происходит повышение их социального статуса [8, с. 151]. В то же время немаловажно отметить, что ученые скандинавских государств выявили закономерность, согласно которой высокий «индекс образования и уровня общей культуры сотрудников полиции способствует повышению их профессиональной деятельности, в процессе реализации социально ориентированной стратегии по функционированию полицейских подразделений в отношении к правонарушителям произошло понимание того, что этих лиц рассматривают не только как преступников, требующих репрессивного воздействия, а как людей, нуждающихся не только в ограничительных мерах, но и поддержке» [9, с. 71]. К тому же в Швеции сумели «широко внедрить подход "problem oriented policing", в соответствии с которым проводится целенаправленная работа по изучению причин обращения граждан в полицию. Доверие граждан к полиции самое высокое в мировой практике (составляет 98 %), оно выражается в поддержании законопослушного поведения и содействии полицейским» [10, с. 101].

В Республике Польша (далее – Польша) еще с конца прошлого столетия приступили к воплощению в жизнь специальной программы «Безопасный город», направленной на борьбу с противоправными проявлениями. Внедрение данной программы способствовало введению новых подходов к организации взаимодействия полицейских подразделений и общественности. Немаловажно отметить и о том, что использование новых подходов по взаимодействию полиции и общественности сразу же предусматривало внедрение максимального стимулирования самых инициативных сотрудников общественных формирований, которые, как правило, максимально вовлекаются в работу по борьбе с преступностью [11, с. 34]. И все же основополагающий фактор участия польской общественности в совместной правоохранительной деятельности состоит в высокой степени авторитета польских правоохранителей среди всего населения страны. В связи с этим польское население понимает важность проблематики совместной деятельности с представителями закона в области защиты правопорядка на основе выстроенных партнерских взаимоотношений между правоохранителями и гражданами, которые проживают на обслуживаемой территории, либо их представителями, делегированными польским обществом.

Существенно выделается на фоне многих зарубежных стран японский опыт взаимодействия населения и полицейских формирований. Эта страна обладает собственной практикой по обеспечению общественного порядка на административной территории. При этом важно упомянуть о том, что во всех префектурах полицейские подразделения дислоцируются на территориях округов и районов, где внедрены полицейские будки стационарного типа и осознавая, что важнейший приоритет по совершенствованию работы полицейских подразделений состоит в усилении взаимодействия с гражданами, японские власти уделяют особое внимание работе этих будок полиции, которые называются «Koban» [12, с. 201].

Это основа японской полицейской службы, поскольку в данных постах служит порядка сорока процентов всех японских полицейских. Как правило, полицейский пост находится в сельской местности, в котором сотрудник полиции проживает со своей семьей и несет службу. Полицейский пункт находится в городе и является только служебным помещением. В них несут дежурство несколько сотрудников, наблюдающих за правопорядком. Большинство отечественных и зарубежных исследователей дают высокую положительную оценку работе этих подразделений, отмечая, что «это адаптивные институты, характер которых определяется окружением, в которое они помещены» [13, с. 20]. Немаловажно отметить, что в этой стране важнейшей из единиц японской полицейской системы выступают патрульные сотрудники полиции, непосредственно взаимодействующие с представителями местного населения. Не следует исключать и то, что высокую эффективность работы японской полицейской системы, признанной таковой всем мировым сообществом, обеспечивает отлично отлаженная работа с местным населением. Проведенный анализ деятельности японских общественных организаций в сфере борьбы с преступностью показывает, что немаловажным условием эффективной работы японских правоохранителей является особая роль общественности в предупреждении различных правонарушений, в том числе среди несовершеннолетних граждан. В соответствии с японским законодательством каждый сотрудник полиции обслуживает порядка четырехсот семей. В процессе своей ежедневной деятельности сотрудники ППС, занимаясь профилактикой правонарушений, ведут с представителями японского общества разъяснительную работу, при этом также изучают мнение общественности о работе полицейских.

Следует обратить внимание на то, что успешная полицейская деятельность за рубежом в значительной степени основывается на многоаспектной и эффективной профилактической работе, которая в первую очередь характерна для японских полицейских. Японская полицейская политика в первую очередь акцентирует внимание на противодействие первичным преступным проявлениям, а также вторичным и рецидивным противоправным деяниям. Причем данная работа основана на тесном взаимодействии правоохранителей со всем обществом. Как правило, эту работу правоохранители стараются выстраивать на линейном уровне.

Профилактическая работа полицейских при полном взаимодействии с рядом государственных структур, СМИ и представителями общественности является основой функционирования полиции, сделавшей акцент не на строгие наказания, а на их неотвратимость. Также важно, что объектами профилактического воздействия становится все японское общество – от малолетних детей до глубоких стариков. Для того чтобы граждане обладали глубоким правосознанием, в стране восходящего солнца прибегают к проведению тотальной пропагандистской работы, которая основана на тотальном законопослушании, выражающемся в таких тезисах, как например: не следует нарушать законы, поскольку они направлены на защиту как тебя, так и твоей семьи, в противном случае тебе не помогут, когда в этом будет надобность, нарушать законодательство запрещено, поскольку это не только

позор для тебя, но и твоей семьи, иной общности либо группы, в случае нарушения тобою законодательства избежать ответственности не удастся [14, с. 201].

Большое внимание японской полиции сосредоточено на мерах по предупреждению первичной преступности, в частности причин, ее детерминирующих. Для этого введен тотальный полицейский контроль «в местах массового скопления людей, станциях метрополитена, электропоездах, остановках транспорта, питейных заведениях и в местах развлечения, в то же время сотрудники полиции практически не вмешиваются без особых причин, однако моментально оказывают помощь пострадавшим [15, с. 12]. Одновременно с этим нахождение на улицах этого государства подвыпивших людей не является правонарушением, в то же время практически отсутствуют пьяные драки в общественных местах. Особое внимание в процессе охраны правопорядка полицейские обращают на группы несовершеннолетних.

Решая практические задачи, японские правоохранители практически по всем вопросам стараются взаимодействовать с общественностью. Это взаимодействие проявляется в процессе предотвращения преступных посягательств, контроле утерянного имущества, наблюдении за проблемными несовершеннолетними гражданами, оказании помощи жертвам чрезвычайных ситуаций, в процессе заботы за беспризорными несовершеннолетними, а также предоставлении населению разного рода дополнительных услуг. Японскими правоохранителями организована серьезная профилактическая работа с населением. Ими постоянно посещаются разного рода места, где проживают граждане, которые находятся под контролем полицейских. Чтобы установить более тесные связи с общественностью, правоохранителями принимается участие в различных культурных мероприятиях. Как правило, ими проводятся разного рода беседы по соблюдению правил правопорядка. Существенное значение отводится сбору предложений от населения по улучшению охраны правопорядка [16, с. 132].

Важно и то, что японское общество воспитывается не только в духе соблюдения законодательных норм, но также и оказания обязательной помощи государственным правоохранительным структурам, поэтому главным секретом успеха японских правоохранителей является доверительные взаимоотношения, которые они сумели выстроить с обществом. При этом также не следует приуменьшать роль традиционного японского воспитания, пропаганды и демонстрации результативности полицейских. В то же время тотальное законопослушание подкрепляется невысокими преступными проявлениями, хорошей раскрываемостью и чрезвычайно низким уровнем коррупционных проявлений среди полицейских. О моральном облике японских полицейских ничего плохого не говорится в обществе, поскольку он считается абсолютно безупречным, так же, как и высокий авторитет среди граждан.

Японские полицейские обладают многогранным опытом по взаимодействию не только с гражданами, но и с реабилитационными центрами, комитетами самоуправления и др. Созданная впервые еще в 1947 году «Ассоциация старших братьев» сегодня функционирует в каждой японской префектуре. Как отмечают эксперты, «подобная Ассоциация родителей и учителей работает в каждой школе страны, оказывая полицейским помощь по обеспечению общественного порядка и предупреждению противоправных деяний. Функционирование подобных общественных объединений в рамках всей страны координирует «Общеяпонский совет ассоциации родителей и учителей» [17, с. 10]. По всей стране функционируют также пункты связи с полицией, которые объединяют в свои ряды представителей добровольных объединений общественности. Всего в Японии их около семисот тысяч, причем каждым из них охвачено порядка пятидесяти семей.

Китайским властям также удалось разработать и сформировать собственный оригинальный механизм по вовлечению общественности в правоохранительную работу. При этом важно отметить, что понимание того, что развивать взаимодействие китайских правоохранителей и населения пришло к китайским властям во время экономического и социального преобразования страны, которое происходит на протяжении последних сорока лет. Данные преобразования способствовали тому, что Китай сегодня занимает по многим направлениям передовые лидирующие позиции в мире, и это делает необходимым проведение интеграции всего общества в единое правовое поле [18, с. 53]. Важнейшими из компонентов и элементов данного механизма считаются партийные и государственные структуры разного уровня, региональные власти, местные органы народного представительства, различные административные инстанции, а также СМИ. Немаловажно и то, что эти органы не просто функционируют, а проявляют повышенную активность в контексте стратегических инициатив и планов Центрального Комитета Китайской компартии. Данный курс стабилен на протяжении многих лет. Лишь иногда он корректируется постановлениями ЦК КПК в связи с возникающими изменениями в криминальной обстановке. Вне всякого сомнения, существенную роль в данном процессе отводится выработанной на протяжении столетий традициям, в соответствии с которыми государственные законодательные инициативы оцениваются большинством китайского населения в качестве обязательных для исполнения. Подобное законопослушное отношение поддерживает и стимулирует мобилизацию общества в содействии правоохранителям для обеспечения законности и правопорядка.

Сегодня в КНР все СМИ выступают в качестве особо важной интерактивной среды по взаимодействию полиции и китайского народа. Большинство решений, которые принимаются партийными инстанциями, а также административными властями, широко пропагандируют СМИ, и без того уделяющие повышенное внимание проблематике противодействия преступным проявлениям. В то же время СМИ не оставляют без внимания антиобщественные последствия преступных проявлений, широко освещая причиненный вред, наносимый благополучию как всего общества, так и отдельным китайским гражданам. В таких условиях в каждом городе происходит организация комитетов общественной безопасности, а при них – формирование отрядов добровольных помощников полицейских. Эти отряды под руководством правоохранителей работают не только по месту жительства, но и на предприятиях и в учреждениях. Подобная ситуация складывается и в сельской местности. Как правило, чтобы выполнять задачи, связанные с охраной правопорядка, привлекают добровольцев, которые действуют под эгидой сельсоветов [19, с. 42].

Прочный общественный строй, постоянно и быстро развивающиеся экономические процессы, существенный рост благосостояния общества и все возрастающий международный авторитет Китая способствовали чрезвычайно позитивному отношению общества к полицейским и их работе благодаря СМИ, которые уделяют серьезное внимание освещению связей общественности и полиции. В этих целях в стране организовано немало всевозможных мероприятий, направленных на ознакомление общества с различными направлениями работы данной правоохранительной структуры. Чтобы у китайского населения складывался положительный образ сотрудника полиции, в современном Китае стремятся использовать различные подходы. В частности, не забывают о телекоммуникационных сетях, при помощи которых полицейские ведут собственные блоги в сфере правоохранительной деятельности. Все эти разнообразные меры, предпринимаемые китайскими полицейскими, в большинстве своем направлены на результативное взаимодействие с населением, и поэтому не остаются без внимания общества и высоко им ценятся.

Следует отметить, что в Китае в процессе официальной оценки функционирования полицейских подразделений мнение общественности об их работе не учитывается. Для оценки эффективности работы правоохранителей в этой стране учитываются статистические данные о результатах деятельности полицейских по основным направлениям работы, а также данные экспертных аналитических выводов. Между тем, несмотря на то, что мнение населения никак не влияет на оценку работы полиции, формирование положительного имиджа данных подразделений является важным элементом в работе этих структур, и на это они не жалеют ни времени, ни ресурсов [20, с. 367]. Вместе с тем с каждым годом престиж китайской полиции среди населения только возрастает благодаря тому, что она полностью открыта для общества. При этом полицейские стремятся быстро и эффективно реагировать на поступающие от населения заявления, а также просьбы о решении проблем, связанных с жизнью сообщества в целом. Подобным образом происходит реализация концепции «коммунальной полиции», которая нацелена на разрешение самых насущных общественных вопросов, связанных с обеспечением правопорядка. Кроме того, сотрудники полиции постоянно знакомят население с особенностями своей работы, отчитываются о ее результатах перед гражданами, поскольку правоохранители заинтересованы в оптимизации и эффективности данной деятельности [21, с. 1112].

В заключение хотелось бы сделать ряд выводов. Так, в частности, в государственной системе большинства стран полицейским структурам отводится исключительная роль в противодействии преступным проявлениям. В то же время их деятельность может быть распространена на различные области жизнедеятельности граждан. На рубеже прошлого и нынешнего столетий многие из иностранных государств сосредоточились на осуществлении крупных преобразований, а также значительном и масштабном реформировании собственной полицейской системы в целях улучшения результативности ее функционирования. Немаловажным обстоятельством данных реформ стало стремление изменить не только методы и формы деятельности данной правоохранительной структуры, но в первую очередь содержание ее взаимодействия с общественностью. В результате подобного реформирования полицейские структуры стали более активно пользоваться поддержкой населения. С участием общественности и непосредственным включением большинства сознательного населения в совместную правоохранительную работу полицейские подразделения стали обладать большими информационными данными, позволяющими во многих случаях гораздо эффективнее предотвращать и расследовать факты противоправной деятельности. Подобный опыт взаимодействия смог в значительной степени повысить уровень доверия общества к правоохранителям.

Опираясь на проведенное исследование, а также учитывая зарубежный опыт и позитивную практику полицейских подразделений зарубежных государств по совместной работе с общественностью, с полным основанием можно утверждать о том, что результативная реализация в этих государствах общественно ориентированных схем, подходов и принципов работы полицейских подразделений и общественности по большей части обеспечена общественно-историческими особенностями, общественно-культурными составляющими. Обладая порою довольно разнообразными практиками и историческими традициями, многие зарубежные страны применяют совершенно доступные ресурсы с целью повышения результативности работы, направленной на защиту безопасности и интересов населения. При этом в данных государствах изучение мнения общественности составляет основной инструмент оценки функционирования правоохранителей, которые выступают основной структурой, на профессиональной основе обеспечивающей защиту своих граждан. Немаловажно и то, что данная работа в полной мере основывается на социальном контроле

правоохранительной деятельности, тем самым гарантируя продекларированные основные права и свободы.

Рассмотрение зарубежных практик в совокупности с исследованием иностранных моделей положительного опыта в сфере повышения результативности взаимодействия правоохранителей и общественности позволяет особо выделить некоторые из путей и механизмов, способствующих развитию совместной деятельности полиции и населения в нашей стране. В частности, необходимо делать акцент на развитие подготовки и переподготовки профессиональных полицейских кадров, которые бы обладали не только специальным образованием, но также и необходимым набором личных качеств. Одним из важнейших направлений данной работы должно стать наращивание контактов между полицией и общественностью на низовом уровне. Для этого полицейским на подведомственной территории необходимо быть в курсе всего происходящего и более оперативно реагировать на обращение населения, решать возникающие у них вопросы. Особое отношение правоохранителями должно уделяться профилактической работе, причем именно с вовлечением к данной деятельности представителей общественности. Также немаловажно развивать механизмы по общественному мониторингу, при помощи которого будет производиться оценка результативности выполнения правоохранительных функций полицейскими подразделениями. И самое главное, без улучшения имиджа полиции довольно сложно добиваться позитивных результатов по взаимодействию граждан с правоохранителями.

Таким образом, анализ опыта деятельности иностранных государств свидетельствует о высокой эффективности партнерских взаимоотношений правоохранителей и общества, которые по большей части основаны на проблемно ориентированном подходе к противодействию преступным проявлениям. В современных условиях отечественным правоохранителям следует выстраивать действенный правоохранительный механизм, на основе которого возможно будет в процессе защиты граждан в первую очередь руководствоваться именно их потребностями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гордеев А. Ю. К вопросу о положительном опыте предупреждения преступлений в зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 11А. С. 115–121.

2. Головко А. Диктант для полицейских // Полиция России. 2012. № 12. С. 22–23.

3. Каширина О. Н. Концепция ранней профилактики преступности в Итальянской Республике: содержание, субъекты // Инновационная экономика и право. 2016. № 1 (2). С. 57–66.

4. Шпак А. В. Актуальные проблемы взаимодействия полиции и гражданского общества в сфере реализации правоохранительной функции государства: отечественный и зарубежный опыт // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7. № 2. С. 17–25.

5. Киселев А. К. Общественность и полиция в Европе: опыт последнего десятилетия // Административное право и процесс. 2012. № 11. С. 54–58.

6. Зимин Е. А. Концепция "community policing": общие предпосылки возникновения, доктринальная и практическая неопределенность // Проблемы права. 2014. № 1 (44). С. 88–91.

7. Петрушина Ю. Н. Правовое положение института участкового уполномоченного полиции в зарубежных странах // Отечественная юриспруденция. 2019. № 7 (39). С. 15–18.

8. Кораблев С. Е. Социально-ориентированная стратегия деятельности полиции как фактор ее профессиональной эффективности // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 1. С. 148–155.

9. Зыков А. П. Готовность сотрудников полиции к урегулированию кризисных ситуаций как фактор укрепления социального доверия граждан (на примере отечественного и зарубежного опыта) // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (18). С. 67–76.

10. Майоров В. И., Севрюгин В. Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 35. С. 95–106.

11. Кобец П. Н. Опыт полиции Республики Польша по взаимодействию с гражданским обществом в сфере охраны правопорядка и поддержания безопасности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 32–35.

12. Кобец П. Н. Положительный опыт японской полиции в сфере охраны правопорядка и профилактики преступности // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 2 (97). С. 199–204.

13. Кобец П. Н. Исторический анализ японской правовой системы // История государства и права. 2021. № 7. С. 17–23.

14. Медведицкова Л. В., Зубенко В. В. Опыт эффективного взаимодействия населения и полиции в зарубежных странах в процессе профилактики и раскрытия преступлений // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 199–201.

15. Квашис, В. Е. Полиция Японии: организация и эффективность // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 9–14.

16. Квашис В., Морозов Н. Основные тенденции преступности в Японии // Уголовное право. 2015. № 2. С. 131–134.

17. Зиядуллаев М. З. Зарубежный опыт системы охраны общественного порядка и профилактики правонарушений в населенных // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 42–47.

18. Кобец П. Н. Генезис органов государственной власти и управления Китайской Народной Республики // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 51–55.

19. Решетников И. В. Становление и развитие полиции Китая // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 2 (45). С. 38–43.

20. Внуков В. И., Кайргалиев Д. В. Организация и управление служебной деятельностью полиции Китая // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11 (90). С. 362–363.

21. Боктаева Д. В. Особенности работы полиции Китая в сфере охраны общественного порядка // Экономика и социум. 2019. № 6 (61). С. 1111–1113.

REFERENCES

1. Gordeev A. Yu. K voprosu o polozhitelnom opite preduprezhdeniya prestuplenii v zarubezhnikh stranakh [On the issue of positive experience in preventing crimes in foreign countries]. Voprosi rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava – Issues of Russian and International Law. 2017, vol. 7, no. 11A, pp. 115-121.

2. Golovko A. Diktant dlya politseiskikh [Dictation for police officers]. Politsiya Rossii – Police of Russia. 2012, no. 12, pp. 22-23.

3. Kashirina O.N. Kontseptsiya rannei profilaktiki prestupnosti v Italyanskoi Respublike: soderzhanie, subekti [The concept of early crime prevention in the Italian Republic: content,

subjects]. Innovatsionnaya ekonomika i pravo – Innovative Economics and Law. 2016, no. 1 (2), pp. 57-66.

4. Shpak A. V. Aktualnie problemi vzaimodeistviya politsii i grazhdanskogo obshchestva v sfere realizatsii pravookhranitelnoi funktsii gosudarstva: otechestvennii i zarubezhnii opit [Actual problems of interaction between the police and civil society in the sphere of implementation of the law enforcement function of the state: domestic and foreign experience]. Zhurnal yuridicheskikh issledovanii – Journal of Legal Research. 2022, vol. 7, no. 2, pp. 17-25.

5. Kiselev A. K. Obshchestvennost i politsiya v Yevrope: opit poslednego desyatiletiya [The public and the police in Europe: the experience of the last decade]. Administrativnoe pravo i protsess – Administrative law and process. 2012, no. 11, pp. 54-58.

6. Zimin Ye. A. Kontseptsiya "community policing": obshchie predposilki vozniknoveniya, doktrinalnaya i prakticheskaya neopredelennost [The concept of "community policing": general prerequisites for its emergence, doctrinal and practical uncertainty]. Problemi prava – Problems of Law. 2014, no. 1 (44), pp. 88-91.

7. Petrushina Yu. N. Pravovoe polozhenie instituta uchastkovogo upolnomochennogo politsii v zarubezhnikh stranakh [Legal status of the institute of district police officer in foreign countries]. Otechestvennaya yurisprudentsiya – Domestic jurisprudence. 2019, no. 7(39), pp. 15-18.

8. Korablev S. Ye. Sotsialno-orientirovannaya strategiya deyatelnosti politsii kak faktor yee professionalnoi effektivnosti [Socially-oriented strategy of police activity as a factor of its professional effectiveness]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013, no. 1, pp. 148-155.

9. Zikov A P. Gotovnost sotrudnikov politsii k uregulirovaniyu krizisnikh situatsii kak faktor ukrepleniya sotsialnogo doveriya grazhdan (na primere otechestvennogo i zarubezhnogo opita) [Readiness of police officers to resolve crisis situations as a factor in strengthening social trust of citizens (based on domestic and foreign experience)]. Nauchnii daidzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (18), pp. 67-76.

10. Maiorov V. I., Sevryugin V. Ye. Protivodeistvie prestupnosti na osnove sovremennikh kontseptsii vzaimodeistviya politsii i obshchestva: opit zarubezhnikh stran i Rossii [Combating crime based on modern concepts of interaction between police and society: experience of foreign countries and Russia]. Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Vestnik of Perm University. Legal sciences. 2017, no. 35, pp. 95-106.

11. Kobets P. N. Opit politsii Respubliki Polsha po vzaimodeistviyu s grazhdanskim obshchestvom v sfere okhrani pravoporyadka i podderzhaniya bezopasnosti [Experience of the Police of the Republic of Poland in Interacting with Civil Society in the Sphere of Law Enforcement and Maintaining Security]. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom – Civil Society in Russia and Abroad. 2019, no. 1, pp. 32-35.

12. Kobets P. N. Polozhitelnii opit yaponskoi politsii v sfere okhrani pravoporyadka i profilaktiki prestupnosti [Positive experience of the Japanese police in the field of law enforcement and crime prevention]. Yurist-Pravoved – Jurist-Pravoved. 2021, no. 2 (97), pp. 199-204.

13. Kobets P. N. Istoricheskii analiz yaponskoi pravovoi sistemi [Historical analysis of the Japanese legal system]. Istoriya gosudarstva i prava – History of the state and law. 2021, no. 7, pp. 17-23.

14. Medveditskova L. V., Zubenko V. V. Opit effektivnogo vzaimodeistviya naseleniya i politsii v zarubezhnikh stranakh v protsesse profilaktiki i raskritiya prestuplenii [Experience of effective interaction between the population and the police in foreign countries in the process of

preventing and solving crimes]. Mir nauki, kulturi, obrazovaniya – World of science, culture, education. 2016, no. 1 (56), pp. 199-201.

15. Kvashis V. Ye. Politsiya Yaponii: organizatsiya i effektivnost [Police of Japan: organization and efficiency]. Obshchestvo i parvo – Society and Law. 2018, no. 2 (64), pp. 9-14.

16. Kvashis V., Morozov N. Osnovnie tendentsii prestupnosti v Yaponii [Main trends of crime in Japan]. Ugolovnoe parvo – Criminal law. 2015, no. 2, pp. 131-134.

17. Ziyadullaev M. Z. Zarubezhnii opit sistemi okhrani obshchestvennogo poryadka i profilaktiki pravonarushenii v naselennikh [Foreign experience of the system of public order protection and crime prevention in populated areas]. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2017, no. 2 (63), pp. 42-47.

18. Kobets P. N. Genezis organov gosudarstvennoi vlasti i upravleniya Kitaiskoi Narodnoi Respubliki [Genesis of state authorities and administration of the People's Republic of China]. Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie – State power and local self-government. 2020, no. 7, pp. 51-55.

19. Reshetnikov I. V. Stanovlenie i razvitie politsii Kitaya [Formation and development of the police of China]. Yurist-Pravoved – Jurist-Pravoved. 2011, no. 2 (45), pp. 38-43.

20. Vnukov V. I., Kairgaliev, D. V. Organizatsiya i upravlenie sluzhebnoi deyatelnostyu politsii Kitaya [Organization and management of official activities of the Chinese police]. Yevraziiskii yuridicheskii zhurnal – Eurasian Law Journal. 2015, no. 11 (90), pp. 362–363.

21. Boktaeva D. V. Osobennosti raboti politsii Kitaya v sfere okhrani obshchestvennogo poryadka [Features of the work of the Chinese police in the field of public order protection]. Ekonomika i sotsium – Economy and Society. 2019, no. 6 (61), pp. 1111-1113.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kobets Peter Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer of the Centre for Organisational Support of Scientific Activity. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25 Povarskaya St., bldg.1, Moscow, 121069.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 222–229.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. No 1 (112). Pp. 222–229.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.3.7

«КОМАНДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Лисаускайте Валентина Владо
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
vlado@mail.ru

Введение. Анализ военных преступлений и особенностей их квалификации свидетельствует о наличии не только ответственности непосредственно лиц, совершивших эти деяния, но и лиц, под чьим командованием находились преступники. Международное уголовное право закрепляет институт «командной ответственности», в рамках которой командир (начальник) ответственен за преступные действия своих подчиненных. В связи с этим в рамках исследования автор раскрывает теоретические особенности этого института и проблематику его правового регулирования с позиции национального уголовного законодательства.

Материалы и методы. В качестве материалов работы использованы: УК РФ[1], иные национальные нормативные правовые акты, Римский статут Международного уголовного суда и материалы судебных прецедентов международных трибуналов. Применены методы описания, анализа, сравнения и системный метод исследования.

Результаты исследования. Результатами работы стала итоговая оценка проанализированных материалов относительно необходимости внесения изменений и закрепления специальных составов преступлений, предусматривающих ответственность командира и начальника в случае совершения их подчиненными военных преступлений, с учетом специфики самого субъекта и характера невыполнения своих полномочий.

Выводы и заключения позволили автору установить недостатки действующего уголовного законодательства и сформировать рекомендации по его изменению.

Ключевые слова: военные преступления, командная ответственность, ответственность командиров, УК РФ, международные договоры Российской Федерации

Для цитирования: Лисаускайте В. В. «Командная ответственность» и военные преступления: вопросы юридической оценки // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 222–229.

© Лисаускайте В. В., 2025

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.12.2024).

**5.1.4. Criminal-legal sciences
(legal sciences)**

Original article

COMMAND RESPONSIBILITY» AND MILITARY CRIMES: LEGAL ASSESSMENT ISSUES

Valentina V. Lisauskaite
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, vlado@mail.ru

Introduction. An analysis of war crimes and the peculiarities of their qualification indicates the presence of not only responsibility directly for the persons who committed these acts, but also for the persons under whose command the criminals were. International criminal law establishes the institution of «command responsibility», in which a commander or superior is always responsible for the criminal actions of his subordinates. Therefore, within the framework of the study, the author reveals the theoretical features of this institution and the problems of its legal regulation from the perspective of national criminal legislation.

Materials and Methods. The materials used in this work include: Criminal Code of the Russian Federation, other national normative legal acts, the Rome Statute of the International Criminal Court and materials of judicial precedents of international tribunals. The methods of description, analysis, comparison and systematic method of research.

The Results of the Study. The results of the work were a final assessment of the analyzed materials regarding the need to make changes and consolidate special offenses that provide for the responsibility of the commander and superior in the event of their subordinates committing war crimes, taking into account the specifics of the subject itself and the nature of the failure to fulfill their powers.

Findings and Conclusions. Allowed the author to identify the shortcomings of the current criminal legislation and formulate recommendations for changing it.

Keywords: war crimes, command responsibility, responsibility of commanders, the Criminal Code of the Russian Federation, international treaties of the Russian Federation

For citation: Lisauskaite V.V. «Komandnaya otvetstvennost» i voennye prestupleniya: voprosy yuridicheskoj ocenki [«Command Responsibility» and War Crimes: Issues of Legal Assessment]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 222–229.

В 1945 году в результате принятия Устава Международного военного Нюренбергского трибунала была сформирована основа для дальнейшего функционирования и применения международного механизма привлечения к международной уголовной ответственности преступников, виновных в совершении преступлений против мира и безопасности человечества. Мировое сообщество параллельно сформировало международно-правовую платформу самого института индивидуальной ответственности за совершение таких деяний. В последующие десятилетия этот институт получил свое развитие и национальное закрепление в законодательстве большинства стран мира. Одним из его элементов выступает ответственность командиров за совершение преступлений своими подчиненными.

В отечественной литературе встречается термин, объединяющий все эти особенности – «командная ответственность», в зарубежных источниках используются термины «ответственность командования», «ответственность вышестоящего начальника» [1, с. 131]. Под командной ответственностью следует понимать обязанность командира нести ответственность за действия своих подчиненных в соответствии с правилами воинского устава

и возложенными на командира полномочиями. Такая ответственность приобретает особое значение, когда речь идет о международных преступлениях. В данном случае командная ответственность получила подтверждение в Нюренбергских принципах и ряде международных договоров.

В контексте рассмотрения военных преступлений командная ответственность включает в себя несколько форм проявления:

– ответственность командира за совершение его подчиненными преступлений, когда он должен был знать об их совершении, но не принял всех мер в пределах своих полномочий для предотвращения или пресечения его совершения;

– ответственность командира за сокрытие фактов совершения его подчиненными преступлений и невыполнение необходимых действий для привлечения их к ответственности [2, с. 255]. Говоря о командной ответственности, следует отметить, что речь идет не только о военных командирах, но и иных гражданских лицах (начальниках), осуществляющих командные функции. Начальник – это любое лицо, которое несет личную ответственность за исполнение действий подчиненными лицами [3, с. 116]. Это правило получило закрепление как в теории международного уголовного права, так и в документах международных трибуналов. Статья 28 Римского статута Международного уголовного суда[2], посвященная вопросам ответственности командиров и других начальников, состоит из двух частей: в одной рассматриваются вопросы ответственности военных командиров, в другой – вопросы ответственности гражданских начальников [4, с. 64].

Данные обязанности и ответственность установлены во многих международных документах и национальном законодательстве. Однако изначально правило сформировалось в прецедентах международных трибуналов по окончании Второй мировой войны. И лишь спустя значительное время получило закрепление в ст. 86 I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся зашиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)[3]:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, должны пресекать серьезные нарушения и принимать необходимые меры для пресечения всех других нарушений Конвенций или настоящего Протокола, являющихся результатом непринятия мер, которые должны были быть приняты.

2. Тот факт, что нарушение Конвенций или настоящего Протокола было совершено подчиненным лицом, не освобождает его начальников от уголовной или дисциплинарной ответственности в зависимости от случая, если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была бы дать им возможность прийти к заключению в обстановке, существовавшей в то время, что такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение, и если они не приняли всех практически возможных мер в пределах своих полномочий для предотвращения или пресечения этого нарушения»[4].

Военные преступления совершаются в обстановке вооруженного конфликта, соответственно, необходимо определить, какие обязанности возложены на командира в такой ситуации. Специфика полномочий командира раскрывается с учетом международных

---

[2] Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года : послед. ред. // un.org/ru : сайт. URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%28r%29.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

[3] Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся зашиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят на дипломат. конф. в Женеве 8 июня 1977 года // Международный Комитет Красного Креста : сайт. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

[4] Там же.

договоров Российской Федерации в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации [5] (далее – Устав), утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495, и в Наставлении по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации.

Согласно Уставу каждый военнослужащий обязан знать и соблюдать нормы международного гуманитарного права, правила обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, медицинским персоналом, духовными лицами, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными. Исходя из содержания п. 77 Устава, командир обязан организовать правовое обучение своих подчиненных нормам международного гуманитарного права и контролировать их соблюдение. Данное положение направлено на исключение ситуации нарушения военнослужащими норм международного гуманитарного права, в том числе, военных преступлений, а также обязанность руководства обеспечить своих подчиненных знаниями в данной сфере.

В свою очередь, сам командир должен «знать нормативные правовые акты Российской Федерации в пределах установленного правового минимума, нормы международного гуманитарного права и действовать в строгом соответствии с ними, а также требовать от подчиненных их соблюдения»[6]. Данная обязанность позволяет нам говорить о невозможности принятия командиром изначально незаконного приказа. Он владеет знаниями, позволяющими ему отдавать приказы, которые не должны нарушать нормы национального законодательства и международного гуманитарного права. Обязанность знать нормы международного гуманитарного права в пределах установленного правового минимума возложена и на солдат. Соответственно, ни командир, ни иные военнослужащие, находящиеся в его подчинении, не могут сослаться на незнание норм международного права как причину его нарушения, особенно в форме совершения военных преступлений.

Следует согласиться с позицией Д. А. Уильямсона о специфике рассматриваемой ответственности командира (начальника). Он выделяет ряд обстоятельств, которые необходимо установить:

1) должны существовать отношения начальник – подчиненный, между которыми установлены связь власти – подчинения, первый осуществляет контроль и несет ответственность за действия второго;

2) начальник знал или мог знать, что его подчиненный совершил или намеревается совершить преступное деяние;

3) начальник не принял необходимых и разумных мер для предотвращения совершения преступления и наказания за него [1, с. 136–137]. Вне зависимости от того, что указанные обстоятельства подразумеваются, они должны быть установлены как основания ответственности командира.

Командир осуществляет надзорные полномочия в отношении своих подчиненных по соблюдению ими норм национального законодательства относительно правил несения воинской службы и международного права в период участия в вооруженном конфликте. Отношения между командиром и подчиненным необязательно должны существовать де-юре, существующих де-факто отношений достаточно, чтобы командир нес ответственность за действия подчиненного [5, с. 715]. Г. Верле отмечает, что «военные звания или другие властные формы просто выступают в роли показателей эффективного контроля; решающим фактором являются фактические обстоятельства. Следовательно, объем юридической (de jure) власти начальника может быть как расширен, так

[5] Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495 : послед. ред. // ГАРАНТ : сайт. URL: https://base.garant.ru/192196/ (дата обращения: 22.12.2024).

[6] Там же.

и сужен пределами фактического (de facto) контроля» [6, с. 233].

При установлении ответственности командира (начальником) на практике выделяют несколько особенностей ее оценки. Во-первых, необходимо оценивать действия командира (начальника) как самостоятельное преступление, а не в совокупности с преступной деятельностью его подчиненных. Соответственно, не может быть установлено соучастие, поскольку командир (начальник) несет ответственность за неисполнение своих профессиональных обязанностей. Данный аспект по-разному решается в мировой практике с учетом особенностей национальных правовых систем и позиции конкретного международного суда. Эксперты отмечают, что прецеденты различных международных судебных учреждений расходятся в юридической оценке таких событий.

В научной литературе и практике международных уголовных судебных учреждений разделяют командную ответственность военного командира и гражданского начальника с учетом специфики их статуса, полномочий и сферы деятельности [7, с. 106]. В связи с этим по-разному решается вопрос об их уголовной ответственности с учетом специфики их правового статуса.

В настоящее время отсутствует специальный состав преступления, предусматривающий ответственность военного командира. Однако встречаются позиции о необходимости включения соответствующего состава преступления, как военного. Так, С. А. Лобанов предлагает закрепить в главе 34 УК РФ следующий состав преступления: «отдача приказа, направленного на совершение военного преступления, а также его исполнение» [2, с. 302]. На наш взгляд, сам факт отдачи незаконного приказа, в первую очередь, посягает на правила порядка несения военной службы, поэтому с учетом объекта посягательства такое деяние не может быть закреплено в главе «Преступления против мира и безопасности человечества». Последствия такого приказа носят характер самостоятельного, уже военного преступления и квалифицируются отдельно. Отталкиваться только от признака объективной стороны – обстановки совершения преступления, некорректно. Приказ «не оставлять никого в живых» – применительно к военным преступлениям выступает в качестве запрещенного метода ведения войны. Соответственно, в данном случае отдельная ответственность должна устанавливаться за отдачу незаконного приказа как нарушения порядка несения военной службы и отдельно за совершение военного преступления в виде применения запрещенного метода ведения войны.

В случае рассмотрения ответственности за незаконный приказ следует говорить о специальном субъекте. Ответственность за такое деяние должна быть закреплена в рамках главы 33 УК РФ «Преступления против военной службы». В научной литературе давно обсуждается вопрос о необходимости его включения, поскольку применение общих составов преступлений к специальному субъекту некорректно, так как не позволяет учесть специфику как самого субъекта, так и особенностей совершения такого деяния. М. Г. Левандовская подчеркивает, что рассматриваемые действия (бездействие) командира должны рассматриваться как должностные преступления [8, с. 40]. Но в данном случае необходимо учитывать специфику профессиональной деятельности. Согласиться с указанной позицией можно только, если речь идет об ответственности гражданского начальника. Тогда соответствующие изменения должны быть внесены в главу 30 «Должностные преступления» УК РФ. Относительно уголовной ответственности военного командира необходимо учитывать специфику именно военной службы, а соответственно, выделять из всех должностных преступлений общественно опасные деяния именно против правил несения военной службы.

Г. А. Есаков считает, что применение в отношении военных командиров ст. 293 УК РФ некорректно по ряду причин: норма носит общий характер, и закрепленные в ней признаки субъекта неприменимы к командиру, в составе преступления предусмотрена только неосторожная форма вины, что не соответствует ситуации ответственности командира [9, с. 60]. Схожей позиции придерживается Э. Р. Хаертдинова, которая отмечает, что «применение данной нормы к рассматриваемой категории лиц является искусственно притянутым и довольно лояльным» [10, с. 134].

Таким образом, для установления уголовной ответственности командира (начальника) за действия своих подчиненных, следствием которых стало совершение военного преступления, необходимо закрепление соответствующих составов преступлений с учетом особенностей правового статуса субъекта и возложенных на него обязанностей. Считаем, что в рамках главы 30 УК РФ необходимо закрепить самостоятельный состав преступления с учетом формы вины, полномочий гражданского начальника и последствий, выраженных в совершении военного преступления его подчиненными в обстановке вооруженного конфликта.

Закрепление такого состава преступления в главе 33 УК РФ обосновывается его спецификой, поскольку в своем бездействии командир (начальник) нарушает свои обязанности в соответствии с военным законодательством Российской Федерации.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что военные преступления, часто совершаемые в рамках исполнения приказа, обладают особенностями решения вопросов об ответственности и далеко не все из них имеют юридически закрепленную позицию. Две мировые войны привели к постепенному закреплению базовых принципов такой ответственности и способствовали формированию концепции «умных штыков» и концепции командной ответственности. Ответственность исполнителя приказа вследствие совершения военных преступлений в определенной степени урегулировано нормами национального законодательства в рамках ст. ст. 42, 63 УК РФ. Ответственность командира (начальника), к сожалению, не имеет специальной нормы в УК РФ, Поэтому закрепление специального состава преступления в рамках главы 33 УК РФ позволит в полной мере реализовывать принципы уголовного закона и привлекать к ответственности за совершение военных преступлений всех виновных с учетом особенностей конкретных обстоятельств. Если учесть, что командную ответственность могут нести и гражданские начальники, соответствующие изменения должны быть внесены в главу 30 УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уильямсон Д. А. Некоторые размышления об ответственности командования и уголовной ответственности // Международный журнал Красного Креста. 2008. № 870. Т. 90. С. 131–154.

2. Лобанов С. А. Международная уголовная ответственность за военные преступления : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. 495 с.

3. Военные преступления в уголовном праве России : монография / В. А. Акимов, В. П. Бодаевский, С. А. Кодинцев ; под общ. ред. В. П. Бодаевского. Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2019. 614 с.

4. Сибилева О. П. Ответственность командиров за нарушения в сфере международного гуманитарного права // Военная мысль. 2013. № 8. С. 59–67. URL: https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2013_508.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

5. Обычное международное гуманитарное право. Нормы : науч. издпние. Том I / под ред. Ж.-М. Хенкертс, Л. Досвальд-Бек. Пер. с англ. МККК : ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга». 2006. URL: https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/icrc/2006/ru/136052 (дата обращения: 22.12.2024).

6. Верле Г. Принципы международного уголовного права: учебник ; пер.с англ. С. В. Саяпина. О. : Фенікс, М.: ТрансЛит, 2011. 910с.

7. Лямин Н. М. Международная уголовная ответственность командиров (гражданских начальников) за международные преступления, совершенные их подчиненными // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 103–107.

8. Левандовская М. Г. Доктрина государственного акта и уголовная ответственность за военные преступления // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 37–40.

9. Есаков Г. А. Ответственность командиров в российском уголовном праве с точки зрения De Lege Lata // Lex Russica. 2017. № 11 (132). С. 93–99.

10. Хаертдинова Э. Р. Ответственность военнослужащих и командиров (начальников) воинских частей за преступления против военной службы // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 30. № 2. С. 130–135.

REFERENCES

1. Uil'yamson D. A. Nekotorye razmyshleniya ob otvetstvennosti komandovaniya i ugolovnoj otvetstvennosti [Some reflections on command and criminal responsibility]. Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta – International Journal of the Red Cross. 2008, no.870, vol. 90, pp. 131-154.

2. Lobanov S. A. Mezhdunarodnaya ugolovnaya otvetstvennost' za voennye prestupleniya : special'nost' 12.00.10 «Mezhdunarodnoe pravo; Evropejskoe pravo» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskih nauk. [International criminal responsibility for war crimes International Law; European Law" : dissertation for the degree of Doctor of Law]. Moscow, 2018. 495 p.

3. Akimov V. A., Bodaevskij V. P., Kodincev S. A. Voennye prestupleniya v ugolovnom prave Rossii [War Crimes in Russian Criminal Law]. Simferopol, 2019, 614 p.

4. Sibileva O. P. Otvetstvennost' komandirov za narusheniya v sfere mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava [Responsibility of commanders for violations of international humanitarian law]. Voennaya mysl' – Military thought. 2013, no. 8, pp. 59-67. URL: https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2013_508.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

5. J.-M. Henckaerts, L. Doswald-Beck Obychnoe mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Normy [Customary International Humanitarian Law. Norms]. 2006. URL: https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/icrc/2006/ru/136052 (дата обращения: 22.12.2024).

6. Verle G. Principy mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Principles of international criminal law]. Moscow, 2011, 910 p.

7. Lyamin N. M. Mezhdunarodnaya ugolovnaya otvetstvennost' komandirov (grazhdanskih nachal'nikov) za mezhdunarodnye prestupleniya, sovershennye ih podchinennymi [International criminal responsibility of commanders (civilian superiors) for international crimes, committed by their subordinates]. Evrazijskij yuridicheskij zhurnal – The Eurasian Law Journal. 2014, no. 9 (76), pp. 103-107.

8. Levandovskaya M. G. Doktrina gosudarstvennogo akta i ugolovnaya otvetstvennost' za voennye prestupleniya [The Doctrine of the State Act and Criminal Responsibility for War Crimes]. Problemy v rossijskom zakonodatel'stve – Problems in Russian legislation. 2016, no. 5, pp. 37-40.

9. Esakov G. A. Otvetstvennost' komandirov v rossijskom ugolovnom prave s tochki zreniya De Lege Lata [Responsibility of commanders in Russian criminal law from the point of view of De Lege Lata]. Lex Russica. 2017, no.11 (132), pp. 93-99.

10. Haertdinova E. R. Otvetstvennost' voennosluzhashchih i komandirov (nachal'nikov) voinskih chastej za prestupleniya protiv voennoj sluzhby [Responsibility of military personnel and commanders (chiefs) of military units for crimes against military service]. Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta –Law Vestnik of Dagestan State University. 2019, no. 2, pp. 130-135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Лисаускайте Валентина Владо, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
INFORMATION ABOUT AUTHOR
Lisauskaite Valentina Vlado, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 230–241.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no.1 (112). Pp. 230–241.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.121.5

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЮВЕНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Михайлова Тамара Николаевна
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
stn-postman@mail.ru

Введение. Определение несовершеннолетнего в качестве особого участника уголовно-процессуальных отношений требует научной проработки содержания его правового статуса в законодательных актах государства. Исследование данного вопроса целесообразно начать с ретроспективного анализа становления и развития ювенального уголовного судопроизводства в отечественном и международном праве. В статье представлены периоды зарождения и формирования технологий ювенального судопроизводства, начиная с царского времени до современного этапа развития российского государства. Проведен исторический и сравнительно-правовой анализ норм материального и процессуального права в области защиты прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей как носителей девиантного поведения.

Материалы и методы. Основу исследования составило отечественное и зарубежное законодательство и правоприменительная практика в области становления и развития ювенального судопроизводства. Для обеспечения всестороннего правового анализа за основу взяты историко-генетический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования, позволившие воссоздать комплексную картину исследуемого вопроса.

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило выявить специфику производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних на каждом этапе исторического развития российского государства. Ювенальные технологии возникли в российском праве с учетом тенденций развития данного института в нормах международного права. Культурные, политические, финансовые и другие особенности государства создали условия для вариации различных моделей ювенального судопроизводства, направленных на повышение гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Результаты проведенного исследования открывают возможности для дальнейших научных изысканий по проблематике вопроса, в том числе и прикладного характера, направленных на совершенствование развития элементов ювенального судопроизводства в действующем уголовном процессе России.

Выводы и заключения. Изменение в деятельности правовых институтов, обусловленные процессами глобализации мирового развития, формируют запрос на обновление совокупности юридических знаний в различных областях уголовно-процессуального права. Одной из значимых областей применения уголовно-процессуальных норм выступает производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц. Ювенальное уголовное судопроизводство имеет многолетнюю историю своего развития в отечественном и международном праве, исследование которого позволило познать сущность рассматриваемого правового явления и выявить ключевые элементы, образовавшиеся в прошлом, но действующие сегодня и в значительной степени определяющие будущее правосудие в отношении несовершеннолетних лиц.

© Михайлова Т. Н., 2025

Ключевые слова: несовершеннолетний, ювенальное судопроизводство, ювенальная юстиция, суды для несовершеннолетних, дифференцированный подход, ретроспективный анализ

Для цитирования: Михайлова Т. Н. Ретроспективный анализ становления и развития ювенального уголовного судопроизводства России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. 2025. № 1 (112). С. 230–241.

5.1.4. Criminal-legal sciences
(legal sciences)

Original article

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL JUVENILE PROCEEDINGS IN RUSSIA

Tamara N. Mikhailova
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk,
stn-postman@mail.ru

Introduction. The definition of a juvenile as a special participant in criminal procedural relations requires a scientific elaboration on the content of their legal status in state legislation. It is advisable to begin the study of this issue by conducting a retrospective analysis on the formation and evolution of juvenile criminal justice in domestic and international laws. The article examines the origins and development of technology for juvenile justice, from the Tsarist period to the present day in Russia. A historical and comparative analysis of substantive law and procedural norms in the area of protecting the rights and interests of young offenders is conducted.

Materials and Methods. The basis of the study is formed by domestic and international legislation and law enforcement practices in the field of juvenile justice. To ensure a comprehensive analysis, historical-genetic, comparative-legal, and formal-legal research methods were used as a basis. This allowed us to create a comprehensive picture of the issues under study.

The Results of the Study. The conducted research allowed us to identify the specific features of criminal proceedings involving minors at every stage of the historical development of Russia. Juvenile justice technologies emerged in Russia's legal system, taking into account trends in the evolution of this institution as reflected in international law. Cultural, political and financial factors, as well as other characteristics of the state, have created conditions that allow for variations in different models of youth justice aimed at enhancing the protection of the rights and interests of minors involved in criminal cases. The findings of this study open up possibilities for further research, including applied studies aimed at improving juvenile justice components in current Russian criminal procedures.

Findings and Conclusions. Changes in the activities of legal institutions caused by globalisation processes in world development form a demand to update the body of knowledge in various fields of criminal law. One significant area of application of these norms is juvenile criminal proceedings. The history of juvenile criminal procedure in domestic and international laws has been studied, which has allowed us to understand the essence of this legal phenomenon and identify key aspects that have been formed in the past and are still relevant today, largely determining the future of justice for minors.

Keywords: juvenile, minor, juvenile proceedings, juvenile justice, juvenile courts, restorative model of legal proceedings, differentiated approach, historical periodization

For citation: Mikhailova T. N. Retrospektivnyj analiz stanovleniya i razvitiya yuvenal'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva rossii [Retrospective analysis of the formation and development of criminal juvenile proceedings in Russia]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no 1 (112), pp. 230–241.

17 ноября 2023 года Правительство Российской Федерации утвердило план реализации Стратегии комплексной безопасности детей до 2030 года, одним из приоритетных направлений которой стала охрана и защита прав и интересов ребенка. В рамках реализации данной Стратегии предусмотрен комплекс мероприятий, направленных на обеспечение безопасности детей в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и в уголовно-правовой. Сегодня в уголовном процессе современной России действует принцип особого положения несовершеннолетнего, выражающийся в дифференцированном подходе законодателя к процедуре привлечения к уголовной ответственности лица, не достигшего к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет.

Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних имеет достаточно длительный путь становления и развития: от появления первых упоминаний о малолетних преступников до создания специфической системы ювенального уголовного судопроизводства современной России. Главная задача рассматриваемого вида судопроизводства состоит в обеспечении неприкосновенности прав ребенка и сокращении объема карательного потенциала в отношении детей со стороны государства и общества.

Первый в истории мирового сообщества суд для несовершеннолетних был создан в июле 1899 года в Чикаго – в американском городе с самым высоким показателем детской преступности на тот период. Новый беспрецедентный судебный орган начал свою деятельность в соответствии с принятым Законом штата Иллинойс США «О детях, покинутых, беспризорных и преступных и присмотре за ними». Как отмечает в своих исследованиях И. В. Смолькова, инициатива продвижения вопроса создания специализированного суда принадлежала женщинам-реформаторам того времени, состоящим в общественном движении «Халл Хауз» [1, с. 49]. В работе зарубежного правоведа в области становления ювенальной юстиции J.-J. Yvorel, сказано, что именно в данный период времени США, Канада и большинство европейских стран запустили процесс реформирования своих правовых систем посредством создания новых судебных и социально-образовательных институтов, возложив на них ответственность за решение вопросов, связанных с перевоспитанием несовершеннолетних правонарушителей [2].

Деятельность первого в мире суда для несовершеннолетних была направлена на правовое оказание помощи детям, оказавшимся в неблагоприятной социальной ситуации. Главная задача суда состояла в максимально возможной реинтеграции ребенка в общество. Специальный ювенальный суд был создан в рамках развития существовавшей в те времена пенологической концепции, в соответствии с которой наказание в отношении несовершеннолетнего должно было быть направлено не на воздаяние, а на исправление девиантного поведения ребенка. Впервые суд взял на себя несвойственную ему ранее ресоциализирующую функцию – педагогическую, воспитательную, профилактическую в рамках судебного разбирательства над детьми. Совершенное ребенком преступление стало рассматриваться не как его вина, а как беда в связи с необеспечением со стороны общества должных условий для его правильной, законопослушной социализации. Следует отметить, что ювенальная юстиция США изначально создавалась как судебно-исправительная система с наличием ювенальных элементов для несовершеннолетних лиц с признаками девиантного поведения. По мнению Э. Б. Мельниковой, именно данный исторический период развития положил начало формированию классической модели ювенальной юстиции как правоохранительному и защитному судебному механизму по отношению к несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства [3, с. 98].

Как отмечает в своих исследованиях Guillaume Périssol модель иллинойского ювенального суда, послужившая первоосновой для гуманизации системы уголовного преследования и наказания в отношении детей, быстро приобретает успех во всем мире и начинает формироваться в других государствах со своими национальными вариациями [4]. Зарубежные исследователи в своих работах описывают, что смелый поступок США

по созданию специализированного суда для детей спровоцировал «правовой толчок» к зарождению системы ювенальной юстиции во многих европейских странах. Так, особые суды для несовершеннолетних начинают свою деятельность в Ирландии (1904 г.), в Англии (1905 г.), в Германии, Австрии, Венгрии, Италии и Канаде (1908 г.), в Швейцарии и Португалии (1911 г.), в Бельгии и Франции (1912 г.), в Румынии (1913 г.), в Польше (1919 г.), в Японии (1922 г.), в Италии (1934 г.), на Филиппинах (1955 г.), в Китае (1984 г.) Правовой анализ деятельности данных судов проведен в исследованиях M. Sobie, S. Mingyue, A. Wyvekens, K. Hamric-Weis Sharon [5-8].

Гуманистические идеи, пропагандируемые в зарубежных странах, не могли не сказаться на развитии отечественного судебно-уголовного права. Примерно в это же время и в российском уголовном законодательстве появляются первые нормы, закрепляющие особый статус детей в рамках уголовного и уголовно-процессуального законодательства страны. Согласно нормам Устава уголовного судопроизводства 1864 года[1] уголовный процесс в отношении несовершеннолетнего должен был восприниматься в качестве средства исправления дурных зачатков и развития добрых качеств его личности. Официальными представителями интересов ребенка в уголовном процессе считались его близкие родственники и иные заслуживающие одобрение суда субъекты – законные представители несовершеннолетнего лица. В целом, правовой анализ норм Устава говорит о том, что их формулировки были направлены не на карательную составляющую наказания, а на исправительную, дающую еще один шанс ребенку-преступнику реабилитировать себя в глазах государства и общества.

На ранних этапах развития отечественного государства не существовало особых законодательно установленных правил относительно прав и обязанностей несовершеннолетних как участников уголовно-процессуальных отношений. Постепенно появляются нормы, повышающие возраст привлечения к уголовной ответственности, запрещающие применение определенных видов наказаний (смертной казни, долговременного лишения свободы с помещением в тюрьмы со взрослыми и т.д.) и формирующие самостоятельную систему ювенального судопроизводства в отношении специальных субъектов правовых отношений. Следует отметь, что любые происходящие в отечественном праве изменения были неразрывно связаны с особенностями развития того или иного исторического периода нашего государства.

2 июня 1897 года был принят закон «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых» (первоначальное название – «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположения об их наказуемости»)[2], который впервые на законодательном уровне закрепил особые условия, при которых должно реализовываться уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Были установлены специальные правила уголовного процесса и виды назначаемых наказаний в отношении детей в возрасте от 10 до 17 лет. В отношении малолетних преступников возрастной категории до 10 лет предусматривалась особая мера – освобождение их от наказания ввиду не достижения нижнего порога возраста привлечения к уголовной ответственности. При производстве уголовных дел в отношении несовершеннолетних в возрасте от 10 до 14 лет в качестве места для отбывания наказания должны были избираться исправительные приюты или колонии, а в исключительных случаях – особые помещения при тюрьмах и домах для арестованных сроком до 5 лет. И только в отношении лиц, свершивших преступления в возрастном периоде 14 – 17 лет могло применяться более суровое наказание, связанное с помещением в тюрьму сроком от 8 до 12

[1] Устав уголовного судопроизводства // Свод законов. Т. XVI, ч. 1, по прод. 1906, 1908-1910 / Составители: М.П. Шрамченко, В.П. Ширков. 6-е изд., испр. и доп. СПб., 1913.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 17. СПб.: Сенатская типография, 1900. Ст. 14233.

лет. Смертная казнь в отношении лиц, не достигших 17 лет, не применялась.[3] Таким образом, на законодательном уровне получает закрепление дифференцированный подход к применению наказания к несовершеннолетнему в зависимости от достижения им определенных возрастных периодов своего развития.

В рамках уголовного судопроизводства в обязательном порядке подлежали выяснению умственное (совершение преступления «по разумению» или «без разумения») и нравственное развитие подростка, а также причины, способствующие проявлению его преступного поведения. Впервые на законодательном уровне предусматривалось участие педагога как сведущего лица в производстве процессуальных действий с участием несовершеннолетнего. Именно данный участник процесса в рамках проведенного исследования личности мог дать показания о наличии или отсутствии осознания ребенком общественной опасности своего девиантного поведения и его последствий для окружающих. Также в качестве сведущего лица к производству в отношении несовершеннолетнего по заявленному ходатайству прокурора или иных заинтересованных участников уголовного процесса мог привлекаться врач.

Следует отметить, что приведение в жизнь норм закона «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых» способствовало искоренению формального подхода государства к уголовно-правовым проблемам детства. Впервые на законодательном уровне было уделено пристальное внимание вопросам их исправления и перевоспитания. Закон стал основополагающим в становлении и развитии новой дифференцированной формы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних правонарушителей в правовой системе нашей страны. На законодательном и правоприменительном уровне ребенок стал рассматриваться в качестве отдельно взятой личности и равноправного члена общества. Впервые было сформировано представление о юридическом и социальном понятии детства как особо охраняемом периоде жизни каждого человека.

Следующим этапом развития отечественного ювенального судопроизводства стало создание специализированных автономных судов в отношении несовершеннолетних нарушителей права. Как отмечала в своих работах А. М. Рубашева, именно данные суды выступили спасательными станциями в мире детской преступности [9, с. 3]. В 1910 году в городе Санкт-Петербург начинает свою деятельность первый в России ювенальный суд, главная задача которого состояла в возможности ухода от сложенной годами системы наказания детей в пользу выбора попечительных мер воспитательного воздействия. В научных трудах Т.В. Исаковой указывается, что данный суд был создан в результате длительной работы и инициативы Санкт-Петербургского Общества патроната, создавшего для этих целей специализированную комиссию под руководством профессора И. Я. Фойницкого [10, с. 2498]. Первым мировым судьей XIII Петербургского столичного участка – специализированного детского суда стал Н. А. Окунев, который в течение нескольких последующих лет рассматривал дела в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Причем, первый специализированный судья нашей страны был педагогом по образованию, о чем свидетельствуют предоставляемые им отчеты о проделанной судейской работе [11]. Деятельность нового специализированного судебного органа была основана на педагогических и воспитательных началах, отодвинув в сторону карательные элементы ювенального уголовного судопроизводства. С уверенностью можно констатировать, что в 1910 году произошел прорыв иностранных ювенальных технологий во внутреннюю правовую систему страны, спровоцировав новый взгляд на преступность несовершеннолетних как проблему, требующую незамедлительного реагирования и искоренения с помощью не карательных, а воспитательных и педагогических средств.

В 1912 году в Париже состоялось проведение международного конгресса, посвященного вопросам детства и концепции становления и развития ювенальной юстиции

[3] Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета // Собрание узаконений. – 1897. 8 июля. Ст. 915.

в мире. Все страны мирового сообщества получили ориентир на создание специальных судов и благотворительных организаций, которые должны были рассматривать дела в отношении ребенка в форме совещаний, направленных на его благо, а не споров о нем [12]. Система правоохранительных органов и судов должна была работать в целях исправления негативных черт личности несовершеннолетних преступников, попавших в тяжелые жизненные условия. Все споры и сомнения относительно индивидуального набора характеристик ребенка трактовались в его пользу. Не допускалось халатное исследование обстоятельств совершенного преступления и игнорирование воспитательных мер воздействия в отношении детей-носителей преступного поведения.

В 1917 году специализированные автономные суды действовали уже в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Риге, Томске, Саратове и других городах нашего государства. Они не имели единого названия, каждый регион называл их исходя из собственных предпочтений: «суд для детей», «суд для малолетних», «суд для несовершеннолетних», «детский суд». В задачу ювенальных судов входила не только борьба с преступностью малолетних, но и принятие мер в отношении беспризорных и заброшенных детей, защита их интересов перед обществом и государством [13, с. 90].

Следует отметить, что уголовное судопроизводство дореволюционной России в отношении несовершеннолетних в целом характеризовалось реализацией принципа конфиденциальности судебного разбирательства в отношении данных участников процесса, широкой подсудностью уголовных дел, а также отказом от формальной процедуры рассмотрения обстоятельств совершенного преступления в рамках судебного разбирательства. Воспитательная направленность деятельности суда побуждала не к доказыванию виновности ребенка в содеянном им деянии, а скорее к проведению с ним воспитательных бесед, направленных на его понимание и раскаяние в содеянном. Основной мерой воздействия на несовершеннолетнего преступника был признан попечительский надзор. Временным правительством был составлен проект о попечительских судах для малолетних, в соответствии с которым на смену уголовно-судебного характера отношений к малолетним преступникам должны были прийти правила опекунского производства.

К сожалению, суды для несовершеннолетних просуществовали в России недолго и были упразднены в 1918 году со всей существовавшей дореволюционной системой юстиции. Однако несмотря на короткий период своей деятельности, именно они смогли коренным образом переломить законодательное регулирование и правоприменительное воздействие на правовое положение несовершеннолетних в нашем государстве. Как отмечает в своих исследованиях Е. П. Тарасова, детский суд стал местом, в котором и вокруг которого были сосредоточены все средства, относящиеся к нуждающимся в помощи детям, не зависимо от того, к какой социальной группе они были отнесены: беспризорные, преступники или жертвы жестокого обращения [14, с. 45]. С этого периода времени подсудность детских судов была делегирована специальным комиссиям по делам несовершеннолетних. Начался новый этап развития отечественного законодательства, направленный на работу различного рода организаций в соответствии с разрабатываемыми инструкциями по защите прав и интересов неблагополучных и незаконно послушных детей. Комиссии по делам несовершеннолетних рассматривали совершенные детьми общественно-опасные деяния и решали вопрос о применении к ним мер медико-педагогического воздействия. В трудах П. И. Люблинского отмечено, что в определенных случаях по решению комиссии несовершеннолетний правонарушитель мог быть направлен в Комиссариат общественного призрения [15, с. 172]. Институт попечителей был заменен на институт социальной помощи несовершеннолетним, находящийся в тесном взаимодействии с работой комиссий. Следует отметить, что новые ювенальные органы – комиссии по делам несовершеннолетних не входили в судебную систему, в связи с чем правонарушения, совершаемые несовершеннолетними лицами, фактически были полностью изъяты из системы правосудия.

В 1920 году был принят Декрет «О суде над несовершеннолетними», в соответствии с положениями которого уголовные дела о тяжких преступлениях, совершенных лицами в возрасте от 14 до 18 лет, были переданы на рассмотрение в народный суд. Тем не менее, уголовный процесс в отношении несовершеннолетних носил скорее чрезвычайный характер, выражающийся в сокращенном порядке производства и фактическом наделении суда функциями органов предварительного расследования. Такой порядок ставил несовершеннолетнего в менее защищенное положение, поскольку решение суда во многом было обусловлено субъективным мнением членов комиссии по делам несовершеннолетних. Так, суды при принятии решения о виновности или невиновности ребенка и выборе соответствующего вида наказания должны были тесно взаимодействовать с членами комиссии по делам несовершеннолетних и во многом зависели от их правовой позиции по данному вопросу. В таком формате развития элементов ювенального судопроизводства, суд не выступал в качестве самостоятельного органа при принятии решения о привлечении несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности. В РСФСР была установлена модель административной системы ювенальной юстиции, которая просуществовала вплоть до 1935 года, то есть до момента упразднения комиссий по делам несовершеннолетних.

1935 год не принес истории зарождения в нашем государстве элементов ювенального судопроизводства ожидаемых гуманистических результатов. Данный период развития отечественного законодательства характеризуется разрозненностью принятия правовых норм и непоследовательностью их применения органами правопорядка и суда, что во многом обуславливалось политической идеологией периода времени, который переживала вся страна. Вектор развития элементов ювенального судопроизводства начинает кардинально меняться в сторону максимально возможного использования карательных мер и наказания несовершеннолетних преступников.

Самым суровым правовым новшеством стало изменение возраста привлечения к уголовной ответственности в сторону его снижения – с 12 лет. Кроме того, несовершеннолетний возраст не стал рассматриваться правоприменителем в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Вместе с комиссиями по делам несовершеннолетних были упразднены все возможные меры медико-педагогического характера. Органам правоприменения были делегированы полномочия по применению к несовершеннолетним лицам с формами проявления девиантного поведения всех видов наказания, предусмотренных действовавшим на тот момент уголовным законодательством. Одним из ориентиров государственной политики стала борьба с преступностью несовершеннолетних путем ужесточения норм как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства. Девиантное поведение несовершеннолетнего больше не рассматривалось в качестве посыла для использования в отношении него серьезных медицинских, педагогических и воспитательных интервенций. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних того периода характеризовалось минимальными отличиями от судопроизводства в отношении взрослых. Ребенок рассматривался в качестве маленького полноправного и обязанного человека, который должен был нести наказание за содеянное им преступление наравне со всеми. Государственные органы и организации не желали возиться с детской преступностью. Проще всего было вытеснить ее из умов общественного сознания и направить детей-преступников в места лишения свободы, использовав их детский труд во благо государства. Вопросы перевоспитания и ресоциализации неблагополучных детей были вытеснены из идеологии страны. Таким образом, зародившаяся в отечественной правовой системе концепция становления особого восстановительного ювенального судопроизводства в отношении несовершеннолетних носителей преступного поведения переживала глубокий кризис и только принятие в 1960 году УК РСФСР и УПК РСФСР попыталось возродить отдельные идеи дореволюционного периода в данной правовой сфере.

После длительного периода карательной уголовной политики детство вновь стало рассматриваться в качестве особой стадии развития человека, в которой главной задачей

государства и общества должно являться создание благоприятных условий. На законодательном уровне были закреплены дополнительные гарантии охраны и защиты прав и интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Ребенок и взрослый рассматривались в качестве равноправных граждан своего государства, при этом они не воспринимались законодателем и правоприменителем как субъекты, стоящие на одной и той же ступени правовой системы страны. Во всех случаях решался вопрос о выделении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление в соучастии с совершеннолетним, в материалы отдельного производства. В предмет доказывания по уголовным делам был включен такой детализирующий признак как информация о личности несовершеннолетнего правонарушителя. При любых обстоятельствах судья должен был рассмотреть возможность прекращения уголовного дела в отношении ребенка с назначением ему не наказания, а принудительных мер воспитательного воздействия. В УПК РСФСР появилась отдельная глава, которая подчеркнула особое место производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних как специфической формы судопроизводства по уголовным делам.

В 1990 годах в России начинается крупная правовая реформа, ориентированная на имплементацию в отечественное законодательство общепризнанных норм и принципов международного права. Одобренная в 1991 году Верховным Советом РСФСР Концепция судебной реформы закрепила необходимость создания в отечественном судопроизводстве новой системы судов ювенальной юстиции[4]. Первые правовые нововведения, посвященные правовой защите несовершеннолетних лиц, были закреплены Президентом РФ в Указе от 14 сентября 1995 года № 942 «Об утверждении основных направлений государственной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)».

21 декабря 1996 года принимается федеральный закон № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», на законодательном уровне определивший ответственность государства за создание повышенных социальных, воспитательных и педагогических условий для развития и поддержания в обществе детей, отнесенных к специальным слабозащищенным категориям.

24 июля 1998 года принимается Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», в котором впервые на законодательном уровне появляется ювенальная терминология – «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации», к которым были отнесены, в том числе и дети с девиантным поведением.

24 июня 1999 года был принят Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», определяющий принципы и цели деятельности органов и учреждений системы профилактики. В данном нормативном правовом акте впервые в отечественной правовой системе с учетом международного опыта были заложены новые защитно-охранные подходы решения проблем борьбы с подростковой преступностью на государственном уровне, который включает в себя использование, прежде всего, социальных, психологических, педагогических и медицинских мер.

В рамках Национального плана действий в интересах детей был разработан проект федеральный закон «Об основах системы ювенальной юстиции» и федеральный конституционный закон «О ювенальных судах в Российской Федерации», однако данные законы так и не были приняты. Тем не менее, в 2001 году на территории Ростовской области произошел запуск проекта «Поддержка правосудия в отношении несовершеннолетних», в рамках реализации которого в 2003 году в Коллегии областного суда появился специальный судебный состав по рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних лиц

[4] О концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года. № 1801-1 // Ведомости ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

в кассационном порядке. В марте 2004 года в Таганроге начал работу первый в современной истории развития нашего государства ювенальный суд. Основным замыслом создания данного суда являлось выделение отдельных судей для рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних лиц и гражданских дел, связанных с защитой прав несовершеннолетних. С данного периода времени начинается новый, современный этап развития ювенального судопроизводства России, реализация которого основывается на международных общепризнанных нормах и принципах в области охраны и защиты прав и законных интересов детей. Однако описанный нами выше кризис развития классической модели ювенальной юстиции привел к двойственности ориентиров, зафиксированных в международных стандартах. По мнению Л. М. Карнозовой на смену классической пришла новая правовая модель ювенальной юстиции в мире, в которой с одной стороны учитываются личностные характеристики каждого незаконно послушного ребенка, а с другой – тяжесть совершенного им преступления. Современной ювенальной юстиции не удалось полностью уйти от идеи наказания ребенка за совершенное им противоправное деяние [16, с. 14].

На наш взгляд, сегодня в Российской Федерации сложилась смешанная модель ювенальной юстиции со своими специфическими технологиями. Так, в отношении несовершеннолетних правонарушителей при назначении им наказания приоритет отдается использованию принудительных мер воспитательного воздействия (на первое место выступают идеи классической модели ювенальной юстиции, направленной на перевоспитание личности несовершеннолетнего правонарушителя), с другой стороны – законодатель допускает назначение несовершеннолетнему реального наказания, исходя из соответствия применяемой санкции к совершенному им противоправному деянию (прослеживаются идеи правовой модели, которая допускает назначение несовершеннолетнему наказания на определенный срок). Кроме того, несмотря на закрепление в нормах уголовно-процессуального права Российской Федерации такой исключительной меры пресечения как присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (в исключительных случаях – при совершении преступления средней тяжести) до принятия судом решения по уголовному делу несовершеннолетний может быть заключен под стражу.

Ныне действующие УК РФ и УПК РФ содержат отдельные главы в отношении несовершеннолетних – глава 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» и глава 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», в рамках которых отчетливо выражена воля законодателя на снижение карательного потенциала в отношении детской преступности. Выделяя производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в отдельную главу, законодатель подчеркнул наличие у данных участников правоотношений особого правового статуса, а также указал на необходимость повышенного уровня охраны и защиты несовершеннолетних лиц в рамках уголовного судопроизводства России. При этом следует отметить, что действующее российское законодательство использует в своих нормах, как правило, термин «несовершеннолетний», в отличие от зарубежного права, отдающего приоритет термину «ребенок».

14 февраля 2000 года было принято Постановление Пленума Верховного Суда № 7 «О судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних», с закреплением важной с точки зрения развития системы защиты прав и свобод ребенка рекомендации, относительно применения нормы статьи 76 УК РФ. В правоприменительной практике большинство преступлений совершаются несовершеннолетними впервые и, как правило, они не относятся к категории тяжких. В таких случаях, судам рекомендовано освобождать несовершеннолетнего от ответственности при соблюдении условий, перечисленных в диспозиции вышеуказанной статьи: примирение несовершеннолетнего с потерпевшим и заглаживание причиненного потерпевшему вреда. Определенная позиция высшего судебного органа страны заслуживает всеобщего одобрения и свидетельствует об особом подходе

современного правоприменителя к несовершеннолетним лицам, ставшим заложниками сложных жизненных ситуаций и впервые проявившим определенные формы девиантного поведения в сторону охраняемых нормами уголовного права отношений.

1 февраля 2011 года выходит в свет еще одно важное с точки зрения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», выступающее сегодня руководством для органов правосудия при принятии решений по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц.

1 июня 2012 года был принят Указ Президента Российской Федерации № 761 «О национальной стратегии действий в отношении детей на 2012–2017 годы», который впервые ввел в правовой оборот термин «дружественное детям правосудие», закрепив его основные принципы и правила для правоприменительных органов: уважение личности и достоинства ребенка; обеспечение его прав и интересов в государстве и обществе; применение мер, соответствующих его возрасту и уровню развития; повышение гарантий его равноправного положения в обществе, расширение правовых средств защиты.

17 мая 2023 года Президент Российской федерации подписал Указ «О стратегии комплексной безопасности детей до 2030 года», определив пути дальнейшей реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей. К одной из основных угроз безопасности детей сегодня отнесено вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, а также совершение в отношении них преступлений.

Таким образом, проведенный в рамках данной научной статьи ретроспективный анализ становления и развития ювенального уголовного судопроизводства России позволил установить, что в течение нескольких эпох в нашем государстве велись активные поиски решения вопроса формирования правового статуса несовершеннолетнего лица. Правовые нормы в отношении охраны и защиты прав детей возникли и развиваются по собственному пути с учетом исторических событий. Россия сделала правильные шаги к формированию ювенального судопроизводства, частично перенимая опыт тех государств, где его технологии и механизмы уже полноценно функционируют. С уверенностью можно констатировать тот факт, что сегодня несовершеннолетний выступает в качестве субъекта с особым правовым статусом. В уголовном процессе России действует принцип особого положения несовершеннолетнего лица. Ориентир современного законодателя и правоприменителя направлен в сторону создания в отношении детей модели восстановительного уголовного правосудия, поддерживая как несовершеннолетних жертв преступления, так и несовершеннолетних носителей девиантного поведения. В основе деятельности ювенальных органов и организаций лежит обеспечение развития личности ребенка и процесс реинтеграции его в общество. Проявление каких-либо форм стигматизации подростка со стороны общества не допускается. В уголовно-процессуальных отношениях, участником которых является несовершеннолетний, приоритет отдается его будущему перед содеянным им в прошлом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смолькова И. В. Возникновение и становление ювенального уголовного судопроизводства // Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям : сб. науч. трудов I регион. науч.-практ. конф. БГУЭП, г. Усть-Илимск, 24 апреля 2014 г. Иркутск, 2014. С. 48–54.

2. Yvorel J.-J. Naissance et mutation de la justice des mineurs // Revue d'histoire de l'enfance irrégulière. 2015. № 17. URL: https://journals.openedition.org/rhei/3772 (дата обращения: 01.12.2024).

3. Мельникова Э. Б. Восстановительный аспект правосудия по делам о несовершеннолетних / Восстановительное правосудие / под общей редакцией И. Л. Петрухина. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 97–103.

4. Guillaume Périssol. Juvenile courts américaines et tribunaux pour enfants français: les variations d'un modèle à travers la comparaison Paris/Boston (début XXe siècle-années 1950) // Naissance et mutation de la justice des mineurs. 2015. № 17. URL: https://journals. openedition.org/rhei/3819 (дата обращения: 01.12.2024).

5. Sobie M. The State of American Juvenile Justice // Criminal Justise. 2018. Spring. P. 26–28.

6. Mingyue S. The Dualistic Model of Juvenile Justice System in China // Beyond Criminal Justice. International Annals of Criminology. 2013. № 51 (1-2). Pp. 157–174.

7. Wyvekens A. The French Juvenile Justice System // International Handbook of Juvenile Justiceю. 2006. Springer. Pp. 173–186.

8. Hamric-Weis Sharon K. The Trend of Juvenile Justice in the United States, England, and Ireland // Penn State International Law Review. 1995. № 3. Pp. 566-597.

9. Рубашева А. М. Суд для малолетних и общество. М.: Типография русского товарищества, 1912. 15 с.

10. Исакова Т. В. Краткий очерк развития ювенального уголовного судопроизводства в России: от законодательных новелл Устава уголовного судопроизводства Российской империи до современных реалий // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2014. № 11 (48). С. 2497–2503.

11. Петербургский столичный мировой судья XIII участка. Особый суд по делам малолетних: отчет С.-Петербургского мирового судьи. Санкт-Петербург: [Б. и.], 1911–1916.

12. Congrès international des tribunaux pour enfants. Paris, 29 Juin – 1er Juillet 1911. Actes du congrès Paris, 1912. URL: https://gallica.bnf.fr/ ark:/12148/bpt6k61026056/f13.item.r=1er%20 congr%C3%8Bs%20international%20des%20 tribunaux%2 0pour%20 enfants ,%20Paris%20 ,%2029%20juin-1er%20juillet%201911 (дата обращения: 01.12.2024).

13. Анисимов А. А., Гаврилов, С. Т. История становления ювенальной юстиции России // Синергия. 2016. № 1. С. 89–96.

14. Тарасова, Е. П. Детские суды за границей: сб. статей с предисловием и под редакцией М. Н. Гернета. М., 1912. 93 с.

15. Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: (социально-исторические очерки). М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 302 с.

16. Карнозова Л. М. Использование программ восстановительной ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве: Методическое пособие. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. 79 с.

REFERENCES

1. Smol'kova I. V. [The emergence and development of juvenile criminal proceedings] YUvenal'nye tekhnologii kak osnova sistemnoj pomoshchi sem'e i detyam: sb. nauch. trudov I region. nauch.-prakt. konf. BGUEP, g. Ust'-Ilimsk, 24 aprelya. [Juvenile technologies as a basis for systemic assistance to families and children]. Irkutsk, 2014, pp. 48–54.

2. Yvorel J.-J. Naissance et mutation de la justice des mineurs. Revue d'histoire de l'enfance irrégulière. 2015. No. 17. URL: https://journals. openedition.org/rhei/3772 (date of request 01.12.2024).

3. Mel'nikova E. B. Vosstanovitel'nyj aspekt pravosudiya po delam o nesovershennoletnih [The restorative aspect of juvenile justice]. Vosstanovitel'noe pravosudie. Moscow, 2003, pp. 97–103.

4. Guillaume Périssol. Juvenile courts américaines et tribunaux pour enfants français: les variations d'un modèle à travers la comparaison Paris/Boston (début XXe siècle-années 1950) // Naissance et mutation de la justice des mineurs. 2015, no. 17. URL: https://journals. openedition.org/rhei/3819 (date of request 01.12.2024).

5. Sobie, M. The State of American Juvenile Justice. Criminal Justise. 2018, Spring, pp. 26–28.

6. Mingyue S. The Dualistic Model of Juvenile Justice System in China. Beyond Criminal Justice. International Annals of Criminology. 2013, no. 51 (1-2), pp. 157–174.

7. Wyvekens A. The French Juvenile Justice System. International Handbook of Juvenile Justiceyu. 2006, Springer, pp. 173–186.

8. Hamric-Weis Sharon K. The Trend of Juvenile Justice in the United States, England, and Ireland. Penn State International Law Review. 1995, no. 3, pp. 566-597.

9. Rubasheva A. M. Sud dlya maloletnih i obshchestvo [Juvenile court and society]. Moscow, 1912, 15 p.

10. Isakova T. V. Kratkij ocherk razvitiya yuvenal'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva v Rossii: ot zakonodatel'nyh novell Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva Rossijskoj imperii do sovremennyh realij [A brief sketch of the development of juvenile criminal proceedings in Russia: from the legislative novelties of the Criminal Procedure Statute of the Russian Empire to modern realities]. Aktual'nye problemy ugolovnogo processa – Actual problems of criminal procedure. 2014, no. 11 (48), pp. 2497–2503.

11. Peterburgskij stolichnyj mirovoj sud'ya XIII uchastka. Osobyj sud po delam maloletnih: otchet S.-Peterburgskogo mirovogo sud'i [St. Petersburg Metropolitan Magistrate of the XIII Precinct. The special court for minors: a report of the St. Petersburg justice of the peace]. Sankt-Peterburg, 1911–1916.

12. Congrès international des tribunaux pour enfants. Paris, 29 Juin – 1er Juillet 1911. Actes du congrès Paris, 1912. URL: https://gallica.bnf.fr/ ark:/12148/bpt6k61026056 /f13.item.r=1er%20 congr%C3%8Bs%20international%20des%20 tribunaux%2 0pour%20 enfants ,%20Paris%20 ,%2029%20juin-1er%20juillet%201911 (date of request 01.12.2024).

13. Anisimov A. A., Gavrilov S.T. Istoriya stanovleniya yuvenal'noj yusticii Rossii [History of the formation of juvenile justice in Russia]. Sinergiya – Synergy. 2016, no. 1, pp. 89-96.

14. Tarasova E. P. Detskie sudy za granicej [Children's courts abroad]. Moscow, 1912, 93 p.

15. Lyublinskij P. I. Bor'ba s prestupnost'yu v detskom i yunosheskom vozraste: (social'no-istoricheskie ocherki) [Combating delinquency in childhood and adolescence: (socio-historical sketches)]. Moscow, 1923, 302 p.

16. Karnozova L. M. Ispol'zovanie programm vosstanovitel'noj yuvenal'noj yusticii v ugolovnom sudoproizvodstve: Metodicheskoe posobie [Use of Restorative Juvenile Justice Programs in Criminal Proceedings: Methodological Manual]. Moscow, 2009, 79 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Тамара Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Tamara Nikolaevna, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov str., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 242–254.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 1 (112). Pp. 242–254.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

**Научная статья
УДК 343.9**

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Оганесян Гагик Варданович
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Тюмень, Российская Федерация, oganesyan01081997@mail.ru

Введение. В статье рассматривается вопрос о необходимости выделения криминологического понятия «организованная преступность», а также признаков, определяющих данное явление. Исследование различных авторских подходов к пониманию организованной преступности позволяет установить некоторые характеризующие признаки, такие как преступная деятельность, цель, состав участников, организация. Вместе с тем сравнительный анализ с иными видами преступности, такими как экономическая, профессиональная и беловоротничковая, приводит к выводу о том, что сущность организованной преступности специфична и имеет место в каждом из указанных видов.

Каждый исследованный признак имеет свое отношение при определении понятия «организованная преступность». В связи с этим необходимо выделение понятия «организованная преступность» в целях характеристики взаимосвязанных между собой лиц, занимающихся преступной деятельностью.

Материалы и методы. Научное исследование основывается на таких общенаучных методах, как анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование, конкретизация, формально-логический, а также частнонаучных методах, таких как исторический, системно-структурный методы и метод экстраполяции.

В рамках исследования используются материалы судебной практики, а также различные позиции из доктрины уголовного права и криминологии.

Результаты исследования. Показана многоаспектность проявлений организованной преступности как одного из опасных социальных явлений. Обоснована необходимость в выделении данного понятия в контексте изучения организованной преступной деятельности. Дано авторское определение понятию организованной преступности.

Выводы и заключения. Доказана необходимость учета понятия организованной преступной деятельности как конститутивного признака при определении понятия организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, организованная преступная деятельность, виды преступности

Для цитирования: Оганесян Г. В. Необходимость применения понятия организованной преступной деятельности при определении понятия организованной преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 242–254.

© Оганесян Г. В., 2025

5.1.4. Criminal law sciences
(legal sciences)

Original article

NEED TO APPLY THE CONCEPT OF ORGANIZED CRIMINAL ACTIVITY WHEN DEFINING THE CONCEPT OF ORGANIZED CRIME

Gagik V. Oganesyan
Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russian Federation, oganesyan01081997@mail.ru

Introduction. The article discusses the issue of the need to highlight the criminological concept of «organized crime», as well as the signs that define this phenomenon. The study of various author's approaches to understanding «organized crime» allows us to establish some characterizing features, such as: «criminal activity», «goal», «participants», «organization». At the same time, a comparative analysis with other types of crime, such as «economic», «professional» and «white collar», leads to the conclusion that the essence of «organized crime» is specific and occurs in each of these types.

Each studied feature has its own relevance in defining the concept of «organized crime». In this connection, highlighting the concept of «organized crime» is necessary in order to characterize interconnected persons engaged in criminal activities.

Materials and Methods. Scientific research is based on such general scientific methods as analysis, synthesis, deduction, induction, abstraction, concretization, formal logical, as well as special scientific methods such as historical, system-structural methods and the extrapolation method.

The study uses materials from judicial practice, as well as various positions from the doctrine of criminal law and criminology.

The Results of the Study. The multidimensionality of manifestations of organized crime as one of the dangerous social phenomena is shown. The need to highlight this concept in the context of the study of organized criminal activity is substantiated. The author's definition of the concept of organized crime is given.

Findings and Conclusions. The necessity of taking into account the concept of organized criminal activity as a constitutive feature when defining the concept of organized crime has been proven.

Keywords: organized crime, organized criminal activity, types of crime

For citation: Oganesyan G. V. Neobhodimost' primeneniya ponyatiya organizovannoj prestupnoj deyatel'nosti pri opredelenii ponyatiya organizovannoj prestupnosti [The need to apply the concept of organized criminal activity when defining the concept of organized crime]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 242–254.

Между криминологией и уголовным правом как науками криминального цикла, несмотря на разницу между изучаемыми ими предметами, методами и задачами, не может быть непримиримых противоречий.

В. В. Лунеев отмечал: «…давно известно, что правовые отношения не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа. Они коренятся в материальных жизненных отношениях. Уголовно-правовой догматизм и

консерватизм полезны лишь в рамках объективно отражаемой ими общественно опасной реальности» [1, с. 553].

Среди совокупности задач науки уголовного права выделяют разработку предложений по совершенствованию и развитию уголовного законодательства в целях повышения эффективности правового воздействия на преступные проявления.

В этом смысле решение задач науки уголовного права по формированию уголовно-правовых средств воздействия представляется невозможным без должного криминологического исследования организованной преступности.

Криминологическое исследование в первую очередь должно начинаться с выделения предмета познания. С точки зрения формальной логики выделение предмета есть логический процесс выделения части (класса) из общего универсума путем определения совокупности признаков, которые все вместе достаточны, а каждый необходим для того, чтобы отличить эту совокупность как нечто целое от других классов, входящих в универсум [2, с. 184].

Следовательно, поскольку главным предметом изучения криминологии является преступность как социальный феномен, порожденный обществом, являющийся его частью и неотъемлемой составляющей, именно она будет выступать в качестве универсума.

Прежде всего следует обратиться к истории возникновения данной проблемы, а также определить явление, вызвавшее необходимость в выделении такого понятия, как организованная преступность.

Впервые попытка сформулировать определение данного понятия была предпринята в Соединенных Штатах Америки. Д. Л. Херберт и Х. Тритт в своей книге «Корпорации коррупции» писали: «Хотя уже в 1931 году назначенная Президентом комиссия Уикершема предпринимала попытки сформулировать определение организованной преступности, серьезные усилия по определению этого понятия были предприняты только в 1950-х и 1960-х годах, когда комитеты Конгресса начали обнаруживать доказательства существования тайного преступного общества или картели под названием «Мафия» или «Коза Ностра» [3, с. 330–331].

Предлагаемое определение «организованной преступности» основывалось на проведенном анализе характеристик существующего в те времена тайного сообщества «Коза Ностра». Понимание организованной преступности формировалось на основе криминологической характеристики этой организации. В частности, на Ойстер-Бейских конференциях были выделены следующие отличительные признаки сообщества «Коза Ностра»: самосохраняющиеся, тоталитарные, длительные преступные сговоры, расчет на получение прибылей и могущества за счет человеческих слабостей, применение запугивания или подкупа, стремление обезопасить себя со стороны закона [3, с. 331].

В России о существовании организованной преступности впервые открыто стало обсуждаться в журналистской деятельности. Так, в «Российской газете» № 29 (5199), опубликованной 20 июля 1988 года в разделе «Мораль и Право» под заголовком «Диагноз: организованная преступность, было напечатано интервью обозревателя «ЛГ» Юрия Щекочихина и подполковника полиции Александра Гурова.

В ходе беседы А. Гуров указал, что, несмотря на политическую позицию советской власти, открыто не признающей существование организованной преступности на территории СССР, первые признаки данного явления возникли в условиях существования и развития рыночно-хозяйственных отношений в СССР в 60–70-е годы XX века.

Вместе с тем, говоря об организованной преступности, А. И. Гуров отметил, что имеются уровни проявлений, а именно: «…На первом, низшем, – уже сложившиеся преступные группы, которые еще не в силах выйти к этажам власти. Подобные группы

действуют в районах Нечерноземья и других зонах. На втором уровне – такие же группы, но имеющие связи с коррумпированными служащими. И, наконец, на третьем уровне – самые сильные: несколько групп соединяются в одну, и наиболее сильный клан руководит остальными (на Западе это называется сетевой структурой мафии). В качестве особенности российской организованной преступности А. И. Гуров обратил внимание на то, что у отечественной организованной преступности в отличие от западной мафии отсутствуют транснациональные связи, а также и то, что западная мафия всегда пытается легализовать свой преступный капитал, порождая легальных миллионеров, к тому времени, как российские действуют «подпольно»[1].

Следовательно, появление понятия организованной преступности было обусловлено необходимостью описания существующих и развивающихся как в России, так и за рубежом преступных формирований, функционирующих с определенной целью.

Со временем развитие научной мысли по поводу понимания организованной преступности позволило сформировать различные точки зрения ученых как в России, так и за рубежом.

Весьма аргументированным представляется позиция некоторых авторов по поводу самой формулировки понятия «организованная преступность», что имеет, как уже было отмечено, немаловажную роль в вопросе о необходимости использования самого этого понятия, а также объема его определения.

Так, Я. И. Гилинский в своей монографии говорит о некорректности использования понятия «организованная преступность», ссылаясь на позицию В. Юстицкого, который в свою очередь приводит ряд аргументов против использования понятия «организованная преступность» [4, с. 283].

В частности, В. Юстицкий указывает на следующее: «…во-первых, преступность вообще не имеет субстрата в реальной действительности, а является социальным конструктом. Во-вторых, с точки зрения общей теории организации, «организованность» – неотъемлемое свойство всех биологических и социальных систем (объектов), а потому «неорганизованной преступности» вообще не существует. В-третьих, «в современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушением уголовного закона, понятие «организованная преступность» оказывается синонимом понятий «общество», «государство», «социальная действительность», «социальное явление» [5, с. 46–48].

А. И. Долгова обращает внимание на существующий в литературе факт подмены понятия «организованная преступность» на «организованность преступности», отмечая при этом существующую разницу между ними.

Ученый указывает на необходимость учета взаимосвязи преступности и ее зависимости от характеристик общества, государства, различных социальных явлений и процессов. Вместе с тем автор отмечает, что отрицание существования организованной преступности как социального феномена приведет к отрицанию применения в отношении него специальных мер реагирования. В последующем в своей работе А. И. Долгова, приводя различные подходы авторов, отмечает тенденцию изменения понимания организованной преступности,

[1] Щекочихин Ю., Гуров А. Диагноз: организованная преступность. Проведены первые исследования. Лев прыгнул // Литературная газета. 1988. № 29 (5199). С. 13. URL: http://magzdb.elibrary.keenetic.pro/ul/4143/1988/029/%D0%9B%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0%201988%20%E2%84%96%2029%20(%D0%B8%D1%8E%D0%BB%D1%8C%2020).pdf (дата обращения: 25.12.2024).

зависящую от изменения характеристик существующих преступных формирований и видов преступной деятельности [3, с. 329].

В свою очередь, А. И. Долгова поясняет, что организованная преступность – это криминальный феномен, который проявляется не только в существовании отдельных организованных преступных формирований и их организованной преступной деятельности. Приводя в своей работе примеры различных взаимосвязей между преступными формированиями и их деятельностью, А. И. Долгова выделяет надорганизационный уровень, который проявляется в координации и поддержании жизнеспособности самого преступного мира как криминальной системы, существующей в государстве, отмечая, что «…такая координация, если она приобретает устойчивый характер, неизбежно порождает некое межорганизационное, точнее надорганизационное управляющее формирование, решающее общие стратегические проблемы организованных преступных формирований и их криминальной деятельности, реализующее их общую «внешнюю» политику по отношению к органам государства и их деятельности. Такого рода формирование имеет свои специфические задачи и особенности функционирования» [3, с. 354].

К таким выводам А. И. Долгова приходит в процессе исследования характеристик преимущественно развивающегося в 80–90-е XX века криминального феномена «воров в законе» и его специфической деятельности. В качестве особенности ученый выделяет одновременное единство и конфронтацию элементов существующего явления. В свою очередь целью для самого явления является поддержание «жизнеспособности» преступной среды как таковой, как основы для своей криминальной деятельности, однако вместе с этим не наблюдается единой структурной целостности между преступными формированиями и их деятельностью, то есть монополизации сферы деятельности [3, с. 361].

В результате проведенного исследования А. И. Долгова под организованной преступностью понимает следующее: «…это крайне сложное, многообразно себя проявляющее явление. Но в ней есть составляющая, которая присуща только ей: наличие такой системы организованных преступных формирований, их отношений и деятельности, которые рассчитаны на высокоэффективную и масштабную преступную деятельность, а также целенаправленное создание благоприятных для нее условий. Указанная система функционирует успешно при ее надлежащем криминальном экономическом, социальном, идеологическом и политическом обеспечении» [3, с. 369].

Замечание А. И. Долговой о разграничении понятий «организованность преступности» и «организованная преступность» является обоснованным. Данные понятия не имеют друг к другу никакого отношения и характеризуют разные предметы познания. По мнению ученого, организованность преступности как нечто объективное существует с самим обществом, являясь продуктом естественного развития последнего. Понятие «организованности» преступности уместно применять при разрешении вопросов, связанных с возникновением, изменением, наличием причинно-следственных связей между социальными процессами и преступностью как таковой.

Между тем понятие «организованной» преступности, как верно замечает А. И. Долгова, должно служить для описания такого социального явления, которое обладает специфическим и относительно самостоятельным характером своего существования [3, с. 329], то есть имеющего «свою» форму и содержание.

В более современных научных работах приводятся следующие определения организованной преступности. Так, Н. В. Кузьмина считает, что «…организованная преступность как порождение кризисных явлений социально-экономического характера представляет собой разновидность социальной деятельности определенного количества

членов общества, направленную на постоянное получение доходов, различных выгод как преступными, так и непреступными способами» [6, с. 24].

В свою очередь данная точка зрения обосновывалась коллективом ученых, исследовавших явление организованной преступности. В. С. Овчинский, В. Е. Эминов, Н. П. Яблоков указывали, что «… как социально-правовое явление организованная преступность в любой стране является результатом достаточно длительного развития объективных процессов, и прежде всего в экономике, социальной сфере и идеологии. Следовательно, организованная преступность – это социально-экономическое явление. При этом ее возникновение было связано с развитием группой преступности ее определенной трансформации, что также вполне закономерно, ибо групповая преступность тогда приобретает характер организованности, когда появляются признаки экономической деятельности, то есть планомерного извлечения прибыли на основе присвоения прибавочной стоимости» [7, с. 151].

Вместе с тем представляется, что признак «материального обогащения» не должен и не может выступать необходимым признаком для определения понятия организованной преступности. В противном случае происходит смешение двух самостоятельных криминологических понятий – «организованной преступности экономической направленности» и «организованной преступности».

В обоснование сказанного следует привести примеры из недавней истории России. В частности, основанный на сепаратистских настроениях вооруженный конфликт, произошедший между Россией и самопровозглашенной Республикой Ичкерия в начале 90-х годов XX века [2] . Незаконные вооруженные формирования на территории Чеченской Республики, имеющие достаточно серьезные военные ресурсы, создавали реальную угрозу для конституционного строя и территориальной целостности России. Существование данных процессов не могло обходиться без обеспечивающего звена. Так, в 1992–1993 годы происходила переориентация «ремесла» чеченских организованных преступных группировок, действовавших за пределами России и стран СНГ. Происходившие в этот период времени в Чеченской Республике события определили ключевые цели чеченских преступных группировок, существовавших в Европе. Денежные средства, получаемые от преступных операций, направлялись в Чечню на поддержку либо оппозиции, либо Джохару Дудаеву [8, с. 153–155].

Кроме того, о недопустимости ограничения понятия организованной преступности признаками, обусловленными экономическими интересами, свидетельствуют примеры из судебной практики. Так, Советским районным судом г. Махачкалы по делу № 1-237/2018 от 27 июля 2018 года М. А. Азизов признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 208, ч. 2 ст. 208 УК РФ[3]. Судом было установлено, что М. А. Азизов на территории одного из городов республики Дагестан и приграничных территориях республики Дагестан было создано незаконное вооруженное формирование, именуемое «Махачкалинская». Данное незаконное вооруженное формирование характеризовалось сплоченной внутренней структурной связью – устойчивостью, в частности едиными преступными целями, основанными на радикальной исламской идеологии. Участники данного формирования обучались обращению с различным оружием и навыкам выживания

[2] Первая чеченская компания 1994-1996 годов // РИА НОВОСТИ : сайт. URL: https://ria.ru/20110418/365668402.html (дата обращения: 12.12.2024).

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.12.2024).

в экстремальных условиях[4]. Данный пример иллюстрирует отсутствие экономических и финансовых целей существования преступных группировок.

Кроме того, на официальном сайте ФСБ России указан единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Так, по состоянию на 2 декабря 2023 года в данный список входило 50 таких организаций[5], целью которых не являлось финансовое обогащение. Создание данных сообществ могло быть обусловлено как «личными» целями, например идеологическими, так и целями осуществления масштабной организованной преступной деятельности.

Все это указывает на неправильность использования при определении организованной преступности какой-либо конкретной цели, тем более ее закрепления в качестве юридического признака, как это имеет место в норме, определенной ст. 35 УК РФ или же в качестве признака состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. На эту проблему неоднократно указывали ученые-криминологи, исследуя конструкции уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за формы проявления организованной преступности [9, с. 6; 10, с. 168].

В свою очередь при характеристике организованной преступности можно столкнуться с необоснованным отождествлением этого понятия с термином «профессиональная преступность».

Однако следует предположить, что понятие «профессиональная преступность» уже понятия «организованная преступность». Данные тезисы обосновываются при анализе признака преступной деятельности, который должен являться конститутивным признаком при определении понятия организованной преступности.

Так, сравнительный анализ данных понятий проводился многими авторами. К примеру, Г. Мишин, сравнивая признаки организованной преступности и профессиональной преступности, указывает, что последняя выражается в индивидуальных преступных деяниях, совершенных с целью добывания средств существования (в виде промысла), при этом преступная деятельность организованной преступности представляет собой коллективную организованную преступную деятельность, предпринимаемую с целью максимизации доходов (прибыли) как вид предпринимательства [11, с. 96].

Интересным представляется позиция А. И. Долговой, которая, комментируя отличие преступной деятельности как признака организованной преступности и профессиональной преступности, отмечает: «…организованную преступную деятельность в изложенном понимании как систему различных преступлений, приобретающих новый смысл и качество именно во взаимосвязи с друг с другом, следует отличать от иных случаев употребления термина «преступная деятельность», т. е., во-первых, от тех видов множественности преступлений, которые предусмотрены УК РФ: неоднократности, повторности, рецидиве, не имеющих указанных выше характеристик; во-вторых, от обозначения понятием «преступная

[4] Приговор Советского районного суда г. Махачкалы по делу № 1-237/2018 от 27 июля 2018 года // Советский районный суд г. Махачкалы Республики Дагестан: сайт. URL: https://sovetskiy--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=85167296&delo_id=1540006&new=0&text_number=*1* (дата обращения: 12.12.2024).

[5] Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Федеральная служба безопасности Российской Федерации : сайт. URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm (дата обращения: 12.12.2024).

деятельность» специфического, запрещенного уголовным законом вида человеческой деятельности» [3, с. 291].

С. Р. Микаутадзе в качестве одного из выносимых на защиту положений своего диссертационного исследования предлагает понятие «преступного профессионализма», под которым определяет «разновидность преступной деятельности, выраженной в систематичности совершения тождественных преступных деяний, обусловленной единством противоправной цели на извлечение значительного преступного дохода в качестве основного источника средств существования и характеризующейся высоким уровнем криминального мастерства» [12, с. 7].

Представляется, что в содержании понятия профессиональной преступности признак «тождественность преступных деяний» является достаточным для полного описания данного вида преступности. Напротив, объем понятия «организованной преступности» представляется шире, в связи с чем его содержание не должно быть ограничено признаком «тождественность преступных деяний».

Кроме того, как верно было подчеркнуто А. И. Долговой, отличительный для понятия организованной преступности признак «преступная деятельность» следует понимать как связь между несколькими преступлениями как единым существующим процессом. В свою очередь признак «преступная деятельность» в определении профессиональной преступности характеризует независимые друг от друга преступления, совершаемые конкретно определенным субъектом.

Для организованной преступности признак «преступная деятельность» является определяющим, который в свою очередь описывает взаимосвязь между людьми и их преступными действиями, которые образуют единую систему.

Вместе с тем такое описание признака «преступная деятельность» для организованной преступности тоже представляется неисчерпывающим и однозначно отличающим ее от профессиональной преступности. К примеру, сложности при определении отличительных признаков между организованной преступностью и профессиональной преступностью возникают при анализе преступной деятельности лиц, организующих такую преступную деятельность «в одиночку» или при использовании минимального количества людей.

Так, М. П. Клейменов в своей научной статье, посвященной вопросам «криминального манипулирования и современной преступности», приводит в пример преступную деятельность Сергея Топора, известного как Виссарион [13, с. 24]. Согласно сведениям Российского информационного агентства «Новости», Виссарион был задержан в Красноярском крае в качестве руководителя религиозной организации «Церковь последнего завета». Называя себя «Сыном Бога» и Новым Христом», он создал общину «праведников», членам которой внушал идеи скорой гибели человеческой цивилизации. Спасением от мировой катастрофы выступало создание новой цивилизации, основанной на его учениях. В качестве одной из догматических положений такого учения являлась передача частной собственности в общину. Вместе с Сергеем Топором в качестве соучастников такой преступной деятельности, организованной Сергеем Топором, были задержаны Вадим Редькин и Владимир Ведерников[6].

Кроме того, М. П. Клейменов в качестве других примеров преступной деятельности приводит преступную деятельность различных бизнес-клубов [13, с. 21].

[6] Лидера «Церкви последнего завета» Виссариона поместили в карцер // РИА НОВОСТИ : сайт. URL: https://ria.ru/20210518/vissarion-1732773755.html (дата обращения: 12.12.2024).

Таких примеров в настоящее время достаточно много. Вместе с темв современной России все более и более развивается преступная деятельность лиц, действующих в интернет-пространстве. Развивая аккаунты в социальных сетях и набирая аудиторию подписчиков, блогеры, пользуясь приемами манипуляции сознанием, располагают к себе граждан, находящихся в сложном, а порой безвыходном финансовом положении, а также других лиц, стремящихся к «мгновенному обогащению».

Например, согласно сведениям РИА «Новости», был задержан блогер Х. Н. Запиров под псевдонимом Хиза, который в социальных сетях под предлогом предоставления информации об итогах спортивных мероприятий на букмекерских платформах похищал денежные средства людей[7].

На сайте РИА «Новости» также имеются сведения об А. Шабутдинове, который под предлогом создания высокодоходного бизнеса для граждан обманным путем похищал их денежные средства[8].

Приведенные примеры свидетельствуют о трансформации профессиональной преступности от прежних профессиональных карманников до нынешних профессиональных блогер-мошенников. По этой причине отличить «организованную» и «профессиональную» преступность только по признаку преступной деятельности практически невозможно.

Представляется, что профессиональная преступность является составной частью организованной преступности. Так, если преступная деятельность в качестве признака профессиональной преступности представляет собой совокупность тождественных преступлений, то в случае организованной преступности преступная деятельность может состоять как из тождественных, так и нетождественных преступлений, а также и иных непреступных деяний, связанных с криминальной деятельностью.

При определении организованной преступности необходимо обратиться к закону обратного отношения между объемами и содержанием понятий, согласно которому «…объем и содержание понятия находятся в обратном отношении: чем шире объем, тем уже содержание понятия, и наоборот» [2, с. 194]. В связи с этим при определении понятия «организованной преступности» признак «преступной деятельности» должен быть использован для описания совокупности как тождественных, так и нетождественных преступлений.

Кроме того, еще одним признаком, который необходимо проанализировать, является состав участников. В частности, в сравнении с той же профессиональной преступностью организованная преступность не может быть ограничена только преступниками-профессионалами. Также и в сравнении с «беловоротничковой» организованная преступность не может быть ограничена участием лиц, обладающих высоким социальным статусом.

Однозначного определения «беловоротничковой преступности» в научном сообществе не имеется. Однако Э. Сатерленд, являющийся автором данного понятия, использовал его при описании преступлений в области бизнеса, финансово-экономической деятельности, медицинской сфере, в области инвестиции, строительства дорог, банковского дела, военно-промышленного комплекса и т. д.

Э. Сатерленд указывал, что «беловоротничковая преступность» возможна практически в любой сфере профессиональной деятельности, общественная опасность которой

[7] В Москве задержали объявленного в розыск блогера Хизри Запирова // РИА НОВОСТИ : сайт. URL: https://ria.ru/20220330/bloger-1780808757.html (дата обращения: 12.12.2024).

[8] Суд продлил арест Аязу Шабутдинову // РИА НОВОСТИ : сайт.. URL: https://ria.ru/20240411/shabutdinov-1939429138.html (дата обращения: 12.12.2024).

заключается в нарушении оказываемого обществом доверия собственному высшему классу [14, с. 83].

В связи с вышесказанным о «беловоротничкой преступности» следует говорить как о преступности высших слоев общества, то есть определенного круга лиц. Если в профессиональной преступности в состав участников входят любые лица, которые живут за счет преступлений и занимаются этим как промыслом, то для «беловоротничковой преступности» профессиональная преступная деятельность представляется уже, а именно рамками той части населения, которая обладает достаточным арсеналом властных, интеллектуальных, финансовых и других ресурсов.

По данному вопросу интересной представляется позиция А. Н. Волобуева, обозначенная в рамках проводимого в 1989 году круглого стола издательства «Юридическая литература». Ученый отмечает, что «организованная преступность – явление целостное. В ней можно выделить определенные направления деятельности, но не формы. Она сама – форма преступности наряду с такой формой, как традиционная (элементарная)» [15, с. 30–31].

В. П. Мурашов дал следующее определение понятию: «Организованная преступность – особый феномен. Ее нельзя рассматривать как хорошо налаженную систему хищений в какой-либо отрасли народного хозяйства, на предприятии или в каком-либо регионе. Организованная преступность – не только сопутствующая хищениям коррупция некоторых чиновников государственного аппарата. Ее нельзя сводить к явлениям чисто уголовной среды. Это не сообщество уголовников со стажем преступной деятельности. … Организованная преступность – не просто новый вид преступности, не существовавший ранее в нашей стране, или как полагают некоторые криминологи, имевший место в определенные периоды нашей истории; не только новое качество преступности, но и особое социальное явление, имеющее определенные криминальные последствия своего существования. Ее следует рассматривать как систему социальных связей и отношений, сложившихся по поводу извлечения незаконной прибыли (или, пользуясь устоявшейся терминологией, нетрудовых доходов, наживы). Организованная преступность, таким образом, – явление, прежде всего экономическое, вернее социально-экономическое» [15, с. 42].

Проведенный сравнительный анализ организованной преступности с некоторыми видами преступности позволяет сделать вывод о том, что само проявление организованной преступности возможно во всех видах преступности. Помимо указанных признаков, важным является также признак организованности, который заложен в самом понятии.

Понятие организации является достаточно сложным и многогранным. В качестве ориентира приведем некоторые варианты определения организации.

Организация (от позднелатинского organize – сообща, стройный вид, устраиваю) обычно понимается как 1) упорядочение, налаживание, устройство, приведение в систему чего-либо материального или духовного, т. е. некоторое действие;

2) строение, взаимосвязь, взаимное расположение, соотношение частей какого-либо целого;

3) некоторое объединение, учреждение, орган. Наиболее важны первые два ряда значений организации, характеризующие ее как определенный порядок, притом и в функциональном смысле, и в структурном или предметном смысле [16, с. 44].

Следует отметить, что приведенные определения понятия организации вполне достаточны для разграничения организованной преступности от остальных видов. В частности, следует предположить, что признак организации имеет разное отношение в определении организованной преступности и других видов преступности. Так, признак организации присущ не просто самому явлению, как например профессиональной, а имеет

отношение к той конкретной преступной деятельности, которая может носить упорядоченный характер. В случае с определением понятия организованной преступности признак организации имеет отношение к самому явлению, что выражается в связях и отношениях между людьми в результате осуществления ими преступной деятельности.

Именно по этой причине явление организованной преступности обоснованно признается наиболее общественно опасным по сравнению с иными видами преступности. В настоящее время организованная преступность представляется реальной угрозой национальной безопасности как для России, так и для всего мира.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Выделение понятия «организованная преступность» в качестве криминологической категории является необходимым для описания существующего преступного социального явления.

2. В качестве авторского криминологического определения понятия организованной преступности предлагается следующее: организованная преступность – это социальное явление, представляющее собой систему взаимосвязанных между собой преступных деятельностей, осуществляемых определенной частью населения, как не состоящих, так и состоящих в качестве членов организованных групп или преступных сообществ. Взаимодействие между лицами, участвующими в преступной деятельности, как организационный процесс является необходимым условием для поддержания, функционирования и развития самой преступной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции : изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

2. Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика : учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 528 с.

3. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003. 572 с.

4. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс : 4-е изд., перераб. и доп. СПб. : ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. 517 с.

5. Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигмы // Преступность и криминология на рубеже веков : мат-лы XII Междунар. Балтийского криминологического семинара, 28–30 июня 1999 г. СПб, 1999. С. 46–48.

6. Кузьмина Н. В. Современные аспекты противодействия организованной преступности: криминологический анализ : монография. М. : Директ-Медиа, 2021. 120 с.

7. Основы борьбы с организованной преступностью : монография / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. М. : ИНФРА-М, 1996. 400 с.

8. Гродненский Н. Н. Первая чеченская: история вооруженного конфликта. Минск : Современная школа, 2008. 720 с.

9. Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / под ред. проф. А. И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2010. 248 с.

10. Клейменов М. П., Клейменов И. М. Развитие организованной преступности: явление и определение // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 160–174.

11. Мишин Г. Профессиональная и организованная преступность: сравнительный анализ // Уголовное право. 1999. № 4. С. 95–99.

12. Микаутадзе С. Р. Уголовно-правовые и криминологические признаки преступного профессионализма : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.

13. Клейменов М. П. Криминальное манипулирование и современная преступность // Преступность и духовность. М. : Российская криминологическая ассоциация. 2008. С. 14–25.

14. Вакутин А. А. «Беловоротничковая» преступность Э. Сатерленда: теория, не потерявшая актуальности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 80–84.

15. Организованная преступность / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М. : Юридическая литература, 1989. 352 с.

16. Боголепов В. П. О состоянии и задачах развития общей теории организации // Организация и управление. М., 1968. С. 39–56.

REFERENCES

1. Luneev V. V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii [Crime of the 20th century: world, regional and Russian trends]. Moscow, 2005, 912 p.

2. Voishvillo E. K., Degtyarev M. G. Logika [Logic]. Moscow, 2001, 528 p.

3. Dolgova A. I. Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo [Crime, its organization and criminal society]. Moscow, 2003, 572 p.

4. Gilinsky Ya. I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. Avtorskij kurs [Criminology: theory, history, empirical basis, social control. Author's course]. St. Petersburg, 2018, 517 p.

5. Justitsky V. [Organized crime: a paradigm shift].Prestupnost' i kriminologiya na rubezhe vekov: materialy XII Mezhdunaronogo Baltijskogo kriminologicheskogo seminara [Crime and criminology at the turn of the century : materials of the XII International Baltic Criminological Seminar]. St. Petersburg. 1999, pp. 46-48.

6. Kuzmina N. V. Sovremennye aspekty protivodejstviya organizovannoj prestupnosti: kriminologicheskij analiz [Modern aspects of combating organized crime: criminological analysis]. Moscow, 2021, 120 p.

7. Ovchinsky V. S., Eminov V. E., Yablokova N. P. Osnovy bor'by s organizovannoj prestupnost'yu [Fundamentals of the fight against organized crime]. Moscow, 1996, 400 p.

8. Grodnensky N. N. Pervaya chechenskaya: istoriya vooruzhennogo konflikta [The first Chechen: history of armed conflict]. Minsk, 2008, 720 p.

9. Prestupnost', organizovannaya prestupnost' i problemy bezopasnosti [Crime, organized crime and security issues]. Moscow, 2010, 248 p.

10. Kleimenov M. P., Kleimenov I. M. Razvitie organizovannoj prestupnosti: yavlenie i opredelenie [Development of organized crime: phenomenon and definition]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Vestnik of Omsk University. Series «Law», 2017, no. 2 (51), pp. 160-174.

11. Mishin G. Professional'naya i organizovannaya prestupnost': sravnitel'nyj analiz [Professional and organized crime: comparative analysis]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 1999, no. 4, pp. 95-99.

12. Mikautadze S. R. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie priznaki prestupnogo professionalizma: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk [Criminal legal and criminological signs of criminal professionalism: abstract. dis. ...cand. legal Sci]. Moscow, 2006, 24 p.

13. Kleimenov M. P. Kriminal'noe manipulirovanie i sovremennaya prestupnost' [Criminal manipulation and modern crime]. Prestupnost' i duhovnost' – Crime and Spirituality. Moscow, 2008, pp. 14-25.

14. Vakutin A. A. «Belovorotnichkovaya» prestupnost' E. Saterlenda: teoriya, ne poteryavshaya aktual'nosti [«White-collar» crime by E. Sutherland: a theory that has not lost its relevance]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, no. 2 (39), pp. 80-84.

15. Dolgovoy A. I., Dyakova S. V.(by Ed.) Organizovannaya prestupnost' [Organized crime]. Moscow, 1989, 352 p.

16. Bogolepov V. P. O sostoyanii i zadachah razvitiya obshchej teorii organizacii [On the state and objectives of the development of the general theory of organization]. Organizaciya i upravlenie – Organization and management. Moscow, 1968, pp. 39-56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оганесян Гагик Варданович, преподаватель кафедры организации деятельности охранно-конвойных подразделений органов внутренних дел. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oganesyan Gagik Vardanovich, Lecturer at the Department of Organisation of Security and Convoy Units of the Internal Affairs Agencies. Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 75 Amurskaya St., Tyumen, 625049.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 21.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 21.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 255–261.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025 Vol. no. 1 (112). Pp. 255–261.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 336.225.68

КЛАССИФИКАЦИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Панкратьев Анатолий Николаевич
Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, г. Москва, Российская Федерация
a.pankratev@gmail.com

Введение. Любое исследование налоговой преступности сопряжено с наличием дискуссии относительно терминологии, применяемой для описания соответствующих деяний, критериев классификации и перечня обособляемых противоправных деяний.

Значительное число предлагаемых классификаций не позволяется сформировать единой картины научных знаний по названной проблеме.

Исследование направлено на обобщение основных научных концепций в сфере классификации налоговой преступности, их комплексный анализ и критическую оценку с точки зрения применения в качестве теоретической основы формирования методики противодействия данной категории преступлений.

Материалы и методы. В рамках исследования проведена выборка и анализ наиболее значимых научных публикаций по рассматриваемой проблеме. В целях объективности результатов исследования осуществлена выборка судебной практики по вопросам квалификации налоговых преступлений. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания и такие специальные методы познания, как формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты. По итогам исследования выделены основные подходы к пониманию налоговой преступности и критерии ее классификации. Предлагается классификация налоговых преступлений не только с учетом общего объекта уголовной защиты, но равно с учетом дополнительных юридических критериев, характеризующих субъект, способ и дополнительные последствия преступления.

Выводы и заключения. С учетом авторской концепции к числу налоговых преступлений должны быть отнесены преступления, предусмотренные ст. 198-199.2 УК РФ, а также некоторые преступления, предусмотренные ст. 159 УК РФ (налоговые мошенничества).

Ключевые слова: налоговая преступность, налоговые мошенничества, классификация преступлений, уклонение от уплаты налогов, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Панкратьев А.Н. Классификация налоговых преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 255–261.

© Панкратьев А. Н., 2025

5.1.4. Criminal law sciences
(legal sciences)

Original article

CLASSIFICATION OF TAX CRIMES

Pankratev A. Nikolaevich
Main Department of Economic Security and Counteraction to Corruption
Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation.
a.pankratev@gmail.com

Introduction. Any study of tax crimes involves a discussion on the terminology used to describe relevant acts, the classification criteria, and the list of individual unlawful actions.A significant number of suggested classifications do not allow for a unified understanding of scientific knowledge about this issue.The study aims to summarize the main scientific concepts related to the classification of tax crimes, their comprehensive analysis, and critical assessment from the perspective of their use as a theoretical foundation for developing methods to combat this type of crime.

Materials and Methods. In the framework of this study, the most significant scientific publications on this issue were selected and analyzed. To ensure the objectivity of the study's results, a sample of court cases on the qualification of tax crimes was conducted. The methodological basis for the study was formed by the dialectical method and such specific methods as formal-legal, systemic-structural and comparative-legal.

The Results of the Study. As a result of the study, the main approaches to understanding tax crimes and criteria for their classification are highlighted. The classification of these crimes is proposed, taking into account not only the general object of protection, but also additional legal criteria that characterise the subject, the method, and the additional consequences of each crime.

Findings and Conclusions. Taking into account the author's concept, tax offenses should include offenses provided for in Articles 198-199.2 of the Russian Criminal Code, as well as certain offenses provided in Article 159 (tax fraud) of the same code.

Keywords: tax crime, tax fraud, classification of crimes, tax evasion, law enforcement

For citation: Pankratev A.N. Klassifikaciya nalogovyh prestuplenij [Classification of Tax Crimes]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No 1 (112), pp. 255–261.

Преступность как определенное социальное явление представляет собой неотъемлемый элемент объекта познания оперативно-розыскной науки. Многообразие видов преступлений формирует научную задачу их классификации, объединения в однородные группы характеризующихся общими признаками и свойствами.

Классификация представляется необъемлемым этапом любого научного познания, позволяющим с одной стороны упорядочить исследуемый материал, а с другой стороны сформировать достоверность итоговых выводов, когда каждая из выявленных закономерностей достоверно распространяется на все исследуемые явления.

Классификация преступлений предполагает в первую очередь выделение наиболее значимых характеристик, свойственных всем деянием, включаемых в группу.

В уголовно-правовой науке классификация преступлений, выступающая приемом юридической техники, неразрывна связана с терминологией, используемой для обозначения определенной группы классифицируемых деликтов.

Уголовный кодекс Российской Федерации[1], объединяя однородные группы преступлений в рамках разделов и глав уже представляет собой их классификацию, являющуюся базовой для всех уголовно-правовых наук. Ее применение обеспечивает единство и преемственность научного процесса, позволяет соотносить выводы, полученные различными учеными по отношении к одним и тем же группам преступлений.

Между тем использование уголовно-правовой классификации и соответствующей нормативной терминологии возможно не во всех случаях.

Применительно к настоящему исследованию необходимо отметить, что термин «налоговые преступления» на уровне уголовного закона нормативно не закреплен.

Существенные изменения отечественной экономической и налоговой модели в 90-х годах 20 века потребовали оперативного создания действенных мер уголовно-правовой защиты, новых институтов общества и государства, одновременно породив полемику относительно понятия и содержания налоговой преступности.

В 1992 году для обозначения нескольких деяний, криминализируемых в Уголовном кодексе РСФСР, впервые нормативно закреплен термин «уклонение от уплаты налогов»[2]. Аналогичная терминология была использована для формулирования задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Однако уже в 1993 году при описании задач налоговой полиции в нормативный оборот был введен термин «налоговые преступления»[3], в дальнейшем именно данный термин преимущественно используется в нормативных актах различной юридической силы[4].

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 13.03.2025).

[2] О внесении дополнений и изменений в Закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», Закон РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР», Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3181-1 (утратили силу) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_708/ (дата обращения: 13.03.2025).

[3] О федеральных органах налоговой полиции : Закон Российской Федерации от 24 июня 1993 г. № 5238-1 : (утратил силу) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2155/ (дата обращения: 13.03.2025).

[4] О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 13.03.2025); Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г. № 306 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41421/ (дата обращения: 12.03.2025); Об утверждении нормативных правовых актов о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений (вместе с «Инструкцией о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при осуществлении выездных налоговых проверок», «Инструкцией о порядке направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, для принятия по ним решения», «Инструкцией о порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления») : приказ МВД России № 76, МНС России № АС-3-06/37 от 22 января 2004 г. : утратил силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46789/ (дата обращения: 13.03.2025).

В 1996 году с принятием УК РФ были криминализированы уклонение от уплаты налогов физического лица (ст. 198 УК РФ) и организации (ст. 199 УК РФ). Эти нормы до настоящего времени единообразно относятся большинством исследователей к числу налоговых преступлений. По данной причине термины «налоговое преступление» и «уклонение от уплаты налогов» длительное время использовались в нормативных источниках, научной литературе и правоприменительной практике как синонимичные либо близкие по смыслу. Например, В. Б. Волженкин [1], А. С. Дементьев [2], А. М. Яковлев [3] в качестве налоговых преступлений выделяют только ст. 198 и 199 УК РФ. Введение в 2003 году ст. 199.1 и ст. 199.2 УК РФ, являющиеся по своей сути конкретизацией способов уклонения от уплаты налогов, ранее исключенных из статей 198 и 199 УК РФ, не оказало существенного влияния на обоснование приведенных классификаций.

Тезис об обособлении налоговых преступлений в отдельную группу как правило поддерживается большинством исследователей. Однако по мере накопления правоприменительной практики, усложнения налоговой системы и соответствующих правоотношений сформировалась дискуссия относительно перечня конкретных уголовно-наказуемых деяний, объединяемых в рамках классифицируемой группы, а также критериев классификации и терминологии, используемой для их обозначения. При этом как правило исследователи, формулируя собственную классификацию, расширяли перечень налоговых преступления, включая в одну группу со статьями 198, 199 УК РФ и иные преступления, предлагая общие для группы характеристики.

Л. Д. Гаухман, выделял статьи 192, 194, 198, 199 УК РФ в группу преступлений, посягающих на правоотношения в сфере формирования бюджета и государственных внебюджетных фондов [4, с. 17–19].

Н. Н Афанасьев к числу преступлений, посягающих на общественные отношения, регулирующие порядок исчисления и уплаты налогов и иных платежей, относил статьи 194, 198, 199 УК РФ [5, с. 290–291]. Б.М. Леонтьев объединял в группу преступлений в сфере налоговых и иных платежей только статьи 194, 198, 199 УК РФ [6, с. 247–248.].

Исходя из сферы экономической деятельности, в которой совершаются преступления (непосредственного объекта) А. Ф. Истомин [7] и А. И. Рарог [8] классифицировали статьи 188–194, 198, 199 УК РФ как единую группу преступлений в сфере финансовой деятельности государства.

И. М. Середа предложила единую классификацию преступлений против налоговой системы, включающую в себя статьи 170, 173, 194, 198-199.2 УК РФ [9, с. 51–73].

Приведенные широкие классификации в большинстве своем носят теоретический характер, выделяя общие закономерности связей между классами объектов в единой уголовно-правовой системе. Они безусловно упорядочивают многообразие экономических преступлений, определяют характер внутренних взаимосвязей между отдельными уголовными нормами. Вышеуказанные исследования способствовали пониманию причин и условий совершения экономических и налоговых преступлений, выявлению социально-экономических процессов, детерминирующих соответствующие виды преступлений.

Однако включенные в подобные классификации преступления, при наличии общих черт имеют и множество отличий. В одни группы включены формальные и материальные составы, совершаемые различными субъектами, и в большинстве своем имеющие лишь общие совпадения по способу совершения.

Все это формирует значительное число противоречий, не позволяющих выделить общие закономерности выявления и расследования подобных деяний. В конечном счете это привело к тому, что подобные классификации не послужили основанием формирования

сколько-нибудь заметных методик противодействия соответствующим группам деяний. Большинство значимых моделей организации работы по противодействию налоговым преступлениям разработаны для статей 198–199.2 УК РФ, качестве характерных примеров можно привести методики И. В. Александрова [10] и И. Н. Соловьева [11].

Судебная практика также пошла по пути отнесения к числу налоговых преступлений исключительно статей 198–199.2 УК РФ, что последовательно нашло свое отражение в соответствующих постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации[5].

Обособление статей 198–199.2 УК РФ в единую группу налоговых преступлений представляется обоснованным. В качестве очевидного классифицирующего признака выступает единый непосредственный объект их уголовно-правовой охраны – налоговая система. Все они неразрывно связаны с нарушением налогового законодательства, их совершение невозможно без налогового правонарушения. Преступления могут быть совершены только лицом, имеющим статус налогоплательщика (налогового агента), либо осуществляющим деятельность от его имени, в свою очередь способ совершения преступления предусматривает обязательный обман налогового органа либо противодействие его законной деятельности.

Рассматривая преступную деятельность как элемент объекта оперативно-розыскной науки, мы придерживаемся позиции о допустимости частнонаучного подхода к уголовной классификации, составляемой в интересах решения задач ОРД. Используя достижения уголовного права и криминологии, ОРД самостоятельно определяет и иные дополнительные критерии классификации, имеющие значение для оперативно-розыскной практики.

Изучение эмпирического материала, отражающего практическую сторону работы оперативных подразделений, специализирующихся на противодействии налоговой преступности, позволяет выявить закономерности реализации ими единых форм и методов выявления, проверки и закрепления сведений, представляющих оперативный интерес.

Анализ правоприменительные практики позволяет констатировать, что к числу налоговых преступлений могут быть отнесены также ряд мошеннических действий, связанных с незаконным возмещением (возвратом) налогов. Указанные деяния в настоящее время не обособлены в отдельную норму уголовного права. Однако указанное обстоятельство не исключает их общественной опасности. Сложившаяся судебная практика квалифицирует подобные деяния по ст. 159 УК РФ.

Возмещение налога может быть осуществлено только в рамках порядка, установленного налоговым законодательством, соответственно незаконное возмещение невозможно без совершения налогового правонарушения.

Способ совершения налогового мошенничества содержит обязательный прием – предоставление в налоговый органы заведомо недостоверных сведений о размере и основаниях возмещения. Как и в случае с иными налоговыми преступлениями, налоговое мошенничество может быть совершено только налогоплательщиком либо от его имени.

---

[5] О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/ (дата обращения: 13.03.2025); О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 : утратил силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64996/ (дата обращения: 13.03.2025).

Указанные признаки хотя и не содержатся в диспозиции ст. 159 УК РФ, однако достаточно единообразно описываются судами как юридически важные для квалификации по делам соответствующей категории. Анализ соответствующей судебной практики являлся предметом отдельного исследования, результаты которого опубликованы в самостоятельной статье [12].

Таким образом, налоговые мошенничества имеют большинство признаков, характерных для налоговых преступлений. Общим объектом, присущим всем видам анализируемых преступлений, являются общественные отношения в налоговой системе России, охраняемые соответствующими уголовными нормами.

Указанное обстоятельство порождает единство форм и методов организации оперативной работы по противодействию налоговым мошенничествам и уклонениям от уплаты налогов как однородным преступлениям.

Таким образом, налоговые преступления характеризуются общим объектом уголовной охраны, а также единством дополнительных юридических признаков, таких как нарушение налогового законодательства Российской Федерации, наличие у субъекта преступления статуса налогоплательщика, общностью способа совершения связанного с обманом налогового органа (противодействием его законной деятельности). С учетом приведенных критериев в качестве налоговых можно выделить преступления, предусмотренные ст. 198–199.2 УК РФ, а также ряд преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, связанных с незаконным возмещением налога (налоговые мошенничества).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волженкин В. Б. Преступления в сфере экономической деятельности. Комментарий к УК РФ. М., 1996. 192 с.

2. Дементьев А. С. Проблемы борьбы с экономической преступностью и коррупцией : дис… канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1997. 174 с.

3. Яковлев А. М. Экономическая преступность: закон и жизнь. М., 1990. 63 с.

4. Гаухман Л. Д. Преступления в сфере экономической деятельности / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. М., 1998. 296 с.

5. Афанасьев Н. Н. Уголовное право. Особенная часть. М., 1998. 766 с.

6. Крылова Н. Е., Леонтьев Б. М. Преступления в сфере экономической деятельности. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. М., 1997. 264 с.

7. Истомин А. Ф. Особенная часть уголовного права: Учебное пособие. М., 1998. 427 с.

8. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. М., 1996. 800 с.

9. Середа И. М. Преступления против налоговой системы: характеристика, ответственность, стратегия борьбы: дис. … д-ра юрид. наук. Иркутск: Байкальский гос. ун-т экономики и права, 2006. 472 с.

10. Александров И. В. Налоговые преступления: криминалистические проблемы расследования. СПб, 200. 245 с.

11. Соловьев И. Н. Налоговые преступления и преступность. М.: Экзамен, 2006. 526 с.

12. Панкратьев А. Н. Практика применения статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации по делам о налоговых мошенничествах / А. Н. Панкратьев // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 83-88.

REFERENCES

1. Volzhenkin V. B. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoj deyatel'nosti. Kommentarij k UK RF [Crimes in the sphere of economic activity. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, 1996, 192 p.

2. Dementiev A. S. Problemy bor'by s ekonomicheskoj prestupnost'yu i korrupciej: Dis… kand. yurid. nauk [Problems of combating economic crime and corruption: Dissertation of the cand. jurid. Nauk]. N. Novgorod, 1997, 174 p.

3. Yakovlev A. M. Ekonomicheskaya prestupnost': zakon i zhizn' [Economic crime: Law and Life]. Moscow, 1990, 63 p.

4. Gaukhman L. D. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoj deyatel'nosti. Kommentarij k UK RF [Crimes in the sphere of economic activity]. Moscow, 1998, 296 p.

5. Afanasyev N.N. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' [Criminal law. The special part]. Moscow, 1998, 766 p.

6. Krylova N. E., Leontiev B.M. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoj deyatel'nosti. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast': Uchebnik [Crimes in the sphere of economic activity. Criminal law of the Russian Federation. The special part: Textbook]. Moscow, 1997, 264 p.

7. Istomin A. F. Osobennaya chast' ugolovnogo prava: Uchebnoe posobie [The special part of criminal law: A textbook]. Moscow, 1998, 427 p.

8. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': Uchebnik [Criminal law of Russia. The special part: The Tutorial]. Moscow, 1996, 800 p.

9. Sereda I. M. Prestupleniya protiv nalogovoj sistemy: harakteristika, otvetstvennost', strategiya bor'by: Dis. … d-ra yurid. nauk [Crimes against the tax system: characteristics, responsibility, strategy of struggle: Dis. ...Dr. Jurid. sciences']. Irkutsk, 2006, 472 p.

10. Alexandrov I. V. Nalogovye prestupleniya: kriminalisticheskie problemy rassledovaniya [Tax crimes: criminalistic problems of investigation]. St. Petersburg, 2000, 245 p.

11. Soloviev I. N. Nalogovye prestupleniya i prestupnost' [Tax crimes and criminality]. Moscow, 2006, 526 p.

12. Pankratev A. N. Praktika primeneniya stat'i 159 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii po delam o nalogovyh moshennichestvah [The practice of applying Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in cases of tax fraud]. Nauchnyj portal MVD Rossii – Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no 1 (57), pp. 83-88.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Панкратьев Анатолий Николаевич, кандидат юридических наук, начальник отдела. Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. 107078, г. Москва, Рязанский пер., д.1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pankratev Anatoly Nikolaevich, Candidate of Legal Sciences, Head of the department. Main Directorate of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1 Ryazansky Lane, Moscow, 107078.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 262–275.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 1 (112). Pp. 262–275.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.98

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИМОНОПОЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КАРТЕЛЬНЫМ СОГЛАШЕНИЯМ

Семенчук Василий Владимирович
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, г. Хабаровск, Российская Федерация
semenchuk_ord@mail.ru

Введение. В статье рассмотрены перспективные возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности для противодействия антимонопольным соглашениям. Формирование данного направления связано с необходимостью противодействия картелям как угрозе экономической безопасности государства. В связи с этим требуется регламентация отношений, связанных с представлением результатов оперативно-розыскной деятельности антимонопольным органам.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образует законодательство в сфере оперативно-розыскной деятельности и обеспечения защиты конкуренции. В ходе исследования изучались материалы судебной практики, отражающие тенденции использования результатов оперативно-розыскной деятельности, а также труды ученых, занимавшихся изучением проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности вне уголовного судопроизводства и проблем противодействия картелям. Методологической основой исследования послужил комплекс общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный подход) и специальных методов познания.

Результаты исследования. Автор пришел к выводу, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности антимонопольными органами осуществляется двумя путями: опосредованно из уголовных дел и материалов проверок сообщений о преступлениях; путем прямого представления субъектами оперативно-розыскной деятельности (без достаточных для этого правовых оснований). С целью исключения критической оценки фактов прямого представления таких сведений и упрочнения их доказательственного значения предлагается включить антимонопольные органы в число субъектов-получателей результатов оперативно-розыскной деятельности.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило подготовить предложения по регламентации представления результатов оперативно-розыскной деятельности антимонопольным органам.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, антиконкурентные соглашения, картель, антимонопольные органы, защита конкуренции, экономическая безопасность, угрозы государству

© Семенчук В. В., 2025

Для цитирования: Семенчук В. В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности антимонопольными органами для противодействия картельным соглашениям // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 262–275.

5.1.4. Criminal law sciences
(legal sciences)

Original article

PROSPECTS FOR USING THE RESULTS OF OPERATIVE AND INVESTIGATIVE ACTIVITY BY ANTIMONOPOLY BODIES TO COUNTERACT THE CARTEL AGREEMENTS

Vasili V. Semenchuk
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russian Federation, semenchuk_ord@mail.ru

Introduction. The article delves into the promising avenues for leveraging the findings of operational and investigative operations in the fight against anti-competitive agreements. The genesis of this field is rooted in the urgent need to tackle cartels as a menace to economic stability. Within this context, it becomes imperative to establish a framework for regulating the exchange of information from these operations with anti-monopoly agencies.

Materials and Methods. The normative basis of the study based on the legislation in the field of operative-investigative activity and ensuring the protection of competition. In the course of the study, was studied the judicial practice, which reflecting the trends in the use of the results of operative-investigative activity, as well as the works of scientists who studied the problems of using the results of such information outside criminal proceedings and the problems of counteracting cartels. The methodological basis of the study was the complex of general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, system-structural approach) and special methods of cognition.

The Results of the Study. The author conclude that the use of the results of operative-investigative activity by antimonopoly authorities is carried out in two ways: indirectly from criminal cases and materials of inspections of applications about crimes; by direct representation by the subjects of operative-investigative activity (without sufficient legal grounds for this). In order to exclude a critical assessment of the facts of direct presentation of such information and strengthening their evidence power, it is proposed to include antimonopoly bodies among the recipients of the results of operative-investigative activity.

Findings and Conclusions. The study made it possible to prepare proposals for the regulation of the presentation of the results of operative-investigative activity to the antimonopoly authorities.

Keywords: operative-investigative activity, anti-competitive agreements, cartel, antimonopoly bodies, competition protection, economic security, threats to the state

For citation: Semenchuk V.V. Perspektivy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti antimonopol'nymi organami dlya protivodejstviya kartel'nym soglasheniyam [Prospects for using the results of operative-investigative activity by antimonopoly bodies to counteract the cartel agreements]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.1 (112), pp. 262–275.

В. А. Гусевым отмечалась необходимость корректировки направлений использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) с учетом современных законодательных реалий и складывающейся оперативно-розыскной практики [1].

Данный аргумент справедлив, но возникает вопрос на основании каких критериев следует выделять новые направления использования результатов ОРД вне уголовного судопроизводства и новых получателей такой информации? В теории ОРД по данному вопросу еще не сложились общие представления.

Вместе с тем, беспорядочность в данных отношениях может привести к угрозе безопасности системы ОРД, а также ее отвлечения от решения основных задач в связи с поступлением запросов от различных потенциальных потребителей информации. По этой причине положения ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее – ФЗ «Об ОРД») нельзя трактовать расширительно.

К. К. Горяиновым справедливо указывалось, что не следует и чрезмерно расширять задачи и границы применения ОРД. Все изменения должны быть социально обусловлены, целесообразны, четко законодательно и нормативно проработаны [2, С. 89].

В качестве факторов, детерминирующих появление новых направлений, можно привести следующие:

1) использование результатов ОРД не должно представлять угрозу безопасности системы ОРД;

2) должен существовать стабильный источник получения информации и социальная потребность в ее использовании;

3) возможность представления результатов ОРД должна быть закреплена в законе;

4) появление нового направления должно определяться необходимостью защиты наиболее важных общественных благ.

По своей природе данные факторы имеют диалектический характер, непосредственно связанный с законом перехода количественных значений в качественные. При этом закон должен адекватно соответствовать общественным отношениям, которые он призван регулировать. В связи с этим необходимо анализировать динамику развития таких отношений.

Использование результатов ОРД для информационного обеспечения деятельности антимонопольных органов отчасти уже имеет правовую регламентацию.

Так, положения ст. 13 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» [2] (далее – ФЗ от 29.04.2008 № 57-ФЗ) и ст. 8.1 ФЗ «Об ОРД» позволяют органам ФСБ России проводить оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) с целью обнаружения фактов незаконного установления контроля над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Последующее обжалование выявленных нарушений входит в компетенцию

---

[1] Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 18.11.2024).

[2] О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660/ (дата обращения: 18.11.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

ФАС России. И хотя данный орган, в соответствии со ст. 11 ФЗ «Об ОРД» не является получателем результатов ОРД, результаты проверочных мероприятий, проведенных подразделениями ФСБ России по его запросам, могут быть переданы согласно ст. 10 ФЗ от 29.04.2008 № 57-ФЗ.

Проблематика представления результатов ОРД в рамках данного направления более подробно освещалась нами в другом исследовании [3]. При этом потенциал использования таких сведений антимонопольными органами не сводится только к нему.

На уровне МВД России и ФАС России взаимодействие нацелено на пресечение нарушений антимонопольного законодательства, законодательства о естественных монополиях и законодательства о рекламе. В рамках взаимодействия МВД России обязано информировать ФАС России о выявленных правонарушениях в представленных сферах[3].

Среди представленных направлений взаимодействия, особую значимость имеет противодействие нарушениям антимонопольного законодательства, что подтверждается содержанием программных документов стратегического планирования.

Так, согласно пп. 31 п. 67 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, к задачам обеспечения экономической безопасности государства относится поддержка, развитие и защита конкуренции на российском рынке, пресечение монополистической деятельности и антиконкурентных соглашений, обеспечение равных условий и свободы экономической деятельности[4].

В свою очередь, согласно пп. 7 п. 16 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года к основным задачам по развитию системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, относится осуществление контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, предотвращение картельных сговоров[5].

Реализация данных задач в определенной степени входит в компетенцию МВД России. Так, в рамках исполнения приведенных стратегий разработана Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2024–2028 годы[6], одним из соисполнителей которой является МВД России.

Программа предполагает организацию проведения ежегодных комплексных мероприятий, направленных на выявление и пресечение правонарушений и преступлений,

---

[3] Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы : приказ МВД России № 878, ФАС России № 215 от 30 декабря 2004 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118663/ (дата обращения: 18.11.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[4] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 : послед. ред «» // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 16.11.2024).

[5] О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 18.11.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[6] Об утверждении межведомственной программы мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2024–2028 годы : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2024 г. № 512-р : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471845/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 18.11.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

связанных с заключением ограничивающих конкуренцию соглашений в стратегически важных и социально значимых отраслях экономики, а также преступлений коррупционной направленности. МВД России вместе с СК России и ФСБ России является соисполнителем данных мероприятий (ответственный исполнитель – ФАС России).

В контексте ОРД работа в этом направлении осуществляется путем выявления и раскрытия подразделениями ЭБиПК преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ, а также связанных с ними должностных преступлений и преступлений коррупционной направленности. В ходе их документирования возможно получение сведений, не указывающих на признаки преступлений, но свидетельствующих об иных нарушениях антимонопольного законодательства, в том числе относящихся к категории административных правонарушений (ст. 14.32 КоАП РФ).

Такие сведения представляют интерес для антимонопольных органов. В свою очередь, одним из основных направлений рассматриваемой программы является проведение мероприятий по оперативному обмену актуальной информацией о фактах и участниках картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений.

Исходя из правоприменительной практики, получение результатов ОРД антимонопольными органами осуществляется двумя способами:

1. Из уголовных дел и материалов проверок сообщений о преступлениях.

Как было отмечено ранее, подразделения ЭБиПК нацелены на выявление и раскрытие преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ, совершаемых путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации.

После регистрации сообщения о преступлении в ходе проведения процессуальной проверки в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, сотрудники антимонопольного органа могут привлекаться в качестве специалистов. С учетом разъяснений, содержащихся в ведомственном нормативном акте ФАС России[7], в антимонопольный орган предоставляются сведения из материалов проверок сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 178 УК РФ, для получения заключения о наличии либо отсутствии признаков нарушения антимонопольного законодательства. Заключение специалиста учитывается при принятии решения о возбуждении уголовного дела.

Заключение специалиста может быть получено и после возбуждения уголовного дела, для чего в антимонопольный орган направляются соответствующие материалы. Если передаваемые материалы включают информацию о результатах ОРД, то следователь должен отразить, что соответствующие материалы были рассекречены в установленном порядке[8].

Также в антимонопольный орган могут быть направлены материалы уголовных дел, возбужденных на основании результатов документирования иных преступлений (в первую очередь, должностных преступлений и преступлений коррупционной направленности).

На основании полученных материалов антимонопольный орган решает вопрос о

[7] Об утверждении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации)») : приказ ФАС России от 8 августа 2019 г. № 1073/19 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335124/ (дата обращения: 18.11.2024).

[8] Там же.

возбуждении антимонопольного дела. В соответствии с п. 1 ч. 2 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – ФЗ «О защите конкуренции») одним из оснований для возбуждения и рассмотрения антимонопольным органом дела о нарушении антимонопольного законодательства является поступление из государственных органов материалов, указывающих на наличие признаков таких нарушений.

Согласно позиции Верховного суда Российской Федерации, доказательствами по такому делу могут служить доказательства по уголовным делам, переданные в антимонопольный орган (с учетом положений статьи 161 УПК РФ). При этом необходимо иметь в виду, что материалы уголовных дел (их копии) могут использоваться в качестве доказательств по делам о картелях вне зависимости от наличия или отсутствия приговора[9].

Если результаты ОРД в рамках расследования уголовного дела были признаны доказательствами, то в случае их представления в антимонопольный орган, они также могут использоваться для доказывания соответствующих нарушений.

В качестве примера, можно привести их использование для доказывания наличия неправомерных соглашений при проведении закупок для государственных нужд между заказчиками и участниками торгов[10], запроса котировок цен на товары[11], неправомерных соглашений между участниками закупок с целью препятствованию снижению цен на торгах[12] или создания преимуществ для одного из участников торгов[13].

В случае вынесения решения по делу (установления факта заключения картеля) оно направляется следователю.

Таким образом, в рамках взаимодействия осуществляется решение сразу двух задач – использование специальных познаний сотрудников антимонопольных органов и информационное обеспечение деятельности данных органов.

В целом, данный способ получения результатов ОРД не является проблематичным для субъектов ОРД, т. к. предварительно осуществляется их представление в уголовное судопроизводство в установленном порядке, а дальнейшие манипуляции с ними уже входят в компетенцию процессуальных субъектов.

Вместе с тем, стоит заметить, что могут возникнуть определенные сложности в случае обжалования допустимости использования в доказывании по делам о нарушении антимонопольного законодательства результатов ОРД, полученных из материалов проверок

---

[9] Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195308/ (дата обращения: 18.11.2024).

[10] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28 февраля 2020 г. по делу № А40-129728/19-120-1031 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 19.08.2024).

[11] Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2019 г. по делу № А05-12722/2018 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

[12] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 июля 2023 г. по делу № А46-12723/2022 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: http://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20.08.2024); Определение Верховного суда Российской Федерации от 23 августа 2021 г. № 307-ЭС21-12835 по делу А42-1133/2020 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

[13] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 24 ноября 2022 г. по делу № А74-679/2022// Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

сообщений о преступлениях, в особенности, по которым принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, и, таким образом, еще не признанных доказательствами по уголовному делу.

В качестве примера приведем решение, в котором суд пришел к выводу, что сами по себе фонограммы прослушивания телефонных переговоров и их расшифровка, не оформленные в соответствии с УПК РФ не могут служить доказательством, достаточным для вывода о создании картеля. Такие сведения являются лишь поводом для проведения проверки, для изучения антимонопольным органом рынка капитального ремонта общего имущества и действий на данном рынке рассматриваемых обществ[14].

При аргументации такого вывода использовалась ссылка на правовую позицию Конституционного суда Российской Федерации о том, что «результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов…»[15].

На наш взгляд, подобный вывод нельзя признать обоснованным по следующим причинам:

– положения ст. 45.1 ФЗ «О защите конкуренции» не предусматривают каких-либо запретов на использование результатов ОРД в доказывании по делу о нарушении антимонопольного законодательства;

– приведенная позиция Конституционного суда Российской Федерации была сформирована в части использования результатов ОРД в уголовном, а не гражданском (арбитражном) судопроизводстве;

– АПК РФ, в отличии от УПК РФ (ст. 89), не содержит специфических требований для использования результатов ОРД в доказывании;

– согласно правовой позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации допускается использование результатов ОРД по налоговым делам в качестве доказательств с учетом соблюдения определенных условий, которые не связаны с необходимостью их процессуальной проверки[16]. Было бы не логичным применять данную позицию в арбитражном процессе для обжалования решений налоговых органов, но не учитывать ее при обжаловании решений антимонопольных органов.

Безусловно, при оценке доказательств в контексте нарушения антимонопольного законодательства суд исходит из того, что каждое доказательство подлежит оценке наряду с другими доказательствами и никакие доказательства не имеют для арбитражного суда заранее установленной силы (ч. 4, 5 ст. 71 АПК РФ).

---

[14] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 6 июля 2023 г. по делу № А60-13466/2022 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

[15] Определение Конституционного суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-О // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=8328#xzwF6fUwx1f0PflD 1 (дата обращения: 18.11.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[16] О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151174/ (дата обращения: 18.11.2024).

Так, в правоприменительной практике встречаются примеры, когда результаты ОРД не позволяют суду прийти к выводу о наличии нарушений антимонопольного законодательств[17]. В частности, отмечалось, что справка о прослушивании телефонных переговоров как единственное доказательство не может указывать на нарушение антимонопольного законодательства [18] . Однако, это не говорит об принципиальной недопустимости их использования в доказывании, а скорее указывает на необходимость использования в комплексе с другими доказательствами.

Отметим, что в другом случае, признавая допустимость использования результатов ОРД при доказывании нарушений законодательства о контрактной системе в сфере закупок, полученных антимонопольным органом из материалов проверки сообщения о преступлении, проведенной подразделением ЭБиПК, суд сослался на правовую позицию Высшего арбитражного суда Российской Федерации, признающую допустимость использования результатов ОРД по делам о налоговых правонарушениях[19].

Подобный подход логичен, т. к. доказывание в арбитражном процессе должно строиться на общих принципах.

2. Путем прямого представления субъектами ОРД.

Для квалификации деяния как преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, в числе прочих элементов должно быть установлено наличие крупного ущерба либо извлечения дохода в крупном размере.

В случае, если задокументированные размеры ущерба (дохода) меньше предусмотренных примечаниями 1 и 2 к ст. 178 УК РФ, то использование результатов ОРД в уголовно-процессуальных отношениях исключается. Регистрация сообщения о преступлении с высокой долей вероятности привела бы к последующему принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела и, тем самым, лишней работе.

Однако при отсутствии признаков состава преступления, полученные в ходе ОРД сведения могут быть использованы для возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства. В свою очередь, согласно ч. 5 ст. 39 ФЗ «О защите конкуренции», при наличии достаточных данных по результатам рассмотрения такого дела может быть возбуждено дело об административном правонарушении (ст. 14.32 КоАП РФ).

В рассматриваемой ситуации приоритетным выглядит прямое представление результатов ОРД антимонопольному органу, без перехода к уголовно-процессуальным отношениям. Такой способ их представления может быть актуален и в других случаях:

1. Для оперативной оценки результатов документирования преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ, до регистрации сообщения о преступлении. В данном вопросе следует согласиться с А. А. Крыловым и Э. А. Васильевым в том, что знание оперативными работниками технологической характеристики объекта контроля помогает понять особенности видов и способов совершения преступлений [4]. В этом аспекте использование специальных познаний сотрудников антимонопольного органа будет

[17] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 января 2022 г. по делу № А45-20008/2020 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

[18] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 апреля 2019 г. по делу № А13-825/2018 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

[19] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 июля 2017 г. по делу № А40-200419/2016 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

необходимо для оценки уже полученных сведений и более эффективной организации документирования.

2. Представление результатов ОРД, полученных в ходе документирования иных преступлений, до перехода к уголовно-процессуальным отношениям. Правоприменительная практика свидетельствует о фактах прямого представления результатов ОРД в антимонопольные органы, которые признаются допустимыми судами[20]. При обосновании этого, судами указывается, что ФАС России обладает полномочиями направлять обращения о проведении ОРМ (п. 11 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О защите конкуренции»), а ст. 11 ФЗ «Об ОРД» не содержит запрета на представление их результатов[21].

Несмотря на актуальность рассматриваемого вопроса, с подобной аргументацией согласиться нельзя, т. к. она содержит излишне диспозитивное толкование ФЗ «Об ОРД», не соответствующее природе правового регулирования представления результатов ОРД.

Представление таких сведений антимонопольным органам противоречит ФЗ «Об ОРД», т. к. ФАС России не отнесена к числу их получателей. Это же констатируется и в ведомственном нормативном акте ФАС России[22].

Законным основанием для предоставления результатов ОРД ФАС России являются только положения ст. 10 ФЗ от 29.04.2008 № 57-ФЗ, которые, однако, не связаны с нарушением антимонопольного законодательства.

Даже, если «не обращать внимание» на закрытый перечень получателей результатов ОРД, то останется ряд проблемных вопросов, связанных с их представлением и последующем использованием антимонопольными органами:

- в связи с отсутствием правовой регламентации возникают сложности в основаниях для рассекречивания результатов негласных ОРМ.

В. И. Новоселовым приводилась практика, согласно которой представление таких сведений осуществляется только после инициирования уголовно-процессуальных отношений, в частности, из материалов сообщений о преступлениях [5].

До правовой регламентации схожая проблема была характерна и для представления результатов ОРД налоговым органам (данная проблема была рассмотрена в работе автора настоящей статьи [6]).

- возможны потенциальные проблемы с оценкой допустимости использования в доказывании результатов ОРД, напрямую представленных в антимонопольные органы.

Ранее отмечалось, что в ходе обжалования решений антимонопольных органов судами не всегда воспринимаются в качестве доказательств результаты ОРД, которые не были признаны доказательствами по уголовным делам.

---

[20] См. примеры: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 3 сентября 2019 г. по делу № А16-972/2018 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 18.11.2024); Определение Московского городского суда от 5 июня 2015 г. № 4г/6-5799/15 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы : сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/cassation-civil/details/6bb98b32-1771-4a89-be36-82bc12efea69?caseNumber=5799/15 (дата обращения: 18.11.2024).

[21] Там же.

[22] Об утверждении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации)») : приказ ФАС России от 8 августа 2019 г. № 1073/19 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335124/ (дата обращения: 18.11.2024).

Хотя мы и не согласны с такой позицией, но в случае прямого использования результатов ОРД она приобретает дополнительный критический аргумент в виде принципиальной недопустимости их представления в антимонопольный орган и, соответственно, получение доказательств с нарушением закона.

Еще раз проводя аналогию с представлением результатов ОРД налоговым органам, отметим, что правовая регламентация на уровне ФЗ «Об ОРД» позволила сформировать правовые позиции, допускающие их использование в доказывании.

В целом отсутствие регламентации прямого представления результатов ОРД антимонопольным органам усиливает латентность рассматриваемых правонарушений. Без реализации в уголовном судопроизводстве, сведения, полученные оперативным путем, указывающие на наличие нарушения антимонопольного законодательства, остаются неизвестными антимонопольным органам.

Учеными также отмечалось, что ограничение возможности осуществлять ОРД антимонопольным органом вызывает трудности с доказыванием наличия антиконкурентных соглашений (данная проблема была рассмотрена в работах И. В. Евтушенко [7, с. 56], А. Ю. Кинева [8, с. 15] и Г. Ф. Юсуповой [9, с. 43]).

А. С. Мильским при этом высказывалось мнение наделить ФАС России полномочиями по осуществлению ОРД [10, с. 21].

Считаем, что отнесение ФАС России к субъектам ОРД является маловероятным по ряду причин:

1. Деятельность субъектов ОРД нацелена на достижение задач данной деятельности, основная из которых связана с выявлением, предупреждением, пресечение и раскрытием преступлений. Уголовное законодательство содержит не так много составов преступлений, потенциально относящихся к сфере оперативного обслуживания ФАС России (ст. 178, 200.4–200.6 УК РФ). Если под каждую сферу оперативного обслуживания, охватывающую относительно обособленную, но не повсеместно распространенную группу преступлений, создавать отдельный субъект ОРД, это повлечет наделение таким статусом практически любого федерального органа исполнительной власти.

2. Оперативно-розыскное законодательство консервативно относительно увеличения количества субъектов ОРД и скорее имеет тенденцию к их укрупнению. Объясняется это тем, что для эффективного функционирования в сфере ОРД мало наделить какой-либо орган власти соответствующими полномочиями. Для этого также необходимо осуществить развитие его сил и средств, что невозможно без материальных и временных затрат.

С учетом изложенного, следует поддержать группу авторов (В. И. Новоселов [5], А. Ю. Кинев [8, с. 16], Д. С. Говорухин [11, с. 153]), предлагавших решать проблему противодействия нарушениям антимонопольного законодательства не через наделение ФАС России полномочиями в сфере ОРД, а путем включения данного органа в перечень получателей результатов ОРД для их использования в доказывании антиконкурентных соглашений (картелей).

Попытка регламентации таких правоотношений уже имела место. Так, согласно законопроекту № 848392-7 [23] предлагалось дополнить ст. 11 ФЗ «Об ОРД» правомочием

[23] О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения эффективности выявления и пресечения ограничивающих конкуренцию соглашений и согласованных действий : Законопроект № 848392-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/848392-7 (дата обращения: 18.11.2024).

направлять результаты данной деятельности в антимонопольные органы для использования при реализации полномочий по контролю за соблюдением требований ст. 11, 16 и п. 1 ч. 1 ст. 17 ФЗ «О защите конкуренции».

Однако в процессе рассмотрения законопроекта данное правомочие было исключено из него. Одной из причин стали критические замечания, приведенные в заключении Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции[24].

В заключении отмечалось, что действующее законодательство и так позволяет ФАС России привлекать к проводимым контрольным мероприятиям органы, осуществляющие ОРД (п. 11 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О защите конкуренции»).

Действительно, данная норма позволяет антимонопольному органу обратиться в органы, осуществляющие ОРД, с просьбой о проведении ОРМ в рамках проведения проверок соблюдения антимонопольного законодательства. Данная норма нашла отражение и в п. 5.3.6 Положения о ФАС России[25].

Вместе с тем, запрос антимонопольного органа сложно рассматривать как самостоятельное основание для проведения ОРМ. Он равнозначен запросу любого другого органа власти, не относящегося к субъектам ОРД. По данному поводу судебными органами высказывалась критическая оценка результатам ОРМ, проводимых по запросам налоговых органов в отсутствие самостоятельных оснований, приведенных в ст. 7 ФЗ «Об ОРД»[26].

Обращение антимонопольного органа может быть рассмотрено как основание для проведения ОРМ, только через призму пп. 2 п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД», если в нем содержатся сведения о признаках преступной деятельности. Такого же мнения придерживаются и авторы комментария ФЗ «О защите конкуренции»[27].

При этом направление запросов о проведении ОРМ не дает антимонопольным органам права на получение их результатов без внесения изменений в ст. 11 ФЗ «Об ОРД».

С учетом изложенного, следует вернуться к вопросу о необходимости регламентации представления результатов ОРД ФАС России. Считаем целесообразным внести антимонопольные органы в перечень получателей результатов ОРД, предусмотренный ч. 4 ст. 11 ФЗ «Об ОРД», и одновременно с этим дополнить ст. 11 ФЗ «Об ОРД» следующей нормой:

«Результаты оперативно-розыскной деятельности могут направляться в органы

---

[24] О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения эффективности выявления и пресечения ограничивающих конкуренцию соглашений и согласованных действий : Заключение Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции на проект федерального закона № 848392-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/848392-7 (дата обращения: 18.11.2024).

[25] Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе : постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 331 : КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48611/ (дата обращения: 18.11.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

[26] Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 10 мая 2023 г. по делу № А63-8469/2022 // Решения арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

[27] Батрова Т. А., Артемьев Е. В. Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (постатейный) Подготовлен для справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», 2018 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/kommentarii_k_135-fz/ (дата обращения: 18.11.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации с целью реализации полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и Федеральным законом от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Принятие данных норм могло бы стать предпосылкой для ведомственной регламентации представления результатов ОРД антимонопольным органам. При этом следовало бы учесть опыт решения данных вопросов в сфере уголовного судопроизводства и обеспечения деятельности налоговых органов.

Также отметим, что правонарушения и преступления часто находятся в непосредственной взаимосвязи, и пресечение первых оказывает влияние на предупреждение вторых. В таком контексте использование результатов ОРД в конечном итоге позволяет решать задачу, связанную с предупреждением преступлений.

С учетом изложенного, считаем, что после дополнения ФЗ «Об ОРД» новым направлением использования результатов ОРД должны последовать изменения в системе оценки деятельности подразделений ЭБиПК, отражающие их вклад в противодействии нарушениям антимонопольного законодательства, в том числе путем оценки количества административных правонарушений, предусмотренных ст. 14.32 КоАП РФ, выявленных на основании оперативной информации. Такой подход будет способствовать дополнительной мотивации участия оперативных подразделений в предупреждении преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусев В. А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности: новые тенденции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28). С. 86–91.

2. Горяинов К. К. Оперативно-розыскная деятельность в современном правовом представлении // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 3 (21). С. 86–90.

3. Семенчук В. В. К вопросу о необходимости включения Федеральной антимонопольной службы России в перечень получателей результатов оперативно-розыскной деятельности // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: матлы междунар. науч.-практ. Конференции, 8 апреля 2022 г. СПб.: С-Петербургский ун-т МВД России, 2022. С. 213-217.

4. Крылов А. А., Васильев Э. А. Интеграция достижений теории экономической безопасности и теории оперативно-розыскной деятельности в выявлении латентной экономической преступности // Научный портал МВД России. 2015. № 3 (31). С. 110–114.

5. Новоселов В. И. Проблемы взаимодействия антимонопольного органа и правоохранительных органов при противодействии антиконкурентным соглашениям (на примере Хабаровского края) // Актуальные проблемы развития антимонопольного законодательства : сб. науч. докладов по итогам III Всероссийской научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2023. С. 118–125.

6. Семенчук В. В. Проблемные вопросы участия оперативных подразделений органов внутренних дел в выявлении налоговых преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). С. 67–74.

7. Евтушенко И. В. Антиконкурентные соглашения: проблемы государственного противодействия // Современное право. 2013. № 10. С. 54–57.

8. Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М. , 2014. 62 с.

9. Юсупова Г. Ф. Проблемы противодействия ограничивающим конкуренцию соглашениям в российской антимонопольной политике // Современная конкуренция. 2009. № 2 (14). С. 31–43.

10. Мильский А. С. Административно-правовое регулирование рекламной деятельности: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2019. 28 с.

11. Говорухин Д. С. Оптимизация деятельности подразделений ЭБиПК МВД России при раскрытии преступлений, совершаемых в сфере закупок при реализации государственных программ // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2021. № 2. С. 149–156.

REFERENCE

1. Gusev V. A. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-razysknoj deyatel'nosti: novye tendencii [Using the results of operative-investigative activity: new trends]. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii - Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volgograd, 2014, no. 1 (28), pp. 86–91.

2. Goryainov K. K. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v sovremennom pravovom predstavlenii [Operative-investigative activity in modern legal representation]. Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika - Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. Vladimir, 2019, no. 3 (21), pp. 86–90.

3. Semenchuk V. V. [On the need to include the Federal Antimonopoly Service of Russia in the list of recipients of the results of operative-investigative activity]. Ekonomicheskaya bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva: problemy i puti obespecheniya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Economic security of the individual, society, state: problems and ways of support: materials of the International Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, 2022, pp. 213-217.

4. Krylov A. A., Vasil'ev E. A. Integraciya dostizhenij teorii ekonomicheskoj bezopasnosti i teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti v vyyavlenii latentnoj ekonomicheskoj prestupnosti [Integration of achievements of the theory of economic security and the theory of operative-investigative activity in the identification of latent economic crime]. Nauchnyj portal MVD Rossii - Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2015, no. 3 (31), pp. 110–114.

5. Novoselov V. I. [Problems of the interaction of the antimonopoly body and law enforcement agencies in anti-competitive agreements (on the example of the Khabarovsk Territory)]. Aktual'nye problemy razvitiya antimonopol'nogo zakonodatel'stva: sbornik nauchnyh dokladov po itogam III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Actual problems of the development of antitrust laws: a collection of scientific reports following the results of the III All-Russian Scientific and Practical Conference]. Khanty-Mansijsk, 2023, pp. 118-125.

6. Semenchuk V. V. Problemnye voprosy uchastiya operativnyh podrazdelenij organov vnutrennih del v vyyavlenii nalogovyh prestuplenij [Problematic issues of the participation of operational units of the internal affairs bodies in identifying tax crimes]. Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement. Tyumen, 2013, no. 1 (23), pp. 67–74.

7. Evtushenko I. V. Antikonkurentnye soglasheniya: problemy gosudarstvennogo protivodejstviya [Anti-competitive agreements: problems of state opposition]. Sovremennoe parvo - Modern law. Moscow, 2013, no. 10, pp. 54–57.

8. Kinev A. YU. Administrativno-pravovaya zashchita konkurencii: problemy i puti sovershenstvovaniya : Avtoreferat dissertacii doktora yuridicheskih nauk [Administrative legal protection of competition: problems and ways of improvement : Synopsis of a thesis for the degree

of PhD in Law]. Moscow, 2014, 62 p.

9. YUsupova G. F. Problemy protivodejstviya ogranichivayushchim konkurenciyu soglasheniyam v rossijskoj antimonopol'noj politike [Problems of counteracting the restriction of agreements in the Russian antitrust policy]. Sovremennaya konkurenciya - Modern competition. Moscow, 2009, no. 2 (14), pp. 31–43.

10. Mil'skij A. S. Administrativno – pravovoe regulirovanie reklamnoj deyatel'nosti : Avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskih nauk [Administrative and legal regulation of advertising activities : Synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law]. Moscow, 2019, 28 p.

11. Govoruhin D. S. Optimizaciya deyatel'nosti podrazdelenij EBiPK MVD Rossii pri raskrytii prestuplenij, sovershaemyh v sfere zakupok pri realizacii gosudarstvennyh programm [Optimization of the activities of the ESaCC of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the disclosure of crimes committed in the field of procurement during the implementation of state programs]. Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii - Vestnik of the Voronezh Institute of the FSIN of Russia. Voronezh, 2021, no.2, pp. 149–156

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенчук Василий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса. Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова. 680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Semenchuk Vasili Vladimirovich, Candidate of economic sciences, Assistant Professor, Head of the Department of Criminal Procedure. Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov. 15 Kazarmeny lane, Khabarovsk, 680020.

Статья поступила в редакцию 28.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 28.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 1 (112). С. 276–285.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 1 (112). Pp. 276–285.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.98

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Усачева Екатерина Анатольевна[1], Усачев Сергей Игоревич[2]
[1]Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация
[2]Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
[1]malykhina_ek@mail.ru
[2]ysachef@list.ru

Введение. Данная статья посвящена исследованию возможностей судебной фоноскопической экспертизы как важного инструмента в системе доказывания. В работе рассмотрены основные задачи, решаемые в рамках фоноскопических исследований, проанализированы современные методики и технические средства, применяемые в экспертной практике. Особое внимание уделено перспективам развития фоноскопической экспертизы в контексте технологического прогресса и новых вызовов, связанных с распространением цифровых технологий.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, ведомственные приказы и распоряжения МВД России, Следственного Комитета Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации и другие. Кроме того, методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод научного познания, общенаучные методы познания и некоторые частнонаучные методы, среди которых анкетирование и интервьюирование сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России, опрос, обобщение следственной и судебной практики, литературных и интернет-источников.

Результаты исследования позволили проанализировать действующую ситуацию в части назначения и производства судебных фоноскопических экспертиз в рамках раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Проведенное исследование показало преимущества и недостатки данной экспертизы, а также позволило сформировать проблемы, которые необходимо разрешить за счет правильных действий инициаторов и совершенствования экспертной методики.

Выводы и заключения. В работе сформулированы проблемы назначения и производства судебных фоноскопических экспертиз, а также предложены действия по совершенствованию данной деятельности.

© Усачева Е. А., Усачев С. И., 2025

Ключевые слова: фоноскопия, вокалография, судебные фоноскопические экспертизы, идентификация, диагностика, диктофоны, звуковая волна, объекты исследования, технико-криминалистические средства

Для цитирования: Усачева Е. А., Усачев С. И. Теоретические и практические вопросы назначения и производства судебной фоноскопической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 276–285.

5.1.4. Criminal-legal sciences
(legal sciences)

Original article

THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF APPOINTING AND CONDUCTING FORENSIC PHONOSCOPIC EXAMINATION

Ekaterina A. Usacheva [1], Sergey I. Usachev [2]
[1]Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation
[2]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation
[1]malykhina_ek@mail.ru
[2]ysachef@list.ru

Introduction. This article is devoted to studying the possibilities of forensics phonoscopic examination as a significant tool in the evidence system. The work considers the main objectives solved within phonoscopic research, analyzes modern techniques and technical tools used in expert practice. Particular attention is given to the potential for the development ofphonoscopic analysis in light of technological advancements and newchallenges associated with digital technology.

Materials and Methods. The amaterials of the study were normative legal acts of the Russian Federation, departmental orders and instructions from the Ministry of Interior of Russia, the Investigative Committee of the Russian Ministry of Justice and others. In addition to this, the methodological foundation of the research was the general dialectical method of scientific knowledge, general scientific techniques of knowledge and some specific scientific methods, such as questionnaires, interviews with employees of forensic divisions of the Interior Ministry, surveys, generalization of investigation andjudicial practice, literature and internet sources.

The Results of the Study. allowed us to analyze the current situation regarding the appointment and conduct of forensic phonoscopical examinations in the process of solving, investigating, and preventing crimes. The study revealed the advantagesand disadvantages of this type of examination, as well as allowed us to identify problems that need to be addressed through the appropriate actions of those responsible and the improvement of the expert methodology.

Findings and Conclusions. The paper formulates the problems of the appointment and production of forensic phonoscopic examinations, and also proposes actions to improve this activity.

Keywords: phonoscopy, vocalography, forensic phonoscopic examinations, identification, diagnostics, dictaphones, sound wave, objects of study, technical and forensic tools

For citation: Usacheva E.A., Usachev S.I. Teoreticheskie i prakticheskie voprosy` naznacheniya i proizvodstva sudebnoj fonoskopicheskoj e`kspertizy` [Theoretical and practical

issues of the appointment and production of forensic phonoscopic examination]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 276–285.

Судебные фоноскопические экспертизы на протяжении нескольких десятилетий активно применяются в качестве источника доказательственной информации по различным категориям уголовных дел. Впервые официальное решение о создании нового направления экспертной деятельности (задачей которого должно было стать криминалистическое исследование звукозаписей голоса) было принято в 1969 году на Научно-техническом совете МВД СССР. С 1969 года фоноскопические экспертизы стали проводиться по расширяющемуся кругу вопросов регулярно [1, с. 181]. Ввиду недостаточного технического оснащения, а также общего уровня развития научно-технического прогресса на рассматриваемый период времени производство экспертиз осуществлялось по двум направлениям: техническое исследование магнитных фонограмм; исследование устной речи.

Значимым источником доказательств в судопроизводстве являются следы речевой деятельности в виде речевых произведений (тексты, фонограммы переговоров, сообщения, документы) [2, с. 243]. В настоящее время круг задач, решаемых фоноскопической экспертизой, достаточно широк, что оправдано развитием технико-криминалистических средств, а также устройств, на которые может быть записан голос (речь человека), звуки. В связи с этим фоноскопию следует сочетать с термином «вокалография», так как в контексте судебной фоноскопической экспертизы можно исследовать и сами фонограммы (в том числе техническую их составляющую), и аппаратуру, на которую была осуществлена запись. Таким образом, можно констатировать, что в рамках технического исследования фонограмм экспертом могут быть решены задачи по шумоочистке фонограммы в целях повышения разборчивости речи, установлению дословного содержания при низкой разборчивости речи [3, с. 199], выявлению неситуационных изменений зафиксированной на фонограмме звуковой информации и/или соотнесение содержания звуковой информации с изложенными обстоятельствами дела.

Ранее в рамках технического исследования магнитных фонограмм прежде всего осуществлялось выявление признаков монтажа. Сейчас эта задача формулируется как выявление неситуационных изменений зафиксированной на фонограмме звуковой информации и/или соотнесение содержания звуковой информации с изложенными обстоятельствами дела, что оправдано научно-техническим прогрессом. Задача выявления неситуационных изменений ставится перед экспертами в случае, когда имеются сомнения в достоверности зафиксированной на фонограмме информации. Как правило, потребность в ее решении возникает у следователя при представлении участниками уголовного процесса звукозаписей, сделанных ими в инициативном порядке или в случае поступления звукозаписей в распоряжение органов следствия (дознания) не в рамках проведения следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, целью которых являлось получение этих звукозаписей, таких, например, как получение образцов для сравнительного исследования или сбор образцов для сравнительного исследования.

Одной из наиболее значимых проблем в рамках технического исследования магнитных фонограмм следует считать технологии по использованию искусственного интеллекта. Так, в практике встречаются случаи применения искусственных голосов и программ для искажения речи. Это требует от экспертов постоянного совершенствования профессиональных навыков и разработки новых методов борьбы с новыми видами фальсификаций (дипфейков).

Дипфейки представляют собой так называемую «глубокую подделку», осуществить которую можно при помощи использования алгоритмов искусственного интеллекта (далее – ИИ), в частности методов обучения. Отличительной чертой дипфейков является их высокая степень реалистичности, позволяющая убедительно имитировать людей, события или голоса. Технология, активно распространившаяся в обществе ввиду ее использования в развлекательных целях, достаточно быстро нашла применение в дезинформации, политической манипуляции и других областях, в связи с чем может стать серьезной угрозой как для отдельного человека, так и общества в целом. Эти технологии и алгоритмы, безусловно, стали применяться в целях осуществления преступной деятельности, ввиду чего на практике возникла необходимость исследований подобных фонограмм на предмет их реальности. Так, на сегодняшний день эксперты фактически находятся в условиях отсутствия апробированных методик по выявлению признаков измененной речи при помощи различных программ и технологий. Для криминалистического исследования речи поиск признаков применения специальных программных средств для изменения голоса является новой задачей [4, с. 24]. Изучение научной литературы, интервьюирование экспертов ЭКЦ МВД России показало, что на сегодняшний день фактически единственным исследованием можно считать работу, проделанную рядом ученых и практиков, результаты которой были рассмотрены на заседании расширенного состава Научно-практической секции ЭКЦ МВД России [4, с. 27]. Так, установлено, что в рамках инструментального исследования прослеживается сильная модуляция сигнала сгенерированного голоса и звучащей речи, растяжение сигнала во временной области и «размыкание» основной частоты в частотной области. Кроме того, при изучении восприятия речи слушающим, то есть в рамках перцептивного анализа, отмечается «роботизированность» и «металлизированный призвук» на фонограммах, содержащих измененные голос и речь.

Учитывая то, что анализ судебно-следственной практики и статистических данных показал непрерывный рост преступлений, совершаемых при помощи информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), можно констатировать, что имеется реальная потребность в формировании новых экспертных методик и совершенствовании уже существующих по исследованию голоса и речи на предмет неситуационных изменений зафиксированной на фонограмме звуковой информации относительно использования алгоритмов ИИ и различных технологий и программ. При этом вполне оправданно внедрить в экспертные методики использование возможностей ИИ для непосредственного производства фоноскопических экспертиз. Данная технология может позволить автоматизировать некоторые процессы и повысить точность анализа акустических сигналов, включая выявление индивидуальных характеристик голоса, распознавание эмоций и обнаружение подмены голоса, тем самым будет оптимизирован процесс экспертизы.

Так, статистические данные, представленные на официальном сайте ГИАЦ МВД России, указывают на то, что в 2023 году каждое третье преступление совершено с использованием ИКТ. В этой сфере зарегистрировано на 29,7 % больше уголовно наказуемых деяний, чем в январе–декабре прошлого года[1]. При этом общее число указанных преступлений за 10 месяцев 2024 года уже возросло на 14,6 % по сравнению с 10 месяцами прошлого года[2].

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751 (дата обращения: 12.01.2025).

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – октябрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/57279296/ (дата обращения: 12.01.2025).

Отдельной статистики, указывающей, насколько часто дипфейки и подобные подделки звуко- и видеозаписи используются в противоправных целях, не ведется, однако это предполагает возможность осуществления таких действий преступниками. Учитывая фактическое отсутствие апробированных экспертных методик, можно сказать, что конкретизация этих сведений в настоящее время попросту невозможна, тем не менее в рамках объективного и всестороннего раскрытия, расследования и предупреждения преступлений органы следствия и дознания должны применять все возможные приемы и методы, установленное действующим законодательством, по сбору, анализу и интерпретации интересующей информации в рамках расследования, в том числе и в рамках назначении и проведения фоноскопических экспертиз по установлению признаков неситуационных изменений голоса и звучащей речи при помощи ИИ и подобных технологий.

Помимо совершенствования экспертной методики в рамках проведения фоноскопии, отдельно следует акцентировать внимание на том, что в разных ведомствах используется несколько отличный друг от друга перечень родов и видов судебных экспертиз [5, с. 210]. В этом заключены определенные сложности, так как, во-первых, инициатору, назначающему экспертизу, всегда следует сверять наименование экспертизы с установленным в соответствующем ведомстве перечнем, во-вторых, из-за разницы в родах и видах неминуемо возникают различие в методиках проведения этих исследований экспертом, что в свою очередь отражается и на перечне вопросов, которые может разрешить эксперт в рамках проводимого исследования, а также это влияет и на перечень объектов, по которым возможно провести исследование. В данном аспекте, безусловно, мы солидарны с мнением заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Е. Р. Россинской, отметившей значимость унификации судебных экспертиз [6, с. 149].

Назначение и проведение фоноскопической экспертизы регулируется следующими нормативными правовыми актами:

1. Приказ МВД России от 29 июня 2005 года № 511 (далее – приказ МВД России)[3], содержащий перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации. В соответствии с Приказом МВД России может быть назначена и проведена фоноскопическая экспертиза, разделяющаяся на следующие виды – идентификация лиц по фонограммам речи и техническое исследование фонограмм.

2. Приказ СК России от 24 июля 2020 года № 77 (далее – Приказ СК России)[4]. Согласно Приказу СК России назначаются фоноскопическая экспертиза по специальностям,

[3] Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») : приказ МВД России от 29 июня 2005 года № 511 : ред. от 12 ноября 2024 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_55315/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 12.01.2025). Режим доступа : для авториз. пользователей.

[4] Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз»: приказ СК России от 24 июля 2020 года № 77 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_359829/ (дата обращения: 12.01.2025). Режим доступа : для авториз. пользователей.

идентификация лиц по фонограммам речи на русском языке и техническое исследование фонограмм и средств звукозаписи.

3. Приказ Минюста России от 20 апреля 2023 года № 72 (далее – Приказ Минюста России)[5]. На основании Приказа Минюста России можно назначить экспертизу по исследованию голоса и звучащей речи, включающую в себя такие виды, как: исследование звуковой среды, условий, средств, материалов и следов звукозаписей и исследование видеоизображений, условий, средств, материалов и следов видеозаписей.

Помимо сложностей в установлении «истинности» исследуемой речи и голоса в рамках фоноскопических экспертиз и существенных различий их родов и видов относительно ведомств, стоит еще акцентировать внимание на возможности экспертных подразделений исследовать звукозаписи, полученные при осуществлении переговоров [7, с. 96] в различных мессенджерах, которые обладают функцией записи голосовых сообщений. На сегодняшний день это достаточно популярная форма коммуникации между людьми, позволяющая отправлять и получать аудиозаписи вместо текстовых сообщений. Данный цифровой аналог устной речи дает возможность передавать информацию, эмоции и интонации фактически так же, как и при общении вживую или посредством сотовой связи в рамках телефонного разговора.

Проведенные группой экспертов исследования показали, что существует реальная возможность в рамках фоноскопических экспертиз анализировать полученные органами следствия (дознания) в ходе расследования уголовного дела или в некоторых случаях при рассмотрении материалов проверки сообщений о преступлении голосовые сообщения, записанные на носитель и признанные в качестве вещественных доказательств. Более того, установлено, что голосовые сообщения по качеству звуковой волны и иных характеристик фактически идентичны записям, полученным при помощи технико-криминалистических средств, находящихся в распоряжении правоохранительных органов, в частности специализированного диктофона «Гном». Именно это устройство используется органами дознания для проведения целого комплекса оперативно-розыскных мероприятий ввиду большого количества необходимых для негласной работы свойств, среди которых можно выделить возможность получения звукозаписи в формате WAV (несжатое аудио) для обеспечения высокого качества звука, возможность записи с высоким качеством, длительную автономную работу устройства, сверхчувствительные микрофоны и т. д.[6]

Однако далеко не всегда значимую для расследования информацию можно получить в рамках ОРМ. При том, что достаточно часто на практике в рамках проведения следственных действий и ОРМ, не направленных на запись голоса и речи, появляется возможность изъятия различных электронных носителей – смартфонов, планшетов, нетбуков и т. д., на которые установлены мессенджеры, содержащие переписки, в том числе и голосовые сообщения.

---

[5] Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста России от 20 апреля 2023 года № 72 : ред. от 31 января 2024 года. КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445502/ (дата обращения: 12.01.2025). Режим доступа : для авториз. пользователей.

[6] П. 1.1.11 Диктофон миниатюрный цифровой стереофонический «ГНОМ-Р II» STC-H661 Руководство по эксплуатации ЦВАУ.467669.043РЭ // speechpro.ru : сайт. URL: https://www.speechpro.ru/upload/productspecificationdocument/file/Gnome_P2.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

В настоящее время существует достаточно широкий перечень таких приложений и программ, предназначенных для обмена сообщениями в режиме реального времени через Интернет, среди которых можно выделить Telegram, Facebook Messenger, Viber, WeChat, Signal, WhatsApp и т. д.[7]

С целью эффективного исследования и получения объективного заключения эксперта при направлении голосовых сообщений на фоноскопическую экспертизу следует соблюдать ряд требований: указывать на тот факт, какие именно голосовые сообщения были предоставлены (в рамках одного диалогового коммуникативного события или фрагменты разных), предоставлять записи на цифровом носителе однократной записи, указывать информацию о конкретном мессенджере с фиксацией дословного содержания сообщений, а также предоставлять иные материалы, относимые к одному коммуникативному диалоговому общению, чтобы был понятен контекст разговора и соблюдались условия достаточности и полноты материалов. В настоящее время такие рекомендации были распространены исполнителям экспертиз в формате информационных писем по линии ЭКЦ МВД России, однако, ввиду увеличения количества таких экспертиз, эти и иные рекомендации должны стать частью экспертной методики по проведению судебных фоноскопических экспертиз.

Исследование голоса и звучащей речи, а также фонограмм, на которые была осуществлена запись, далеко не всегда можно анализировать с помощью фоноскопической экспертизы. В зависимости от обстоятельств уголовного дела, а также от тех задач, которые поставлены перед органом расследования, может возникнуть необходимость назначения иных экспертиз: лингвистической, компьютерной, видеотехнической. К наиболее информативным следует отнести комплексные экспертизы.

Востребованность специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений в последние годы растет чрезвычайно быстрыми темпами [8, с. 884]. Безусловно, использование результатов фоноскопической экспертизы в качестве доказательств по уголовным делам может качественно и количественно расширить доказательственную базу [9, с. 44]. В этой связи проведенный анализ подтверждает высокий потенциал производства судебных фоноскопических экспертиз, а также прогнозирует увеличение количества их назначений, что оправдано высоким ростом совершения преступлений в сфере информационных технологий, а также ввиду распространения различных технологий и программ на основе ИИ. Кроме того, поиск и обнаружение информации в формате голоса и звучащей речи все чаще становится частью вещественных доказательств, находящихся в распоряжении органов следствия и дознания, а значит, возникает необходимость использования всего экспертного потенциала для получения достаточного количества доказательств, которые могут быть получены в рамках проведения экспертиз и исследований.

В связи с изложенным можно с уверенностью констатировать, что судебная фоноскопическая экспертиза является важным инструментом в системе доказывания, предоставляя возможность установить подлинность аудиозаписей, идентифицировать говорящих и проанализировать содержание речевой информации. Современные технологии и методы позволяют экспертам проводить высокоточные исследования, однако развитие технологий требует постоянного совершенствования экспертной практики и разработки новых подходов к решению возникающих задач.

[7] Мессенджеры запрещены в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галяшина Е. И. Об истории судебной фоноскопической экспертизы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3 (3). С. 181–195.

2. Судебная экспертиза в цивилистических процессах : научно-практическое пособие / под ред. д. ю. н., проф. Е. Р. Россинской. М. : «Проспект», 2018, 466 с.

3. Нагоева М. А., Урумов А. В. Использование данных фоноскопии в правоприменительной практике // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 26 ноября 2020 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 197–201.

4. Громова А. В., Ошкуков С. С., Серебряков И. А., Ремизова Н. В., Рысев И. А., Шипулин Р. Л. Выявление признаков применения специальных программных средств для изменения голоса : научный доклад. М. : ЭКЦ МВД России, 2023. 48 с.

5. Озеров Е. А., Шипшин С. С. Стандартизация как средство повышения доказательственного значения судебной экспертизы // Межвузовский криминалистический форум : сб. по мат-лам форума в рамках науч. проекта (г. Ростов-на-Дону, 28–29 ноября 2019 г.). Ростов н/Д. : Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2019. С. 209–215.

6. Россинская Е. Р. Теоретические и организационнотехнологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 146–154.

7. Васюков В. Ф., Ушаков А. Ю. Интерференция результатов судебных диагностических экспертиз на квалификацию и расследование преступлений против собственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 95–99.

8. Лантух Э. В., Ишигеев В. С., Грибунов, О. П. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 6. С. 882–890.

9. Чиненов Е. В., Симоненко Е. И. Использование результатов фоноскопической экспертизы в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (53). С. 42–46.

REFERENCES

1. Galyashina E. I. Ob istorii sudebnoj fonoskopicheskoj e`kspertizy` [About the history of forensic phonoscopic examination]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Vestnik of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2014, no. 3(3), pp. 181-195.

2. Rossinskaya E. R. (by ed.) Sudebnaya e`kspertiza v czivilisticheskikh proczessakh nauchno-prakticheskoe posobie [Forensic examination in civil proceedings]. Moscow, 2018, 466 p.

3. Nagoeva M. A., Urumov A. V. [Forensic science - a science without borders: traditions and innovations] Kriminalistika - nauka bez granicz: tradiczii i novaczii [Forensic science – a science without borders: traditions and innovations: materials of the All-Russian scientific and practical conf.]. Saint-Petersburg, 2021, pp. 197-201.

4. Gromova A. V., Oshkukov S. S., Serebryakov I. A., Remizova N. V., Ry`sev I. A., Shipulin R. L. Vy`yavlenie priznakov primeneniya speczial`ny`kh programmny`kh sredstv dlya izmeneniya golosa [Identifying signs of using special software to change the voice]: Moscow, 2023, 48 p.

5. Ozerov E. A., Shipshin S. S. [Standardization as a means of increasing the evidentiary value of forensic examination]. Mezhvuzovskij kriminalisticheskij forum : Sbornik po materialam foruma v ramkakh nauchnogo proekta, Rostov-na-Donu, 28–29 noyabrya 2019 goda [Interuniversity Forensic Forum

: A collection of materials from the forum within the framework of a scientific project]. Rostov-on-don, 2019, pp. 209-215.

6. Rossinskaya E. R. Teoreticheskie i organizaczionnotekhnologicheskie problemy` novy`kh rodov (vidov) sudebny`kh e`kspertiz [Theoretical and organizational-technological problems of new types (kinds) of forensic examinations]. Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava – Actual problems of Russian law. 2018, no. 3(88), pp. 146-154.

7. Vasyukov V. F., Ushakov A. Yu. Interferencziya rezul`tatov sudebny`kh diagnosticheskikh e`kspertiz na kvalifikacziyu i rassledovanie prestuplenij protiv sobstvennosti [Interference of the results of forensic diagnostic examinations on the qualification and investigation of crimes against property]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Vestnik of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 3(47), pp. 95-99.

8. Lantukh E. V., Ishigeev V. S., Gribunov O. P. Ispol`zovanie speczial`ny`kh znanij pri rassledovanii prestuplenij v sfere komp`yuternoj informaczii [Using Specialized Knowledge to Investigate Computer Crimes]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian Journal of Criminology. 2020, no. 6, pp. 882-890.

9. Chinenov E. V., Simonenko E. I. Ispol`zovanie rezul`tatov fonoskopicheskoj e`kspertizy` v kachestve dokazatel`stv po ugolovny`m delam o prestupleniyakh v sfere e`konomicheskoj deyatel`nosti [Use of the results of phonoscopic examination as evidence in criminal cases on crimes in the sphere of economic activity]. Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018, no. 3(53), pp. 42-46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усачева Екатерина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерациию. 664074, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Усачев Сергей Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Usacheva Ekaterina Anatolyevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Organization and Methods of Criminal Prosecution. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1 Shevtsov St. Irkutsk, 664074.

Usachev Sergey Igorevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontov St. Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 16.03.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 16.03.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 285–298.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no.1 (112). Pp. 285–298.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340.115.7

ВИКТИМИЗАЦИЯ: ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ

Фомина Инна Анатольевна
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, iafomina@mail.ru

Введение. Статья посвящена рассмотрению такого социально значимого явления, как виктимизация. Предпринята попытка определения содержания данного термина через призму истории развития и становления теоретических подходов к определению виктимологии как области научного знания и виктимизации – как ее части. В статье понятие «виктимизация» рассматривается как общественно опасное, негативное явление современного социума. Детально проанализированы виды виктимизации с учетом различных оснований для классификации, факторы виктимизации, а также изучены этапы данного процесса, что позволило раскрыть сущность рассматриваемого явления и определить значимость изучения для теории и практики профилактики преступной деятельности.

Материалы и методы. Материалами для проведенного исследования послужили научные труды ученых, посвященные изучению виктимологии и виктимизации как процесса и результата; детерминантов виктимизации. В ходе исследования, помимо диалектического метода познания, применялись такие частнонаучные методы, как формально-логический, структурный и статистический.

Результаты исследования позволили определить понятийный аппарат виктимизации как процесса и как результата, обозначить основные составные элементы, подлежащие обязательному учету при дальнейшей разработке данного негативного социального явления.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о неэффективности мер и мероприятий по виктимологической профилактике, а также невозможности выработки более действенных стратегий предупреждения преступности и поддержки (оказание помощи) жертв преступлений, без комплексного исследования и анализа виктимизации как процесса и как результата.

Ключевые слова: виктимизация, жертва преступления, процесс виктимизации, виды виктимизации, этапы виктимизации, повторная виктимизация, естественно-латентная виктимизация

Для цитирования: Фомина И. А. Виктимизация: процесс и результат // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 285–298.

© Фомина И. А., 2025

5.1.4. Criminal law sciences
(legal sciences)

Original article

VICTIMIZATION: PROCESS AND OUTCOME

Inna A. Fomina
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, iafomina@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the consideration of such a socially significant phenomenon as victimization. An attempt is made to define the content of this term through the prism of the history of development and formation of theoretical approaches to the definition of victimology as a field of scientific knowledge and victimization as its part. In the article victimization is considered as a socially dangerous, negative phenomenon of modern society. Types of victimization are analyzed in detail, taking into account various grounds for classification, factors of victimization, as well as the stages of this process are studied, which allowed to reveal the essence of the phenomenon in question and determine the significance of the study for the theory and practice of crime prevention.

Materials and Methods. The materials for the study were scientific works of scientists devoted to the study of victimology and victimization as a process and result; determinants of victimization. In the course of the study, in addition to the dialectical method of cognition, such private-scientific methods as formal-logical, structural and statistical were used.

The Results of the Study allowed us to define the conceptual apparatus of victimization as a process and as a result; to identify the main constituent elements to be considered in the further development of this negative social phenomenon.

Findings and Conclusions. The conducted analysis allowed to come to the conclusion about inefficiency of measures and activities on victimological prevention, as well as the impossibility of developing effective strategies for crime prevention and support (assistance) to victims of crime, without a comprehensive study and analysis of victimization as a process and as a result.

Keywords: victimization, crime victim, victimization process, types of victimization, stages of victimization, re-victimization, natural-latent victimization

For citation: Fomina I.A. Viktimizaciya: process i rezul'tat [Victimization: process and result]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 285–298.

Хотя понимание общей теории виктимологии имеет важное значение, теория виктимизации играет не менее важную роль в изучении основного предмета данной области научных знаний, так как рассматривает в своей основе процесс и опыт становления жертвы преступления, включая различные факторы: от личных качеств до более широких социальных условий, влияющих на возникновение виктимизации.

Традиционно виктимизация (виктимизирование) рассматривается как процесс становления жертвой преступления или иного негативного воздействия.

Под виктимизацией также понимается результат преднамеренных действий по причинению вреда жертве преступления или иного негативного воздействия, то есть результат действий преступника (или другого «нападающего» лица) по отношению к жертве.

С учетом существующей в теории позиции невиновности жертвы в этом процессе уместно вести речь о виктимизации через деяние (преступную деятельность), посредством которого преступление, совершенное против человека, влияет на развитие его и становление в качестве жертвы преступления.

Так как любое действие, направленное на достижение состояния, приносит свое логическое завершение, потенциальная жертва становится реальной в процессе, называемом виктимизацией (виктимизированием), где виктимизация одновременно является и результатом. Это означает, что в момент нападения на человека, независимо от исхода события, он уже автоматически приобрел статус жертвы. В данном случае само нападение является виктимизацией в концептуальном процессе, а лицо, против которого было совершено преступление, является результатом. Вот почему виктимизация, по своей сути, – процесс влияния одного события на другое: чем чаще совершается преступление (действие, деятельностная сфера), тем выше риск стать жертвой.

Виктимизация – это социальный процесс, в результате которого человек становится жертвой преступления.

Этот термин используется в виктимологии, криминологии, психологии, педагогике[1] и других науках для описания опыта жертвы, а также для анализа факторов и обстоятельств, которые могут способствовать увеличению риска стать жертвой (особенно если речь идет о повторной виктимизации).

В юриспруденции, взаимосвязь между виктимологией и виктимизацией обеспечивает большую глубину изучения преступности. При этом виктимология изучает виктимизацию в различных ее аспектах, включая причины и следствия, исследуя информацию о жертвах и важнейших факторах, способствующих их виктимизации.

Понимание взаимодействия между виктимологией и виктимизацией предполагает рассмотрение таких аспектов, как повторная виктимизация и самовиктимизация. Кроме того, понимание этого взаимодействия и его нюансов помогает в разработке эффективных стратегий предупреждения преступности и поддержки (оказание помощи) жертв преступлений.

Также это взаимодействие рисует всеобъемлющую картину преступления, выходящую за рамки самого деяния и исследующую путь жертвы до, во время и после виктимизации.

Исторически становление теории виктимизации прошло несколько периодов:

Первый период (период развития ранней виктимологии). Временной промежуток можно определить условно как период с начала формирования виктимилогии как научной теории (40-е гг.) до начала 70-х гг. XX века. Условно данный период можно назвать «истоки становления теории виктимизации». В научных работах по виктимологии данного периода такими авторами, как Г. Гентинг, Б. Мендельсон, М. Вольфган, С. Шафер, Л. В. Франк

[1] Так, согласно педагогическим теориям, виктимизация делится на шесть возрастных периодов повышенного риска: период внутриутробного развития, когда влияние оказывается через родителей и их неправильный образ жизни, дошкольный период – игнорирование родителями потребности в любви, непонимание сверстниками, младший школьный период – чрезмерная опека или, наоборот, ее отсутствие со стороны родителей, развитие различных дефектов, неприятие учителями или сверстниками, подростковый возраст – пьянство, курение, наркомания, коррупция, влияние преступных группировок, ранняя молодость (юность) – нежелательная беременность, приписывание несуществующих дефектов, алкоголизм, неудача в отношениях, травля со стороны сверстников, период молодости – бедность, алкоголизм, безработица, неудачи в отношениях, неспособность продолжить образование.

и другие, были предложены типологии жертв, основанные на диаде «преступник–жертва», и их место в преступном деянии. Общим для идей этих ранних виктимологов было то, что каждый классифицировал жертв в зависимости от степени, в которой они сами стали причиной своей виктимизации. Эти ранние теоретические размышления подтолкнули зарождающуюся область виктимологии в направлении, которое в конечном итоге привело к пересмотру определения виктимизации.

Так, Менахем Амир в 1971 году, проведя одно из первых глубоких теоретических исследований причин изнасилования [1], основываясь на деталях в протоколах об изнасилованиях полиции Филадельфии, пришел к выводу, что 19 % всех насильственных изнасилований были спровоцированы такими факторами, как употребление алкоголя обеими сторонами, соблазнительные действия жертвы и ношение жертвой откровенной одежды, которая может довести преступника до неправильного понимания поведения жертвы. Его работа подверглась критике со стороны движения жертв и феминистского движения за то, что в ней автор обвинял жертву в произошедшем.

Второй период, начиная с 70-х гг., ознаменован переключением внимания теоретиков с роли жертвы в механизме преступления на ситуационный подход, который фокусируется на объяснении и проверке того, как образ жизни и рутинные действия повседневной жизни создают возможности для виктимизации.

Используя статистические данные за 1972–1974 годы, Хинделанг, Готтфредсон и Гарофало в 1978 году выдвинули предположение, что определенные группы людей, а именно молодежь и мужчины, с большей вероятностью подвергаются криминальной виктимизации. Они считали, что демографические данные (такие как, например, возраст, пол) имеют тенденцию влиять на образ жизни человека, что, в свою очередь, увеличивает его подверженность риску личной виктимизации.

Например, согласно Хинделангу, пол человека сопряжен с определенными ролевыми ожиданиями и социальными ограничениями: именно то, как индивид реагирует на эти ролевые влияния, определяет его образ жизни. Если бы женщины проводили больше времени дома, они меньше сталкивались бы с рискованными ситуациями с участием незнакомцев и, следовательно, меньше подвергались бы виктимизации со стороны незнакомцев. На основе использования принципа гомогамии (тенденция выбирать себе партнера по близким отношениям, в значительной степени похожего на себя самого не только в части схожести взглядов, характеров, вкусов, привычек или жизненных установок и ориентиров, но и совпадений внешности и поведения), теоретиками того периода утверждалось, что образ жизни, который подвергает людей воздействию значительной доли потенциальных правонарушителей, увеличивает риск стать жертвой. Данные взгляды послужили основой для теории образа жизни.

Именно в данный период Коэн и Фелсон сформулировали теорию рутинных действий, согласно которой совпадение времени, обстановки и попадание в эти условия мотивированного преступника, подходящей цели (жертвы), и отсутствие объективных препятствий создают возможность для совершения преступлений. При этом перечисленные факторы должны быть в совокупности, отсутствие любого из них является достаточным для того, чтобы резко снизить риск преступной деятельности, если не предотвратить ее полностью. Сторонники теории рутинной деятельности не пытались объяснить участие жертвы в преступлении, а вместо этого фокусировали внимание на том, как возможности для совершения преступлений связаны с характером рутинных социальных взаимодействий, включая работу, семью и досуг. Так, если кто-то проводит время в общественных местах,

таких как бары, или находится ночью на улице, он (или она) увеличивает вероятность вступления в контакт с мотивированным преступником. При этом наличие мотивированных преступников принимается в теории как данность. Что меняется, так это наличие подходящих целей (например, имущество, оставленное без присмотра, человек, в состоянии опьянения и тому подобное) и объективных факторов, способных воспрепятствовать преступлению (например, свидетели, полиция, охранная сигнализация и другое).

Исследователи данного периода обычно использовали теории воздействия образа жизни и рутинной деятельности для проверки гипотез о том, как распорядок дня подвергает людей риску виктимизации. Эти теории применялись главным образом для изучения возможностей различных видов личных и имущественных виктимизаций, при этом авторы исследований использовали различные выборки в ходе экспериментов, которые варьируются от детей школьного возраста до студентов и взрослых представителей определенной социальной среды.

В следующий, третий период, который продлился с 90-х по 2000-е годы, продолжаются исследования в области теорий воздействия образа жизни и рутинной деятельности, что приводит к их уточнению и расширению. Мите и Мейер в 1994 году разработали интегрированную теорию виктимизации, названную теорией структурного выбора (теория жизненного пути), в которой попытались объяснить как мотивацию правонарушителя, так и возможности для виктимизации. Появляются научные исследования в рамках «преступлений без жертв», девиантного поведения жертвы преступления, возможность виктимизации, с учетом социальных ролей, осуществлением профессиональной деятельности, связанной с местом, местностью совершения преступления.

Четвертый период, который начинается с 2000-х годов и длится до сих пор, исследования сосредоточены на влиянии индивидуальных факторов, характеризующих жертву преступления (например, низкий самоконтроль, слабые социальные связи с семьей и школой), и ситуационных факторов риска (например, наличие сверстников-правонарушителей, большое количество неструктурированного общения) на возможность ее виктимизации.

В настоящий период времени теория виктимизации жертвы преступления включает изучение таких аспектов, как:

1) виктимизация как процесс и как результат (в том числе рассмотрение ее видов, причин, условий и факторов);

2) повторная виктимизация, которая включает в себя два посыла:

– если человек или место однажды подверглись виктимизации, у них значительно больше шансов подвергнуться виктимизации снова в будущем. Это соответствует повторному преследованию одной и той же жертвы;

– жертвы одного вида виктимизации, особенно в детстве, с большей вероятностью подвергнутся последующей виктимизации во взрослом возрасте;

3) наличие уязвимых групп населения – данный аспект фокусируется на том, что определенные группы населения могут быть более восприимчивы к виктимизации из-за социальных факторов, таких как, например, бедность, бездомность или наличие психических заболеваний.

Понимание этих аспектов помогает более подробно изучить сложный опыт тех, кто стал жертвой преступления, а также предоставляет обобщенную информацию и дает возможность сделать аналитические выводы, что в итоге будет способствовать разработке более действенных направлений стратегии виктимологичекой профилактики.

В качестве *видов виктимизации* можно выделить:

1) личную виктимизацию – имеет место, когда одна из сторон испытывает некоторый вред, который является результатом взаимодействия с нарушителем. Личная виктимизация может быть смертельной (например, убийство), несмертельной (например, побои) или сексуальной (например, изнасилование), сопряжена с применением физического насилия (например, разбой) или не связана с таковым (когда жертва подвергается, например, только психологическому/ эмоциональному насилию). Примеры личной виктимизации также включают насилие в семье, преследование, похищение людей, жестокое обращение с детьми или пожилыми людьми / надругательство / безнадзорность, пытки, торговлю людьми и нарушение прав человека;

2) имущественную виктимизацию, которая предполагает потерю или уничтожение частной или общественной собственности. Имущественная виктимизация может быть совершена против человека или против определенного места (например, места жительства), объекта (например, автомобиля) или учреждения (например, предприятия). Охватывающие преступления включают кражу со взломом, поджог, угон автомобиля, магазинную кражу и вандализм. Хищение, отмывание денег и различные компьютерные / интернет-преступления (например, хищение персональных данных, незаконное получение доступа к паролям и личным кабинетам пользователя и другое) также являются разновидностью имущественной виктимизации.

В зависимости от степени общности можно выделить такие виды виктимизации, как:

– индивидуальная виктимизация – вред причинен одному конкретному человеку;

– массовая виктимизация, которая, в свою очередь, включает: групповую, коллективную и общественную виктимизацию – совокупность людей, обладающих рядом качеств, которые определяют их уязвимость к преступным деяниям. При этом каждый отдельный человек внутри коллектива действует как его представитель – элемент этой системы. Также здесь можно выделить объектно-ориентированную и субъектно-ориентированную виктимизации, когда речь идет о социальном явлении – в совокупности, как о жертвах преступлений, так и об их действиях, наносящих вред определенной совокупности субъектов при определенности времени и места, а также при наличии качественных и количественных характеристик.

В зависимости от степени общественного одобрения как самой преступности, так и предрасположенности субъекта к ней, различают следующие виды этого процесса:

1) первичная – причинение вреда конкретному лицу в момент совершения преступления. Не имеет значения, был ли это моральный, материальный или физический ущерб;

2) вторичная виктимизация – когда вред причиняется опосредованно, например, при краже имущества у одного человека страдают все члены его семьи. Вторичная виктимизация может быть связана с постпреступным осуждением жертвы: например, когда потерпевшего обвиняют в том, что он сам спровоцировал нападение своим внешним видом или когда происходит оскорбление жертвы только потому, что она подверглась нападению, и другие действия, направленных на десоциализацию жертвы;

3) третичная – то воздействие на жертву со стороны правоохранительных органов или средств массовой информации в их собственных целях;

4) иногда встречаются также и четвертичные, под которыми подразумевается явление геноцида.

Когда речь идет о виктимизации как о процессе, необходимо рассматривать совокупность элементов, характеризующих этот процесс и приводящих к виктимизации как результату. В качестве элементов речь идет о факторах виктимизации и поведении жертвы преступления до/ в моменте/ после.

Следует понимать, что виктимизация возникает не из-за какого-то одного изолированного фактора. Напротив, это результат сложного взаимодействия многочисленных аспектов. Хотя крайне важно понимать, что преступник несет полную ответственность за преступление, анализ этих факторов может помочь разработать более эффективные превентивные меры и улучшить системы поддержки жертв, их реабилитацию.

Факторы виктимизации – это условия и обстоятельства, которые увеличивают вероятность того, что человек станет жертвой преступления или правонарушения. Эти факторы можно разделить на несколько основных категорий.

Первая категория: факторы личного (индивидуального) характера, такие как:

– пол (так, согласно статистическим данным, женщины чаще становятся жертвами сексуальных насильственных преступлений, а мужчины чаще подвергаются физическому нападению (причинение вреда здоровью различной степени тяжести);

– возраст (несовершеннолетние, пожилые люди более уязвимы перед некоторыми видами преступлений (например, мошенничество) ввиду их психофизиологических особенностей, связанных с возрастом);

– психологическое состояние (люди с психическими расстройствами или, например, повышенной тревожностью могут привлекать агрессивно настроенных лиц);

– социальный статус (так, более богатые всегда будут вызывать негативное настроение у более бедных).

Вторая категория: социальные факторы, к которым можно отнести:

– уровень образования (в том числе правовая грамотность), который может влиять на усвоение социально одобряемого поведения и знание правил безопасности;

– уровень социальной интеграции в общество (так, люди, находящиеся в социальной изоляции (добровольно или принудительно), без поддержки семьи, друзей, всегда более уязвимы);

– образ жизни (так, злоупотребление спиртосодержащей или алкогольной продукцией, ведение беспорядочной половой жизни и другое увеличивают вероятность виктимизации).

Третья категория: ситуационные факторы (или факторы обстоятельств и обстановки), к которым можно отнести:

– время и место (так, определенные места – неосвещенный переулок, криминогенный район, или, например, ночное время являются более «выгодными» для совершения противоправных действий);

– социальные связи (например, нахождение в нетрезвой компании);

– физическая или материальная уязвимость (демонстрация ценностей, легкие для вскрытия запирающие механизмы, оставление без присмотра и другое).

Четвертая категория: факторы поведения, такие как рискованное поведение (провоцирующее или безрассудное) или недостаточная осторожность, осмотрительность (например, пренебрежение правилами безопасности).

Пятая категория: общественно-культурные факторы. Так, наличие в обществе стереотипов и установок увеличивает риск виктимизации (например, это общество, где насилие поощряется (воспитание детей с помощью ремня), оправдывается (она меня спровоцировала) или игнорируется

(«сама виновата!»). Здесь же можно говорить и о недостаточной развитости правовой системы или слабой работе правоохранительных органов.

Каждый из этих факторов может действовать как самостоятельно, так и в сочетании с другими, создавая сложные ситуации, в которых вероятность стать жертвой преступления увеличивается. Понимание этих факторов важно для разработки эффективных стратегий профилактики виктимизации.

По сути, коренные причины виктимизации многогранны и сложны, что требует тщательного изучения для всестороннего понимания данного явления.

В числе виктимологических факторов, формирующих личность жертвы преступления, А. А. Глухова выделяет [2, с. 65–66] следующие из них:

– факторы биологического характера, к которым мы можем отнести пол, возраст, уровень физического развития, различные соматические состояния, слух, зрение, повреждение конечностей (их отсутствие), скорость реакции и тому подобное;

– факторы социального характера – здесь речь идет как о поведении лица в социуме, так и занимаемой им должности, его профессии, служебных и общественных обязанностях, позиционировании;

– факторы нравственно-психологического характера, которые целесообразно делить на две группы: внутренние (самооценка, характер, жизненная позиция, оптимизм, моральные ценности и установки, принципы, взгляды и др.) и внешние (социально-экономические (например, финансовая привлекательность жертвы), жизненные ситуации и события, групповые факторы, традиции общества, культура и др.);

– факторы социально-психологического характера, которые отвечают за моральный уровень общества и индивида по отношению к обществу, его взглядам, традициям, устоям; совокупность интересов, взаимоотношения и взаимодействия членов общества и тому подобное.

Важно отметить, что теория виктимизации не оправдывает и не обвиняет жертв в их виктимизации. Скорее, она подчеркивает сложные взаимодействия между жертвами и правонарушителями и признает, что поведение жертвы может влиять на динамику криминального столкновения. Однако крайне важно подходить к этой теории с осторожностью, поскольку она потенциально может быть неверно истолкована для перекладывания вины на жертв, особенно в случаях, связанных с деликатными вопросами, такими как сексуализированное насилие или домашнее насилие.

Вторая составляющая процесса виктимизации – *поведение жертвы преступления*.

Поведение жертвы преступления может быть значительным фактором виктимизации, влияющим на вероятность того, что человек станет жертвой. Это не означает, что жертва виновата в преступлении, но определенные действия или бездействие могут повысить риск быть избранным преступником.

Важно помнить, что поведение жертвы, как и поведение преступника, сложным образом детерминировано социально и психологически. В сознании жертвы и преступника отражаются одни и те же условия природной и социальной среды.

Ниже приведены ключевые аспекты поведения, которые могут способствовать виктимизации:

1. Рискованное или провокационное поведение.

– неосторожное обращение с личными данными: например, публикация личной информации в социальных сетях может привлечь внимание мошенников или сталкеров;

– участие в опасных ситуациях: посещение небезопасных районов, участие в конфликтах или агрессивных действиях может спровоцировать преступление;

– злоупотребление алкоголем или наркотиками: под воздействием психоактивных веществ человек становится менее внимательным и способен совершать действия, которые увеличивают риск стать жертвой преступления.

2. Привлечение внимания.

– показное поведение: демонстрация дорогих вещей, крупных сумм денег или иных ценных предметов на публике может привлечь внимание грабителей;

– излишняя доверчивость: проявление чрезмерного доверия к незнакомцам или слабое критическое восприятие информации может сделать человека уязвимым перед мошенниками.

3. Недостаточная осторожность.

– игнорирование мер безопасности: например, оставление дверей незапертыми, отсутствие использования ремней безопасности в транспорте или пренебрежение рекомендациями по защите от киберугроз;

– неосмотрительность в отношении окружения: отсутствие внимания к окружающим, особенно в потенциально опасных местах, может сделать человека легкой мишенью для преступника.

4. Поведение, связанное с зависимостью от других.

– ыизическая или эмоциональная зависимость: люди, которые полностью зависят от других в физическом или эмоциональном плане, могут быть более уязвимы перед злоупотреблениями и насилием;

– отсутствие сопротивления: в некоторых случаях жертвы не проявляют сопротивления агрессору из-за страха или слабости, что облегчает преступное действие.

5. Социальные и коммуникативные аспекты.

– изоляция: люди, находящиеся в социальной изоляции, более уязвимы перед преступлениями, так как у них меньше поддержки и меньше шансов на получение помощи;

– коммуникация с агрессивными или криминальными элементами: общение с лицами, склонными к преступной деятельности, увеличивает риск стать жертвой.

6. Культурные и социальные стереотипы.

– стереотипы и роли: некоторые культурные нормы и стереотипы могут поощрять определенные виды поведения, которые увеличивают риск виктимизации (например, стереотип о женской покорности в обществе с высоким уровнем насилия против женщин).

Важно отметить, что хотя поведение жертвы может увеличить риск виктимизации, ответственность за преступление всегда лежит на преступнике.

В этой связи основанные на данном посыле меры и мероприятия по виктимологической профилактике должны включать в себя как изменение поведения потенциальных жертв, так и улучшение мер безопасности и повышение осведомленности их о возможных угрозах. Так, согласно исследованию, проведенному О. В. Ивушкиной и А. Л. Репецкой в рамках изучения вопросов виктимологической характеристики краж грузов на железнодорожном транспорте, «анализ факторов, способствующих виктимизации, свидетельствует о том, что нередко условия для совершения краж создает сам потерпевший своим неосмотрительным поведением» [3, с. 48].

В литературе также можно встретить деление поведения жертвы на:

1) провокационное, которое может быть:

а) положительным (деятельность, связанная с разными факторами: активная жизненная позиция, профессиональная деятельность, служебный долг, общественная позиция и другое, которые провоцируют преступника);

б) отрицательным (как противоправное, аморальное или любое другое девиантное поведение жертвы, так и просто беспечность, неосмотрительность, невнимательность и тому подобное).

2) нейтральное, когда жертва не «провоцирует» преступника (здесь можно выделить условно положительное поведение – когда жертва проявляет осмотрительность, соблюдает правила безопасности и т. п).

Ю. Д. Блувштейн и В. В. Романов предлагали использовать термины социально одобряемое (общественно полезное) и социально неодобряемое (отрицательное) поведение потерпевшего [4, с. 272].

Отдельно следует сказать о *провокационном поведении жертвы* преступления. В. С. Минская, рассматривая механизм виктимного поведения, обратила внимание на тот факт, что в большинстве преступлений насильственного характера поведение самой жертвы спровоцировало преступное деяние. В ходе ее исследования убийств и нанесения тяжких телесных повреждений было обнаружено, что в большинстве случаев (95 %) непосредственно перед инцидентом между жертвой и преступником происходил конфликт [5, с. 12].

В. Я. Рыбальская напрямую отождествляла допреступные действия с конфликтом, развивающимся по спирали. «Преступлениям, как правило, предшествует последовательность циклов взаимодействия, состоящих из взаимных стимулов и реакций преступника и потерпевших. Провоцирующим фактором для совершения преступления могут являться особенности нравственно-психологического облика, а также поведения будущих жертв, такие как, например, агрессивность, деспотизм в отношении близких; неуживчивость; склонность к употреблению алкоголя; половая распущенность; неразборчивость в выборе знакомых, в частности вследствие склонности к веселому времяпрепровождению при неоправданной обстоятельствами доверчивости, и др.» [6, с. 34].

Следует отметить, что понятие «провокационное поведение» в виктимологии более широкое, чем в других науках уголовно-правового цикла, так как не имеет четких рамок, характеризующих такое поведение. Дело в том, что характеристика поведения как провокационного здесь зависит от восприятия поведения преступником – является ли оно провокационным для преступника. «Преступное деяние, являясь индивидуальным поведением человека, включает в себя, прежде всего, биологическую, психологическую и физическую характеристики лица, которое его совершило. Станет ли человек преступником, зависит от сочетания его социально-психических свойств и общественных факторов, которые на него воздействуют. Поэтому сущность личности преступника определяется, прежде всего, его сознанием, которое и регулирует его поступки» [7], соответственно, и оценка поведения как провокационного будет зависеть от указанных обстоятельств.

Провокационное поведение жертвы преступления – это действия или манера поведения, которые могут восприниматься как вызывающие агрессию или создающие конфликтную ситуацию. Это не означает, что жертва виновата в преступлении, но такие действия могут повысить вероятность того, что агрессор выберет ее своей целью.

Примеры провокационного поведения: оскорбления и унижения (вербальная агрессия, насмешки, уничижительные высказывания могут спровоцировать ответное насилие), проявление агрессивного или вызывающего поведения (например, провокации в общественных местах, участие в конфликтах или агрессивные действия), игнорирование общественных норм (публичное нарушение норм, например, чрезмерный шум, хамское поведение, может вызвать негативную реакцию других людей). Психологически преступник

может интерпретировать такое поведение как вызов или оправдание для своих действий, что, однако, не снимает с него ответственности за преступление.

Провокация может быть активной и пассивной, осознанной и бессознательной, устойчивой и случайной. Широкая интерпретация этого понятия обоснованна прежде всего с точки зрения профилактики, так как во многих случаях жертва с таким поведением могла бы избежать угрозы смерти, телесного повреждения и т. п., если бы изменила свое поведение.

Процесс виктимизации можно разделить на несколько этапов, каждый из которых характеризуется определенными изменениями в состоянии жертвы и взаимодействии с преступником или правонарушителем. Основные этапы виктимизации включают:

1. Предвиктимизация: этот этап охватывает обстоятельства, которые предшествуют преступлению и делают человека потенциальной жертвой. Сюда входят социальные, поведенческие и личные факторы, которые увеличивают риск виктимизации (например, нахождение в опасной среде, определенное поведение или уязвимые черты характера).

2. Первичная виктимизация: на этом этапе происходит сам акт преступления или правонарушения, когда человек непосредственно становится жертвой. Этот момент связан с причинением физического, морального или материального вреда.

3. Вторичная виктимизация: этот этап связан с реакцией общества, близкого окружения или правоохранительных органов на факт преступления. Вторичная виктимизация может проявляться через осуждение жертвы, неадекватное отношение со стороны полиции, суда или даже собственных родственников, что усугубляет психологическую травму. Примерами вторичной виктимизации является обвинение жертвы в совершенном в отношении нее деянии, неуместные поведение или высказывания при осмотре со стороны медицинских работников или других специалистов, к которым обращается жертва, а также иные действия, усугубляющие ее страдания. Вторичной виктимизации могут подвергаться жертвы также со стороны сотрудников правоохранительных органов.

4. Третичная виктимизация: это более глубокий этап, где общество или государство могут наносить жертве дополнительный вред через правовые или социальные институты. Например, недостаточная защита прав жертв преступлений, стигматизация или бюрократические барьеры, усложняющие восстановление справедливости. Теряя время и материальные ресурсы на бюрократические процедуры, жертвы часто подвергаются игнорированию, не получают полноценного доступа к информации о своем деле – в результате их дезориентация и отчаяние могут приводить к апатии и отказу от участия в судопроизводстве, неверию в правосудие и достижение социальной справедливости.

Эти этапы иллюстрируют комплексность процесса виктимизации и демонстрируют, что страдания жертвы могут выходить далеко за рамки самого преступления, охватывая социальные и психологические аспекты жизни человека.

Необходимо отметить, что понятие «виктимизация» связано с причинением вреда жертве. Виктимизация включает физический, сексуальный, психологический и финансовый вред, причиняемый лично, косвенно или посредствам сети Интернет – все это сопутствующие последствия виктимизации. Виктимизация оказывает долгосрочное воздействие на жизнь жертвы. Жертвы различных преступлений могут прибегать к социальному уединению из-за страха повторно стать жертвами преступлений. В некоторых случаях жертвы преступления могут начать совершать преступления в качестве способа мести, что создает порочный круг беззакония. Кроме того, поскольку многим жертвам приходится проходить через процесс уголовного правосудия, важный аспект опыта виктимизации связан с участием жертвы в

уголовном судопроизводстве и встречами с представителями власти, включая полицию, прокуратуру, судей и сотрудников службы судебных приставов.

Отдельно хотелось бы сказать о таком явлении, как *естественно-латентная виктимизация* – это термин, используемый в виктимологии для описания скрытой, неявной формы виктимизации, которая возникает в результате естественных процессов и особенностей человека или социальной среды. Эта форма виктимизации может не быть связана с явным насилием или преступлением, но все же приводит к ситуации, в которой человек оказывается в уязвимом положении и может подвергаться различным видам вреда или несправедливости.

Ключевые аспекты естественно-латентной виктимизации:

1. Природные и биологические факторы. Некоторые люди могут оказаться в положении потенциальных жертв из-за своих природных или биологических особенностей. Например, дети, пожилые люди или лица с ограниченными возможностями могут быть естественно более уязвимы перед угрозами.

2. Социальные и культурные факторы. Культурные нормы и стереотипы также могут способствовать естественно-латентной виктимизации. Например, в некоторых обществах женщины или представители меньшинств могут быть в уязвимом положении из-за устоявшихся патриархальных или дискриминационных норм.

3. Экономические и экологические условия. Люди, живущие в бедных районах или неблагоприятных экологических условиях, могут подвергаться латентной виктимизации из-за отсутствия ресурсов, инфраструктуры или защитных мер, у них может быть ограничен доступ к правосудию или социальной поддержке.

4. Латентность как характеристика. Латентность означает скрытность. В этом контексте виктимизация не всегда очевидна и может проявляться в виде системного неравенства, отсутствия доступа к ресурсам, игнорирования потребностей или нарушений прав, которые остаются незамеченными или непризнанными.

Таким образом, естественно-латентная виктимизация – это сложный и многогранный феномен, который требует тщательного анализа и понимания для разработки эффективных мер профилактики и защиты уязвимых групп населения.

Виктимизация и ее степень определяются при наличии совокупных данных о количестве всех жертв. Это не зависит от тяжести преступления, его исхода и других факторов, спровоцировавших данный инцидент. «Дать общую характеристику состояния виктимизации в мире практически невозможно. Методики исследования виктимизации в мире из-за различий в системах статистического учета, различий в оценке преступлений и их последствий и элементарных различий уголовного законодательства в настоящее время не позволяют получить достоверных данных. Уровни виктимизации отражают не только опыт общения жертв с правонарушителями, но и виктимные перцепции населения, их ощущения личной и социальной безопасности, изменения в социальной политике, установках средств массовой информации, общественном настроении в целом» [8]. Следует подчеркнуть, что в настоящее время в целях виктимологического анализа преступности и ее соотношения с различными видами отклоняющегося поведения чаще всего используется понятие первичная виктимизация. Анализ вторичной, третичной и четвертичной виктимизации изредка используют специалисты по организации обращения с жертвами преступлений и по виктимологической профилактике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Menachem A. Patterns in forcible rape. Chicago : University of Chicago Press, 2001. 394 p. URL: https://archive.org/details/patternsinforcib0000unse/page/n7/mode/2up (дата обращения: 12.10.2024). Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

2. Глухова А. А. Виктимологические факторы преступности : дис. …канд. юрид. наук, Н. Новгород, 1999. 223 с.

3. Ивушкина О. В., Репецкая А. Л. Виктимологическая характеристика краж грузов, перевозимых подвижным составом железнодорожного транспорта, и их предупреждение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. С. 42-54.

4. Блувштейн Ю. Д., Зырин М. И., Романов В. В. Профилактика преступлений : учеб. пособие. Минск : Университетское, 1986. 287 с.

5. Минская В. С. Поведение потерпевшего в генезисе преступлений против личности (криминологическое и уголовноправовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 29 с.

6. Рыбальская В. Я. Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук: Иркутск, 1984. 484 с.

7. Черепахин В. А. Провоцирующее поведение потерпевшего и его отличие от провокации преступления // Russian Journal of Economics and Law. 2015. № 1 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/provotsiruyuschee-povedenie-poterpevshego-i-ego-otlichie-ot-provokatsii-prestupleniya (дата обращения: 16.10.2024).

8. Милевич А. С. Факторы виктимизации предпринимателей малого бизнеса (вопросы теории и результаты исследования). 2016. URL: https://monographies.ru/en/book/view?id=642 (дата обращения: 16.10.2024).

REFERENCES

1. Menachem A. Patterns in forcible rape. Chicago : University of Chicago Press, 2001. 394 p. URL: https://archive.org/details/patternsinforcib0000unse/page/n7/mode/2up (data obrashcheniya: 12.10.2024). Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej.

2. Gluhova A.A. Viktimologicheskie faktory prestupnosti : dis. …kand. jurid. nauk [Victimological factors of crime]. N. Novgorod. 1999, 223 p.

3. Ivushkina O. V., Repeckaya A. L. Viktimologicheskaya harakteristika krazh gruzov, perevozimyh podvizhnym sostavom zheleznodorozhnogo transporta, i ih preduprezhdenie [Victimological characteristics of thefts of goods transported by railway rolling stock and their prevention]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, pp. 42-54.

4. Bluvshtejn YU. D. Profilaktika prestuplenij [Crime prevention]. Minsk, 1986, 287 p.

5. Minskaya B. C. Povedenie poterpevshego v genezise prestuplenij protiv lichnosti (kriminologicheskoe i ugolovnopravovoe issledovanie): Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Behavior of the victim in the genesis of crimes against the person (criminological and criminal legal research)]. Moscow, 1972, 29 p.

6. Rybal'skaya V. Ya. Viktimologicheskie problemy prestupnosti nesovershennoletnih dissertaciya ... doktora yuridicheskih nauk: 12.00.08. [Victimological problems of juvenile delinquency]. Irkutsk, 1984, 484 p.

7. Cherepahin V. A. Provociruyushchee povedenie poterpevshego i ego otlichie ot provokacii prestupleniya [Provoking behavior of the victim and its difference from provocation of a crime].

Russian Journal of Economics and Law. 2015, no 1 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/provotsiruyuschee-povedenie-poterpevshego-i-ego-otlichie-ot-provokatsii-prestupleniya (date of request 16.10.2024).

8. Milevich A. S. Faktory viktimizacii predprinimatelej malogo biznesa (voprosy teorii i rezul'taty issledovaniya) [Factors of victimization of small business entrepreneurs (theory issues and research results)]. 2016. URL: https://monographies.ru/en/book/view?id=642 (date of request 16.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фомина Инна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fomina Inna Anatolievna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of criminal law and criminology. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллеги осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – пять страниц печатного текста (не включая аннотацию и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – пятнадцать страниц печатного текста (не включая аннотацию и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: PT Astra Serif.

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не** представлять как сканированное изображение.

В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке источников. Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список источников». Внутритекстовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор *(например, [2, с. 46])*. Список источников оформляется в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.5–2008** (обязательно ***с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц***). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.7–2021**. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (***нумерация сквозная***).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученое звание, ученую степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается

электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

Порядок направления рукописей и издания журнала

Для опубликования в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, согласие на обработку персональных данных, а также подписанный автором лицензионный договор.

Документы представляются в редакцию журнала в электронном виде (через личный кабинет на сайте журнала **https://vestnikesiirk.ru.**

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта https://vestnikesiirk.ru.

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 1 (112) 2025

Редакторы: С. В. Капранова, И. Л. Рязанцева
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110